Ю. КОРБЕТТ

ОПЕРАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ФЛОТА В МИРОВУЮ ВОЙНУ

ТОМ II

ЛЕНИНГРАД, 1928

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ю. Корбетт

ОПЕРАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ФЛОТА В МИРОВУЮ ВОЙНУ

ТОМ II

Sir Julian S. Corbett. History of The Great War. Naval Operations. London 1921

Перевод **М. Л. Бертенсона**

С предисловием **М. А. Петрова**

Управление Военно-Морских Сил РККА
ЛЕНИНГРАД
1928

Ленинградский Областлит № 8874—24½ л. 1000 экз. Зак. № 1330.

Типография Гидрогр. Управл. Управл. В.-М. С. РККА. Гл. Адмиралтейство.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Перевод на русский язык II-го тома сочинения Корбетта „Naval Operations“ является следующим шагом по пути ознакомления нашего читателя с официозной историей боевых действий английского флота в мировую войну[1]).

Этот том охватывает период войны с ноября 1914 г.— приблизительно по май 1915 г., когда воюющие стороны, разрядив в первых боевых столкновениях свой импульс в духе первоначальных планов, стали перед новой обстановкой, сложившейся в результате этих столкновений.

Обстановка конца 1914 года уже далеко не отвечала предположениям о быстром окончании войны, которые имели место в ее начале и которые лежали в основе предвоенных планов развертывания. Наоборот, начал вырисовываться, и в дальнейшем крепнуть—*затяжной* характер кампании. Война „на сокрушение“, постепенно, по мере стабилизации позиционных форм борьбы на фронте во Франции и выяснившихся особенностей операций на русском фронте— перерождалась в „войну на измор“. Это перерождение характера войны типично для охваченного настоящим томом периода кампании. Именно за период с конца 1914 по лето 1915 года идея „измора“ получает значение главного, доминирующего момента в общем течении военных событий.

Правда, как в это время, так и до конца войны, расчеты на „сокрушительный удар“ не оставляют стратегов держав Согласия. В частности, данный период характерен поисками новых направлений, операции на которых дали бы наиболее „сокрушительный“ эффект и привели бы к быстрому, решающему результату. Но, независимо от этих попыток, неизменно, и все в большей степени, главенствующее значение принимает борьба на истощение боевых и жизненных ресурсов Германии, определившая основную „линию поведения“ союзной стратегии.

Отсюда—*морская блокада* получает значение одной из важнейших операций и блокадная деятельность английского флота становится по существу тем фоном, на котором приходится рассматривать последующие боевые операции в этот период мировой войны. Она выразилась в соответствен-

---

[1]) 1-й том издан Редакционно-Издательским Отделом Морских Сил РККА, совместно с О.С.О. Балтийского моря в 1927 г. Перевод М. Л. Бертенсона.

ном развертывании главных сил английского флота в Северном море, их боевой блокадной службе, сочетаясь одновременно с задачами по охране морских коммуникаций Англии и ее союзников.

II-й том Корбетта дает картину ряда операций по усилению блокады, установлению все более жесткого ее режима, потребовавшего изменения дислокации английского флота в Северном море, а на океанах—довершения очистки морских путей от германских крейсеров, доставивших столько „беспокойства“ английской стратегии и общественному мнению в первые месяцы войны.

Однако, с появлением на смену уничтоженным германским крейсерам—подводных лодок, эта задача значительно осложнилась. *Подводная война*, значение и возможности которой не дооценивались в начале кампании, теперь, вдруг и неожиданно, оказалась фактором более грозным, чем то можно было предполагать.

Период—конец 1914—лето 1915 года—совпадает *с началом* подводной войны, еще неуверенно проводимой германским командованием, со всевозможными послаблениями и ограничениями, вызванными опасением причинить убытки нейтральному мореплаванию, и при том в масштабе—не отвечавшем стремлению решить подводными лодками о с н о в н у ю задачу, к которой могла быть направлена стратегическая мысль Германии—к пресечению морских сообщений Англии. Германское командование не использовало обстановки неожиданности, выгод отсутствия у противников средств борьбы с подводной опасностью: лодок было мало, действия их, как сказано, были стеснены. И все же, несмотря на это, потери союзного тоннажа от подводных лодок за 1915 год достигли огромной цифры в 1.724.000 тонн, далеко превзошедшей потери от крейсеров в начале войны.

Это новое условие—охрана мореплавания от подводных лодок—легло тяжким бременем на английскую морскую стратегию и чрезвычайно осложнило ее задачи.

Описанию событий, имевших место в этой области, Корбетт уделяет достаточно места в своей книге, и они представляют громадное значение для изучения мировой войны.

В равной мере, с глубоким интересом читается его разбор операций набегов германского флота на английское побережье, в центре которых стоят две операции, вошедшие в содержание настоящего тома: набег на иоркширское побережье 16 декабря 1914 г. и операция, приведшая к бою у Доггер-банки 28 января 1915 г. Они показательны для стратегии флота слабейшего, каковым был германский флот, почти вдвое уступавший английскому, рисуя роль и значение подобного рода набегов, содержа ряд тактических и стратегических поучений.

В настоящем кратком предисловии мы не предполагаем, однако, касаться этих операций, несмотря на всю поучительность их. Они получили достаточное освещение в нашей послевоенной литературе. Мы имеем в виду остановиться, несколько более подробно, на *Дарданелльской операции*, которая по существу является основной темой настоящего тома.

Обратить внимание читателя именно на эту операцию нас побуждает не только общий интерес, каковой она представляет сама по себе, но и то значение, которое она имеет для выяснения ряда принципиальных вопросов, сочетающихся в ее опыте. Тем более, что вопросы эти косвенно тяготеют к нашей морской проблеме,—к обороне берегов от нападений сильного морского противника. Можно с уверенностью сказать, что современные суждения о „борьбе флота с берегом" в значительной мере обосновываются опытом Дарданелльской операции, который дает громадный материал для разработки вопроса о взаимодействии флота и армии в условиях обороны берегов.

И еще потому мы считаем необходимым обратить внимание на эту операцию, что итог ее, неудачный для нападавшей стороны, в восприятии некоторых военных, а отчасти и морских кругов, был сведен к выводу, получившему довольно широкое распространение,—выводу о том, что *флот бессилен против бареговых укреплений*. А отсюда следует утверждение, что *оборону берегов достаточно базировать на крепостные береговые сооружения* и что роль собственно флота обороняющего, при превосходстве сил на стороне противника, является несущественной.

Не надо и доказывать, в какой степени важно для нас разобраться в этой стороне опыта Дарданелльской операции, тем более, что такие выводы нередко фигурируют на дискуссиях по вопросу об обороне берегов, а—иногда—и в деловых суждениях.

Затем, остается не вполне ясной для многих проблема десантных операций вообще в перспективе „войны будущего". Есть мнения, пренебрегающие значением десантных операций, оценивающие „угрозу с моря" сквозь призму Дарданелльского опыта, т. е. как угрозу не слишком опасную, поскольку туркам, с их слабыми средствами, удалось отразить мощное наступление союзников, располагавшими здесь значительными морскими силами и крупным десантом.

Наконец, здесь же мы теснейшим образом соприкасаемся с проблемой смешанных, т. е. совместных операций армии и флота, в понимании их на фоне современной войны вообще. Одно из течений руководящей военно-сухопутной мысли, ярким представителем которого является проф. Свечин, отводит ничтожно малое значение этого рода операциям,

располагая свои суждения, главным образом (а подчас и исключительно)—на арене сухопутного, континентального, театра, как театра решающего. Дарданелльская операция и, в особенности, объективные условия, ее вызвавшие, дают убедительный материал для суждения о степени правильности такого взгляда.

Является ли прецедент исхода Дарданелльской операции „лебединой песнью“ крупного десанта вообще, или же, наоборот, она начинает новую эпоху, в которой применение больших десантов получает особое значение?

Действительно ли Дарданеллы доказали „беспомощность“ флота с десантом против укрепленного района крепости, или же причины неудачи союзников следует искать в объективных условиях, а затем в ошибках при замысле и проведении операции?

В какой мере „опыт Дарданелл“ может быть распространен на оборону берегов вообще?

Вот три основных вопроса, на которых мы хотели бы специально остановиться в предисловии, и которые, по нашему мнению, имеют практическое значение при усвоении опыта Дарданелл для черпания оттуда практически - полезных поучений.

Изложение Дарданелльской операции достаточно объективно, автор не скрывает ошибок и называет вещи своими именами. Может быть—потому, что неудача этой операции была признана общественным мнением Англии еще во время войны, потребовавшим производства официального расследования действий руководящих лиц, благодаря чему все детали ее уже стали достоянием печати. Тенденция „прославления английской доблести“ в этих условиях вряд ли удовлетворила бы даже английского читателя, и этим следует объяснить наличие критического разбора описываемых фактов. Такую критику, очень обоснованную, сопровожденную ценными рассуждениями и выводами, мы и находим у Корбетта в его главах о Дарданелльской операции.

Собственно, не вся операция описана в настоящем томе. Ее описание доведено до высадки у Сувлы. Как эта высадка (август 1915 г.), так и последовавшая затем ликвидация операции помещены в III-м томе. Однако, здесь дано основное: общий стратегический фон, на котором созрел замысел операции, влияния, которые оказывали на нее давление, и планы, логическим завершением которых и явился исход операции. Это дает нам право, предвосхищая конец, говорить о всей Дарданелльской операции в ее целом.

В обстановке конца 1914-го—начала 1915-го г. выяснились два характерных момента: во первых, определившийся позиционный характер войны на западном фронте, при не-

сомненной стойкости здесь германского развертывания, не дававшего союзникам надежд на достижение решительного успеха в ближайшее время на этом направлении; во-вторых, с пополнением французских армий английскими подкреплениями сопротивляемость французского фронта возросла настолько, что его можно было считать достаточно прочным в случае возобновления германского наступления.

Возникла мысль об использовании новых английских формирований в других направлениях и о выборе нового операционного направления. Хотя возможности стратегического маневра во Франции и были скованы условиями позиционной войны, однако, таковой маневр мог быть произведен *в любом* направлении со стороны моря, где господствовал союзный флот.

Этот момент, когда стратегическая мысль обратилась к морским театрам с целью поисков возможности отсюда нанести удар противнику, прекрасно разобран Корбеттом и являет, пожалуй, наиболее ценную область выводов и суждений, которыми он иллюстрирует изложение исторического хода событий.

Им особенно подчеркивается этот *поворотный пункт* союзной стратегии и оттеняется громадное значение „сухопутно-морских" операций для создавшегося положения, вызывавших теснейшее единение сухопутной и морской руководящей мысли и воли. Выдвинутый Корбеттом термин „сухопутно-морская война" («amphibious warfare») понимается им, как то явствует из изложения, в виде использования флота и армии на одном общем направлении, для достижения целей той же операции. Здесь морской театр выходит из роли, на которую его обрекает узко-сухопутная доктрина, рассматривающая море только как арену для экономического воздействия (блокады); рамки совместной деятельности флота и армии не ограничиваются только тактическим контактом в общих операциях; вопрос ставится в плоскости широкого использования морского направления для осуществления стратегического маневра. Этим практические границы между морской и сухопутной стратегией как бы стираются, а их единство подчеркивается со всей убедительностью. С момента, когда французский фронт стабилизировался, направлением, доступным для выполнения стратегического маневра, оставалось широкое пространство моря, и маневр этот должен был составить *неразрывную часть* общего стратегического замысла главного союзного командования.

Однако, положение это не было одинаково оценено различными кругами командования. Были выдвинуты и противупоставлены две точки зрения. Одна—явно не дооценивала перспектив „маневра через море". Таковой была точка

зрения сухопутного французского командования, поддержанная и мнением командования английскими войсками. Другая точка зрения—морской Англии, Адмиралтейства и части правительства, наоборот, базировались на необходимость использовать морское направление для нанесения с этой стороны удара по развертыванию сил противника. «Вполне извинительно—пишет Корбетт—что кабинет не мог и не хотел стать на точку зрения главнокомандующего (т. е. Френча. *М. П.*), идущую в разрез с историей, и означающую банкротство всех наших традиций. Помня пример того, как во времена Наполеоновских войн главные силы английской армии, находящиеся в Испании, поддерживаемые флотом, успешно действовали вдали от главного театра, правительство не могло столь легко отказаться от мысли использовать какое либо самостоятельное оперативное направление, на котором господство наше на море давало бы преимущество над Германией, подобное тому, которое Веллингтон имел перед Наполеоном“...

Здесь мы застаем главное руководство английского и французского командования как бы на распутьи, ибо эти точки зрения, взаимно противуположные, могли быть примирены лишь в компромиссе, поскольку сталкивались два представления, питаемые принципиально-отличными взглядами на стратегию.

Обозначилось также и расхождение во взглядах между Францией, горизонт которой был ограничен непосредственно нависшей над ней угрозой самому ее существованию, и Англией, метрополия которой была вне опасности и которая могла широко оценивать положение на всем мировом театре. Сказанное характеризуются репликой Корбетта: „Отличительной особенностью «сухопутно-морской» (amphibious warfare) войны являются выгоды, вытекающие из возможности менять операционное направление. Но использовать выгоды ведения войны соединенными союзными силами трудно, даже исходя только из требований стратегии. Когда же вопрос осложняется политическими соображениями и необходимостью вести длительные переговоры, то он становится почти неразрешимым“.

Эти противоречия как принципиальные, так и политические вполне характеризуют обстановку, при которой впервые возник вопрос об организации и подготовке Дарданелльской операции. Они не отпали даже после принятого решения об ее осуществлении и отразились самым пагубным образом на всей операции, начиная с момента возникновения мысли о ней, и в дальнейшем, при ее выполнении.

Этот момент „распутья“ в области руководства войной, сказавшийся затем на замысле и выполнении одной из важнейших операций кампании, должен быть нами отмечен

как факт, имеющий принципиальное значение для суждения о „довоенном“ состоянии стратегии и степени соответствия ее обстановке, сложившейся в данный период мировой войны. Несоответствие ее выяснилось тотчас, когда определился характер последней с устойчивыми „стабилизированными“ фронтами, с ограниченными возможностями маневра на сухом пути, при наличии в то же время грандиозного масштаба борьбы, ареной которой сказалось большая часть мира, а ресурсами воюющих—мобилизованные до пределов материальные и духовные силы народов. От стратегии требовался иной масштаб, иной размах идей и иной характер деятельности. Это вызвало пересмотр работы стратегии в ряде областей: в отношении материального обеспечения операций, в переоценке организации методов ведения войны, в пересчете всех расчетов, которые были сложены ранее, но не ответили новым условиям, в переоценке средств, и пр.

Здесь сказался сепаратизм сухопутной военной доктрины, сложенный опытом войн прошлого, протекших на ограниченных театрах, диапазон операционных направлений которых ограничивался по преимуществу направлениями сухопутными, оставляя морские — вне горизонта, как побочные и вспомогательные, *не главные*—во всяком случае. И вот, теперь, в период, предшествовавший Дарданелльской операции, когда обстановка выдвигала необходимость осуществления *крупного маневра через море*, сухопутная доктрина отнеслась к этой идее с недоверием: ходом своего предыдущего пути она была неподготовлена воспринять ее.

Дарданелльской операциии в ее первоначальном замысле, предполагалось придать крупный решающий масштаб: вывод Турции из войны, открытие путей через проливы для питания России, удар на центральные державы по обнаженному южному направлению, а для Англии— полное обеспечения Египта—все это решалось одной операцией, в одном направлении. Корбетт доказывает, что именно отсюда можно было решить исход войны гораздо проще и быстрее, нежели безмерно кровавыми, длительными и основанными лишь на противупоставлении немцам более мощного, нежели у них кулака, лобовыми ударами, оказавшимися для Германии смертельными только тогда, когда союзники получили американские пополнения и когда она была окончательно истощена четырехлетней, „голодной“ блокадой... Яркие перспективы маневра „через море“ на Дарданеллы, которые намечает Корбетт, служат критерием для оценки несостоятельности доктрины, руководившей войной и превратившей крупную цель, большую идею, в безнадежный компромисс, каковым была с самого начала и каким осталась до конца—Дарданелльская операция.

Если „узко-сухопутный" характер военной доктрины оказался несостоятельным в мировой войне, и уже там обозначилась тенденция недооценки „маневра через море", выразившаяся во взглядах руководящих сухопутных кругов, что имело своим следствием крупную неудачу в операции на Дарданеллы, то мы в праве опасаться, что она приведет к полному тупику в дальнейшем, в перспективе „войны будущего", когда, в иных случаях, сухопутные стороны вовсе не будут иметь сухопутных границ между собой (например—Англия и С.Ш.А.), и, следовательно, не будут вовсе иметь возможности иначе как „через море" направить свой удар; в других — морские направления будут сочетаться с сухопутными, как неразрывные звенья той же цепи, или, в третьих, когда достижение цели только через континент окажется либо вовсе невозможным, либо требующим чрезмерных усилий и жертв...

Недооценка морских направлений, сугубо-сухопутный характер в особенности был присущ русской стратегии, что наглядно видно в истории последних войн царской России. Мы хронически пренебрегали морскими направлениями терпя от этого тягчайшие последствия.

Так, в Крымскую войну, несмотря на то, что направлением, фактически решившем ее исход, было морское направление на берега Черного моря, а важнейшим пунктом был Севастополь, русское командование, в течение всей войны считало главным направлением—направление на западную границу. Тогда как там—флот должен был снять свои команды и орудия, передав их на защиту крепости, испытывавшей жесточайший недостаток в гарнизоне и снабжении, здесь—в этом направлении—оставалась бездействовавшей 500-тысячная армия...

В русско-турецкую войну также сказалась односторонняя подготовка, при полном пренебрежении морским направлением. За 6 лет до войны, в 1871 году Россия, устами Александра II, заявила об отказе от некоторых статей Парижского договора, лишавших ее права держать военный флот на Черном море; но за эти 6 лет фактически почти ничего не было сделано для реализации этого заявления: в войну мы вступили без флота, всецело полагаясь на сухопутные направления. С громадными жертвами, преодолев ряд исключительных трудностей, русская армия подошла к рубежам Константинополя, совершенно необеспеченная со стороны моря, не имея решительно никаких средств для защиты Босфора от занявшего угрожающе-демонстративную позицию английского флота. Факта появления английского флота оказалось достаточным, чтобы дорогой ценой купленная победа обратилась в положение едва ли не безвыходное для победоносных войск: под угрозой английских

броненосцев русское правительство подписало условия мира, не ответившие ни целям, с которыми была начата война, ни ресурсам, на нее затраченным, ни, наконец, победам, одержанным русской армией над турками.

То же самое мы видим в русско-японскую войну, когда недостаток сил на море, вызванный, в конечном счете, пренебрежением сухопутной стратегии, всегда главенствовавшей, всегда чуждавшейся морских проблем, к интересам морской обороны, фактически предопределил направление кампании, которое привело Россию к ряду военных поражений.

Ее же, эту тенденцию недооценки морских направлений, мы видим и в мировой войне, и в частности, в вопросе, имевшем теснейшее соприкосновение с Дарданелльской операцией, составлявшем как бы вторую сторону ее в вопросе о десанте на Босфор.

Идея этого десанта имела за собой уже 35-ти летнюю историю: 35 лет Россия готовилась к операции, временами усиленно, временами остывая в своем интересе к этой идее, которая никогда за этот срок не сходила окончательно с очереди стратегических предположений. К моменту подготовки Дарданельской операции, начатой по просьбе русского командования [1]), было бы естественно ждать соответственного пробуждения интереса к операции на Босфор, усиленной подготовки к ней. Но мы наблюдаем странную, непонятную картину почти полного равнодушия русской ставки к подготовке и выполнению этой операции. Действительно, был приготовлен корпус; действительно, была в относительной готовности транспортная флотилия, и—флот выходил к Босфору, произведя несколько бомбардировок. Но за всем этим чувствовалось с полной несомненностью, что это, с русской стороны, были, как бы вынужденные, ни в какой мере не питаемые твердой волей к осуществлению, мероприятия более демонстративные, более для удовлетворения мнения союзников, нежели имеющие фактически боевое значение. Идея Босфорской операции так и оставалась в стадии отдаленных предположений, не будучи ни разу реально поставлена на очередь для осуществления. Русской сухопутной доктрине были в особенности чужды *действия на*

---

[1]) В конце 1914 года, когда назрел вопрос о возможности использования новых пополнений английских войск на морском направлении, английское командование находилось в нерешительности—куда направить проектируемую операцию: на Фландрское побережье, на Салоники, на Александретту, или, наконец, на Дарданеллы. Просьба русской ставки произвести демонстрацию против Дарданелл, с целью отвлечения сил турок от Кавказского фронта, послужила решающим моментом в выборе именно этого направления.

морских направлениях. И даже тогда, когда в составе черноморского флота были три дредноута и он подавляюще был сильнее германо-турецких морских сил, когда Россия фактически располагала транспортной флотилией, способной поднять и высадить на берег два с половиной корпуса единовременно, когда общее положение на сухопутных фронтах характеризовалось (к 1916-му году) значительным усилением, в особенности в области технического и материального обеспечения, когда Румыния еще не была разбита; когда, казалось, возможности осуществления этой операции были достаточно благоприятны—в ставке идея операции на Босфор рисовалась не в виде морской операции, а в виде *марша через Румынию и Болгарию*, в тягчайших условиях сухопутной операции, имея с фланга и тыла германо-австрийскую армию... Но — такое направление отвечало „сугубо-сухопутной" тенденции русской стратегии, оно было понятно ей, и укладывалось в русле уже проторенного пути, тогда как „маневр через море" был принципиально чужд „доктрине", оставаясь вне шор ее.

Вот почему, отвечая на первый из поставленных нами вопросов, в отношении общего значения Дарданелльской операции для подведения итогов мировой войны, мы приходим к выводу:

1) Учитывая характер современной сухопутно-морской войны, Дарданелльскую операцию мы должны понимать,—независимо от ее результата и специфических условий, которые ей сопутствовали,—как прототип громадных смешанных операций, освещенных идеей „маневра через море", которые должны быть восприняты стратегией в их полном значении для условий, в которых мыслится „война будущего".

2) Для нас—в предвидении борьбы с противниками, обладающими мощными морскими силами,—приобретают особую важность соображения о возможностях для противников „через море" направить свой удар и это морское направление должно найти себе надлежащую оценку в работе нашей стратегии. Не „экспедиций" демонстративного значения и не стратегических „уколов" со стороны моря мы должны ожидать от врага, но операций крупного масштаба, того масштаба, который был присущ первоначальному замыслу Дарданелльской операции. Соответственно этому и должно ставить проблему обороны наших берегов.

Если одной из объективных причин, обусловивших неподготовленность союзников, была неспособность сразу воспринять идейную сторону маневренной операции „через море", каковой явилась операция против Дарданелл, а след-

ствием этого явились неуверенность и недостаточно категорический подход к ней с самого начала, то ряд других причин—политических, стратегических и, наконец, тактических, сопутствовавших ей при выполнении,—фактически привели к поражению. Не ставя себе задачи всестороннего разбора операции, мы считаем достаточным указать, что причины эти были глубоко специфичны и не дают права придти к общему выводу о „беспомощности“ флота с десантом в борьбе против укрепленного района.

Мы привели выше слова Корбетта, где он досадует на политические осложнения и длительные переговоры, ставившие „почти неразрешимые“ трудности. Эти политические осложнения можно рассматривать с двух сторон. Одна из них — противоречия политических интересов держав-союзниц в вопросах ближневосточной политики, вековой клубок которых не мог быть распутан путем дипломатических переговоров, даже в условиях войны с общим врагом. Спор о будущих судьбах Проливов сопутствовал военной подготовке операции. Безпокойство о режиме на Востоке, степени влияния того или другого государства—создавали обстановку больших затруднений при подготовке и ведении операции.

Другая сторона поясняется Корбеттом, который пишет: „учитывая обязательства, коими мы в то время уже втянулись в операции во Франции, наша готовность принять русское предложение (начать операцию против Дарданелл. *М. П.*) можно было принять за сумасбродство. Но, бросая взгляд назад и рассматривая эту готовность на фоне прошлого нашей истории, можно считать, что импульс, ускоривший наши действия, явился как бы туманным предупреждением того, что старые влияния, не позволявшие нам во время прошлых больших войн сосредоточиваться на главных европейских татрах, — готовы воскреснуть. Правильно, или нет, но эти влияния всегда брали верх над чисто военными соображениями. Повидимому, они присущи предрассудкам мировой морской державы, и всегда заставляют ее действовать отлично от других, более тесно расположенных континентальных государств. В данном случае, пробудившийся старый инстинкт, вероятно, скорее чувствовался, чем сознавался“... Иначе говоря, отбросив все эти „туманные“ ссылки на традиции—Корбетт прямо свидетельствует о несовпадении политических стремлений Англии и ее союзников.

К сказанному надо прибавить внутри-политические противоречия в самой Англии, сложившиеся кругом различного отношения к этой операции. Позиция правительства, стоявшего у власти, естественно, зависела от степени успешности боевых операций на фронтах. Ответствен-

ность за операцию несли не только военные круги, но и политические, которым приходилось считаться с фактом недовольства течением войны со стороны общественных кругов Англии. Вместо быстрой и эффектной победы предстояла изнурительная для Англии война, а искание правительством путей и способов быстрого и победного решения войны сочеталось с недоверием, все нароставшим по мере встречаемых затруднений. Правительство поддерживало идею Дарданелльской операции, поскольку таковая сулила победный исход войны. Оппозиция же чутко воспринимала затруднения и неудачи. Это и привело к внутри-политической борьбе, сопровождавшей течение Дарданелльской операции, исход которой, как о том свидетельствует Корбетт, оказал решающее влияние на смену правительства в Англии.

Вот эта сложность политической обстановки, отсутствие „единого политического фронта", шаткость политических целей и внутри-политическая борьба не могли, конечно, не найти соответственного отражения и на стратегической стороне дела: замысел операции не был устойчив в самом своем основании. Отправные точки для работы стратегии были исключительно неблагоприятны.

Тотчас по вступлении Турции в войну, 3-го ноября 1914 года, английской эскадрой было произведено демонстративное бомбардирование внешних фортов, с целью воздействия на общественное мнение Турции, в надежде побудить ее к выходу из войны [1]). Результат, как известно, получился обратный: после этого в Турции затихли голоса о мире, а самый факт бомбардирования Дарданелл обязал турок обратить внимание на их укрепление.

Это бомбардирование было как бы „прелюдией" к последующей Дарданелльской операции, не имея непосредственного отношения к замыслу операции в том виде, как ее было решено произвести позже.

25-го ноября в Лондоне в Военном Совете обсуждался вопрос о новой операции против Дарданелл с целью предотвратить назревавшую угрозу Египту, но разрабатывавшийся проэкт был оставлен. Наконец, в начале 1915 года, в связи с тяжелым положением на русском фронте, и в частности на Кавказе, по просьбе русского командования был вновь поставлен этот вопрос—в виде крупной демонстрации для отвлечения сил турок. Этот момент и приходится принимать исходным для сложения замысла Дарданелльской операции.

Однако, уже при первом обсуждении произошел раскол мнений, сперва по вопросу о цели операции, а затем и по вопросу о способе ее выполнения,

[1]) Бомбардировка 3 ноября 1914 года описана в I-м томе Корбетта.

Идеи демонстративной операции—как понимало ее высшее английское сухопутное командование (Китченер)—была противупоставлена идея крупного стратегического маневра с занятием Константинополя, разгромом Турции и дальнейшим ударом с юга на Центральные державы. Идее морской демонстрации в виде ударного прорыва сильной эскадры в Проливы—противупоставлялась идея крупной совместной операции армии и флота с решительными целями, указанными выше. Здесь и создались коренные противоречия, дискредитировавшие планомерность операции с самого начала.

Это привело к дурной подготовке, к недопустимому методу ведения операции по частям, в рассрочку, разрозненными усилиями, не могшими дать суммарного результата, к потере внезапности, сорванной с самого начала, к перерывам, предоставлявшим противнику использовать время, усилить и восстановить оборону; потере морального преимущества перед неприятелем, который, ощущая успех, освобождался от гнета престижа „непреодолимости“ сильнейшего противника,—и ряду допущенных ошибок, вполне естественных при столь неустойчивой идейной платформе, каковую представляли сведенные в компромисс противоречия в верхах командования.

19 февраля 1915 года бомбардировкой наружных фортов Дарданелл была начата операция по подготовке прорыва флотом через проливы. Сухопутных войск, за исключением двух баталионов морской пехоты, имевших не большее значение, чем судовые „подрывные партии“—не было. Несмотря на успешный результат первых бомбардировок, за три недели (до 10 марта) не удалось продвинуться достаточно в глубину пролива, ибо полное уничтожение батарей без содействия десанта оказалось почти невозможным. Ряд непредусмотренных обстоятельств, неверные расчеты огня и пр., (о чем ниже будет сказано), перерывы в действиях из-за свежей погоды привели к тому, что решительная попытка форсировать узкость, будучи недостаточно продуманной и подготовленной, окончилась неудачей.

И лишь постепенно, по мере встреченных затруднений, после существенных потерь, понесенных флотом, мнение Адмиралтейства о необходимости сочетать прорыв флота с операцией десантной армии наконец получило признание в военных кругах.

С этого момента операция вступила во вторую фазу. Но и тут не был принят сразу крупный масштаб, на котором настаивали сторонники решительного способа ведения атаки. Войск было назначено недостаточно, и первый пункт инструкции командующему десантным корпусом генералу

Гамильтону гласил: „применение сухопутных сил в широком масштабе для операций на берегу допускается только в том случае, если флот, исчерпав все свои усилия, потерпит неудачу при проникновении в пролив"... Опять компромисс, опять полумеры...

25-го апреля была произведена высадка на южную оконечность полуострова Галлиполи, сопровождавшаяся громадными потерями, и ввиду недостаточно учтенных условий местности и дурной связи между участками не кончившаяся поражением только благодаря совершенно исключительному героизму войск. Те рубежи, которые были достигнуты десантом в первые дни, охватывающие небольшой плацдарм, не доходя до командующих высот, остались непревзойденными в течение последующих месяцев и, собственно, в этом направлении—до конца операции. Упорные бои с турками, засевшими в складках местности, не дали возможности дальнейшего продвижения, оно остановилось, союзникам пришлось окопаться, и фронт здесь стабилизировался.

Сразу же обнаружившийся недостаток сил, неправильно выбранное направление для высадки десанта (более правильным было бы направление на Булаирский перешеек)—послужили причиной очень скоро осознанной неудачи операции. Для ее продолжения нужны были новые силы, крупные подкрепления.

К началу августа была высажена, несколько севернее, у Сувлы (описание высадки у Сувлы 10 августа 1915 года—вошло в третий том труда Корбетта) 65.000-ая армия, встретившая уже подготовленную оборону, и также потерявшая свой наступательный порыв в нескольких километрах от берега, при ограниченном содействии флота, линейные корабли которого, ввиду обнаруженных неприятельских подводных лодок, союзники убрали из Дарданелл.

После безуспешных попыток продвинуться далее, понесенных громадных потерь в течение нескольких месяцев беспрерывных боев, после того как возник вопрос о новых подкреплениях, операция была признана окончательно неудавшейся и в ноябре союзники приступили к ее ликвидации. „Маневр от моря" был направлен на Салоники, где образовался новый Салоникский фронт, на который теперь были направлены надежды военного командования держав Согласия.

Мы не будем перечислять других стратегических ошибок, допущенных союзным командованием при ведении операции, отмечая лишь эту недопустимую тенденцию, рожденную шатанием основных отправных взглядов на операцию, которая привела к раздроблению сил и частным ударам,

энергии коих, в отдельности, было недостаточно, чтобы достигнуть решительной цели.

Положение обороняющихся турок было не легко. Несколько раз оно оценивалось безнадежным и турки готовились к отступлению. Но каждый раз их выручала неспособность наступающего, исчерпавшего свои силы в первых атаках, довести энергию наступления до решающего момента...

Таким образом, опыт Дарданелльской операции дает нам образец крайне неудачной стратегии, дефекты которой следует считать достаточно выявленными историей, чтобы, делая выводы, не ввести важнейшего корректива—корректива на ошибки руководства, а здесь они были решающими.

Тактику союзников в Дарданелльской операции также нельзя признать искусной. Не предрешая полного анализа тактической стороны опыта Дарданелл, мы отметим некоторые, *также специфические* дефекты, которые сказались на общем результате операции. К их числу относятся:

а) Неправильная оценка обстановки, явившаяся следствием недостаточного изучения данных разведки.

Не надо забывать, что до самого начала войны, до лета 1914 года, в Константинополе находилась английская морская миссия; ее глава — английский адмирал — фактически являлся шефом-советчиком турецкого флота, таким, каким во время войны был Сушон, германский адмирал. У турок не могло быть военных секретов от миссии ни в отношении состояния флота, ни в отношении вооружения Дарданелл. Все планы, места орудий, состояние фортов, все до мелочей не могло не быть известным английской разведке. Между тем, на каждом шагу во время операции англичане нарывались на ряд неожиданностей, неправильно оценив—и состояние дорог, и пригодность отдельных пунктов местности для обороны, и даже наличие пресной воды (из за чего остановилась атака десанта, высаженного у Сувлы). Разведка Гамильтона, лично прошедшего вдоль берега на корабле и на основании собственных наблюдений оценивавшего условия высадки, заменила собой тот необходимый тщательнейший анализ данных и сведений, которые у англичан должны были бы быть собраны в то время, когда они находились у аппарата командования турецким флотом, еще до войны.

Все основное могло быть им известно, тем более, что в последовавший до начала операции промежуток времени турки многого сделать не могли, при бедности их ресурсов, и фактически многого не сделали.

Объяснение этому мы находим в пренебрежении слабым врагом, каким являлась, по сравнению с Англией, Турция, в чрезмерной переоценке собственной мощи, в легкомыслен-

ной самоуверенности, в слепой вере в собственную непреодолимость... Обстоятельства, знакомые нашей истории по опыту Крымской и Русско-Японской войн.

Следствием этого явилась и дурная подготовка операции, неправильные расчеты с заведомым преуменьшением сил и возможностей противника: тем больнее были удары, тем труднее было вести операцию, не продуманную до той степени четкости, которая фактически была необходима при выяснившихся трудных обстоятельствах обстановки.

б) Отчасти по этой причине, отчасти в силу установившегося в течение последней эпохи взгляда (и не только в Англии) на всемогущество судового огня, последний не был надлежащим образом рассчитан. Эмпирическая формула расчета, построенная на данных обстрела из германских тяжелых орудий бельгийских крепостей с грубыми обобщениями, непроверенная опытом, не подтвержденная теоретическим расчетом, инспирированная экономией в снарядах (на чем настаивало Адмиралтейство)—блестяще провалилась: расчет оказался неверен. Снаряды—не соответствовали условиям стрельбы по береговым батареям (см. прекрасную статью Г. Н. Пелля в „Морском Сборнике" № 8—9 1926 г., где им специально исследован этот вопрос). Методы корректировки — оказались слишком неточными. Как следствие этого—действия флота не дали тех результатов, на которые можно было расчитывать.

в) Нельзя обойти молчанием факта недооценки значимости огня береговых батарей по кораблям. Потери, которые несли корабли, воспринимались с впечатлением неожиданности, как непредвиденные, вызывая в критические моменты поспешные решения. Так, в критический момент атаки 19 марта, когда турки считали свое дело почти проигранным, потери в составе атакующих кораблей послужили причиной преждевременного отхода, в то время как эскадра располагала достаточными силами, чтобы атаковать батареи узкости. Потери от мин были также непредвидены и вызвали моральный эффект, значительно превзошедший материальную их ценность. Атаки подводных лодок—вызвали увод наиболее ценных кораблей из состава эскадры и ее отступление в базу, с оставлением лишь малоценных судов для поддержки армии.

Все это в целом характеризует вредную тенденцию—вести операцию без потерь в судовом составе, тенденцию, рожденную неустойчивостью основных (стратегических) задач флота, стремлением выиграть операцию, не идя на жертвы для достижения успеха.

г) Вопрос о содействии судовым огнем частям сухопутной армии—не был проработан в должной степени, вырабатывался на месте, кустарным порядком, вследствие чего

результаты не ответили предположениям. Совершенно не был учтен огонь навесной береговой артиллерии, борьба с которой внесла исключительные трудности в действия флота.

д) В отношении производства высадки—приходится констатировать несоответствие средств с условиями выполнения этой наиболее ответственной части операции. Средства—были примитивны (шлюпки, наскоро сколоченные понтоны, плоты и проч.), не отвечали требованиям быстроты и надежности высадки. Громадные потери, задержки и неудачи могут быть объяснены отсутствием заданий к технике для выработки соответствующих средств (новые средства, построенные по опыту Дарданелл, были подготовлены англичанами для предполагавшейся в 1918 году высадки в Остенде: громадные понтоны, которые были способны подать на берег сразу крупные соединения с танками, артиллерией и пр.). Это тоже должно быть отнесено к дурной подготовке операции.

Неиспользование средств маскирования, почти полное отсутствие средств для борьбы с подводными лодками, недостаток вспомогательных судов, и пр.—все это в целом дает обширную картину промахов по части подготовки операции с тактической стороны.

В настоящей книге мы находим обширные данные и материалы для суждения о том, какие обстоятельства повлияли на исход операции. Непрерывный ряд ошибок привел к тому, что операция, в конце концов, кончилась полной неудачей. Надо было ее начинать снова, и с большими силами. На это союзное командование не решилось, да, впрочем, к этому времени, обстановка была уже иной.

Сказанное предостерегает против огульного вывода из опыта Дарданелльской операции о „беспомощности" флота с десантом в действиях против укрепленного района в условиях обстановки, каковая сопутствовала данной операции, и при том же соотношении сил. Дарданелльская операция продемонстрировала несостоятельность той стратегии и той тактики, которая была присуща союзному командованию, но не дала права к общему выводу о невозможности с боевыми ресурсами, которыми располагали Англия и Франция в Средиземном море, и с теми сухопутными силами, которые без значительного труда могли быть выделены для атаки, решить задачу взятия и форсирования Дарданелл.

Наконец, последний вопрос, которого мы предполагали коснуться в предисловии: в какой мере опыт Дарданелл может быть распространен на условия обороны берегов вообще?

Чтобы судить об этом вопросе, следует иметь в виду, что Дарданеллы представляют собой весьма ограниченный район. Это—как бы точка на общем протяжении побережья. Кроме того, здесь специфически были благоприятны условия для обороны: узкий пролив (в наиболее узком месте—менее километра шириной), скалистые горы, нависшие над проливом, складки которых оставляли обширные „мертвые пространства“ для стрельбы с моря, а узкие дефиле—давали возможность баталиону обороняющегося держаться против наступающаго полка, если не бригады.

В наших условиях, например, Черного моря, вопрос идет не о защите точки, каковой были Дарданеллы, и даже не о защите одного операционного направления. Обширное длинное побережье во многих районах является доступным для удара, на нем имеется несколько угрожаемых направлений. Говорить о возможности крепостной защиты целого побережья, хотя бы в доле того, как были защищены Дарданеллы, конечно, не приходится. Местные условия—совершенно отличны, и не в пользу обороняющегося, по сравнению с ними.

Иначе говоря, стратегический опыт защиты Дарданелл приложим только для обороны *одного* района, *одного* участка побережья, но не для решения проблемы обороны берегов, в целом.

Роль турецкого флота, который принимал минимальное участие в непосредственной обороне Дарданелл, не может быть, однако, игнорирована совершенно. Англичанам пришлось весьма считаться с атаками германо-турецких подводных лодок, им бы пришлось очень серьезно считаться и с огнем *Гебена* при форсировании узкости у Дарданоса, если таковое имела место. Однако, в тех условиях, в которых протекала Дарданелльская операция, она не дала примеров, чтобы судить вообще о действиях флота, обороняющего побережье, ибо, повторяю, здесь вопрос сводился к защите крепостного района, но не побережья сколько-нибудь обширного протяжения.

Совершенно иными рисуются перспективы использования флота при обороне *нескольких* угрожаемых районов, из коих все не могут быть прочно защищены крепостями; когда неизвестен пункт, на который будет брошен десант противника; когда сосредоточение войск для отражения затруднено; когда силой обстоятельств обстановки противодействие десанту должно быть оказано до момента его высадки; когда, наконец, требуется маневренная сила на море, которая в полном взаимодействии с крепостной береговой обороной, армией побережья и авиацией придаст необходимую сопротивляемость и маневренную гибкость всей си-

стеме обороны. Эти перспективы—остались вне опыта Дарданелльской операции.

Заканчивая предисловие к настоящей книге, мы позволяем себе высказать глубокое сожаление о том, что до сих пор не составлена история мировой войны на русских морских театрах, история боевых действий русского флота. Нам приходится учиться на иностранном опыте, протекшем на других театрах, в обстановке, часто затрудняющей проведение аналогий...

Отдавая должное труду Корбетта, всемерно рекомендуя его для изучения в качестве одного из основных трудов по истории мировой войны, мы в то же время предостерегаем читателя против тех отрывков в этой книге, которые комментируют действия русского флота, часто ошибочно, не в соответствии с действительностью. Причина понятна, т. к. материалы русской морской истории в мировую войну еще не тронуты и суждения Корбета в этой области основаны на случайних отрывочных данных, но не на архивных документах, еще ожидающих своего исследователя.

М. Петров.

Август, 1928 г.

Предисловие к английскому изданию.

Содержание настоящего тома посвящено, главным образом, операциям флота у Дарданелл, их возникновению — первоначально в виде морской демонстрации, затем развитию ее в совместную операцию морских и сухопутных сил и, наконец, ликвидации этой операции после неудачи задуманного „стремительного удара" (coup de main).

Все описываемые события разбираются с морской точки зрения, в необходимой связи с сухопутными операциями. Однако, последние описываются лишь в той мере, в какой они необходимы для освещения деятельности флота, направленной к облегчению задач армии. Таким образом, приводимые данные об операциях на суше отнюдь не должны рассматриваться в качестве исчерпывающего отчета о боевой работе сухопутных войск, выполненной ими в обстановке исключительных и многочисленных препятствий.

Из морских операций вошли в настоящий том — набег германских крейсеров на йоркширское побережье и бой на Доггер-банке. Говоря о главах, посвященных этим событиям, необходимо еще раз подтвердить, что Адмиралтейство не ответственно ни за их описание, ни за мнения, высказанные автором. Оно предоставило в его распоряжение все имевшиеся у него исторические материалы, относящиеся к войне, и рассмотрело работу автора в целях устранения возможных при использовании документов фактических ошибок. Существующее мнение о какой-то „цензуре" Адмиралтейства совершенно неосновательно.

Кроме источников, указанных в первом томе, были использованы и многие другие материалы, как наши, так и неприятельские, сделавшиеся с течением времени доступными:

1) Отчет Дарданелльской Комиссии с объяснительной запиской и показаниями опрошенных Комиссией лиц.

2) Так называемый Mittchell Report — отчет смешанной морской и сухопутной Комиссии под председательством коммодора Митчеля, посланной после подписания мира в Константинополь для изучения кампании и укреплений Дарданелл.

3) Труды, изданные различными военными и морскими начальниками:

„Галлипольский Дневник" (Gallipoli Diary) генерала сэра Яна Гамильтона.

„Пять лет в Турции“ (Fünf Jahre in Türkei) генерала Лиман-фон-Сандерса.

„Мои мемуары“ (My Memoirs) адмирала фон-Тирпица.

„Заметки и письма“ (Aufzeichnungen und Briefen) адмирала Гуго фон-Поля.

„Германское официальное описание мировой войны на море“ (Der Krieg zur See 1914—1918).

Менее важные труды, использованные в этом томе, указаны в выносках. Выход в свет германского официального описания „Krieg zur See“ оказал крупную помощь при составлении настоящего труда, т. к. позволил ввести поправки в создавшиеся у нас неправильные представления о некоторых событиях и восполнить ряд пробелов в наших сведениях. Особенно это сказалось при составлении последующего III-го тома в главах, заключающих в себе Салоникскую операцию, операции в Дарданеллах от момента высадки в бухте Сувла до эвакуации, Месопотамскую экспедицию до капитуляции Кут-эль-Амара, начало германских операций германских подводных лодок и Ютландский бой.

ГЛАВА I.

Новая дислокация флота в Отечественных водах и операции на бельгийском побережьи с 20 ноября по 16 декабря 1914 года.

Карта 1.

С уничтожением у Фалкландских островов эскадры Шпее, война на море вступила в новую фазу. Первая часть главной задачи флота фактически была выполнена. По существу эта часть сводилась к обеспечению нашего господства на море, а потому с момента, когда ни одной неприятельской эскадры вне отечественных вод Германии уже не существовало, можно было—считаясь с установленными морской традицией принципами—полагать эту задачу выполненной.

Однако, напряженная деятельность флота на южных и западных океанских путях ослабла не сразу. В портах Северной Америки и на Канарских островах еще оставались немецкие почтово-пассажирские пароходы — возможные вспомогательные крейсера, за которыми приходилось следить; эта угроза усугублялась ускользнувшим крейсером *Дрезден* и неразрешенной загадкой местонахождения крейсера *Карлсруэ*. Создавшаяся обстановка принуждала нас все еще держать значительные крейсерские силы в Атлантическом океане на Южно-Американской станции [1]).

Но конец этих отдельных неприятельских единиц был не за горами. В Атлантике и Южно-Американских водах держались только вспомогательные крейсера *Принц Эйтель-Фридрих* и *Кронпринц Вильгельм;* восточные же пути, с уничтожением *Эмдена* и заблокированием в реке Руфиджи *Кенигсберга,* были вполне безопасны [2]).

В Отечественных водах обстановка была иной. Здесь обстоятельства каждого дня, с очевидностью, показывали, что старое понимание термина „*владение морем*“ не отвечает обстановке. Если господство на море сводилось лишь к возможности свободно передвигать эскадры, транспорты и вести

---

[1]) 1 января 1915 года в Атлантическом океане все еще находилось 41 военное судно, из которых только 6 получили приказание вернуться в Англию.

[2]) Захваченный немцами пароход Русского Добровольного флота *Кормо-ран* (б. *Рязань*) последний раз был замечен уходившим по направлению Каролинских о-вов. Там он оставался два месяца, а затем, не найдя угля и провизии, пришел на Марианские о-ва и был интернирован властями С. Ш. А.

морскую торговлю, то наше господство было неоспоримо. Но эта возможность по мере увеличения активности неприятельских заградительных операций, дотянувшихся до нашего западного побережья, и увеличения района действия подлодок—становилась все более и более сомнительной.

Ко времени очищения океанов от неприятеля, в «узкостях» Отечественных вод вряд ли можно было найти район, плавание в котором было бы безопасно. Мы оказались перед лицом разворачивающейся борьбы, не имея опыта в прошлом. Вопрос — достаточно ли сильны старый морской дух и наши традиции, чтобы найти средства против новых форм борьбы, или же дни их сочтены,—вставал на очередь.

Однако, и на этот раз верный инстинкт—источник морского могущества страны—окрылил наш дух для предстоящей борьбы.

И если флот, сам по себе, не имел достаточно сил справиться с задачей, то за ними стояли громадные кадры морского населения и моряков-рыбаков. Из предыдущего тома читатель знает, как создалась организация под официальным названием „Вспомогательного патруля", но это было только начало.

150 рыбачьих траулеров и дрифтеров, не считая яхт и других мелких судов, были оборудованы под тральщики и, по возможности, вооружены. Личный состав их, втягиваясь в работу, обнаруживал все большую и большую сноровку и стремление оказать содействие. Новая организация вполне оправдывала свое создание.

Уже в течение ноября Джеллико было обещано дать для Скапа-Флоу четыре отряда, каждый в составе одной яхты и двенадцати тральщиков; адм. Битти для Кромарти получал три яхты и восемнадцать тральщиков. Итого семьдесят три судна нужны были только для охраны передвижений Гранд-Флита в районе его баз и немногим менее требовалось для Дуврского пролива, Канала и Ирландского моря, не говоря уже о нуждах Северного вспомогательного патруля. Эти цифры лучше всего иллюстрируют трудность возникшей проблемы. До сих пор, во все времена, флот защищал рыбаков Англии, теперь же рыбаки призывались на защиту флота!

Во всяком случае даже при наличии новой опасности оставался доминирующим тот факт, что пока Гранд-Флит занимает свою обычную позицию, судьба всей войны на море находится в его руках.

Кроме попыток время от времени «подразнить» Гранд-Флит подлодками, немцы ничего более не делали. Флот Открытого моря определенно показывал свое нежелание встречи с противником в эскадренном бою. Вопрос господства в Балтийском море был настолько важен для Германии,

что вряд ли она могла в этот период найти лучший объект для главных сил своего флота. Целесообразность такой стратегии становилась все более очевидной, по мере того, как подавляющие, сосредоточенные силы нашего флота усиливались вступающими в строй новыми линейными кораблями и возвращающимися с заграничных станций крейсерами. Ни ход операций на бельгийском побережьи, ни столь заманчивый объект для нападения, как наши коммуникации через Канал, не могли поколебать германский штаб в его решении не рисковать главными силами [1].

Он даже не сделал попытки протянуть руку помощи Шпее, на что последний, надо думать, рассчитывал и в чем были убеждены немцы, проживавшие в Южной Америке. Вне Балтики мы господствовали над неприятельским флотом, как во времена блокады Бреста, и даже несколько более. В те времена Брестский флот при благоприятном ветре и погоде мог проскочить в Атлантический океан, теперь же занимаемая нами позиция на севере делала невозможным выход Флота Открытого моря без риска решительного боя.

В этой обстановке наше стремление скорее вернуть в Англию три линейных крейсера, отправленных против эскадры Шпее, требует разъяснения.

С очищением океанов от неприятельских крейсеров первейшей задачей являлась необходимость усиления нашего господства в Северном море, имея в виду намерение перенести наступательные операции в воды противника. Подобные операции означали борьбу против берега и, следовательно, требовали судов особого класса. К моменту возвращения в Адмиралтейство на должность Первого Морского Лорда адм. Фишера, необходимые проекты были вчерне составлены и детальная их разработка шла весьма энергично. Главным образом разрабатывались проекты судов класса мониторов, насколько возможно непотопляемых минами или торпедами, а также быстроходных судов класса линейных крейсеров, слабо защищенных, но с очень крупной артиллерией.

Однако, пока эта программа не была осуществлена, ничего намеченного предпринимать было нельзя; неприятель же тем временем мог произвести в Северном море такие опе-

---

[1]) Из дневника адмирала фон-Поля, начальника морского генерального штаба за этот период времени, видно, что он не был самостоятелен в выборе решений. Он рассказывает, что 2 октября император снова совершенно определенно подтвердил о полном сохранении за собою руководства флотом и приказал главнокомандующему адмиралу Ингенолю вести наступательные операции только подлодками и миноносцами, допуская, однако, время от времени выходы больших крейсеров (Von Pohl. Aus Aufzeichnungen und Briefen während der Kriegszeit).

рации, которые потребовали бы от нашего флота напряженной бдительности и полной активности.

Зная, насколько военная доктрина Германии проникнута духом наступления, казалось невероятным, чтобы пассивность ее флота могла долго продлиться.

Наше высшее морское командование, в этот период войны, не разделяло взгляда тех, которые считали, что немцы не пойдут на операции, связанные с риском потерять господство в Балтике; другими словами, они не будут рисковать ослаблением своего флота в предвидении возможности нашего прорыва в Балтийское море.

Равнодушие, с которым противник отнесся к уничтожению его тихоокеанской эскадры и прекращению морской торговли, об'яснялось возможным намерением сберечь флот для какого-то удара, наиболее осуществимого с наступлением долгих зимних ночей.

Неудачи во Франции заставили немцев понять, что война не может закончиться тем молниеносным ударом, на который они расчитывали; подымался грозный продовольственный вопрос и нельзя было не считаться с тем обстоятельством, что, не взирая на всю осторожность германского высшего морского командования, оно, помимо своей воли, будет принуждено рискнуть своим флотом в надежде—хотя и маловероятной—ослабить блокаду и помешать дальнейшей отправке войск во Францию.

Под влиянием всех этих соображений к концу октября возник вопрос—насколько дислокация флота в Отечественных водах соответствует обстановке? Не является ли принцип „крайнего сосредоточения", положенный в основу дислокации, только плодом чистой теории, а не разумной доктрины, основанной на опыте прежних морских войн.

Втечение ноября, когда Гранд-Флит вернулся в Скапа, после своего временного пребывания на западе, весь вопрос в целом был подвергнут обсуждению при участии старых испытанных флагманов, имена которых пользовались доверием всего флота. Результат оказался в пользу рассосредоточения сил; адм. Артур Вильсон, наиболее крупный авторитет, анализируя все доводы защитников сосредоточения, горячо протестовал против него. „Мечта большинства моряков",—писал он,—„эскадренный бой, для которого мы тем или иным способом сумеем стянуть все наши силы, чтобы раздавить немцев одним ударом". „Это, однако, и есть на самом деле только мечта! Наша задача—так распределить свои силы, чтобы не только воспрепятствовать противнику нанести нам ущерб, но более того—самим предупредить его в этом и не упустить никакого случая нанести ему вред. В первую очередь необходима дислокация флота, которая отвечала бы возможности отправить на фронт максималь-

ное количество войск, а такая дислокация неоспоримо требует некоторого рассосредоточения".

Рассматривая вопрос под таким широким углом зрения и не руководствуясь только соображениями морского характера, Вильсон был особенно против того, чтобы считать Гарвичский отряд „придатком" Гранд-Флита, который в случае неизбежности эскадренного боя должен идти на присоединение к главным силам. „Во-первых, потому, что отряд явится на арену действий не ранее нескольких часов после окончания боя, а, во-вторых, потому, что цель встречи главных сил германского флота с нашими главными силами будет, по всей вероятности, следствием попытки высадить десант на побережьи".

Видя, как складывалась обстановка во Франции, нельзя было не считаться с возможностью подобного рода со стороны противника.

Затяжные Ипрские бои близились к концу; старания немцев пробиться к побережью Калэ не увенчались успехом. Неприятельское наступление заканчивалось рядом боев и столкновений местного характера—прелюдией к длительной окопной войне. День за днем сообщения главных квартир гласили: „положение без перемен". Неудача германского замысла была настолько полной, насколько проведение его—могущественно и настойчиво. Хотя и не подлежало сомнению, что план немцев разрешить грозную проблему Марны был в настоящую минуту оставлен, но на него было поставлено слишком много, чтобы спокойно сидеть на месте, после полученного отпора.

Потраченные усилия вели к определенной цели—сломить командующее положение Англии на море, закрепившись на побережьи Дуврского пролива, и было вполне естественно предполагать, что противник будет искать других способов для достижения этой цели.

Так как немцы не отваживались на попытку прорваться в Канал с целью нарушить наши коммуникации, питающие армию на континенте, то наиболее вероятным представлялся план создать серьезную причину, которая бы заставила Англию удержать войска на родине.

При таких обстоятельствах опыт долгих лет учил нас предупредить попытку вторжения, или хотя бы подобия вторжения, в виде набега на побережье сильного сухопутного десанта.

С конца сентября началось обсуждение особых мер предосторожности в этом направлении, а вскоре, после отделения трех линейных крейсеров от Гранд-Флита, отправленных против германской Тихоокеанской эскадры, меры эти стали проводиться в жизнь.

Во всех „сомнительных“ пунктах были осуществлены соответствующие мероприятия противодействия возможному набегу каких-либо неприятельских отрядов, которым бы удалось обмануть бдительность Гранд-Флита.

Средства местной обороны были усилены назначением добавочных охранных судов, освободившихся к этому времени в других местах. Loch Ewe, где стоял *Illustrious*, перестала быть базой Гранд-Флита, Stamway был признан базой наиболее подходящей для вспомогательного патруля района Гебридских островов, вследствие чего *Illustrious* был переведен в Тайн—ремонтную базу, недостаточно защищенную, и, в частности, не имевшую охранного судна. Хумбер, второклассная база, ближайшая к Вильгельмсгафену, была в лучшем положении. Там находился штаб Балларда (адмирала Патрулей), державшего флаг на *St. George; Victorious* и *Mars* были также здесь, теперь к ним были присоединены *Majectic* и *Jupiter*. Ниже, в Wash, стояли три монитора, а по всем главным портам восточного побережья были распределены старые легкие крейсера и канонерки, вновь отремонтированные и вступившие в кампанию для бомбардировки бельгийского побережья и поддержки сухопутных частей. Кроме этих противодесантных мер предосторожности шли приготовления для быстрого заблокирования входов в порты и для уничтожения в случае надобности пристаней и всякого рода причальных устройств. В ряде незащищенных портов, как Блит, Сундерланд и др., были поставлены минные заграждения, замыкавшиеся с берега.

Но, конечно, на этих мерах пассивной обороны ни в какой степени не строилась защита против возможных десантных операций противника.

Как и в далеко прошедшие времена, все в основном сводилось к тому, чтобы встретить вторгающегося неприятеля еще в море; проведение этого решения в жизнь требовало изменения дислокации Гранд-Флита.

Необходимость усиления господства в Северном море была совершенно очевидна, но оно было немыслимо, пока Гранд-Флит оставался столь далеко на севере. Существовавшая дислокация вполне соответствовала обстановке, пока мы удовлетворялись тем, что прерывали коммуникации противника в северных направлениях, и пока мы верили, что оказываемое нами давление принудит германский флот принять бой. Но теперь, когда эта надежда слабела и можно было ожидать, что противник попытается применить старый французский план—атаковать наше побережье, то простое сосредоточение на великих океанских путях на севере переставало соответствовать обстановке.

Однако, возражения против возвращения к такой, имевшей место в прошлом, дислокации были далеко не безосно-

вательны. Для слабейшей морской державы производство операции в виде смешанной атаки побережья являлось способом нарушить сосредоточение флота противника и принудить часть этого флота принять бой в тяжелых для него и в выгодных для себя условиях.

Или теперь, или никогда, немцам представлялся случай сыграть в хорошо знакомую старую игру. Англия как в сухопутном, так и в морском отношениях переживала моменты слабости. Из регулярных войск в Соединенном Королевстве находились только прибывающие части индийской армии и гарнизоны из дальних колоний, формировавшиеся в 27-ую, 28-ую и 29-ую пехотные дивизии, а территориальные войска еще не закончили шестимесячного обучения, необходимого для их боевой подготовки. Гранд-Флит потерял *Audacious*'а, а *Benbow* и *Emperor of India*— новые линейные корабли типа „Iron Duke" еще не вступили в строй, т. к. только 20-го ноября могли выйти в Куинстоун для производства пробной стрельбы. Новый линейный крейсер *Tiger*, только что присоединившийся к флоту, был далек от состояния действительной боевой готовности [1]).

К тому же база в Скапа все еще оставалась ненадежной, хотя к этому времени она стала менее открытой противнику; кое-что было сделано в отношении сокращения числа входов, которыми можно было в нее проникнуть. При помощи двенадцати затопленных блокшивов адм. Миллеру удалось, несмотря на сильнейшее приливное течение, закупорить три из них, оставив, кроме главного (южного) прохода, один с западной стороны и два с восточной. Для них изготовлялось противолодочное заграждение, испытанное с успехом в Кромарти, но оно еще не прибыло.

Пока эти заграждения не были установлены, Гранд-Флит мог расчитывать в деле охраны себя только на миноносцы и суда Вспомогательного Патруля, специально данные ему в качестве средств борьбы с подводной опасностью. Двенадцать эскадренных миноносцев были временно прикоманди-

[1])

	Тонн	Проектир. скорости в узлах	Орудия:
Benbow . . . . . . / *Emperor of India*	25.000	21	X—13,5", XII—6" II—3" зенитных.
Tiger	29.000	30	VIII—13,5", XII—6" II—3" зенитных.

рованы к Гранд-Флиту для той-же цели, но каждую неделю поступали требования вернуть их для прежней дозорной службы на юге, где надобность в них все возрастала. Увеличивающаяся активность неприятельских подлодок в Канале требовала усиления охраны транспортов, непрестанно посылаемых во Францию [1]).

21 ноября был составлен новый план заграждения Дуврского пролива: вся зона разделялась на восемь районов, в каждом из которых беспрерывно нес дозор английский миноносец, а французские подлодки обязывались быть в постоянной готовности по тревоге занять линии от Gris Nez в Varne и от Кале в Goodwins.

Но кроме такого прикрытия каждому транспорту требовалась еще охрана, успешно выполнить которую могли только миноносцы. Их требовалось гораздо больше, чем мы могли дать, и, несмотря на помощь французских флотилий, сплошь и рядом пароходы важного назначения должны были идти без охраны. Большой конвой, прибывший из Индии в середине сентября, пришлось вместо Саутгэмптона направить в Девонпорт [2]). Ненадежность плавания в Канале только что подтвердилась потерею *Niger*'а. 11-го ноября этот старый миноносец был потоплен торпедой у Deal [3]), ввиду чего уже на следующий день Джеллико получил приказание вернуть временно прикомандированные к Гранд-Флиту двенадцать миноносцев, как только закончится работа по противолодочному оборудованию Скапа.

Дальнейшим результатом активности неприятеля явилось приказание крейсерам Западного Патруля не останавливаться для осмотра коммерческих судов из-за риска стать жертвой подлодок. Отныне им надлежало сосредоточить главное внимание на обнаружении подозрительного рода судов, а не на пресечении военной контрабанды. Положение в районе Северного Патруля также было далеко не блестящим. Шесть старых „Edgar'"ов 10-ой крейсерской эскадры оказались настолько изношенными, что приходилось удивляться, как они вообще могли нести службу. Теперь они пришли в совершенную негодность и получили приказание окончить кампанию. На их место вступали вспомогательные крейсера, хотя не все из них были еще готовы.

Впрочем, последний недочет в скором времени устранился, т. к. было признано ненужным формирование эскадры

[1]) Втечение ноября было переправлено около 70.000 войск и свыше 16.000 лошадей, что потребовало вместе с обозом двенадцать транспортов в день.

[2]) Конвой состоял из шести транспортов с десятью баталионами пехоты и одиннадцатью батареями полевой артиллерии и одного транспорта с тремя тяжелыми батареями. Идти Каналом разрешили только последнему.

[3]) Подводной лодкой *U-12*, впоследствии уничтоженной миноносцем.

против Шпее на западном побережьи Африки и крейсера *Warrior*, *Black Prince*, *Duke of Edinburgh* и *Donegal* присоединились к Гранд-Флиту. Вслед за ними шли—окончивший ремонт *Leviathan*, ненужный в Вест-Индии после уничтожения *Эмдена Hampshire* и *Cumberland* из Камеруна.

Таким образом, вместо ушедших трех линейных крейсеров Джеллико в ближайшем будущем получал три крейсера 1-ой крейсерской эскадры плюс *Leviathan*. 6-ая же крейсерская эскадра, из состава которой он имел прежде только *Drake* и случайные суда, теперь укомплектовалась *Donegal*'ем, *Cumberland*'ом и *Hampshire*'ом.

Учитывая столь важные обстоятельства, как готовность в ближайшем времени ко вступлению в строй первого корабля из серии типа „Queen Elisabeth“ и то, что, наверное, немцы скоро обнаружат уход отряда Стэрди, было вполне естественно ждать, что они используют благоприятный момент для нанесения чувствительного удара нашему флоту, момент, который в будущем может не повториться. Риск нарушения сосредоточения флота в такую минуту был очевиден, но новый состав Адмиралтейства уже показал, что, когда освященные опытом принципы ставятся на карту, он идет на риск.

Один из принципов гласил, что, раз есть вероятие вражеского вторжения или набега на побережье, должны быть приняты все меры пресечь подобные попытки еще в открытом море, или, в худшем случае, у побережья. Итак, пошли на риск.

Хотя базы Скапа-Флоу и Кромарти, где стоял с линейными и легкими крейсерами адмирал Битти, были слишком удаленными, их все же приходилось удерживать для господства в северных проходах, но требовалась еще третья база, более южная; в этом отношении Розайт, со всеми своими недостатками, все-таки являлся единственным подходящим пунктом. Противолодочная оборона там заканчивалась и он был избран в качестве базы для значительного отряда судов.

Сокращение линейных сил, находившихся у Джеллико, побудило его просить вернуть ему 3-ью линейную эскадру, отозванную еще вначале ноября в Канал, но его просьба не получила полного удовлетворения. Надо было парализовать все увеличивающуюся подводную опасность в Канале и Адмиралтейство решило нанести удар базам, из которых подлодки действовали, наметив для производства этой рискованной операции пять „Duncan'ов, которые совместно с *Revenge*'ом должны были сформировать эскадру особого назначения — 6-ую линейную — под флагом Никольсона. Восемь „King Edward'ов“ могли быть отданы и Брадфорд получил

приказание снова отвести их на север. 13 ноября семь из них вышли из Портланда на присоединение к Гранд-Флиту, но уже не в Скапа-Флоу. Накануне этого дня закончилось составление нового плана на случай какой либо попытки немцев произвести высадку на побережьи Англии. В основу его было положено следующее соображение: если к северу или югу от Flamborough Head появятся экспедиционные силы противника, мы должны быть готовы немедленно обрушиться на их прикрывающие отряды с целью прорваться и атаковать транспорты и их конвой или дать возможность сделать это флотилиям наших миноносцев. Для этой цели северный район поручался отряду Брадфорда с базированием на Розайт, где к нему присоединялся Пакенгам с 3-ьей крейсерской эскадрой в составе *Antrim*, *Argyll*, *Devonshire* и *Roxburgh* и полуфлотилии миноносцев.

В южном районе проведение в жизнь вышеуказанного соображения встречало затруднения. Здесь все имевшиеся в наличии силы состояли из сравнительно устаревшей и тихоходной 5-ой эскадры и еще более устаревших „Duncan"ов. Кроме того, единственной подходящей базой был Ширнесс, порт, неудобный для упражнений и занятий флота, выход из которого был возможен не при всех условиях прилива. Первое обстоятельство являлось крупным недостатком, т. к. по плану войны эскадры Канала являлись резервом, откуда непрестанно черпались укомплектования на другие суда и где команды все время пополнялись необученными людьми. Неудовлетворительность положения усугублялась неимением крейсеров, а взять их было неоткуда. Тем не менее приходилось обеспечить позицию. Поэтому 14 ноября адм. Берней вышел из Портланда в Ширнесс с 5-ой линейной эскадрой, а „Duncan"ы пошли в Дувр [1]).

Берней имел приказание при первых признаках неприятельской экспедиции немедленно ее атаковать, не считаясь с обнаруженными силами, и тотчас же вызывать к себе 6-ую линейную эскадру. Считалось вероятным, что при помощи Гарвичских флотилий миноносцев и флотилий из Нор он сможет предупредить высадку. Кроме того, разработанным планом, одновременно с этим, предусматривалась посылка значительного количества подлодок и заградителей в тыл противнику. Баллард получил новые директивы, согласно которых дозорные флотилии восточного побережья должны были рассматриваться в качестве первой линии обороны против набега. По началу так и было, но затем, вследствие энергичной деятельности немецких заградителей, обстановка изменилась. Вместо того, чтобы держаться по-диви-

---

[1]) 5-ая эскадра состояла из *Lord Nelson*'а (флаг), *Agamemnon*'а и семи кораблей типа «Formidable».

зионно, по определенным портам, дозорные миноносцы оказались разбросанными поодиночно по побережью в поисках возможных заградителей противника. В таком положении они не могли бы оказать серьезного сопротивления экспедиционным силам противника.

В начале ноября операция немцев у Горлестона заставила обратить внимание на рискованность положения, в результате чего, после совещания в адмиралтействе, было решено возобновить прежнюю диспозицию, составленную еще в апреле 1914 года Де-Робеком. Адм. Баллард получил распоряжение собрать миноносцы по дивизионно, возложив службу по борьбе с неприятельскими заградителями исключительно на суда Вспомогательного Патруля [1]).

К концу месяца сведения разведки начали подтверждать разумность принятых мер [2]). Настойчивые сообщения ее указывали на необычайное оживление в германских военных портах. Первой ласточкой было сообщение о предполагаемой подводной атаке значительными силами баз Гранд-Флита, но это сообщение не требовало принятия каких либо мер, т. к. базы в это время пустовали. Как и обычно при всяких признаках неприятельской активности, был предпринят крупными силами поиск в Гельголандскую бухту. На этот раз он должен был сопровождаться воздушным рейдом на Куксгафенские ангары цеппелинов в качестве дополнительной меры для принуждения противника к бою. Однако, противник, по всей вероятности, был слишком на чеку и воздушную операцию отменили, но все эскадры Гранд-Флита совместно с Гарвичскими силами с 22 по 25 ноября ходили к Гельголанду.

Как и всегда ничего обнаружено не было и флот разошелся по местам новых стоянок. 20 ноября генерал Жофр сообщил, что с прекращением нами операций на бельгийском побережьи неприятельские батареи, установленные к востоку от Ньюпорта, причиняют союзникам много беспокойства. Генерал Фош вел энергичную бомбардировку и французский главнокомандующий просил нас о поддержании его. Хотя, как будет видно ниже, мы сами имели ввиду опера-

---

[1]) Две флотилии миноносцев адмирала Балларда—7-ая и 9-я—имели каждая по четыре дивизиона, из которых один всегда находился в резерве, чистя котлы и перебирая механизмы. Из действующих дивизионов, два 7-ой флотилии стояли в боевой готовности днем и ночью в Ярмуте и один в Хумбере. Кроме того в Хумбере находился один дивизион 9-ой флотилии, второй дивизион стоял в Тайне. Третий держал дозор между Гартлепулем и Flamborough Head.

[2]) Начальником Разведывательного Управления был в это время Кап. I р. Холл, бывший командир л. кр. *Queen Mary*, назначенный на эту должность вместо контр-адмирала Оливера, заменившего адмирала Стэрди на посту Начальника Морского Генерального Штаба.

ции в этом районе, тем не менее просьба была тотчас же уважена. Контр-адмирал Худ немедленно пошел в Дюнкерк с *Revenge*'ом, *Bustard*'ом и шестью миноносцами, при чем по предложению Адмиралтейства в его распоряжение были даны французские—канонерская лодка и четыре миноносца. По выполнении задачи ему было приказано вернуть *Revenge* в Дувр.

Одновременно выполнялась и наша собственная операция: подводная активность противника в Канале все увеличивалась и было решено, пользуясь походом Гранд-Флита к Гельголанду, начать проведение нового плана—нападения на базы подлодок. Наибольшее безпокойство причинял Зеебрюгге, — порт, который немцы приспосабливали под базу подлодок, для действий их в Канале на путях сообщений нашей армии. После эвакуации Зеебрюгге, мы, уступая требованиям сухопутного командования, оставили его нетронутым; результаты этого теперь начали сказываться [1]). Деятельность подлодок родила несколько проектов заблокирования Зеебрюгге. Но они были, основываясь на неудачном опыте японских брандеров у Порт-Артура, забракованы вследствие убежденности в невозможности подавления огня современной береговой артиллерии. Позже, когда достижения техники изменили положение вопроса, одна из самых замечательных операций, записанных на страницах морской истории Англии, опровергла ошибочное мнение. Но пока решение состоялось в пользу бомбардировки, а не заблокирования.

21 ноября, почти одновременно с выходом Гранд-Флита, Никольсон получил приказание идти в Зеебрюгге с линейными кораблями *Russell* и *Exmouth*. В пути к нему должны были присоединиться восемь миноносцев, значительное число тральщиков из Ловестофта и два воздушных корабля для корректировки стрельбы. 23 ноября операция состоялась, но вследствие тихоходности тральщиков и затруднений, которые они испытывали от лопающихся на мелководии тралов, подход отряда совершался очень медленно, при чем в конце концов осталось только два действующих тральщика, воздушные же корабли не прибыли вовсе. В 2 ч. 30 м. оба корабля с 62 каб. открыли огонь по батопорту канала. Когда расстояние уменьшилось до 55 каб., Никольсон изменил курс на 4 *R* влево, чтобы все орудия могли действовать, и перенес огонь на железнодорожную станцию, гавань и батареи, расположенные в гавани. На этом курсе он дошел до пловучего маяка Wielingen. Расстояние уменьшилось до 30 каб. и суда, повернув на 16 *R*, повторили маневр на обратном галсе. В 3 ч. 40 м. т. е. после почти часовой

---

[1]) См. Том I, стр. 232.

бомбардировки, бой закончился. Всего было сделано 400 залпов. Отсутствие воздушных кораблей не давало возможности судить о результатах, видны были только пламя громадного пожара и огненные языки других меньших пожаров. Если верить полученным впоследствии сообщениям из Голландии, успех был не малый: склады, постройки и краны в порту оказались разбитыми, присланные для сборки отдельные части подлодок обращены в массу переломанного, перекрученного железа. Короче говоря, по сообщениям выходило, что, хотя бы и временно, но как база подлодок Зеебрюгге не годится и немцам придется оставить и Брюгге.

Однако, эти сообщения более подробных подтверждений не имели и Зеебрюгге оставался источником беспокойств и опасений за линии сообщения через Канал.

Сомнений в усилении предприимчивости командиров немецких подводных лодок быть не могло: в день бомбардировки Зеебрюгге маленький английский пароход *Malachite*, шедший из Ливерпуля в Гавр, был остановлен подлодкой *U 21* совсем близко от этого порта на глазах дозорного судна. Появление ее было настолько ошеломляюще неожиданно, что лодка без помехи почти полчаса стреляла по *Malachit*'у, при чем с берега не было сделано ни малейшей попытки спасти *Malachite*, державшегося на плаву почти двадцать четыре часа. В течение последующих дней французские миноносцы старательно, но неудачно, охотились за лодкой. По одному из своих преследователей *U 21* выпустила безуспешно три торпеды, но из этого района не ушла. 26 ноября у мыса d'Antifer к северу от Гавра, она поймала пароход *Primo*, шедший с углем в Руан, и поступила с ним так же, как и с *Malachite*, опять действуя без всякой помехи. Снова никакой попытки спасти пароход по уходе неприятеля сделано не было. Потери были незначительны, но факт нападения на коммуникационные линии, которого давно опасались, был налицо. Очевидно, существующие меры предосторожности не отвечали обстановке.

Хотя французы имели в Шербурге восемнадцать миноносцев, конец их коммуникаций оказался незащищенным от подлодок. С нашей стороны организация охраны также не была закончена. Двенадцать вооруженных тральщиков из Ярмута, назначенных для конвоя, не могли приступить к работе ранее 26 ноября. Все движение транспортов было приостановлено; шесть из них, готовых к уходу из Саутгэмптона, пришлось задержать до прибытия из Гарвича шести миноносцев. Этим миноносцам, после отконвоирования транспортов, предписывалось произвести на обратном пути тщательный осмотр побережья Англии в поисках подлодок и плавучих мин, о большом числе которых поступали донесения. 26 ноября, в день потопления *Primo*—из Гарвича

был отправлен еще дивизион миноносцев для поиска лодок в районе Дувр—Needles; французов просили сделать то же самое по их побережью. После этого из Дувра потребовали еще шесть миноносцев для регулярной конвойной службы.

К моменту их прихода в Девонпорт прибыл дивизион миноносцев типа „Beagles“ из числа двух, отозванных из Средиземного моря для сформирования флотилии Северного моря. Их немедленно прикрепили к Портсмуту для конвойной службы; благодаря этому стало возможным организовать из Ярмутских тральщиков постоянный дозор на линии Winchelsea-Pool, прикрывающий путь и на Диепп и на Гавр. Таковы были вновь принятые меры. Отныне ни один транспорт важного назначения не мог быть отправлен без конвоя, при чем время их ухода назначалось с расчетом прибытия к французским берегам после наступления темноты.

В дополнение к этим мерам, под влиянием факта употребления подлодками против пароходов артиллерии, возникла мысль устройства судов - ловушек (decoy-ships) и было сделано соответствующее распоряжение об оборудовании такой ловушки—парохода *Victoria* с двумя замаскированными 12-ти фунтовыми орудиями.

Таким образом, ко всем заботам флота прибавлялась новая. В то время, как в ожидании попыток вторжения каждый миноносец был нужен в Северном море, коммуникационные пути армии сделались источником постоянных опасений и охрана их ложилась дополнительным бременем на наши минные флотилии. Но в данный момент центр тяжести подводной кампании немцев находился в другом месте. В день бомбардировки Зеебрюгге, когда Гранд-Флит находился у Гельголанда, произошло, повидимому, то самое нападение на его базы, о котором предупреждала в свое время наша разведка.

Тральщиком *Dorothy Grey* в миле на SW от Ноха была обнаружена подлодка и в таком близком от себя расстоянии, что он бросился на нее с целью таранить. Нанес ли он ей удар или нет, наверное сказать нельзя, но во всяком случае ей пришлось погрузиться с такой быстротой, что она носом ударилась о подводную гряду у Muckle Skerry и получила столь серьезные повреждения, что была принуждена подняться на поверхность и сдаться миноносцу *Garry*. Лодка оказалась *U 18*. Тральщику *Dorothy Grey* выпала честь первому из числа вспомогательных судов ликвидировать германскую подводную лодку.

На следующий день в 8 ч. 30 м. утра другой тральщик донес о появлении лодки у Duncansby Head, идущей курсом WSW, а два часа спустя канонерка-тральщик *Dryad* обнаружила и гоняла большую лодку в 40 милях на OtS от

того же пункта. Лодка погрузилась и ушла. Вскоре после полудня еще одна лодка была замечена у Ноу, идущей из Torness по направлению Stroma, т. е. поперек Pentland Firth.

Оживленная деятельность лодок продолжалась и в день возвращения флота, т. е. 25 ноября. Начальник отряда тральщиков Абердинского порта гонялся за лодкой, появившейся у Абердина; канонерка *Skipjack* пыталась потопить, но неудачно, *U16* у Pentlands. Сколько лодок было на самом деле—определенно выяснить было нельзя, но не приходилось сомневаться, что противник предпринял планомерное нападение на район Скапа-Флоу. Правда, это нападение свелось лишь к потере неприятелем лодки, но оно не могло не усилить опасений за все еще незащищенные места якорных стоянок флота. Затруднения усугублялись рядом жестоких штормов, препятствовавших установке боновых заграждений. Ноябрь ~~месяц~~ заканчивался без всякой уверенности в скорой готовности заграждений (сети, боны) типов, выработанных в Кромарти. Все это в известной степени влияло на свободу действий главнокомандующего, а ужасная катастрофа, разразившаяся на эскадре Канала, усугубляла чувство неуверенности. 26 ноября на л. к. *Bulwark* из состава 5-ой линейной эскадры, прибывшей согласно новой дислокации 15-го ноября в Ширнесс, во время приемки боевого запаса, произошел страшный взрыв. Когда рассеялся дым—корабля уже больше не было. Из экипажа в 750 человек спаслось лишь двенадцать.

Неожиданность и размеры катастрофы казались необ'яснимыми. Долгое время она считалась делом рук шпионской организации, что, конечно, не способствовало облегчению морального впечатления от тяжелого удара. Только в середине декабря следственная комиссия установила причину взрыва, об'яснив ее разложением пороха.

Тревожный период штормовых погод и темных ночей, столь благоприятный для попыток неприятеля, наступил и одновременно получились указания на новые признаки опасности, против которой и было предпринято изменение дислокации.

1-го декабря наш посланник в Копенгагене прислал донесение—не настаивая на его особенной достоверности—о значительном количестве пароходов и всяких десантных средств, сосредоточиваемых в Киле. Первоисточник этих сведений не заслуживал большого доверия, но, если даже он и сообщал правду, то все же характер Кильских приготовлений и обстановка говорили в пользу того, что они скорее направлены против незамерзающего русского побережья в районе Либавы, чем против берегов Англии.

После победы Гинденбурга под Сольдау, прекратившей наступление русских в Восточную Пруссию, германское

наступление остановилось. В Берлине пришлось подумать о помощи австрийцам против вторжения русских в Галицию. Но т. к. немцы не оставили плана наступления в Прибалтийский край, а русские войска на своей территории занимали сильные позиции, то представлялось весьма вероятным, что немцы готовятся выбить их при помощи десантного удара. Удержание господства в Балтике становилось для Германии существенно важным не только для оборонительных целей, но и для успеха ее наступления. В течение зимы вряд ли можно было рассчитывать на осуществление этого наступления, но зато темные зимние ночи наиболее благоприятствовали выполнению другого плана, т. е. смешанной операции против наших берегов. Во всяком случае нельзя было игнорировать опасность, в особенности считаясь с тем фактом, что кампания пропаганды идеи принудительной воинской повинности, поднятая незадолго до войны, не способствовала в свое время к уменьшению национальной тревоги, связанной с вопросом возможности неприятельского вторжения. Кроме того, через неделю—другую, должен был нанести удар германской тихоокеанской эскадре адмирал Стэрди и с этого момента ослабление Гранд-Флита вследствие посылки линейных крейсеров переставало быть секретом. Поэтому необходимость доведения главных сил флота до максимальной боевой готовности не подлежала никакому сомнению, а скорейшее возвращение Джеллико его крейсеров—являлось очевидной необходимостью. Однако, Адмиралтейство, пойдя на риск и сделав все возможное для пополнения Гранд-Флита, не отступилось от принятого решения.

К этому времени Джеллико имел в своем распоряжении полностью 1-ую крейсерскую эскадру и почти целиком 6-ую; крейсера *Yarmouth* и *Gloucester* из Вест-Индии шли к нему на присоединение. Последнее добавление доводило число его легких крейсеров до восьми. Недостаток крейсеров Северного Патруля начинал пополняться вступающими постепенно в строй вспомогательными крейсерами. Все эти меры, однако, ни в какой степени не служили помехой к выполнению плана, выработанного против эскадры Шпее.

Пока Адмиралтейство, не взирая на риск, неотступно продолжало работу по очищению океанов от неприятельских крейсеров, впечатление о том, что Флот Открытого моря начинает приходить в себя от спячки, не остывало. Хотя день за днем никаких видимых к тому признаков не обнаруживалось, тем не менее наша бдительность все усиливалась. Между 1-ым и 10 декабря главнокомандующий наметил новый поиск в Гельголандскую бухту, на этот раз линейными и легкими крейсерами с 1-ой эскадрой линейных кораблей и 1-ой крейсерской эскадрой на поддержку.

Но незадолго до назначенного срока разразился ряд жестоких штормов, результатом которых оказалась повсюду масса сорванных мин, и Адмиралтейство считало нежелательным рисковать флотом ради простой разведки.

Внимание главнокомандующего сосредоточивалось на мерах по охране базы флота, надобность в которых лишний раз подтвердил случай, происшедший 3-го декабря, когда немецкой подлодке почти удалось проникнуть в восточный проход Флоу. Она тотчас была замечена дозорным миноносцем *Garry*, который дважды открывал по ней огонь, т. к. из-за большой волны он не мог ее таранить, тем более в узкости. Подлодка безуспешно выпустила по миноносцу торпеду, а затем вышла в море и, дойдя до 10-ти саженной глубины, успела погрузиться, видимо, неповрежденная.

Очевидность подводной опасности все возростала и Джелликое внес ряд предложений по оборудованию его базы противолодочными устройствами. Одновременно к этой заботе прибавилась еще новая:—выяснилось, что тральщики, несмотря на все их качества, слишком тихоходны и не могут обеспечить флоту достаточную свободу действий. Пришлось снова „наложить руку“ на торговый флот и взять, впредь до постройки специальных судов, восемь быстроходных пароходов, поддерживавших пассажирское сообщение по побережью Англии. Соответственно переделанные, эти пароходы вошли в состав военного флота под названием „эскадренных тральщиков“.

Увеличивающаяся подводная опасность заставила также реорганизовать и систему дозорной службы. Рост количества судов, вовлеченных в борьбу с подлодками, перестал соответствовать первоначальной организации дела, и поступавшие со всех сторон требования на такие суда, часто противоречащие взаимным интересам, можно было удовлетворить только об‘единив в одно целое всю систему борьбы по всему нашему побережью.

8 декабря должность так называемого „капитана над тральным делом“ (Captain Supervising Sweeps) была упразднена и образован „Комитет по делам подводных атак“ (Submarine Attack Committee) с кап. I р. Данальдсоном во главе. Функции комитета сводились к организации и развитию средств борьбы с подлодками, которые в тот период войны были: орудийный огонь, таранный удар, тралы с взрывателями и сети—указатели места лодки [1]) (indicator

[1]) Эти сети делались из тонкого, очень прочного стального троса с поплавками-буйками из капка или ввиде стеклянных шаров. Посредством особых храпцев, каждая сеть разобщалась от всей пачки сетей как только зацеплялась за лодку. Затем сеть обволакивала лодку и тащилась за ней, а буйки, оставаясь на поверхности, указывали место лодки.

nets). Последнее средство только еще испытывалось. Одновременно была разработана схема разделения всего пространства Отечественных вод на двадцать три дозорных района с расчетом, чтобы база каждого района находилась поблизости от местного военного порта и получаемые дозорами сведения могли без задержки передаваться по назначению.

В обязанность дозора входило, кроме борьбы с подлодками, предупреждение постановки мин и наблюдение за судами, подозрительными в отношении шпионства. Для этого требовалось: семьдесят четыре яхты и четыреста шестьдесят два тральщика, помимо моторных катеров для работы в некоторых внутренних водных районах [1]).

Чисто тральное дело не вошло в новую организацию и осталось самостоятельным. Свою работу новая организация начала 20 декабря, но далеко не сразу смогла удовлетворить потребности всех районов, хотя подходящие суда брались в большом количестве и вооружались экстренным порядком.

Несмотря на всю продуманность оборонительной системы, Адмиралтейство было далеко от мысли успокоиться на этом. Оно делало все для скорейшего выполнения судостроительной программы, надеясь вслед затем начать вторую фазу войны энергичным наступлением против неприятельских

---

[1]) Дозорные районы, об'единенные новой организацией, с августа 1915 г. получившей сокращенное название «Вспомогательный Патруль», были следующие:

Район.	База.
1. Гебриды и Minch.	Loch Ewe и Stornowoy.
2. Шетландские о-ва.	Longhope.
3. Оркнейские о-ва.	Longhope.
4. Moray Firth.	Кромарти.
5. У Rattray Head.	Питерхэд.
6. Forth—Rattray Head.	Розайт.
7. Меристее Forth.	Granton.
8. Тайн.	Тайн.
9. Хумбер.	Гримсби.
10. У восточ. берега Англии.	Ярмут и Гарвич.
11. Дуврский пролив.	Дувр.
12. East Channel.	Портсмут.
13. Mid Channel.	Портланд.
14. Western Approach.	Девонпорт.
15. Бристольский и св. Георгия каналы	Мильфорд.
16. Ирландский канал	Ливерпуль, Бельфаст.
17. Северное побережье Ирландии.	Lough Larne.
18. Сев.-Зап. побережье Ирландии.	Lough Swilly.
19. Западное побережье Ирландии.	Blacksoud Bay.
20. » » »	Galway Bay.
21. Южн. и Юго-Зап. побер. Ирландии	Куинстоун и Биргавен.

портов Северного моря. Бомбардировка Зеебрюгге была первым пунктом этого плана и необходимость продолжения подобных операций, хотя и второстепенного характера, диктовалась все большей и большей активностью подводных лодок неприятеля.

Имелись основания предполагать, что Зеебрюгге и после бомбардировки служит противнику прежним целям; поэтому, когда 9 декабря, через состоящего при бельгийской главной квартире полковника Бриджеса пришло предложение атаковать этот порт соединенными силами с суши и моря, то за него сразу же ухватились. Сначала решили послать „Duncan"ы из Дувра, но . . . их там не оказалось. Штормом, разыгравшимся 3 ноября, боновое заграждение было сорвано, порт оказался открытым для подводных лодок и эскадру пришлось отправить в Портланд.

Однако, из Wash потребовали три монитора, из Хумбера *Mars* и *Majestic*, а адм. Худа и адм. Никольсона (начальника эскадры „Duncan'ов") вызвали в Адмиралтейство для обсуждения плана операции. На случай действий внутри базы противника было приказано вооружить несколько десантных ботов и дрифтеров, первых 4,7", а вторых 3-фунтовыми орудиями, поставив к ним щиты. Но 11 декабря операцию отложили, оставив суда в полной готовности в Дувре и Дюнкерке, за исключением *Mars*'а, отправленного в Портланд.

До этих распоряжений Худ, по приглашению сухопутного начальства в Дюнкерке, успел 14 декабря посетить главную квартиру, где выяснил, что мысль о соединенной атаке Зеебрюгге оставлена и все намерения Фоша сводятся к операции исключительно вспомогательного значения.

Если можно было рисковать судами в штормовую погоду ради уничтожения опасной подводной базы, то никак нельзя было позволить себе подобную роскошь ради содействия второстепенной сухопутной операции. Поэтому Худ получил указания беречь суда, если погода не улучшится. Худ все-таки не хотел совершенно отказаться от намеченного плана. *Majestic* и *Revenge* уже вышли из Дувра в Дюнкерк и 15 декабря вместе с тремя орудийными платформами-ботами сделали попытку нащупать беспокойные батареи противника. Попытка эта не удалась и *Majestic* был отозван в Дувр Адмиралтейством, которое не допускало участия в операциях линейных кораблей, кроме устаревшего *Revenge*'а. *Revenge* продолжал бомбардировку и на следующий день, но, получив два попадания 8" снарядов, из которых второе значительно ниже ватер-линии, принужден был уйти для ввода в док. Мониторы, по мнению Худа, действовать самостоятельно без поддержки не могли и дальнейшее выполнение операции прекратилось.

Наступил момент, когда нельзя было и думать об отделении линейных кораблей для второстепенной работы на побережьи, момент, когда казалось, что давно ожидаемое контр-наступление германского флота неожиданно будет осуществлено.

Встретить это наступление должны были все сплоченные силы флота в их совокупности.

ГЛАВА II.

Набег на иоркширское побережье 16 декабря 1914 года.

Схемы 1, 2 и 3.

Около 10 декабря под влиянием Фалкландских событий факт ослабления Грант-Флита перестал быть секретом. Теперь или никогда неприятелю представлялся удобный случай для удара.

Подтверждением наших ожиданий явились сведения разведки о ряде признаков подготовки противником наступления, почему было решено выслать флот в море.

Данные разведки говорили о вероятности набега крейсеров на побережье, но не исключали возможности и десантной операции. Однако, откуда и куда намечался удар—определенно сказать было нельзя.

В таких обстоятельствах опыт указывал на одну только единственно действительную форму противодействия. Пока объект неприятельской операции оставался сомнителен, всякие попытки, направленные к ее пресечению, непременно влекли за собою опасное нарушение сосредоточение сил. В то же время можно было с уверенностью сказать, что и без нарушения сосредоточения сил неприятель не успеет без помехи высадить сколь либо значительные силы; в случае же, если он ограничится набегом крейсеров, то не сможет уйти безнаказанно, разве только обстоятельства моря и погоды окажутся всецело на его стороне.

Последовавшие распоряжения были сделаны в соответствии со сказанным.

В южном районе 5-ой линейной эскадре было приказано находиться в готовности по первому требованию выйти в море, а коммодору Тирвиту, который кроме *Fearless* и двух флотилий миноносцев в Гарвиче имел теперь еще два лидера типа *Arethusa—Aurora* и *Undaunted*, постараться войти в соприкосновение с неприятельскими силами у наших берегов, как только поступят донесения об их появлении.

На севере адм. Джеллико предписывалось выслать из Кромарти Битти с четырьмя линейными крейсерами и двумя дивизионами 4-ой флотилии миноносцев с тем, чтобы к нему присоединился из Скапа коммодор Гуденеф с 1-ой эскадрой легких крейсеров. Одну эскадру линейных кораблей— предпочтительнее 2-ую, как наиболее сильную и быстроходную, предлагалось также отправить из Скапа на поддержку Битти. Высланный отряд должен был затем совместно итти на позицию, с которой имелось больше шансов перехватить отступающего противника, в каком бы пункте он ни нанес свой удар.

Адмирал Баллард—начальник всех плавучих средств береговой обороны—также получил приказания быть наготове. Он находился в Хумбере и держал флаг на *St. George*, где кроме того стояли *Victorious*, *Illustrious*, старый легкий крейсер *Sirius*, лидер *Skirmisher* с четырьмя дивизионами 7-ой и 9-ой флотилий миноносцев и четыре подводные лодки. Еще два дивизиона 7-ой флотилии базировались на Ярмут. В Тайне стояли *Jupiter* и *Brilliant* и шесть подводных лодок 6-ой флотилии. В Гартлепуле, помимо одной подводной лодки, был 3-ий дивизион 9-ой флотилии с крейсерами *Patrol* и *Forward*. 4-ый дивизион держал дозор у Витби. Севернее— в Forth находилась 8-ая флотилия с лидером *Sentinel*. В Wash, откуда стоявшие там мониторы собирались уходить в Дюнкерк, пришла из Tees канонерка *Rinaldo*.

Насколько наш взгляд на намерения немцев был близок к истине, мы не представляли себе в то время. Со времени Гельголандского боя личный состав Флота Открытого моря был раздражен бездеятельностью, наложенною на него рукою кайзера и его сухопутных советников. Главнокомандующий адм. Ингеноль, наблюдая падение духа, просил дать ему бо́льшую свободу действий, но получил отказ. Ему было разъяснено, что требования общей военной обстановки делают очевидной необходимость держать флот в состоянии *fleet in being*, дабы сохранить господство на Балтийском море и освободить для фронта войска с побережья.

„Флот“, писал главнокомандующему Морской Генеральный Штаб, „должен избегать поэтому боя, могущего привести к тяжелым потерям, но это не служит препятствием к использованию случаев, благоприятных для нанесения вреда врагу. Боевые действия флота вне Гельголандской бухты, не упоминаемые в оперативных приказаниях,—которые неприятель старается вызвать своим появлением в Скагераке—представляются подобным случаем. Против попыток нанести в Северном море вред противнику линейными крейсерами—возражений не встречается“[1]).

---

[1]) Адмирал Шеер. «Флот Открытого моря в мировую войну».

Это уведомление Штаба, повидимому, и дало повод Ингенолю предпринять операцию набега линейных крейсеров на наше побережье не только с целью восстановить упавший дух, но, быть может, добраться и до какого нибудь отряда Гранд-Флита. Поэтому он решил расширить данные ему полномочия и использовать в качестве поддержки три эскадры линейных кораблей.

15-го декабря рано утром под флагом адмирала Хиппера линейные крейсера *Зейдлиц*, *Мольтке*, *Фон-дер-Тан*, только что вступивший в строй *Дерфлингер* и броненосный крейсер *Блюхер*, составлявшие 1-ую разведочную эскадру, вышли совместно со 2-ой разведочной эскадрой из легких крейсеров и двух флотилий миноносцев из р. Яде.

Линейные крейсера оставили Куксгафен днем; отряд соединился в условленном рандеву к северу от Гельголанда. После наступления темноты отряд пошел по назначению, вслед за ним вышли линейные корабли (по эскадренно), имея расстояние между флагманскими судами от 5-ти до 7-ми миль.

Впереди линейных кораблей двигался дозор в составе крейсеров *Принц Генрих* и *Роон* с флотилией миноносцев. Фланги прикрывались двумя легкими крейсерами с двумя флотилиями миноносцев. Легкий крейсер *Штеттин*, также с двумя флотилиями, держался в тылу. Походный порядок указывал на назначение линейных кораблей—занять поддерживающую позицию и прикрывать отступление крейсеров после нанесения ими удара.

Ко времени начала операции противника меры, принятые нами против ожидаемого выступления, начали выливаться в определенную форму. Назначенные эскадры были уже под парами и получили приказания следовать на позиции. Адмиралу Джеллико предстояла задача не из легких. Объектом возможных операций противника было побережие в 300 миль длиною, почему прежде всего предстояло решить, какой именно пункт этого побережья имеет больше всего шансов подвергнуться нападению. Самыми вероятными были наиболее уязвимые, удаленные от военно-морских центров и сулившие наиболее плодотворные результаты по последствиям пункты—Хумбер и Тайн.

Однако, немцы упростили решение вопроса постановкой в Северном море дальних заграждений. Из заминированных зон наиболее опасная находилась у восточного побережья Англии и мы сами усилили ее, поставив добавочные мины в качестве меры против возможных набегов. Таким образом, это минное поле, как и заграждения у Soutwold, были нам известны. Далее к северу у иоркширского побережья нахо-

дились районы, заминированные немцами как раз перед Гельголандским боем[1]).

Собственно говоря, как немцам, так и нам не были точно известны места поставленных заграждений. Германский штаб, руководствуясь донесениями командиров заградителей, считал, что одна группа мин поставлена в 20—30 милях от Хумбера, а другая в 5—6 милях от Тайна, мы же обнаружили их в море в 30 милях от берега[2]).

При таких обстоятельствах Адмиралтейство сочло необходимым объявить две опасные для мореплавания зоны. Одну—от островов Farn до Tees а другая от Flamborough Head до Хумбера с свободными между ними проходами шириною около двадцати пяти миль у Скарборо и Витби. Были разосланы соответствующие выпуски „Извещений мореплавателям“, из которых один, повидимому, попал в руки немцев при захвате ими, в конце октября, английского парохода *Glitra*.

Не будучи уверены в точности мест своих северных заграждений и опасаясь, не удлинили ли мы их подобно другим, немцы вероятно использовали захваченные „Извещения“ при разработке операции.

Во всяком случае наш контр-план был всецело связан с вопросом заграждений. За последнее время поступало такое количество сообщений о плавучих минах в восточных районах, что Джеллико на своей карте включил в опасную зону все водное пространство между старым заграждением и линией, проходящей приблизительно параллельно к выступу берега, между меридианами Forth и Flamborough Head, длиною около восьмидесяти миль. Поэтому Уоррендер, начальник эскадры, назначенной действовать совместно с Битти, получил при выходе из Скапа категорическое приказание, запрещающее действовать большими судами в этой зоне.

Рандеву, назначенное Уоррендеру и Битти, находилось в 25-ти милях на SO от юго-западной части Доггер-банки, на прямой между Гельголандом и Flamborough Head, равноотстоящее от курсов, обычно прокладываемых на Тайн и Хумбер. От Гельголанда намеченное рандеву отстояло на

---

[1]) См. том. 1 стр. 172. Адмирал фон-Поль в своем дневнике пишет, что мины были поставлены 25-26 августа заградителями *Альбатрос* и *Наутилус* под прикрытием двух легких крейсеров и двух полу-флотилий миноносцев. Они донесли, что мины поставлены в Тайне и Хумбере.

[2]) Сообщения немцев, сделанные ими по условиям перемирия, гласили, что минное поле находится вплотную к Тайну. Такая же ошибка и в указаниях относительно Southwold-ского заграждения, поставленного *Königin Luise* в первый день войны. Они считали его поставленным на фарватере, ведущем в Темзу, к востоку от м-ка Галопер, фактически же оно было обнаружено на 20 миль дальше к северу.

180 миль, а от Flamborough на 110 миль, и приблизительно в пятидесяти милях на SO от рандеву адм. Ингеноля.

Посылка именно 2-ой эскадры, как того желало Адмиралтейство, не встретила затруднений, т. к. она в этот день была дежурной, т. е. в полной готовности немедленно выйти в море [1]).

С легкими крейсерами дело обстояло иначе:—*Liverpool* стоял в ремонте, *Lowestoft*, ходивший с 1-ой крейсерской эскадрой, только что вернулся и грузил уголь. В распоряжении Гуденефа оставались лишь *Southampton*, *Birmingham*, *Nottingham* и *Falmouth* в придачу с *Blanche*, который хотя и числился при 3-ей линейной эскадре, стоявшей в Розайте, но в это время там не был.

Состояние погоды еще ухудшило положение. Сразу по выходе, крейсера встретили такую волну, что маленькие *Blanche* и *Boadicea* потерпели аварии, принуждены были вернуться и только благодаря предусмотрительности Джеллико дело было поправлено. Сознавая, насколько велика сможет оказаться потребность в крейсерах в предстоящей операции, он дополнил силы, указанные Адмиралтейством, крейсерами адмирала Пакенгама, который со своей 3-ей эскадрой присоединился из Розайта к Уоррендеру днем 15 декабря. Кроме того, опасаясь, что миноносцы, состоящие при Битти, не смогут из-за волны держаться при эскадре, Джеллико посоветовал отправить коммодора Тирвита к Доггер-банке в распоряжение Битти. Свое предложение Джеллико затем подтвердил, но Адмиралтейство в тот момент не сделало изменений в плане и Тирвит пошел к Ярмуту. Придя туда в 6 ч. 30 м. утра 16-го декабря, он, ожидая приказаний, держался на ходу, укрываясь под берегом от непогоды. Тем временем остальные эскадры соединились и под общим командованием Уоррендера следовали к месту рандеву, куда должны были придти в 7 ч. 30 м. утра, т. е. перед рассветом [2]).

Ночью походный строй отряда был: впереди главных сил в расстоянии пяти миль шли линейные крейсера, имея на правом траверзе в пяти милях легкие крейсера, а на левом, в таком же расстоянии, 3-ью крейсерскую эскадру. Миноносцы Битти, в числе только семи, держались в десяти милях слева от линейных крейсеров, имея приказание с рассветом приблизиться и действовать в качестве завесы для линейных кораблей.

---

[1]) 2-ая линейная эскадра: *King George V* (флаг ад. Уоррендера), *Ayax*, *Centurion*, *Orion* (флаг. к.-ад. Арбэтнота), *Monarch*, *Conqueror* и легкий крейсер *Boadicea*.

[2]) φ 54° 10′ N; 1° 3′ 0″ Ost.

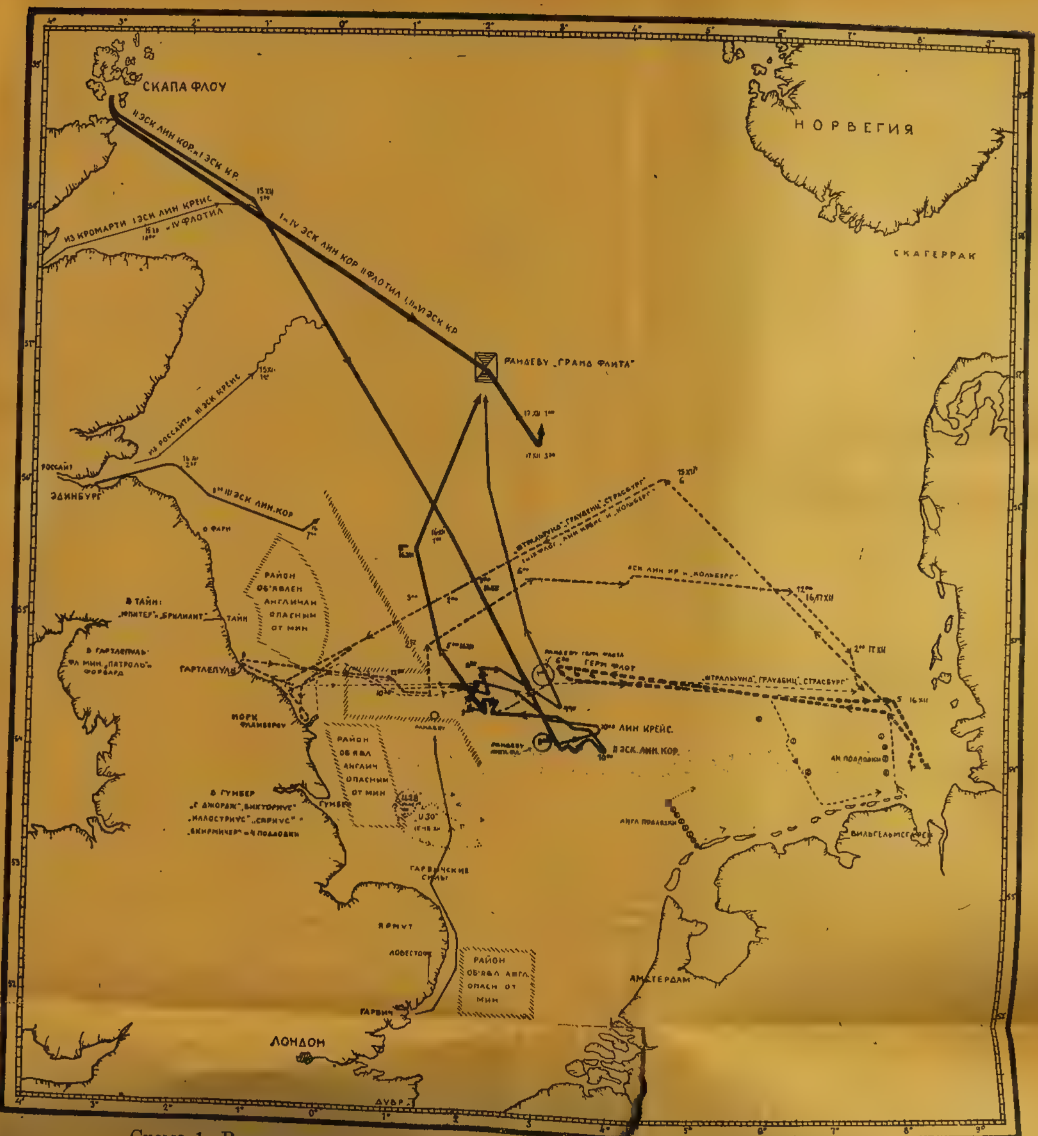

Схема 1. Развертывание английских и германских сил 15—16 XII 1914 года.

В 5 ч. 15 м. утра миноносец головной колонны *Lynx*, находясь приблизительно в двадцати милях на NO от германского рандеву, усмотрел слева по носу миноносец. Получив неверный ответ на опознательный сигнал, *Lynx*, с $2^1/_2$ каб. открыл огонь; миноносец начал уходить на норд и скрылся. Повернув на 16 *R* влево, *Lynx* [1]), имея за собою остальные миноносцы, бросился в погоню.

Вскоре головные миноносцы снова обнаружили противника и открыли огонь, а через несколько минут концевые заметили еще миноносцы с левой стороны. Почти одновременно *Lynx*, уже получивший несколько попаданий, неожиданно повернул на 14 *R* влево [2]). Вслед за ними повернули и другие миноносцы. Противник справа исчез и перестрелка продолжалась с первоначально показавшимся миноносцем, пока он, склоняясь на ост, не исчез в темноте. В результате перестрелки *Ambuscade*, следующий за *Lynx*'ом, получил пробоину в носу и в 5 ч. 50 м. должен был выйти из строя; в жилой палубе вода у него стояла на 5 футов.

Командир *Lynx*'а изменил курс на *SW* 8° и повел миноносцы на соединение с линейными кораблями, рассчитывая встретиться с ними с рассветом, но три минуты спустя с левого траверза *Hardy* и *Shark*'а в расстоянии кабельтова показался неприятельский крейсер, который сразу же показал опознательные огни. *Hardy* и *Shark* немедленно открыли огонь. Противник осветил прожекторами оба миноносца и энергично отвечал, заставив *Hardy* уклониться влево.

Концевые эсминцы, следуя движению *Hardy*, держали в кильватер, а *Unity* и *Lynx*, не находясь под огнем, продолжали итти прежним курсом, вследствие чего дивизион разошелся. *Hardy* и следующие за ним миноносцы быстро пришли на курс, параллельный противнику, и возобновили бой. Около 6 ч. утра *Hardy* получил настолько серьезные повреждения, что командир его был вынужден выйти из строя и занять место позади. У него было повреждено рулевое устройство, разбиты оба машинных телеграфа и все средства передачи приказаний в машину. Однако, благодаря заранее устроенному приспособлению, удалось наладить управление рулем и повернуть. Приказания в машину передавались голосом через машинный люк.

После поворота *Hardy* влево почти на 10 *R*, крейсер, оказавшийся на его правом траверзе, снова открыл прожекторы и возобновил стрельбу.

---

[1]) 1-ый дивизион: *Lynx, Ambuscade, Unity, Hardy*. 2-ой дивизион: *Shark Acasta, Spitfire.*

[2]) У *Lynx*'а заклинило руль, но затем он справился с повреждением.

Hardy энергично отвечал, противники сблизились до полукабельтова. В этот момент была выпущена торпеда, как казалось удачно, т. к. у борта крейсера поднялся водяной столб, огни погасли, стрельба прекратилась и он скрылся в южном направлении.

К *Hardy* подошел с миноносцами своего дивизиона *Shark*, командир которого решил не оставлять подбитого товарища и ждать, пока он не справится с повреждениями. В 6 ч. 20 м. *Hardy* смог дать ход обоим машинам и вступил в кильватер *Spitfire*'у. Миноносцы снова легли на курс, ведущий на соединение с главными силами. Где то впереди, тем же курсом, шли *Lynx* и *Unity*, которые вскоре после 6-ти часов, когда в тылу у них прекратился огонь, приняли сигнал *Ambuscade* о помощи.

Командир *Lynx*'а отправил *Unity*, но последний вскоре донес, что он отрезан от *Ambuscade* крейсером. Одновременно (6 ч. 15 м.) *Lynx* обнаружил слева от себя три неприятельских крейсера, делавших ему опознательные сигналы. *Lynx* ответил сигналом похожим на опознательный сигнал первого немецкого крейсера. Новые пришельцы им удовлетворились и скрылись в восточном направлении. С рассветом *Lynx*, не найдя эскадры и имея слишком серьезные повреждения, чтобы продолжать плавание, повернул на NW и пошел в Leith под конвоем *Unity* [1]).

Дивизион *Shark*'а продолжал поход, идя 25-ти узловым ходом на соединение с отрядом, имея *Hardy* концевым.

Развернувшиеся события не вызывали сомнений. Командиры считали, что они встретились с завесой из неприятельских легких крейсеров и миноносцев, выдвинутой в северозападном направлении, за которой должны были находиться более серьезные силы. Они не ошиблись. Как теперь известно, крейсер, с которым миноносцы вели бой, был *Гамбург*, из разведочного отряда немецкого линейного флота. Гибель *Гамбурга*, считавшаяся на *Hardy* очевидной, на самом деле не произошла, но зато и *Hardy* был цел, вопреки донесению *Гамбурга*. Все же отважная атака нашего дивизиона не пропала даром.

О появлении наших флотилий адмирал Ингеноль узнал в первый раз в 4 ч. 20 м. утра, получив сообщение одного из своих разведчиков, усмотревшего миноносцы, прикрывавшие левый фланг адмирала Уорендера. Поэтому, когда пришло известие о столкновении с ними, у него усилились опасения возможности торпедной атаки, тем более, что до рассвета оставалось еще около двух с половиной часов. Имея

---

[1]) Когда выяснилась возможность *Lynx*'у следовать самостоятельно *Unity* был отправлен на помощь *Ambuscade*, которого он нашел и благополучно привел в Leith.

инструкцию не рисковать, Ингеноль приказал линейным эскадрам ворочать на SO. Через несколько минут стало известно о случае с *Гамбургом.* К этому времени Ингеноль пересек дугу, проходящую от Tershellinng'а к Horns Reef— границу Гельголандской бухты,—вне которой операции линейных кораблей запрещались; здесь решимость, с которой он нарушил свои полномочия, его оставила. В 6 ч. 10 м., ничего не зная о близости эскадр Уорендера, он окончательно повернул и ушел, оставив свой крейсерский отряд висящим в воздухе.

Обо всем этом мы узнали много времени спустя; в тот же момент ни один из наших крейсеров не имел точного представления о положении. *Lion* стал слышать немецкие радио и заметил вспышки выстрелов в 5 ч. 30 м. утра, а донесение *Lynx*'а о погоне за первым немецким миноносцем было принято им в 5 ч. 40 м. утра. Битти продолжал итти к месту рандеву и только около 7 часов услышал сигналы о помощи *Ambuscade.* Однако, он не изменил курса и, избегая радио-переговоров, не передал сигнала *Ambuscade* береговым станциям.

К этому времени оценка положения, сделанная командирами миноносцев, вполне подтвердилась. В 6 ч. 50 м. дивизион *Shark*'а, идя курсом SO 30°, увидел с левой стороны в трех милях на SO дым. Миноносцы немедленно пошли на сближение и через 10 минут пять неприятельских миноносцев бросились на них, развивая ход до 30 узлов. Несмотря на повреждения, *Hardy* легко держался в строю. С 20 каб. неприятель открыл огонь. До рассвета оставалось не менее часа; видимость была очень плохая и очертания немецких миноносцев разбирались с трудом.

Вдруг неожиданно во главе неприятеля обрисовался крейсер, похожий на *Роон.* Крейсер шел на NO и *Shark*, быстро положив руля, повел дивизион на Ost так, чтобы не упуская крейсер из виду держать его с правой стороны. В первый момент расстояние не превышало 20 каб., но *Роон* не открывал огня, вероятно, опасаясь привлечь внимание.

Shark продолжал держаться на своем месте, стараясь войти в радио-связь с Уоррендером. Однако, его сигнал был принят лишь в 7 ч. 30 м. утра. Почти в это же время подошли к месту рандеву наши четыре эскадры, рассчитывая встретить коммодора Тирвит'а с его миноносцами. Наступал рассвет прекрасного зимнего дня, с голубым небом, покрытым маленькими тучками. Море было спокойно, видимость — отличная, но горизонт пуст. Флотилии Тирвита не показывались. Он все еще стоял у Ярмута в ожидании приказаний.

Приходилось действовать без него. Уоррендер, приняв радио *Shark*'а, повернул эскадру на 8 R влево и пошел зигзагами в восточном направлении. Одновременно Битти, только что опознавший эскадру Уоррендера, но не получивший радио *Shark*'а, повернул обратно на 16 R и пошел на N. Этот маневр был предусмотрен ранее разработанным планом и в данный момент особенно удовлетворял командующего линейными крейсерами, т. к. вел его в направление откуда за последние два часа поступали сигналы с дивизиона *Lynx*'а, сообщавшие о столкновении с противником.

Через полчаса—в 9 часов утра—Уоррендер сделал Битти сигнал — „Намереваетесь ли преследовать *Роона?*" На что с *Lion*'а последовал ответ, что о *Рооне* ничего неизвестно. Через несколько минут на *Lion*'е приняли радио *Shark*'а. Битти немедленно повернул на Ost, увеличил ход и донес Уоррендеру (в 8 ч. 20 м. утра), что идет совместно с легкими крейсерами отрезать неприятеля, а 3-ю крейсерскую эскадру оставляет ему. Уорендер согласился на это, добавив, что предполагает начать отход к северу в 2 ч. 30 м. и запрещает Битти уходить слишком далеко. Затем линейные корабли повернули на S, чтобы войти в соприкосновение с 3-й крейсерской эскадрой, а Битти с легкими крейсерами, развивая самый полный ход, бросился курсом ONO, надеясь перехватить *Роона* и ни мало не подозревая, что фактически он гонится за всем германским линейным флотом.

Между тем в районе нахождения *Роона* условия погоды для следящих за ним миноносцев перестали быть благоприятными. Часто находящий туман уменьшал видимость, которая колебалась между 1—4 милями [1]). Около 7 ч. 40 м. она настолько ухудшилась, что миноносцам пришлось сильно сблизиться с неприятелем, чтобы не потерять его из виду. Через десять минут прояснило и открылся не только *Роон*, но еще три легких крейсера, появившиеся в восточной части горизонта.

Shark сделал им опознательный сигнал, но ответа не получил, и картина быстро переменилась. Крейсера немедленно начали погоню, отгоняя миноносцы от *Роона*.

Оставалось только стремиться навести неприятеля на наши эскадры. *Shark*, развивая со своим дивизионом 30-ти узловой ход, начал склоняться к N'у, ворочая влево, пока не лег на NW, имея противника на правом крамболе. Вскоре подбитый *Shark* не смог держать полного хода, скорость дивизиона упала до 25-ти узлов и начальник его сделал адмиралу радио, сообщая о положении. Однако, раньше чем радио дошло по назначению, противник, как бы предчувствуя за-

---

[1]) К востоку от меридиана 3° Ost условия видимости были удовлетворительны, к западу очень скверные. См. Записки Шеера.

падню, прекратил погоню и повернул обратно. Миноносцы держались за немецкими судами до 8 ч. 35 м., пока не потеряли их из виду. Повернув затем к месту назначенного рандеву, они через четверть часа, усмотрев на левом крамбале наши легкие крейсера, пошли к ним на соединение.

Ко времени этих событий общая обстановка изменилась. Повидимому, на побережьи Иоркшира происходили какие то события, но какие именно—было не ясно. В момент, когда *Shark* заметил легкие крейсера Гуденеффа, а Уоррендер вошел в соприкосновение с 3-ей крейсерской эскадрой, оба флагманских судна одновременно перехватили радио. В 150 милях к West'у легкий крейсер *Patrol*—лидер Гартлепульской флотилии—сообщал *Jupiter*'у — брандвахте в Тайне, что его обстреливают два немецких линейных крейсера. Уоррендер тотчас повернул на NW с расчетом пройти к месту событий кратчайшим путем, т.-е. через промежуток между минными полями.

Едва эскадра повернула, как в 8 ч. 55 м. срочное радио Адмиралтейства сообщило, что в 8 ч. 20 м. подверглось бомбардировке Скарборо. За несколько минут до этого на *Lion*'е тоже перехватили радио *Patrol*'я, но Битти не торопился прекращать погоню. Перехваченное радио, несмотря на всю серьезность его содержания, было все-таки только „перехваченным“ и могло оказаться недоразумением, поблизости же от него находился неприятель, в присутствии которого, после радио *Shark*'а, принятого в 8 ч. 15 м. утра, он сомневаться не мог. Не зная еще, что наши миноносцы встретились с крейсерами Гуденефа, и считая свою эскадру почти в соприкосновении с неприятелем, он полагал долгом службы пойти к ним на помощь. В 8 ч. 54 м. линейные крейсера изменили курс к N'у; почти одновременно было получено радио Адмиралтейства и Битти, оставив все сомнения, тотчас повернул на West.

В 9 часов с минутами все наши четыре эскадры, развивая самый полный ход, шли к новому месту действия. На этом курсе вскоре к ним присоединились и миноносцы.

Не оставалось сомнений, что давно ожидаемый неприятельский набег осуществился.

Около 8 часов утра у Скарборо неожиданно появились из тумана три судна—два линейных крейсера и один легкий. Один из них, трехтрубный, тотчас повернул на OSO и пошел в направлении Flamborough Head, повидимому, с намерением поставить заграждение на случай появления миноносцев Хумберской и Гарвичской флотилий.

Подтверждением этого послужил взрыв в непродолжительном времени трех маленьких пароходов [1]). Два других

---

[1]) Из книги Шеера теперь известно, что одной из целей набега было заминирование прибрежных вод. Ставил мины *Кольберг*.

Кольб

больших судна—*Дерфлингер* и *Фон-дер-Танн*—повернули на *SO* параллельно берегу и ровно в 8 часов открыли огонь по зданию станции береговой стражи и нескольким пустым казармам, расположенным позади нее. Немцы отлично знали, что Скарборо беззащитен, так как, продолжая итти на *S*, они не побоялись приблизиться к берегу до 10 каб. и с этого расстояние открыли стрельбу по старинному полуразрушенному замку и гостинице Гранд-Отель [1]).

Пройдя вдоль всего побережья и стреляя без перерыва, они подвергли сильнейшей, но безрезультатной бомбардировке радио-телеграфную станцию, нанеся большие разрушения всей местности вокруг станции. У Withe Nab они повернули и снова всем бортом, без разбора, осыпали город снарядами. Вся эта возмутительная операция, явно нарушающая законы и обычаи морской войны, продолжалась полчаса. Прекратив огонь немецкие суда повернули на N и скрылись в тумане [2]).

Это нападение было осуществлением только половины всего плана набега. Подходя к нашим берегам, неприятель

---

[1]) Шеер утверждает, будто немцы имели сведения о стоявшей в Скарборо батарее. Так как им не отвечали, они считали, что батарею перевели.

[2]) Глава первая 9-й конвенции Второй Гаагской Конференции гласит:

Ст. 1. Воспрещается бомбардировать морскими силами незащищенные порты, города, селения, жилища или строения.

Место не может быть бомбардируемо единственно на том основании, что у его берегов поставлены подводные автоматически взрывающиеся от соприкосновения мины.

Ст. 2. Однако, такое воспрещение не распространяется на военные укрепления, военные или морские учреждения, склады оружия или военных материалов, мастерские и приспособления, могущие быть использованными для нужд неприятельских флота или армии, и военные суда, находящиеся в порту. Начальник морской силы, пред'явив требование и дав достаточный срок, может их разрушить артиллерией, если никаким иным способом это не достижимо и если местные власти не выполнят такого разрушения в назначенный срок.

В этом случае начальник не несет никакой ответственности за невольные убытки, которые могли бы быть причинены бомбардировкой.

Если военная необходимость, требуя немедленных действий, не допускает предоставления срока, то считается, что воспрещение бомбардировать незащищенный город продолжает действовать как и в случае, указанном в первой части настоящей статьи, и что начальник обязан принять все необходимые меры, чтобы такой город испытал от бомбардировки возможно меньше потерь.

Ст. 3. Бомбардирование незащищенных портов, городов, селений, жилищ или строений допускается после специального оповещения, если местные власти, предупрежденные формальным требованием, откажутся подчиниться реквизициям продовольствия или запасов, необходимых в данное время для нужд морской силы, находящейся перед этим местом.

Таковые реквизиции должны соответствовать средствам места. Они могут быть требуемы лишь с разрешения начальника означенной морской силы и должны по возможности быть оплачиваемы наличными деньгами; в противном случае они удостоверяются расписками.

Ст. 4. Воспрещается бомбардирование незащищенных портов, городов, селений, жилищ или строений за неуплату денежных контрибуций.

разделился: часть крейсеров пошла к Скарборо, а *Зейдлиц*, *Мольтке* и *Блюхер* повернули к северу на Гартлепуль. Этот город защищался тремя 6″ орудиями, из которых два стояли на косе, тянувшейся к северу от бухты, известной

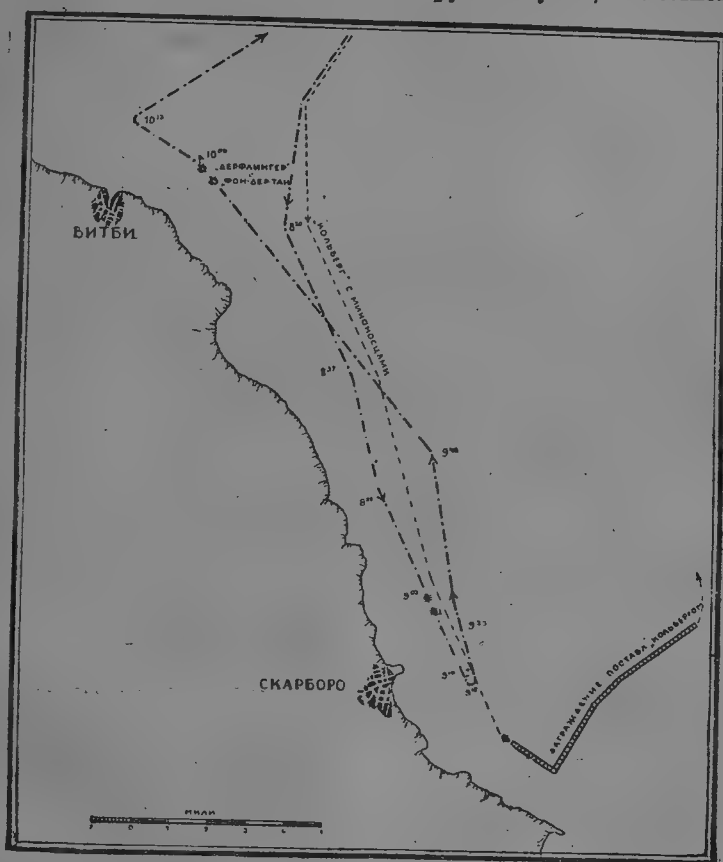

Схема 2. Обстрел Скарборо и Витби 16-XII-1914 г.

под названием The Neugh, а третье—на другой стороне косы у маяка. Таким бразом, он все-таки представлял собою законный об'ект для нападения. Кроме того в порту находилась база минной флотилии, но добраться до нее без помехи противник не мог.

Дозорные отряды побережья были предупреждены о необходимости особой бдительности в часы рассвета, но вы-

выполнение этих указаний встречало затруднения, связанные с приливом, ограничивающим сроки выхода судов из гавани.

Местный старший морской начальник, командир легкого крейсера *Patrol*, имел в своем распоряжении легкий крейсер *Forward* с дивизионом миноносцев 9-й флотилии (*Doon*, *Woveney*, *Test* и *Moy*) и подлодку *C 9*.

К 5 ч. 30 м. утра вышедшие миноносцы сообщили, что в море большая зыбь, в виду чего крейсера и лодка в полной боевой готовности остались в гавани, так как проход через бар в малую воду был для них опасен.

Ровно в 8 ч. утра, т.-е. как раз в то время, как началась бомбардировка Скарборо, а адмиралы Уоррендер и Битти решали вопрос о погоне за *Рооном*, миноносцы, находясь в дозоре в 6 милях на NO от Гартлепуля, заметили в юго-восточном направлении под самым берегом три судна. Рассвет уже почти наступил, но сильная мгла мешала их хорошо рассмотреть и миноносцы прибавили ходу. Через пять минут незнакомцы открыли огонь и наш дозор опознал в них линейные крейсера *Зейдлиц* и *Мольтке* и броненосный крейсер *Блюхер*.

Залпы противника сразу стали ложиться очень хорошо, расстояние не допускало торпедного выстрела и миноносцы, видя невозможность дневной атаки, бросились в стороны и начали уходит на NO. Искусным маневрированием они избежали попаданий и только осколки разорвавшихся об воду снарядов попали в три из них. Через четверть часа миноносцы скрылись во мгле.

Тем временем *Мольтке* и *Зейдлиц*, подойдя к берегу на 20 каб., повернули к N'у и медленно, двигаясь вдоль берега, открыли огонь по батарее Neugh; *Блюхер* остановился против гавани и начал стрелять по орудию, установленному у маяка. Батареи немедленно начали отвечать.

С первым сигналом о неприятеле *Patrol* стал выходить из бассейна; одновременно с этим стали ложиться снаряды около доков. Вероятно, это были перелеты, но к моменту открытия выходного батопорта фарватер уже засыпался снарядами.

Линейные крейсера удачно проходили вне линии падения снарядов батарей и, выйдя окончательно из угла обстрела, несколько увеличили расстояние и открыли стрельбу залпами по гавани.

В результате *Forward* задержался с выходом, а *Patrol* оказался между гаванью и завесой из падающих снарядов. Нельзя сказать, входило ли в планы противника запереть нашу подлодку в гавани посредством заградительного огня, но во всяком случае это случилось.

Тем не менее, *Patrol*, не колеблясь ни минуты, дал полный ход и бросился вперед; вслед за ним двинулась и *С 9*.

Некоторый промежуток попаданий не было, но как только *Patrol* пришел на вид *Блюхера*, он получил два тяжелых снаряда. Через минуту-другую и линейные крейсера,

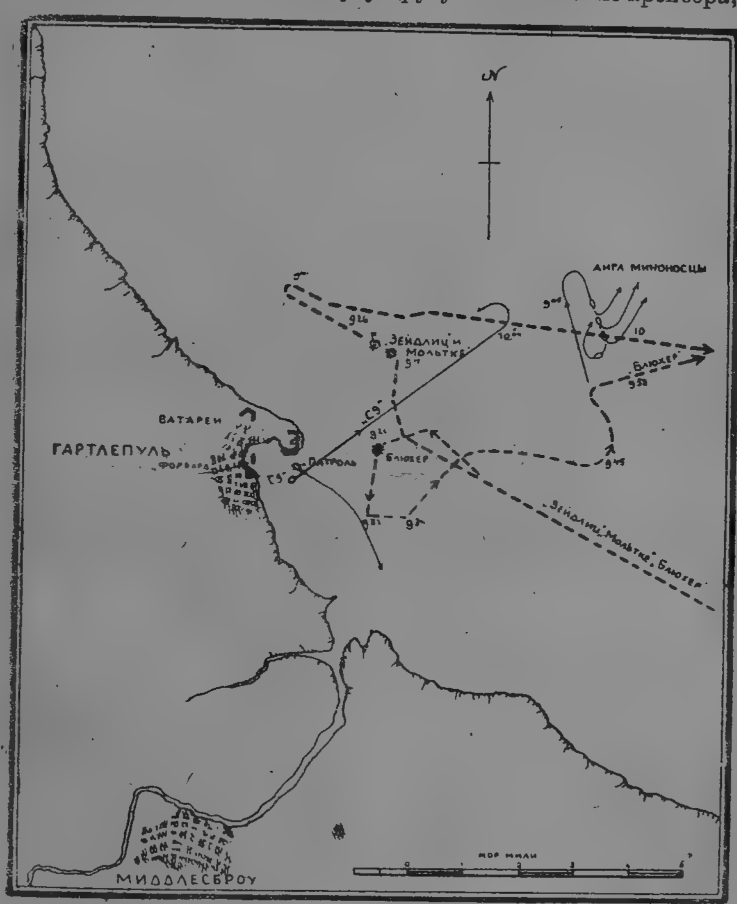

Схема 3. Обстрел Гартлепуля 16-XII-1914 г.

заметив наши суда, открыли по ним огонь. Лодка быстро погрузилась. Имея под килем только три фута, она ударилась о грунт, но через бар перескочила; *Patrol* не мог перейти бара и сел на мель; участь его казалась решенной.

Однако, противник не был вполне хозяином положения. Хотя мгла и пыль, подымаемая снарядами, рвавшимися поблизости от батарей, очень затрудняли корректировку, батарея Neugh удачно стреляла по *Мольтке*, а шестидюймовка у маяка заставила отойти *Блюхера*, который затем попал под огонь Neugh, когда *Мольтке* и *Зейдлиц* вышли из угла обстрела. Как только появилась новая цель, батарея снова заговорила. Снаряд за снарядом рвались на верхней палубе *Блюхера*, заставив его повернуть на ост.

Заметив это, *Зейдлиц* и *Мольтке* сразу прекратили огонь, повернули обратно и начали обстреливать батарею, прикрывая отход *Блюхера*. Стрельба продолжалась не долго. Выпустив несколько залпов и не нащупав батареи, они в 8 ч. 50 м. повернули и пошли вслед за поврежденным товарищем.

С 9 атаковать не могла—время ушло. *Forward*, только что вышедший из гавани и получивший приказание следить за неприятелем, теперь уже опоздал. В 9 ч. все три немецких крейсера окончательно закрылись мглою и исчезли. В это время с веста к ним на встречу шли наши четыре эскадры.

Вред нанесенный бомбардировкой в военном отношении не имел большого значения, ни одно из орудий не пострадало. Артиллерийская прислуга потеряла девять человек убитыми и двенадцать ранеными. Суда, благодаря прекрасной работе береговой артиллерии, почти не пострадали. *Patrol* своим спасением был обязан исключительно меткой стрельбе батарей. Он имел несколько попаданий и принял много воды, но благополучно дошел в Tees [1]). *C-9* и *Forward* не имели никаких повреждений.

Город, гавань и гражданское население имели много жертв: 84 человека было убито и 424 ранено. Разрушения, особенно в торговой части, были громадны. Все семь церквей, десять общественных зданий, пять гостинниц и 300 частных домов имели более или менее значительные повреждения. В гавани пострадали три парохода и здание машиностроительного завода.

На этом зло не кончилось. Оставив Скарборо, южная группа неприятельского отряда направилась к северу на соединение с Гартлепульской группой и около 9 ч. утра *Дерфлингер* и *Фон-дер-Танн* подошли к Витби, где и выпустили пятьдесят залпов по сигнальной станции и городу. Хотя Витби, как и Скарборо, был совершенно не защищенным пунктом, тем не менее крейсера через десять минут отошли, в явной тревоге, так как не тронули двух проходивших мимо пароходов.

---

[1]) *Patrol* потерял четырех человек убитыми и семь человек раненых. Миноносец *Doon*—трех убитыми и шесть ранеными.

Как мы уже знаем, за полчаса до этого и в тот момент, когда у Гартлепуля скрылись *Зейдлиц*, *Мольтке* и *Блюхер*, английская эскадра повернула к Скарборо.

Казалось, только чудо может воспрепятствовать встрече неприятеля с нашими силами. 150 миль разделяло их от линейных крейсеров противников и часа через три они должны были войти в соприкосновение.

В это время Джеллико после самого тщательного изучения всех данных о минных заграждениях начал склоняться к мысли, что в об'явленной им опасной зоне имеется свободный проход между параллелями 54° 40′ и 54° 20′ (как раз против Витби) шириною в двадцать миль, тянущийся от проведенной им границы до меридиана 0° 20′ Ost, т.-е. приблизительно в двадцати милях от берега. Узнав о появлении неприятеля на побережьи, он почти не сомневался, что немецкие суда пойдут этим „корридором", хотя не исключалась возможность прохода их вдоль берега за линией минных полей с расчетом обойти их затем с севера. Поэтому он приказал адм. Брадфорду, стоявшему в Розайте с 3 линейной эскадрой, выйти в море и итти на норд к пункту, отстоящему на 50 миль к осту от Firth и Forth.

Тревога дошла и до Тирвита, который с четырьмя легкими крейсерами и обеими флотилиями в 8 ч. 40 минут утра пошел к Скарборо. Он намеревался итти через Haisborough Gat, но выйдя из под берега встретил противный шторм. Волна была такова, что пришлось вернуть миноносцы в Ярмут и итти только с крейсерами.

Уоррендер и Битти, следуя сходящимися курсами, вскоре после 9 ч. 30 минут, соединились и шли на вест, ничего не зная о бомбардировке Гартлепуля. Линейные крейсера держались впереди, имея легкие крейсера в прежнем положении, т.-е. к норду, так как Битти не был уверен, что крейсера бросили погоню за миноносцами, и не хотел себя обнаруживать раньше времени. Гуденеффу было приказано отогнать крейсера, если они покажутся.

Такова была обстановка, когда перехваченное радио сообщило о бомбардировке не только Скарборо, но и Гартлепуля, при чем говорилось о „трех дредноутах". Теперь было ясно, что на побережьи происходит широкая операция и что неприятель, повидимому, продвигается к норду. Командующие эскадрами более не сомневались. О *Рооне* и легких немецких крейсерах думать не приходилось, надо было незамедлительно выработать план действий, чтобы перехватить противника у наших берегов. При этом они знали, что противник находится в расстоянии свыше ста миль и, конечно, имеет достаточно шансов ускользнуть. Но решение пришло от Джеллико. В 10 ч. 10 минут Джеллико передал свои опасения о существовании в опасной зоне „корридора",

которым могли воспользоватся немцы [1]). Наилучшая позиция была, конечно, там, где выход из „корридора“ соприкасался с границей минного поля, но неопределенность сведений о курсе, которым противник подходил к границе, затрудняла дело.

Справа от устья „корридора“ находилась зюйд-вестовая отличительная глубина Доггер-банки; ветер все усиливался, волна шла громадная и проходить через мелководье с такими судами, как линейные крейсера, было рискованно. Приходилось обходить мелководье с норда или с зюйда, т.-е. другими словами, открыть, хотя бы с одной стороны, путь противнику. Казалось, что неприятель, придерживается берега, и Битти уведомил Уоррендера, что предпочитает обойти мелководье Доггер-банки с севера. Получив это сообщение, последний изменил курс к зюйду, но так как сведения о противнике, которыми они пока располагали, были неопределенного и до известной степени противоречивого характера, то вопрос о выборе правильного курса все еще вызывал сомнение. Уоррендер считал, что дредноуты немцев—у Скарборо, а у Гартлепуля — их легкие крейсера, и продолжал обсуждать с Битти как лучше поступить, пока, около 10 ч. 55 минут утра не пришло новое радио из Лондона. Адмиралтейство, сообщая, что противник оставил побережье и, вероятно, идет к Гельголанду, предлагало постараться его отрезать, оставаясь за районом минных полей. Поэтому Битти продолжал идти курсом норд, имея дозор из легких крейсеров на правом траверзе, а Уоррендер—курсом зюйд. Своим крейсерам Уоррендер приказал развернуться впереди и вызвал Тирвита, назначив ему рандеву в широте 54° 20′ N. и долготе 11° 30′ Ost., т.-е. в южном входе в „корридор“. При таких условиях, представлялось почти невероятным, чтобы неприятель смог уйти без боя, тем более, что путь на север преграждался эскадрой Брадфорда.

По началу оно действительно так и казалось. К 11 ч. утра линейные крейсера прошли северную оконечность мелководья Доггер-банки и адмирал Битти уменьшил ход, давая время легким крейсерам, широким фронтом, уйти вперед. К этому времени условия погоды еще ухудшились—ветер и волна значительно усилились. Хотя видимость уменьшилась Битти через полчаса смог убедиться, что в направлении на левый крамбал *Lion*'а лево-фланговый крейсер *Southampton* (брейд-вымпел коммодора Гуденефа) пришел в соприкосновение с неприятелем.

---

[1]) Радио Джеллико гласило: «Командующим 1-й эск. лин. кор. и 1-й эск. лин. кр.—Проход в минном поле между параллелями 54° 40′ и 54° 20′ до меридиана 0° 20′ Ost. Все шансы за выход неприятеля оттуда»

В 11 ч. 25 минут утра *Southampton*, находясь в трех с половиной милях впереди *Lion*'а, заметил в растоянии трех миль крейсер с семью миноносцами, пересекающий его курс в южном направлении.

Видимость продолжала ухудшаться, свежий ветер дул в лоб, наш крейсер брал воду всем полубаком. Вступать в бой в таком положении, находясь при том под ветром у противника, значило пускаться в безнадежное предприятие Поэтому Гуденеф сначала повернул вправо, а затем, видя, что противник не меняет курса, лег ему параллельно и открыл огонь. Одновременно он сделал своей эскадре сигнал „приблизиться" и донес Битти о случившемся. *Birmingham* повернул на присоединение еще до сигнала, а *Nottingham* и *Falmouth*—одновременно с сигналом. После получасовой погони, безрезультатной вследствие плохой погоды, Тирвит в 11 ч. 44 минуты снова сделал сигнал Битти, добавив, что неприятель идет на зюйд. *Lion* принял сигнал в 11 ч. 47 минут и через три минуты ответил прожектором „легким крейсерам следить за неприятелем, держаться впереди меня в пяти милях». Это приказание было передано непосредственно на *Nottingham* и касалось только его и правофлангового крейсера *Falmouth*, но, повидимому, не разъяснило планов Битти. Последний считал, что он имеет больше шансов принудить к бою линейные крейсера немцев, если не даст себя обнаружить их легким крейсерам, и поэтому решил оставить при себе два разведочных крейсера, зная, что Гуденефу они не понадобятся, т.-к. далее к югу он встретится с эскадрой Пакенгама. Однако, *Nottingham* понял сигнал, как общий для всех легких крейсеров, и передал его по линии. В результате Гуденеф, только что сообщивший, что он завязал бой, не видел другого исхода как подчиниться. Обнаружив в этот момент еще три крейсера в зюйд-вестовой части горизонта, он с тем большей неохотой выполнял приказание. Но главные свои функции—отогнать разведчиков противника с пути следования линейных крейсеров, Гуденеф выполнил. Что же касается вновь появившихся разведочных сил противника, то они держались в стороне и шли на встречу нашей 3-й крейсерской эскадре. После поворота он в направлении StO опять заметил крейсер, который был принят за *Принца Адальберта*, о чем около полудня и сообщил адмиралу Битти, но тем не менее отмены сигнала, переданного *Nottingham*'ом, не последовало.

К этому времени Гуденеф почти что пришел на видимость экадры Битти.

С 11 ч. 45 минут линейные крейсера, опасаясь, что обнаруженная по курсу партия траулеров может оказаться не рыбаками, а неприятельскими заградителями, изменили

курс и шли на сближение с Гуденефом. В 12 ч. 5 минут они снова легли на прежний курс и через 5 минут увидели *Southampton*'а. После быстрого обмена сигналами обстановка выяснилась. Предполагаемый *Принц Адальберт* потерялся во мгле и на вопрос о неприятеле Гуденеф мог только ответить „неприятеля не вижу“.

Теперь, и только теперь, коммодор Гуденеф узнал, что злополучный сигнал прожектором касался исключительно *Nottingham*'а и *Falmouth*'а.

Весь этот эпизод явил собою случай редкого счастья, снова выпавшего на долю врага; встреченные нами крейсера составляли часть легких сил эскадры адмирала Хиппера.

Они должны были принять участие в бомбардировке, совместно с линейными крейсерами, но встретив с ухудшением погоды очень большую, но короткую волну, в 6 ч. утра передали командующему отрядом, что не могут держаться и были, за исключением *Кольберга*, отпущены с приказанием присоединиться к главным силам. Вот почему они оказались так далеко впереди линейных крейсеров, когда начался отход последних после операции.

Если германский адмирал столь быстро получил предупреждение, что на его пути есть что то, чего следует остерегаться, то этому он был обязан плохим мореходным качествам немецких легких крейсеров, но отнюдь не собственной предусмотрительности. Своевременное предупреждение и плохая видимость дали в его руки один единственный шанс благополучно уйти после операции. Несмотря на создавшееся положение, обстановка на море продолжала оставаться для нас благоприятной. Вскоре наши суда опять пришли в соприкосновение с противником. В то время как *Southampton* снова занял место в дозорной линии впереди *Lion*'а, Уоррендеру оставалось пятнадцать миль до избранной им позиции. По приходе в 12 ч. 30 минут он предполагал перевести дозор крейсеров на норд-вест, а самому держаться у южного входа в „корридор“.

Соответствующее приказание было отдано в 12 ч. 15 мин., но одновременно на левом крамбале флагманского корабля во мгле показались несколько крейсеров и миноносцев, идущих полным ходом контр-курсом на пересечку намеченной Уоррендером дозорной линии крейсеров. Определить число и тип появившихся судов не представлялось возможным—дождевые шквалы следовалы беспрерывно. Крейсера только на мгновение показывались из одного шквала и сейчас же исчезали в следующем. Вероятно, это были те крейсера, с которыми Гуденеф только что потерял связь. Как и тогда, они и теперь шли на ост. Шансы перехватить противника были весьма сомнительны. Крейсера Пакенгама

еще находились на зюйд от эскадры Уоррендера и последнему не оставалось иного выхода, как повернуть линейные корабли на норд-ост в надежде отрезать противника, приказав Пакенгаму следовать его движению и выходить вперед.

Сведения о случившемся были без промедления получены командующим линейными крейсерами, который в это время находился в двенадцати милях к норду, на другой стороне мелководья Доггер-банки.

Более чем когда либо уверенный в неизбежности скорой встречи с неприятельскими силами, следующими где-то позади встреченных им разведчиков, адмирал Битти продолжал итти курсом, проложенным в середину „коридора", и в 12 часов 25 мин. дня получил радио Уоррендера „видел неприятельские крейсера и миноносцы" и затем второе, что Уоррендер повернул на норд-ост, стараясь завязать с ними бой. Битти немедля (12 ч. 30) повернул на 16° влево и лег на ост с расчетом оказаться мористее неприятельских линейных крейсеров.

Тем временем наши, сравнительно тихоходные, крейсера 3-ей эскадры делали все возможное, чтобы скорее выйти в голову эскадре линейных кораблей. Следуя приказу Уорендера прикрывать линейные корабли, они пытались напасть на миноносцы немцев, но все их усилия оставались безрезультатными. Противник, видя, что его преследуют, повернул влево и бросился уходить прямо через мелководье Доггер-банки. Несмотря на самый полный ход эскадры Уоррендера, силуэты германских судов делались все туманнее и туманнее. За двадцать пять минут до того, как крейсера Пакенгама смогли выйти вперед и придти на расстояние орудийного выстрела, противник окончательно окутался сгустившейся мглою и скрылся.

Что оставалось делать?

В течение десятиминутного промежутка времени, в который можно было рассмотреть суда немцев, Уоррендер с достоверностью убедился, что среди них не было линейных крейсеров, и сообщил об этом Битти.

Таким образом, суда, принимавшие участие в бомбардировке, должны были все еще находиться к весту и Уоррендер тотчас же (12 ч. 40 м.) повернул в этом направлении. Пройдя новым курсом двадцать минут, он затем повернул на зюйд, с расчетом выйти на свою первоначальную позицию, блокирующую южный выход из „коридора".

Битти в свою очередь, получив радио Уоррендера, не колебался в выборе решения. Так как германские легкие крейсера видели нашу эскадру линейных кораблей к зюйду, можно было с уверенностью сказать, что неприятельские линейные крейсера постараются обойти мелководье Доггер-

банки с севера. Руководствуясь вышеизложенным, Битти, не меняя последнего курса, дошел в 1 ч. 15 м. до мелководья Доггер-банки и повернул на норд, имея слева дозорную линию крейсеров. Предположения Уоррендера о местонахождении эскадры Хиппера Битти разделял вполне.

Принятые затем два радио адм. Балларда несколько более осветили обстановку. Баллард сразу по получении первых тревожных сведений вышел в море на легком крейсере *Skirmisher* с Хумберской флотилией миноносцев, но миноносцы из-за свежей погоды не могли держаться и были возвращены.

Идя на норд и достигнув Flamborough Head, Баллард послал первое радио—принятое в 12 ч. 40 м.—о том, что между ним и Хумбером противника нет. Второе его радио сообщало, что около 9 ч. утра все германские суда, оставив район Витби, ушли на ост. На *Lion*'е оно было принято в 1 ч. 18 м. и десять минут спустя Битти передал Гуденефу о намерении продолжать следовать на норд 15-ти узловым ходом, пока эскадра не пройдет мелководье, а затем снова повернуть на вест. По его мнению противник все еще находился в западном направлении, в виду чего крейсерам Гуденефа было приказано выйти вперед на вест. Учитывая время оставления неприятельской эскадрой нашего побережья, он не считал ее отошедшей далеко и был почти уверен, что он, оставаясь на своем курсе, в непродолжительном времени окажется идущим на пересечку немецким линейным крейсерам. Но в 1 ч. 43 м. было принято радио береговой станции с известием, что полтора часа тому назад противник был замечен у входа в „коридор", в расстоянии приблизительно двенадцати миль, идущим 23-х узловым ходом, курсом ост.

Это радио вызывало недоумение. Указанный курс представлялся явно ошибочным, т. к. вел через мелководье Доггер-банки и был связан с таким риском, на который по мнению Битти неприятель не мог решиться. Более вероятным казалось предположение, что немцы постараются уйти в южном направлении. К тому же последнее подкреплялось и тем обстоятельством, что в северном направлении легкие крейсера никаких признаков противника не обнаружили. Однако, эти предположения все же оставались только догадками и не могли не вызывать сомнения в их правильности. А основное правило решения задачи, стоявшей перед нашей эскадрой, говорило о необходимости занять позицию между противником и его базами. Следуя этому принципу Битти повернул обратно, но в 12 ч. 30 м. получил радио Уоррендера — „видел неприятеля на вест". Решив и дальше действовать, руководствуясь тем же принципом, он в 1 ч. 55 м. повернул на ост и, увеличивая скорость, пошел в обход

мелководия. Через полчаса его эскадра, идя на SO 60° и развивая 25 узлов, оказалась на курсе пересекающем линию, проведенную между южным входом в „коридор“ и Гельголандской бухтой. Тем временем адмирал Уоррендер подошел к южной границе свободного промежутка между минными полями, не встретив никого. Было очевидно, что противник избрал другой путь и в 1 ч. 24 м. он повернул к норду, а двадцать минут спустя принял радио с берега, указывающее место и курс немецких линейных крейсеров в 12 ч. 15 м. Таким образом, если бы немцы продолжали итти курсом, указанным в радио, то были бы уже обнаружены. Но встречи не произошло и адмирал, решив, что противник идет на норд, остался на своем курсе. Оба адмирала с нетерпением ждали дальнейших сведений о противнике, а их не было и не было.

Лишь в 3 ч. 20 м. радио береговой станции сообщило, что неприятель, дойдя до южного выхода, в 12 ч. 45 м. повернул к норду, т. е. как раз в тот момент, когда Уорендер убедился в отсутствии линейных крейсеров, среди немецких судов, уходивших через мелководье Доггер-банки.

Адмирал Битти не терял еще слабой надежды отрезать уходящего противника и снова повернул к норду, но безуспешно. Ни он, ни Уоррендер не обнаружили никаких признаков тех, кого они так старательно искали. Их скрыла погода!

Сопоставляя теперь данные различных источников, можно довольно точно выяснить, каким образом немцам удалось избежать встречи с нашими эскадрами.

Когда Гуденеф впервые заметил возвращающиеся немецкие легкие крейсера, случайно сыгравшие роль разведчиков Хиппера, линейные крейсера немцев находились от него милях в 50 к весту. Когда же он оттеснил легкие крейсера к зюду, то Хиппер, уклонившись несколько вправо, пошел к южному выходу из „корридора“, где и был замечен в 12 ч. 45 м.

Обнаружив присутствие преграждающей ему путь эскадры Уоррендера, Хиппер повернул на норд, повидимому, за полчаса до такого же поворота Битти.

Благодаря этому он и оказался впереди. Последнее обстоятельство подтверждается и показанием двух рыбачьих траулеров, видевших *Мольтке*, *Зейдлица* и *Блюхера* между 2 ч. 30 м. и 3 ч. 30 м. в 25 милях к норду от Доггер-банки, уходивших большим ходом на ост.

Уорендерр около 3-х часов, вероятно, был в 20 милях южнее, идя под корму германской эскадре, а Битти—в 45 милях на зюд-ост от нее на расходящемся курсе.

Поиск наших эскадр продолжался до 3 ч. 30 м. К этому времени Уоррендер дошел до северной границы свободного промежутка между минными полями и, не сомневаясь более, что противнику удалось уйти, в 3 ч. 47 м., сделал крейсерам Битти сигнал: „возвратиться".

Пока шли описанные события, Адмиралтейство в 1 ч. 50 м. получило сведения о появлении в 12 ч. 30 м. Флота Открытого моря в восьмидесяти милях на норд-вест от Гельголанда. Это возвращались эскадры Ингеноля, но в виду того, что Адмиралтейство не знало о состоявшемся походе противника, оно сочло полученные сведения за данные о выходе германского флота в море. Всему Гранд-Флиту, включая и Гарвичские силы, было приказано сосредоточиться в надежде на следующее утро принудить неприятеля к бою.

Джеллико уже находился в море; после полдня он вышел из Скапа с двумя оставшимися эскадрами в условленное рандеву, на полпути между Абердином и Скагерраком, где, узнав об уходе крейсерского отряда немцев, приказал всем эскадрам присоединиться к нему с рассветом.

Сосредоточение закончилось согласно плана и главнокомандующий пошел на зюд-вест, рассчитывая на встречу с Флотом Открытого моря. Однако, едва флот прошел по направлению к Гельголандской бухте пятьдесят миль, как было получено уведомление Адмиралтейства о том, что немецкие линейные корабли уже подходят к своим базам. Проделав в течение нескольких часов тактические упражнения, Джеллико повернул на Скапа и Гранд-Флит разошелся по местам стоянок.

Так закончился этот исключительный эпизод, про который можно смело сказать, что ни одно событие из всей войны на море не дало столько поводов для размышления о способах ведения морских операций, сколько дал он.

Постигшее Англию разочарование было глубоко. Две наиболее сильные эскадры, с достаточным количеством легких крейсеров, оперирующие в ограниченном районе и довольно точно осведомленные о планах противника, не смогли принудить его к бою, несмотря на то, что действия противника отвечали нашим предположениям и дозоры его пришли в соприкосновение с нашими судами.

Развертывание нашего флота, имевшее целью перехватить возвращающиеся из набега крейсера, не может вызывать возражений. Единственным его минусом было то, что оно не предусматривало возможности выхода на их поддержку главных сил германского флота. Этот минус явился следствием переоценки той инертности, которую до сих пор проявлял Флот Открытого моря. Но мы имели все основания ожидать только самостоятельной крейсерской опера-

ции противника и поэтому выход Гранд-Флита на поддержку Битти и Уоррендера и не вошел в разработанный план. Однако, это обстоятельство ни в какой мере не умаляет заслуги Джеллико.

Теперь мы знаем, что действия его вполне соответствовали обстановке. Причиной неудачи послужил первоначальный поворот Битти на ост в 12 ч. 30 м. дня, продиктованный тем не менее одним из основных принципов морской войны. Учитывая условия погоды и исключительно дурную видимость, а также сомнительность позиции эскадры Уоррендера, ему не оставалось другого выхода как занять положение между противником и его базами.

Туман заставил Битти изменить курс, в противном случае он продолжал бы идти в проход между заграждениями и вряд ли бы разошелся с отрядом Хиппера.

Неизбежные в море случайности победили расчет.

В Германии бомбардировка побережья Англии произвела сильное впечатление на общественное мнение, но крупнейшим ее морским авторитетам она принесла огорчения больше, чем нам.

„16-го декабря", писал три недели спустя Тирпиц, „Ингеноль держал в своих руках судьбу Германии. Я внутренно киплю, когда думаю об этом". То же самое говорит в своей книге и адмирал Шеер. „Преждевременный поворот на ост-зюд-ост лишил нас случая встретиться с эскадрами противника, случая, предусмотренного первоначальным планом, который, как теперь выяснилось, был правилен. Не подлежит сомнению, что ограничение самостоятельности главнокомандующего разрушило смелый и многообещающий план... В 7 ч. у. эскадры противников находились лишь в 50 милях друг от друга. Все данные приводят к заключению, что, если бы мы продолжали идти согласно первоначальным директивам, мы бы утром неминуемо увидели друг друга".

Не отрицая, что в случае встречи адмирала Ингеноля с эскадрами Битти и Уоррендера Германия получала шанс хоть немного уровнять силы Гранд-Флита и Флота Открытого моря, следует помнить, что в момент поворота Ингеноль руководствовался не инструкциями, а опасением ночных торпедных атак. Не инструкции играли роль, а именно это опасение. Будь германский адмирал свободен в выборе решений, он, вероятно, все равно бы повернул до наступления рассвета.

Правда, поворот означал потерю четырех часов времени, но все-таки это обстоятельство не помешало бы главным силам немцев войти, в течение дня, в соприкосновение с эскадрой Брадфорда, отправленной из Розайта. Днем,

когда Гранд-Флит выходил из Скапа, они бы оказались в 150 милях от Брадфорда. С другой стороны надо помнить и то, что английские эскадры, обладая значительным преимуществом в ходе, всегда имели возможность отступить на присоединение к линейным кораблям Брадфорда [1]).

Сложная обстановка, множество сомнительных возможностей и не вполне выясненных факторов не позволяют сделать окончательного заключения. Каждый сам должен решить вопрос, насколько адмирал Ингеноль „держал в руках судьбу Германии", не будь он связан дерективами Главной Квартиры.

Радио Адмиралтейства Главнокомандующему Гранд-Флитом, в результате которого Джеллико закончил операции, вполне соответствовало действительности.

Крейсерский отряд противника возвратился нетронутым, но ушел он благополучно, что называется, только-только. Опасность не переставала грозить ему до последней минуты.

С началом операции, по распоряжению Адмиралтейства, коммодор Кийс сформировал дозор подлодок [2]). С рассветом 16-го декабря он прибыл на назначенную позицию у Tershelling, где и оставался до 10 ч. 30 м. у., пока на *Lurcher*'е не приняли едва слышное радио о появлении неприятеля у Скарборо. Позиция перестала удовлетворять обстановке, т. к., оставаясь на ней, подлодки не могли перехватить отступающего противника, и Кийс, чтобы получить указания Адмиралтейства, выслал *Firedrake* для установления радиосвязи с Ярмутом. Одновременно он начал собирать подлодки, дабы иметь их в полной готовности к моменту новых приказаний. В 3 ч. 35 м. приказания были получены. Лодкам предписывалось следовать в Гельголандскую бухту и там ждать возвращающегося противника.

Лодки находились в погруженном состоянии и собрать их было не легко. К 5 ч. у. к *Lurcher*'у подошли только *E 10*, *E 11*, *E 15* и *Archimède*.

Отправив их по назначению, с приказанием установить дозор на норд-вест и зюд-вест от Гельголанда, Кийс продолжал поиски остальных. Но условия погоды вскоре заставили потерять надежду на успех дела и он пошел к плавучему маяку North Hinder, рассчитывая встретиться с лодками при их возвращении. В результате назначенной дислокации 17-го декабря, около 7 ч. у., командир подлодки *E 11*, находясь на южной оконечности дозорной линии

---

[1]) 2-я эскадра линейных кораблей развивала до 19-ти узлов, а у Ингеноля только четыре «Кайзера» могли дать столько же, остальные же 16 кораблей значительно меньше.

[2]) Кийс держал брейд-вымпел на э/м *Lurcher*'е. При нем находились э/м *Firedrake* и подлодки *E 2, 7, 8, 10, 11, 12* и *15*, а также французская подлодка *Archimède*.

у Везера, обнаружил ряд миноносцев, рыскающих полным ходом во всех направлениях, а час спустя увидел на норд-ост два больших судна, показавшиеся со стороны Гельголанда. Это, конечно, были головные крейсера эскадры Хиппера, входящие в Яде, и подлодка немедленно пошла на них. Хотя крейсера шли зигзагами и держали большие интервалы, ему все таки удалось подойти на полкабельтова к головному и выпустить торпеду. Однако, на большой и короткой волне лодку так сильно качало, что торпеда пошла слишком глубоко и не попала.

Командир *E 11* немедленно атаковал третий в колонне крейсер, но когда сблизился с ним до полукабельтова, то последний, делая зигзаг, повернул прямо на лодку. Видя неминуемость таранного удара командир быстро погрузился.

Погружение совершилось благополучно, но столь быстро, что дифферент нарушился и лодка, придя на нужную для атаки глубину, выскочила на поверхность. Через мгновение крейсера оказались рассыпавшимися в разные стороны. Увеличив ход, они кружились вне опасной зоны и, несмотря на рискованную попытку *E 11* атаковать и концевой крейсер, все благополучно вошли в реку.

Остальным трем подлодкам не удалось увидать противника, когда он подходил к Гельголанду. Погода снова была не на нашей стороне и быстрые распоряжения Кийса не смогли поправить впечатление от набега, не получившего необходимого возмездия.

В течение более двух веков ничего подобного не совершалось на побережьи Англии. Со времен набега Рюйтера на Ширнесс ни один наш солдат не пал на английской земле под выстрелами неприятеля.

Однако следует сказать, что нация встретила удар с мужеством и должной выдержкой. В громадном большинстве масса населения была глубоко оскорблена постыдным нарушением законов и обычаев войны. Приморский курорт был осыпан снарядами, а переполненный, почти не защищенный порт подвергся безжалостной бомбардировке без предупреждения, требуемого постановлениями Гаагской конференции. Если немцы преследовали цель застращать население Англии, то они ошиблись. Военный дух не упал, а окреп.

Наиболее ощутительным результатом набега явилось минное заграждение, поставленное германскими легкими крейсерами. Предназначалось ли заграждение для судов, действовавших против них, или же оно должно было прикрывать отход крейсеров Хиппера—неизвестно, но не подлежит сомнению, что оно весьма отразилось на прибрежном судоходстве и создало новую заботу тральщикам Северного моря и без того уже перегруженным работой. До этого они

должны были протраливать проход от Downs до Flamborough Head, т.-е. внутри неприятельских заграждений, поставленных у побережья Хумбера и восточных графств, теперь же приходилось продолжить проход далее на север до Скарборо. Пока эта работа не закончилась, все судоходство от Тайна до Flamborough Head приостанавливалось.

Новое заграждение обнаружилось вследствие гибели нескольких каботажных судов. Установление его границ потребовало много работы, лучше всего иллюстрирующей беспрерывные самоотверженные труды тральщиков, так много сделавших для войны. Для точного определения места мин приходилось работать при всех условиях прилива, причем во время малой воды, опасность, конечно, увеличивалась.

Три дня спустя после набега (19 декабря) три канонерки—тральщика *Skipjack*, *Gossamer* и *Jason* начали траление от Flamborough Head, но не обнаружили ничего, пока не подошли к Скарборо, где *Skipjack* и *Gossamer* затралили две мины.

В это время на зюйд-вест от бухты работали рыбачьи траулеры и, когда *Skipjack* поравнялся с ними, один из траулеров *Orianda* взлетел на воздух рядом со *Skipjak*'ом, а два других получили повреждения.

Траление продолжалось до конца года и велось *Halcyon*'ом и восемью дрифтерами [1]) из Ловестофта; всего здесь работало четырнадцать тральщиков и двенадцать дрифтеров. Мин оказалось громадное количество и рискованная работа тральщиков велась день за днем.

20-го декабря, вооруженная яхта *Valiant*, под командой адмирала в отставке Барлоу, принятого во время войны вновь на службу чином капитана 2-го ранга, идя в Кромарти, коснулась мины и потеряла руль и винты. Авария произошла в момент малой воды, но несмотря на это тральщики смело пошли прямо через заграждения и благополучно провели яхту в Скарборо [2]). В тот же день вблизи порта взорвался дозорный тральщик *Garmo*, потеряв одного офицера и пять матросов. К сочельнику проход до Скарборо был чист от мин, но на этом работа не закончилась.

В первый день Рождества у Витби взорвался и утонул тральщик *Night Hawk*, потеряв при этом шесть человек. Далее к зюйду подорвались еще два парохода.

В последних числах декабря протраленный канал был объявлен безопасным для дневного плавания и пятьдесят скопившихся в Хумбере пароходов получили разрешение следовать по назначению. Одновременно началась работа по-

---

[1]) Дрифтер—малый рыбачий траулер. *Ред.*

[2]) Барлоу и многие другие отставные адмиралы добровольно вернулись на службу и в чинах капитанов 1 и 2 рангов командовали вооруженными яхтами и т. п. вспомогательными судами.

обстановке канала буями, но потери тральщиков и пароходов продолжались до середины января. С окончанием этих работ деятельность тральных флотилий не приостановилась. Приходилось следить за восточным проходом, длиною в 500 миль, где траление не прекращалось, не взирая на погоду.

На юге, и в частности в Дуврском проливе, где зимние штормы постоянно срывали наши и неприятельские мины, тральные работы были особенно тяжелы. Кроме того у берегов Ирландии оставалось нетронутым заграждение, поставленное крейсером *Берлин* у островов Тору. Начатые там работы продолжались несколько недель, но все-таки 14-го декабря почтово-пассажирский пароход *Tritonia* взорвался на близком расстоянии от места гибели п/х. *Manchester Commerce*, взрыв которого послужил в свое время к обнаружению заграждения.

Трудно нарисовать достаточно ярко и полно картину всей самоотверженной работы тральщиков, полной беспрерывных опасностей, сыгравших столь важную роль в войне. Команды их, состоя, главным образом, из рыбаков, беспрерывно, день за днем несли свою тяжелую службу, не считаясь с условиями погоды. Заканчиваясь в одном месте, работы немедленно начинались в другом. Они не ограничивались вылавливанием мин—борьба с подводными лодками не менее тяжким бременем ложилась на тех же рыбаков—тральщиков. Бесчисленное количество рыбачьих судов спешно вооружались и входили в строй.

ГЛАВА III.

Отечественные воды с 18 декабря 1914 года по 13 января 1915 года. Дальнейшие меры предосторожности против вторжения. Гибель Formidabl'я. Пересмотр плана кампании. Бельгия и Дарданеллы.

Карта 1.

Давно ожидаемое выступление германского флота произошло. Правда, оно не вылилось в форму смешанной операции, но все же мы не могли, считаясь с данными разведки, успокоиться на мерах, принятых против возможной высадки неприятельских войск на нашей территории. Операция противника на севере, несмотря на готовый обрушиться на него удар, закончилась для него благополучно и потому было вполне естественно ожидать с его стороны попытки повторить ее в южном районе, где наше положение продолжало оставаться более чем неудовлетворительным, несмотря на все принятые меры. В основе, меры эти базировались на прин-

ципе, по которому всегда считалось, что смелое нападение слабейшего флота может нанести сильнейшему такой урон, который приведет его к невозможности осуществления активных планов в намеченном объеме, не взирая на то, что слабейший может быть полностью уничтожен.

Но 9 декабря пришли подробности победы у Фалклендских островов. Так же, как и уроки Коронеля, они говорили, что принцип этот устарел. Оба боя не оставляли сомнений, что в современных условиях обычным результатом столкновения двух неравных эскадр будет то, что эскадра с меньшим ходом и слабейшей артиллерией будет уничтожена эскадрой с большим ходом и сильнейшей артиллерией, при чем сильнейшая не понесет никаких материальных потерь.

К тому же нельзя было забывать и того обстоятельства, что уничтожение эскадры, высланной против экспедиционного отряда противника, удручающе отзовется на общественном мнении страны.

Ввиду того, что после распоряжений 12 ноября южный район был сильно ослаблен гибелью *Bulwark*'а и отправкой 6-ой линейной эскадры обратно в Портланд, когда в Дувре штормом сорвало боновые заграждения, для обеспечения положения на юге было признано желательным прислать в Ширнес эскадру линейных крейсеров с соответственным числом легких крейсеров и миноносцев. Эта мера сильно нарушала сосредоточение Гранд-Флита и приходилось искать другой выход, но при условии, что линейные крейсера не будут слишком удалены от сил, предназначенных для парирования набегов неприятеля на побережье.

20 декабря адмирал Битти получил приказание выйти из Кромарти в Розайт на присоединение к 3-ей линейной и 3-ей крейсерской эскадрам. Его эскадра все еще не была в полном составе[1]). *Indomitable* не закончил ремонта по возвращении из Средиземного моря, а *Princess Royal* еще не прибыл из Вест-Индии. Как только стало известно об уничтожении эскадры Шпее, этот крейсер был отозван и 11 декабря вышел из Ямайки, т. е. за день до того, когда Стэрди был предупрежден о крайней нужде Гранд-Флита в двух линейных крейсерах его отряда. Однако, поход *Princess Royal* задержался.

„Дух" *Карлсруэ* все еще витал в водах Вест-Индии—последнее донесение гласило о появлении его на Багамских островах и Адмиралтейство, озабоченное окончательным очищением океанов, отменило свое последнее распоряжение, приказав командиру *Princess Royal* присоединиться к крейсерам, искавшим *Карлсруэ*. Поиски, конечно, безрезультатные, продолжались неделю, в результате чего *Princess Royal* дол-

---

[1]) *Lion* (флаг), *Princess Royal, Queen Mary, New Zealand* и *Indomitable.*

жен был вернуться на Ямайку грузиться углем. Только 19 декабря он смог выйти из Куинстона в Скапа Флоу. Тем не менее к новому году эскадра Битти должна была быть в полном составе, имея при себе отряд самых быстроходных легких крейсеров. Такое добавление не отражалось на Гранд-Флите, т. к. общее количество легких крейсеров увеличилось возвращающимися с заграничных станций и вновь построенными. Это дало возможность сформировать две легких эскадры, из которых 2-ая, под флагом адм. Непира, поступила в распоряжение Джеллико [1]). Другая легкая эскадра, продолжая базироваться на Скапа, получила возможность не отвлекаться от своих прямых обязанностей службой на северных торговых путях. От этой службы Гранд-Флит был совершенно освобожден новой—10-ой крейсерской эскадрой Де-Чера, поднявшего флаг на крейсере *Alsatian*. В состав этой эскадры предполагалось включить двадцать четыре вооруженных почтово-пассажирских парохода. Двенадцать из них, уже несли дозорную службу, восемь должны были к ним присоединиться в самом недалеком будущем. Это дало возможность разделить их на четыре отряда и распределить таким образом, что никакое судно не могло пройти незамеченным. Дозоры находились в следующих четырех районах, границы которых время от времени хотя и изменялись, но незначительно; Район А—к норду от островов Faeros; Район В—к норду от Шетландских островов; район С—к весту от линии между островами Faeros и Sule Skerry и район Д—к весту от Гебридских островов. Организация вполне выполняла свое назначение—пароходы начали задерживаться в больших количествах. К началу января, когда все четыре района действовали, не менее двадцати подозрительных по контрабанде судов было отправлено в Лервик.

Перевод крейсеров Битти в Розайт, конечно, нарушал сосредоточение сил, но не влек нарушения единства командования. Битти по прежнему оставался в полном распоряжении главнокомандующего. Выходя в море при первых признаках тревоги, Джеллико должен был, как и раньше, отдавать приказания самостоятельно с тою лишь разницей, что указания о месте рандеву Битти получал не от Джеллико, а из Адмиралтейства, т. к. сведения разведки концентрировались в Лондоне. На этом же основании Адмиралтейство сохраняло за собой право распоряжаться отрядами миноносцев Тирвита и подлодок Кийса до момента их встречи с главнокомандующим.

Новая дислокация заканчивалась к первому дню Рождества и, совпадая по времени с намеченным воздушным на-

[1]) *Falmouth* (флаг), *Liverpool*, *Gloucester*, *Yarmouth* и *Dartmouth*. Последний еще не вернулся из района Пернамбуко, куда был отправлен на поиски *Карлсруэ*.

бегом на Куксгафенские ангары цеппелинов, сразу же подверглась проверке на опыте. В набег шли девять гидроаэропланов, отправляемых на *Engadin*'е, *Riviera* и *Empress* при поддержке флотилий миноносцев и подлодок из Гарвича с крейсерами *Arethusa*, *Undaunted* и *Fearless*. Ввиду того, что операция эта вызывала надежду на выход Флота Открытого моря и последующий эскадренный бой, весь Гранд-Флит был сосредоточен на позиции посередине Северного моря. Гидроаэропланы имели инструкцию сбросить бомбы на ангары, а в случае невозможности—на какие либо военные суда или сооружения, которые удастся обнаружить. На обратном пути им надлежало постараться выяснить, какие именно суда стоят в Киле и Вильгельмсгафене или на рейде Шиллиг.

Утром 25 декабря, когда отряд прибыл на позицию, стояла прекрасная тихая и солнечная погода и, хотя сняться смогли только семь аппаратов, обстановка, казалось, сулила удачу. Но как только аппараты перелетели береговую черту, густой туман скрыл от них буквально все. Тем не менее некоторые из них сбросили бомбы. Результат налета остался невыясненным, т. к. полученные сведения были разноречивы. На обратном пути нападению подвергся неизвестный неприятельский крейсер, но падения бомб нельзя было заметить. На рейде Шиллиг стояли крейсера, в том числе три линейных, и миноносцы. Их ясно видел один из летчиков. Шансов попасть не было никаких и попыток бомбежки не делалось. Появление наших гидроаэропланов произвело большой переполох; немецкие суда стали сниматься с якоря в такой спешке, что *Фон-дер-Тан* столкнулся с другим крейсером и оба получили серьезные повреждения. Это обстоятельство в то время осталось нам неизвестно, но последствия его сказались позже.

Возвращение отряда сопровождалось рядом приключений. Хотя суда противника и не вышли, но цеппелины и гидро вылетели и пытались атаковать прикрывающие суда. Их нападение успеха не имело: крейсера легко уклонялись от цеппелинов и гидро, бомбы которых падали хотя и близко, но вреда не приносили. Зато воздушным нашим силам пришлось не легко. Продолжительный, вследствие тумана, полет потребовал расхода большого количества горючего и только двум аппаратам удалось долететь до своей матки, остальным пришлось опуститься в море. Один из них был спасен *Lurcher*'ом, а три подлодкой *E 11*. Едва успели снять первого летчика и взять аппарат на буксир, как были замечены еще два севших на воду гидро, при чем одновременно показался быстро приближающийся цеппелин. Быстро сняв с буксируемого аппарата прицел, она обрубила буксир и поспешила к другим аппаратам. За это время цеппелин на-

столько приблизился, что едва *Е 11* приняла летчиков и погрузилась, как над ней сразу упали две бомбы. Подходившую на помощь подлодку *Д 6* цеппелин тоже заставил погрузиться, но она потом поднялась. Седьмой аппарат после боя с цеппелином, опустился и был взят на буксир голландским траулером. Не найдя вблизи никакого из наших судов, летчик уничтожил свою машину и высадился в Голландии, откуда был затем отпущен в качестве „потерпевшего кораблекрушение“.

Условия погоды помешали достижению главной цели операции, но полученный опыт был весьма ценен и к тому же обнадеживающего характера.

С 4-х часов утра до полдня отряд Тирвита держался в неприятельских водах, но ни одно судно противника не вышло в море. Все попытки помешать Тирвиту ограничились воздушным нападением, показавшим, насколько незначительна воздушная опасность для судов, находящихся в открытом море. От цеппелинов суда уклонились без всякого труда; гидро немцев, несмотря на их активность, не попали ни разу.

Операция набега показала, что новая дислокация главных сил вполне удовлетворяет своему назначению.

Развертывание Гранд-Флита прошло вполне гладко, но, к сожалению, закончилось несчастьем, которое свело на нет выход из строя *Фон-дер-Тана*.

27 декабря, когда Гранд-Флит возвращался в Скапа, начало сильно свежеть от зюйда и ко времени подхода к базе, расчитанного как и всегда к ночи, ревел шторм, разводивший громадную волну. Следуя в темноте узким проходом к якорному месту, л. к. *Conqueror* столкнулся с передним мателотом л. к. *Monarch*'ом. Столкновение окончилось весьма печально. Оба корабля получили повреждения, требовавшие ввода в док, при чем *Conqueror* до присылки соответствующих ремонтно-спасательных средств не мог выйти из Скапа. Таким образом, помимо *Audacious*'а, из строя вышли два дредноута и состав 2-й линейной эскадры сократился до пяти судов.

Однако, эта неудача не поколебала решения Адмиралтейства в отношении мер, принятых для укрепления господства в Северном море. Новая дислокация осталась без перемен. В развитие плана этой дислокации, сосредоточенные на юге силы получили подкрепление. В состав Флота Канала вошли—на этот раз окончательно—корабли 5-й линейной эскадры. Несмотря на необеспеченность Дувра от подводной опасности, 5-я эскадра была возвращена в этот порт. Отныне Флот Канала состоял из двух кораблей типа „Lord Nelson“, семи—типа „Formidable“ (5-я линейная эскадра) и пяти—типа „Duncan“ с *Revenge* (6-я линейная эскадра).

Одновременно произошла перемена командования. Вице-адмирал Бейли, командующий 1-й линейной эскадрой Гранд-Флита, был назначен на место адмирала Бернея, а последний на место Бейли.

Пока флагмана принимали новые должности, 6-я линейная эскадра ушла в Портланд для производства боевых стрельб. Тем не менее адм. Бейли, как только поднял свой флаг, сейчас же возбудил вопрос об отправлении его с 5-й эскадрой в операцию против германского побережья, в ответ на бомбардировку Скарборо, но получил отказ, ввиду отсутствия достаточного количества эск. миноносцев и тральщиков, необходимых для операции. Сообщая об этом, Адмиралтейство предупреждало адмирала, что одной из главных задач, предстоящих флоту Канала, будет, по всей вероятности, соединенная операция армии и флота против прибрежных укреплений противника.

Усиление южного района произошло не только под влиянием опасений неприятельской операции против нашего восточного побережия или устьев Темзы. Была еще одна причина. Район побережья, где армии противников, выйдя к морю, уперлись друг в друга и далее не продвигались, продолжал попрежнему привлекать внимание, как место, где можно было внести новый фактор в борьбу на сухопутном фронте. В то время казалось, что ход войны может измениться от того, смогут ли немцы воспрепятствовать действиям наших прибрежных эскадр в нужный момент, или нет.

Адмиралтейство было вполне готово притти на помощь флотом, но более чем когда либо сомневалось в целесообразности рисковать кораблями в момент, когда намечалась крупная морская наступательная операция. Если бы предполагаемое сухопутное наступление имело целью загнуть фланг немцев, или хотя бы взять обратно Зеебрюгге и Остенде, сомнениям не было бы места, но план генерала Фоша пока был скромнее.

19 декабря он уведомил состоящего в его штабе английского представителя, что намеревается продвинуть вперед тяжелую артиллерию и будет весьма рад получить поддержку с моря. Худ, остававшийся еще в Дувре, ответил, что он готов и может выйти по первому требованию с *Majestic*'ом и мониторами. Остальные корабли 6-й линейной эскадры, как известно, были в Портланде. Прошло несколько дней, но требования не поступало. Спустя неделю французы повторили свою просьбу, опять не назначая срока присылки судов, и Худ повторил свой ответ, но снова с тем же результатом.

Причиной тому был нарождающийся проект Френча более крупного масштаба. Главнокомандующий англий-

скими армиями, в расчете на прибывающие три новые дивизии, вырабатывал план объединения всех английских и бельгийских войск в единую армию для мощного наступления вдоль побережья Фландрии, с целью загнуть германский правый фланг. План много говорил за себя. Помимо моральной стороны вопроса, т.-е. защиты Бельгии, ради которой мы и вступили в войну, только здесь наша вооруженная сила могла развернуться в полной мере. Только на Фландрском побережьи морские и сухопутные силы могли соединиться в одно мощное целое; только здесь сравнительно слабые сухопутные силы Англии уравнивались подавляющим превосходством морских сил.

Адмиралтейство приветствовало план Френча, вполне соответствовавший плану предполагаемого большого наступления на море, занимавшего в то время внимание высших руководителей флота.

Удачное наступление в Бельгии сулило больше чем поражение левого фланга германского фронта; оно разрешало подводную проблему, так как лишало противника его наилучше расположенных подводных баз. Проект Френча шел в развитие самостоятельного плана Адмиралтейства, ради которого и была восстановлена 6-я линейная эскадра. Кроме того проект отвечал всем традициям и опыту прошлого.

В прошлом, когда нашему флоту не удавалось отыскать и истребить флот противника, ему всегда ставилась главной целью задача истребить базы противника при содействии армии. Рошфор, Брест, Остендэ, Флиссинген, Антверпен, Тулон, Копенгаген, Сан-Мало—тому примеры, не говоря уже об Ост-Индских и Вест-Индских портах. Теперь представлялся случай вспомнить старое, притом не во вред главным функциям флота.

Наше превосходство в числе подходящих для операции судов, особенно в устаревших линейных кораблях, было подавляюще велико и помощь армии могла быть решительной. Адмиралтейство не останавливалось перед риском посылки не только 6-й линейной эскадры, но и всех свободных „Majestic“ов. Они несли службу охраны рейдов и гаваней, но состав Адмиралтейства того времени, проникнутый духом активности и наступления, считал эти боевые единицы слишком неподходящими для такой роли и предполагал отозвать их как только старая 10-я крейсерская эскадра, закончив ремонт, сможет их заменить.

План Френча встретил полное одобрение французской главной квартиры, при чем Жоффр и Френч стремились начать наступление до прибытия на фронт новых германских формирований. Французский главнокомандующий предполагал сосредоточить свою армию в двух пунктах, наиболее угрожающих германским коммуникациям, и просил замены

французских частей, занимавших позиции к северу от английского фронта. Поэтому проект создания единой англо-бельгийской армии вполне его удовлетворял и на совещании в Шантильи вопрос был решен. Однако, бельгийский король не согласился с этим решением.

Обещая оказать всемерную поддержку наступлению, он отказался от подчинения своей армии английскому командованию и проектированная операция повисла в воздухе, пока неожиданная катастрофа вновь не подтвердила настоятельную ее необходимость.

С введением в Канале новой организации дозорной противоподводной службы, когда многие маяки были потушены, а предостерегательные знаки сняты или изменены, деятельность подлодок стихла. Плавание коммерческих судов и передвижение войсковых транспортов совершалось беспрепятственно; осмотр судов, подозрительных по контрабанде, не прекращался. В течение многих дней не поступало ни одного донесения о замеченных лодках. Тем не менее не верилось, чтобы неприятель не возобновил попыток нападения на транспорты, и все необходимые меры предосторожности были приняты. С первых чисел декабря отправление транспортов всегда происходило по одиночке, под конвоем отдельного миноносца и все шло хорошо. 19 декабря выработанный порядок охраны подвергся серьезному испытанию.

В этот день начиналось отправление XXVII дивизии, первый случай перевозки крупного армейского соединения после начала немцами подводной кампании. Трудная задача осложнилась тем, что перевозка не могла быть закончена до наступления рассвета, так как условия прилива не позволяли входить в Гавр ночью. В виду этого просили французского адмирала Фаверо о присылке всех свободных миноносцев для встречи транспортов при подходе к Гавру, куда адм. Хедфорд Мье должен был прислать из Портсмута часть судов из состава „Вспомогательного Патруля“. Операция прошла вполне благополучно, но ее исключительный успех не послужил к ослаблению мер против возможного появления подлодок в Канале. Насколько подводная угроза продолжала существовать даже в водах, казавшимися в безопасности, ярко показал трагический случай в ночь с 30-го на 31-е декабря. 6-я линейная эскадра заканчивала в Портланде боевые стрельбы и адм. Бейли, считая необходимым, чтобы и 5-я эскадра прошла курс таких же стрельб, просил разрешение итти в Портланд, так как Ширнесс, где он стоял, был неудобен для этой цели. 6-я эскадра была вызвана в Ширнесс и 26 декабря адмирал получил просимое разрешение с обычным предупреждением остерегаться подводного нападения по пути следования. В то время со-

блюдалось правило, по которому эскадренное плавание Дуврским проливом всегда совершалось ночью, а в случае неизбежной необходимости прохода в дневное время, не иначе как под охраной миноносцев. 28 декабря адм. Бейли уведомил Адмиралтейство, что предполагает сняться с якоря в 10 ч. у. 30 декабря, в виду чего коммодору Тирвиту было приказано отправить в Нор шесть миноносцев для сопровождения эскадры до Фолькстона.

Эскадра вышла в назначенное время и от Фолькстона пошла без охраны, имея при себе только два легких крейсера—*Topaze* и *Diamond*. В виду того, что Адмиралтейство указало на необходимость использовать время перехода для тактических упражнений и стрельбы, адмирал, подходя с рассветом к Портланду, не вошел в порт, а начал производство эволюций, которые заняли большую часть дня.

Находясь под впечатлением мнения Адмиралтейства об отсутствии лодок в Канале, Бейли решил остаться на ночь в море и проложил курс на южную оконечность острова Уайт, намереваясь утром возобновить упражнения.

Приказом по флоту предписывалось, при нахождении в угрожаемом по подводным лодкам районе, с наступлением темноты обязательно менять курс и, хотя в течение истекшего месяца не было ни одного случая появления в Канале лодок, эскадра, находясь на траверзе *Needles* в 7 часов вечера, повернула на 16 *R* и пошла на вест, почти что в собственной струе. Крейсера держались позади. Ночь, хотя сильно облачная, была исключительно ясной, с видимостью около 2-х миль. Дул довольно свежий ветер, разводивший порядочную волну, за которой усмотреть подлодку было бы трудно. Подводная опасность настолько не сознавалась, что эскадра шла постоянным курсом в кильватерной колонне на коротких интервалах. Ход не превышал десяти узлов. *Formidable* был концевым. В 2 ч. 30 м. ночи, когда эскадра поравнялась с группой рыбачьих судов, крейсера заметили, что *Formidable* вышел из строя. *Topase* тотчас увеличил ход и поспешил к *Formidabl*'ю, который имел крен на правый борт и спускал шлюпки. Оказалось, что в 2 ч. 20 м. ночи в него была выпущена торпеда, попавшая с правого борта под передней дымовой трубой и перебившая главный трубопровод. Корабль сразу накренился на 20° и командир привел к ветру, чтобы лучше держаться против усилившихся ветра и волны. Все огни погасли и шлюпки приходилось спускать в полной темноте. Катер и баркас удалось спустить благополучно, но при спуске двух переполненных барж одна из них перевернулась.

В этот момент, приблизительно через три четверти часа после первого взрыва, с левой стороны последовал второй

взрыв, под задней дымовой трубой, в результате чего крен и дифферент выравнялись.

За неимением пара спустить шлюпки, поднимаемые стрелой, было невозможно и команде было приказано приготовлять для спасения подходящие деревянные предметы и ломать деревянные части полуюта.

Topaze кружился вокруг, стараясь принять спущенные шлюпки *Formidabl*'я, но увеличившаяся волна мешала работе. *Topaz*'у все же удалось снять с баржи сорок три человека, вслед за чем он получил приказание передать показавшемуся невдалеке ярко освещенному пассажирскому пароходу, чтобы он оказал помощь. *Diamond* тотчас же подошел на место *Topaze*, пароход же, несмотря на принятый с нашего крейсера сигнал, продолжал итти прежним курсом, хотя не мог не видеть пускаемых с *Formidable*'я ракет и горящих фальшфееров. *Topaze* вернулся к погибающему товарищу. На *Formidable* палуба уже начинала покрываться водой, но самоотверженный его командир, окликнув в мегафон комадира *Topaze*, приказал последнему отойти, т. к. слева по носу заметил подлодку, и итти к другому показавшемуся из темноты пароходу. Погода быстро ухудшалось, небо совершенно заволокло и наступил полнейший мрак, ветер достиг большой силы, но подбитый корабль все еще держался на плаву на ровном киле. С момента первого попадания прошло почти два с половиной часа.

В 4 ч 45 м. *Formidable* сразу получил сильный крен на правую сторону и начал валиться. Командир приказал команде бросаться за борт, но прежде чем люди поспели это сделать корабль носом ушел под воду. Винты и медленно болтающийся из стороны в сторону руль оставались на поверхности. Казалось, будто корабль носом уперся в дно. Через минуту-две *Formidable* исчез.

Причиной его гибели была *U 24*, одна из тех подводных лодок, которые недавно стали базироваться на фландрское побережье. Командир ее, следивший весь день за маневрированием эскадры, ночью вышел на удобную для атаки позицию, когда эскадра, повернув на вест, легла на свой старый курс [1]).

Само собой разумеется, что работа по спасению людей представила громадные трудности. Офицеры *Formidabl*'я, кроме двух, все имевшие на себе спасательные жилеты, оказались в лучшем положении, нежели матросы. Спасательные воротники, которыми была снабжена команда, не оправдали себя на волне.

Командир не оказался в числе спасенных. Последний раз его видели стоящим на мостике, со своим любимцем —

[1]) Gayer. Die Deutschen U-Boote in ihrer Kriegführüng 1914—1918.

маленьким терьером—на руках. С полным хладнокровием, как будто его корабль стоял в гавани, он отдавал приказания и подбадривал офицеров и матросов.

Образцовая дисциплина и порядок царили до конца. Все возможное для спасения людей было сделано. Несмотря на темноту, волну и опасность повторных торпедных атак, *Diamond*'у удалось вытащить тридцать семь человек. Барказу, под командой боцмана, также посчастливилось спастись. Переполненный до отказа, имея лишь восемь весел, заливаемый волнами, он продержался всю ночь и только утром встретил помощь. У Berry Head его заметил траулер *Provident*.

Хотя ветер достиг силы шторма, а команда траулера состояла из трех человек, из которых один был мальчик, капитан, после трех неудачных попыток, все-таки подошел к барказу и снял всю команду в числе семидесяти одного человека. Тотчас после этого барказ опрокинуло. Из остальных шлюпок одна была найдена выброшенной, вверх килем, на Abbostburr'ийском побережьи, другую же—с сорока шестью человеками прибило к берегу у Lyme Regis. Из всего экипажа *Formidabl*'я в 780 человек—утонуло и умерло от истощения сил—35 офицеров и 512 матросов.

Тяжесть потери корабля и стольких драгоценных жизней усугублялась тем, что предпринятый риск не вызывался необходимостью. Адмирал Бейли был вызван в Лондон для объяснений. Хотя Адмиралтейство соглашалось, что инструкции Морского Генерального Штаба не отличались должной точностью и учитывало то обстоятельство, что адмиралу не были даны для охраны миноносцы, тем не менее игнорирование элементарных противолодочных мер предосторожности было налицо.

Подобное упущение не могло быть прощено даже столь выдающемуся офицеру, как адмирал Бейли, и он получил приказание спустить свой флаг, передав командование вице-адмиралу Беттелю. Указание Бейли на то, что произведенные по приказанию Адмиралтейства тактические упражнения, без охраны миноносцев, были гораздо рискованнее того, что сделал он, остались без внимания.

Гибель *Formidabl*'я, отнесенная к последствиям неосторожности, тем не менее, однако, определенно требовала принятия каких-то особенных мер против деятельности неприятельских подводных лодок, иначе это грозило самым серьезным образом отозваться на передвижениях нашего флота. Необходимость в них подтвердилась случаем, хотя и не столь трагическим, имевшим место в Адриатике. 25 декабря французское морское министерство объявило, что *Jean-Bart*—один из двух новых французских дредноутов — подвергся

нападению в Отрантском проливе австрийской подлодки, которая выпустила в него две торпеды, одну за другой. Первая торпеда прошла под кормой, вторая же попала в носовую часть и сделала большую пробоину, но *Jean Bart* с ней справился и благополучно прибыл в порт. В результате французы решили отозвать линейные корабли на Мальту и в Бизерту, впредь до оборудования в Корфу безопасной якорной стоянки, предоставив крейсерам и миноносцам нести блокаду, а активные операции возложить на подлодки, базирующиеся на залив Платеали [1]).

Адмиралтейство встало на иной путь; наш случай отличался от случая в Адриатике. Несчастье произошло в наших водах, на путях сообщения нашей армии, и Адмиралтейство не собиралось подчиняться воле неприятеля, какие бы формы его действия ни принимали.

Для наблюдения за Зеебрюгге были отправлены из Дувра в состав отряда Кийса две подлодки типа „С". Одна из них *С-34*, уже дважды ходившая на разведку к этому порту, благополучно возвратилась в Гарвич, но другая *С-31* пропала без вести. Главной же мерой против подлодок противника Адмиралтейство считало удар по подводным базам соединенными силами флота и армии и тотчас стало настаивать на разработке плана такой операции.

Как мы знаем, за неделю до этого план уже был намечен на совещании французского и английского главнокомандующих, но встретил сопротивление бельгийцев. В это время союзники были очень далеки от идеи объединенного командования.

Адмиралтейство не могло согласиться с создавшимся положением и, как только пришло известие о гибели *Formidabl*'я, оно немедленно поставило об этом в известность фельдмаршала Френча. Сообщая о новом очевидном доказательстве последствий устройства противником подводной базы в Зеебрюгге, Адмиралтейство просило категорического ответа, видит ли главнокомандующий пути к тому, чтобы взять обратно Зеебрюгге и Остенде соединенными усилиями армии и флота?

Ответ фельдмаршала, адресованный в военное министерство, гласил, что обращение Адмиралтейство снова остро ставит тот самый вопрос, который он тщательно изучал в течение нескольких недель. Решение, удовлетворяющее

---

[1]) La Bruyère. *Deux Années de Guerre Navale.* Французские подлодки обнаружили значительную предприимчивость. В ноябре *Gugnot* проникла в Катарро и пыталась атаковать старый л. к. *Рудольф*, но застряла в сетях и, преследуемая миноносцами, с трудом ушла. В декабре *Curie* проникла в Полу, где стояли дредноуты *Тегетгоф* и *Вирибус-Унитис*, но попала в сети и была принуждена сдаться. Потеря ее выяснилась 25 декабря.

общей военной обстановке, могло быть, по его мнению, только одно.

Обстановку он рисовал совершенно откровенно, не пытаясь скрыть трудностей, стоявших на пути выполнения плана, которому сам он сочувствовал не менее Адмиралтейства. Доминирующую роль в соображениях Френча играло то обстоятельство, что французский главнокомандующий считал, что наступил момент, когда дело на фронте можно сдвинуть с мертвой точки.

Сведения обоих главнокомандующих говорили за то, что немцы на западном фронте, до прибытия их новых формирований, будут в течение нескольких месяцев слабее союзников. Поэтому союзникам надлежало нанести удар всеми наличными силами и как можно скорее. Вот почему Жоффр, сосредоточивая силы и собирая все подчиненные ему войска, чтобы повести одновременное наступление на Реймс и Аррас, желал получить французские части, занимающие позиции к северу от британской армии и соглашался на предложение Френча объединить англо-бельгийские войска в одну армию. Хотя последнее не осуществилось, он все же настаивал на выводе французских войск из Фландрии. Сообщая обо всем этом, фельдмаршал пояснял, что при условии увода французских войск из Фландрии желания Адмиралтейства неисполнимы. Для наступления на Остенде и Зеебрюгге он просил крупных подкреплений. Помимо предназначенных к отправке на фронт XXVIII, XXIX и Канадской дивизий, ему требовалось не менее 50 батальонов из состава территориальных войск, или так называемой „Новой“ армии. Перед правительством стояла трудная проблема.

Кардинальным пунктом был в то время вопрос, где можно лучше использовать вновь сформированную армию, т. е. другими словами, следует ли посылать ее во Францию или же надлежит избрать другое направление, на котором можно скорее достигнуть благоприятных результатов. Решение вопроса чрезвычайно усложнялось двойственностью соображений фельдмаршала. Отвечая на запрос Адмиралтейства, он стоял за концентрацию сил на западном фронте, но в то же время писал Китченеру, что сомневается в ее целесообразности, т. к. не видит, чтобы на западном фронте можно было достигнуть решительных результатов. Он не отрицал возможности прорыва фронта противника, считая это лишь вопросом количества людей и снарядов, но полагал, что „если немцы отступят даже до Рейна, это не решит исхода войны“. Достигнуть полной победы можно только на востоке—на русском фронте. С другой стороны разгром французской армии, в случае неуспеха, считался равносильным катастрофе, почему он не допускал возможности снять хотя бы

одного солдата с западного фронта. Последнее обстоятельство надлежало иметь в виду при разработке планов операций на других театрах. Не веря в успех ни одного из них, он подчеркивал, что все эти операции требуют участия войск первой линии.

В заключение Френч высказывал определенное мнение о необходимости сосредоточения всей нашей армии целиком во Франции, не взирая на невозможность достигнуть решительных результатов на этом фронте.

Вполне извинительно, что кабинет не мог и не хотел стать на точку зрения главнокомандующего, идущую в разрез с историей и означающую банкротство всех наших старых традиций.

Помня пример того, как во времена Наполеоновских войн главные силы английской армии, находившиеся в Испании, поддерживаемые флотом, успешно действовали вдали от главного театра, правительство не могло столь легко отказаться от мысли использовать какое либо самостоятельное оперативное направление, на котором наше господство на море давало нам преимущество над Германией, подобное тому, которое Веллингтон имел перед Наполеоном. Однако, общая обстановка не подсказывала ни одного столь определенного направления. Пока Дания и Голландия оставались нейтральными—искать его в Центральной Европе не приходилось. Операции в Адриатике против Австрии, даже в случае выступления Италии, казались невозможными из-за подводных лодок. Третья альтернатива — наступление из Салоник совместно с сербами и греками, наиболее схожее с испанской кампанией Веллингтона, встречало затруднения в виде слишком длинных путей сообщения и, следовательно, не подходило при современных условиях ведения войны.

Реальность германских стремлений на Ближнем Востоке еще недостаточно сознавалась. В то время считалось, что, если немцы принудили Турцию взяться за оружие, то только ради того, чтобы заставить нас разбросать свои силы. Поэтому наше выступление в Турции могло бы сыграть в пользу противника. Все эти обстоятельства, вместе взятые, в связи с необходимостью установления надежного господства в Отечественных водах, на первый взгляд приводили к заключению, что план операций против Зеебрюгге и Остенде, разработанный фельдмаршалом, — единственный доступный при создавшейся обстановке, не взирая на всю неуверенность в его успехе.

Однако, на самом деле, это было не так. Пока шли обсуждения, появился новый фактор. Результат первой ошибки в Средиземном море, все больше и больше сказывавшийся с момента ухода *Гебена* в Дарданеллы, был почувствован и на побережьи Фландрии. Впервые он дал себя знать

через день после гибели *Formidabl*'я в виде телеграммы, полученной утром 2 января от Бьюкенена, нашего посла в Петрограде. Турки, с момента вступления в войну, предоставленные в Средиземном море самим себе, не только подготовили вторжение в Египет, но и повели под руководством немцев наступление на Кавказе, сильно встревожившее командование Кавказской армией, которое требовало срочных подкреплений [1]). Русский главнокомандующий в. к. Николай Николаевич не мог дать ничего с главного театра. Хотя под Варшавой ему и удалось приостановить вторжение противника в Польшу, но немцы проникли достаточно глубоко для того, чтобы остановить вторжение русских в Галицию, и для возобновления этого многообещающего наступления надо было подготовить решительный удар в Польше. Русское командование, вынужденное сосредоточивать все силы в Варшаве, должно было отказать в поддержке Кавказской армии, которой было приказано держаться собственными силами. С целью ослабить нажим великий князь обратился к Китченеру, запрашивая его—не найдет ли он возможным организовать в каком либо месте демонстрацию против турок.

Считая запрос вполне разумным и естественным, мы сомневались в практических результатах проектированной меры на столь отдаленном театре. Однако, уже на следующий день Китченер, через министерство иностранных дел, ответил, что предложенная демонстрация будет намечена.

Не имея для этой цели свободных войск, он запросил Адмиралтейство о возможности производства морской демонстрации у Дарданелл. Первый морской лорд Фишер более чем сомневался. Он считал, что после ноябрьской бомбардировки не могло быть причины для повторения ее теми силами, которыми располагал адмирал Карден. Для действительных результатов требовались гораздо большие средства и притом в совершенно другом составе. Тем не менее Фишер придерживался взгляда, что Турция является наилучшим из всех второстепенных театров объектом при условии наличия сухопутных сил, могущих действовать совместно с флотом, и выдвинул соответствующий проект, рассчитанный на помощь Балканских государств. Но этот

---

[1]) План турок намечал окружение главных сил кавказской армии в районе Саракамыша и нанесение здесь сокрушающего удара. Ученик германской школы Энвер-паша намеревался осуществить шлиффеновские «Канны», но потерпел полное поражение, потеряв под Саракамышем два корпуса, один—уничтоженным, другой—взятым в плен. Результатом Саракамышской победы было: усиление влияния Антанты на страны Ближнего Востока, переброска Турцией на кавказский центр значительных сил, действовавших до того против союзников в Сирии и Месопотамии и, наконец, полный срыв турецких замыслов против Египта. *Ред.*

проект предусматривал снятие определенного количества войск с западного фронта, на что, по мнению Френча, не мог согласиться французский главнокомандующий, и, следовательно, не годился. Единственнно, что оставалось, это усилить Дарданелльскую эскадру устаревшими линейными кораблями, придав ей необходимое число тральщиков и вспомогательных судов на случай, если она предпримет самостоятельную операцию. Идея операции заключалась в том, что в таком составе эскадра сможет форсировать проливы и дойти до Константинополя. Подобная операция, само собой разумеется, требовала большого количества судов. Учитывая недавнюю гибель *Formidabl*'я и выход из строя *Monarch*'а и *Conqueror*'а, адмирал Фишер не мог не сознавать необходимости крайне осторожного отношения к возможности утраты из-за операций второстепенного характера нашего провосходства в силах на море. Все же в общем ходе событий операция эта являлась настолько важной, что не могла быть отринута без самого тщательного обсуждения. Было решено отправить адмиралу Кардену телеграмму с запросом—считает ли он возможным хотя бы ценою серьезных потерь форсировать Дарданеллы одним только флотом? Адмирал ответил, что по его мнению „прорваться“ нельзя, но можно длительно форсировать большим количеством кораблей.

6-го января ему было послано приказание представить подробный план операции с указанием потребного количества судов. Одновременно и в морском генеральном штабе, под руководством адм. Джаксона, разрабатывался план, в заключении которого говорилось, что как-бы ни были удачны действия флота сами по себе—все равно они не будут иметь решительного успеха без содействия сухопутных войск для закрепления хотя бы территории, расположенной в тылу флота, т.-е. Галлипольского полуострова. Этот основательный взгляд, столь ярко подтвердившийся впоследствии, не мог, однако, победить других, более пылких взглядов, в результате которых родилось предприятие, по своим размерам не имевшее прецедентов в прошлом. Учитывая обязательства, коими к тому времени мы уже втянулись в операции во Франции, нашу готовность принять русское предложение можно признать за сумасбродство. Но, бросая взгляд назад и рассматривая эту готовность на фоне прошлого нашей истории, можно считать, что импульс, ускоривший наши действия, явился как бы туманным предупреждением того, что старые влияния, не позволявшие нам во время прошедших больших войн, сосредоточиваться на главных европейских театрах, готовы воскреснуть. Правильно или нет, но эти влияния всегда брали верх над чисто военными соображениями. Повидимому, они присущи

предрассудкам мировой морской державы и всегда заставляют ее действовать отлично от других, более тесно расположенных континентальных государств. В данном случае, пробудившийся старый инстинкт, вероятно, скорее чувствовался, чем сознавался.

Все же предоставление новых значительных сил для континента был признано необходимым осуществить раньше всего и Френч получил ответ, что наши обязательства по отношению Франции будут выполнены. Пока ее сопротивление удерживает врага от „вторжения“, место английских войск—рядом с французскими.

Борьба начинала принимать затяжной характер. Успешное наступление на главном театре не могло состояться до получения союзниками новых пополнений и увеличения боевого запаса, почему приходилось искать другое оперативное направление, на котором можно было бы достигнуть решительных результатов.

При таких обстоятельствах план наступления на Зеебрюгге и Остенде не получил одобрения. Адмиралтейство, хотя и очень озабоченное вопросом уничтожения подводных баз немцев, тем не менее заявило, что удержание противником Зеебрюгге и Остенде не является решающим фактором в вопросе нашей позиции на море.

Правительство со своей стороны не желало утверждать плана, не связанного с этим вопросом, и к тому же такого, который, требуя громадных потерь в людях, удлинял фронт до голландской границы и окончательно втягивал всю нашу армию во Францию. К этому выводу пришли 8 января, продолжая обсуждение вопроса о выборе нового оперативного направления, при чем общее мнение склонялось к тому, что оно может быть найдено только в Средиземном море. Одной из возможностей представлялось нападение на Австрию через Триест или через какой либо другой пункт в Адриатике, но эта возможность отпадала до выступления Италии, и к тому же на неприятельском побережьи не было подходящего места для оперативной базы. Салоникское направление имело свои выгоды, но при непременном участии Греции, а Греция уже заявила, что не может ничего предпринимать, пока ей не будет обеспечен нейтралитет Болгарии. Таким образом, оставалась Турция. После тщательного изучения генеральным штабом возможного турецкого театра, лорд Китченер пришел к заключению, что наилучшим объектом нападения являются Дарданеллы. Он считал, правда, еще не окончательно, что для этой цели потребуется не более 150.000 человек. В то же время он склонялся и на операцию второстепенного характера—атаку Александретты силами 30.000—50.000 человек, которые могли быть в скором времени получены из Египта.

Еще 19 ноября было решено высадить канадские и ново-зеландские войска в Египте для окончания там своего обучения; 15-го декабря эта высадка закончилась.

В виду того, что необходимость защиты Франции оставалась попрежнему на первом плане, решение не предпринимать ничего до выяснения результатов следующего германского наступления оставалось в силе.

Однако, предложения Китченера много говорили за себя. По его мнению Дарданеллы были местом наиболее удобным для развития соединенных операций армии и флота, и именно там мы могли надеяться достигнуть наибольших политических, экономических и финансовых результатов. Необходимость в них была настолько велика, что приходится удивляться не тому, что план Китченера встретил сочувствие, а тому обстоятельству, что его сразу же не осуществили. Но пока французское высшее командование продолжало пылко верить в возможность повторения успехов на Марне и пока территория Франции оставалась под пятою врага, Париж не мог смотреть на дело теми же глазами, что и Лондон. Наше правительство, готовое попрежнему оказывать помощь в ожидании нового наступления, по всем данным неминуемого, относилось более чем скептически к возможности успехов. В лучшем случае оно рассчитывало на сохранение союзными армиями занимаемых позиций. Сообщение Френча подтверждало господствующий взгляд, что раз борьба на фронте переходит к обороне, очень мало шансов прорвать фронт противника, не имея значительного перевеса в силах, а потому нет другого выхода, как развернуть неограниченный человеческий запас России. Россия имела в своем распоряжении несметные количества людей и ей требовались лишь винтовки, боевое снабжение и финансовая помощь. До ее вооруженяя общее наступление союзников не могло преодолеть преимуществ, которыми, благодаря своему центральному положению, располагали Германия и Австрия. Пока же Дарданеллы оставались закрытыми, русского гиганта нельзя было вооружить. Германия, втянув в войну Турцию, создала неодолимое препятствие на путях сообщения России с западными державами и, пока оно не будет устранено, никакие соединенные усилия союзников не смогут раздавить сопротивления столь мощного военного государства, как Германия.

Эти рассуждения чисто стратегического характера достаточно говорили за себя, но кроме того они открывали и другие перспективы. В случае успеха создавалась исключительно благоприятная политическая обстановка. Кольцо врагов, окружившее центральные державы, замыкалось и они лишались возможности развернуть военные действия

вне Европейского континента. То же самое сделали мы в свое время в Средиземном море с Наполеоном.

Представлялся случай одним ударом уничтожить все опасности, грозившие Египту, укрепить положение в Балканских государствах, поднять свой престиж среди арабов и положить конец колебаниям Италии. В особенности Балканские дела требовали принятия решительных мер. В середине декабря, сербам удалось очистить свою территорию от врага, но Германия не могла примириться с таким положением и требовала, чтобы Австрия так или иначе прикончила Сербию, так как ей необходимо было получить прямую дорогу в Турцию. Наш несчастный маленький союзник был совершенно изолирован, получая помощь лишь микроскопическими дозами, изредка просачивающимися через нейтральные государства; другой помощи мы не могли ему оказать. Средств спасения Сербии и наших жизненных интересов на Ближнем Востоке не было. Единственно, что могло помочь делу, это выступление прочих Балканских государств против Германии. Дипломатия, имея такого противника, как Фердинанд Болгарский не могла сделать многого и требовались другие меры, чтобы поколебать легенду о непобедимости Германии. Меры эти могли быть применены только в Дарданеллах. Таким образом, политическая обстановка говорила в пользу Средиземного моря и побеждала все доводы за выбор нового операционного направления во Фландрии. Требования стратегии также были на стороне операции в Средиземном море, так как такая операция, вопреки мнению некоторых, не являлась оторванной от общего плана кампании. Она давала возможность открыть внешнюю комуникационную линию и сулила привести к решительным результатам на главном театре.

Экономические и финансовые выводы были не менее многообещающими. С открытием Дарданелл восстанавливался экспорт русского зерна, столь необходимого западным державам, перед которыми уже стоял грозный продовольственный вопрос, а Россия получала возможность восстановить свои пошатнувшиеся финансы. С прекращением экспорта и падением на иностранных биржах ценности рубля, ее затруднения в снабжении сильно возросли. Кроме всех этих вопросов не менее важен был и вопрос с тоннажем. Колоссальнейшие требования, предъявлявшиеся войной к судоходству, заставляли с каждым днем все больше и больше задумываться над положением с тоннажем. В русских портах Черного моря было заперто не менее 129 пароходов, русских, союзных, нейтральных и конфискованных неприятельских, с общим тоннажем в 350.000

гросс тонн, которые с открытием Дарданелл могли быть использованы [1]).

Рекомендуя Дарданеллы в качестве объекта действий, лорд Китченер руководствовался всеми приведенными соображениями, и нельзя отрицать, что его доводы достаточно говорили за себя. Кроме того они соответствовали традиционным особенностям английской системы ведения войны— быть может и не наилучшей—но той, которая создала Британскую империю. Немцы занимали французскую территорию и французская главная квартира, равно как и штаб Френча, упорно держались мнения, что втечение ближайшего месяца, или около того, пока неприятель не развернул силы полностью, представляется случай выбить его с занимаемых позиций. Хотя неудача грозила катастрофой они все-таки оставались при своем убеждении.

13 января, при участии Френча, вопрос подвергся пересмотру, но не дал для обсуждения никаких новых данных. Главнокомандующий, не скрывая, что он и Жоффр ожидают решения судьбы кампании только на восточном фронте, тем не менее продолжал настаивать на производстве, совместно с флотом, операции против Зеебрюгге. К середине февраля Китченер мог дать две территориальные дивизии, с помощью которых Френч рассчитывал не только опрокинуть противника и дойти до голландской границы, но и быть в состоянии удерживать новую линию фронта.

Такая изолированная операция не обещала никаких решительных результатов, но, по мнению Френча, мы не могли в это время наступать ни в каком другом месте. Хотя предложение фельдмаршала не устраняло веских возражений против дальнейших обязательств в отношении западного фронта, влияние чисто сухопутного взгляда победило, и было признано необходимым начать приготовления к наступлению, отложив окончательное решение о посылке войск до февраля.

Пока шли обсуждения планов операций, возможных в Средиземном море, Адмиралтейство представило план Дарданелльской операции, разработанный адмиралом Карденом в соответствии с полученными им инструкциями, который морской генеральный штаб находил выполнимым. Одновременно появился и другой план — нападение на Каттаро, признанный заслуживающим внимания, как могущий дать более быстрый и непосредственный политический эффект. Поэтому Адмиралтейству было поручено, не прекращая приготовлений к наступлению на Зеебрюгге, обсудить вопрос о Каттаро и вместе с тем разработать

[1]) Из этих пароходов была образована зимой 1914 г. Транспортная флотилия, базировавшаяся на Одессу. *Ред.*

к февралю план морской экспедиции для бомбардировки Дарданелл и взятия Галлипольского полуострова с конечной целью овладения Константинополем.

В заключение правительство вынесло окончательное решение: в случае, если весной обстановка на западном фронте окажется на мертвой точке, отправить новые формирования на какой-либо другой театр.

Для всестороннего изучения и разработки этого вопроса была назначена особая комиссия.

ГЛАВА IV.

Средиземное море в течение ноября - декабря 1914 года. Операции на побережьи Сирии.

Карта 2.

В больших войнах прошлого, Средиземное море всегда играло не последнюю роль и теперь, в связи с принятым решением, значение его снова начало выступать на первый план. Со времени кратковременной бомбардировки входа в Дарданеллы, когда Турция в начале ноября была втянута в войну, Средиземное море не привлекало к себе большого внимания.

В Адриатике французы не вели никаких наступательных операций, опасаясь австрийских подводных лодок, и их сильный флот продолжал стоять на Мальте. Роль его ограничивалась тесной блокадой подходов к Адриатическому морю и выделением крейсеров для сопровождения наших конвоев между Мальтой и Египтом.

В Черном море русский флот проявлял больше активности. 6-го ноября, командующий флотом, адм. Эбергард, находясь в крейсерстве, заминировал вход в Босфор, бомбардировал Зунгулдак—порт Гераклийского угольного района—и потопил четыре турецких транспорта, часть которых была с грузами, а часть с войсками[1]). Через неделю русский адмирал снова вышел и 17 ноября бомбардировал Трапезунд, порт, снабжавший турецкую Кавказскую армию. В это время пять турецких транспортов находились в море, следуя в Трапезунд под конвоем *Гамидие* и *Меджидие*, и адм. Сушон, опасаясь, чтобы они не оказались отрезанными, вышел с *Гебеном* и *Бреслау* к ним на поддержку.

---

[1]) См. Описание этой операции: Н. Новиков. Операции на Черном море. Изд. В.-Морской Академии РККА. 1927 г., стр. 68—72. *Ред.*

Русская эскадра, израсходовав запасы угля, принуждена была возвратиться в Севастополь. 18 ноября около полудня, когда она находилась в двадцати милях к зюйду от Крымского побережья, дозорный крейсер *Алмаз* донес о появлении впереди *Гебена* и *Бреслау*. Сильный туман, бывший утром, несколько рассеялся, но мгла оставалась.

С сорока кабельтовых началась оживленная перестрелка, продолжавшаяся лишь четверть часа, так как немецкие суда, пользуясь значительным преимуществом в ходе, вышли из-под огня. Русский флагманский корабль *Евстафий*, на котором *Гебен* сосредоточил огонь, получил четыре попадания, потеряв пять офицеров и пятьдесят матросов убитыми и ранеными. Потери противника не были известны, но, судя по донесениям агентов разведки, *Гебен* пострадал очень серьезно [1].

Руководствуясь этими донесениями, Адмиралтейство, озабоченное мыслью скорее придать Гранд-Флиту линейные крейсера Средиземного моря, предложило передать блокаду Дарданелл французам. Но французское морское министерство настаивало на оставлении одного линейного крейсера, пока серьезность повреждений *Гебена* не будет вызывать никаких сомнений. Вопрос разрешился оставлением *Indefatigabl*'я и *Dublin*'а с тремя английскими подводными лодками и заменой остальных английских судов французскими миноносцами и устаревшими линейными кораблями при условии передачи общего командования французскому адмиралу.

В конце ноября к адмиралу Кардену присоединились шесть французских миноносцев, три подлодки и линейные корабли *Gaulois* (флаг контр-адмирала Гепрата), *Veritè*, *St-Louis* и *Charlemagne*. С этими силами надлежало следить за подходами к Дарданеллам и стараться не допускать проникновения контрабанды в Турцию через Смирну и болгарский порт Дедеагач. Поставленная задача была достаточна трудна малочисленному отряду, но тем не менее Адмиралтейство стремилось еще сократить отряд.

В связи с возрастающей подводной угрозой нужда в миноносцах в Англии была настолько велика, что Кардену было разрешено оставить всего шесть миноносцев и то лишь после его настойчивых представлений, что шесть французских миноносцев настолько устаревшего типа, что не могут соперничать с турецкими. К тому же и *Гебен* снова проявил активность. С 7-го по 10-ое декабря он находился в Черном море, конвоируя совместно с *Гамидие* транспорты с вой-

---

[1]) См. Описание этого боя. М. Петров. Два боя. Изд. РИО В.-Морских Сил 1926 г. *Ред.*

сками, подвергнув кратковременной бомбардировке Батум. В это время *Бреслау* ставил мины у Севастополя, но был замечен и атакован аэропланами.

В Дарданеллах турки держали старый броненосец—*Мессудие*, охранявший минные заграждения, поставленные ниже узкостей.

Поэтому, без дополнения еще некоторого количества крейсеров, не представлялось возможным нести блокаду Смирны и Дедеагача и одновременно охранять устроенную для отряда маневренную базу в Порт Сигри на Митилене. Французы пришли на помощь и послали крейсер *Amiral Charner* и авианосец *Foudre*, который, оставив свои гидроаэропланы в Египте, нес конвойную службу на линии Порт-Саид—Мальта.

В то время как эти суда находились в пути, произошел блестящий эпизод, нарушивший монотонность блокады, протекавшей без всяких событий, и несколько успокоивший адмирала Кардена.

Наши подводные лодки *В 9*, *В 10*, *В 11* и три французские—уже давно искали случая проявить свою деятельность. Было известно, что в узкостях поперек фарватера поставлены пять линий заграждений, но командующий флотилией миноносцев и подчиненный ему начальник отряда подлодок считали, что лодки, соответственно оборудованные, могут пройти это препятствие.

Среди командиров, как наших, так и французских, шло соперничество—кому проделать опыт. В конце концов выбор пал на лейтенанта Хольбрука, командира *В11*, которая недавно перезарядила аккумуляторы и уже была в проливе, гоняясь за канонерками турок, при чем прошла вверх по течению на две мили.

13-го декабря Хольбрук вышел, имея целью атаковать кого придется, и, несмотря на сильное течение, благополучно провел лодку под всеми пятью рядами заграждений. Заметив большое двух-трубное судно под турецким военным флагом, выкрашенное в серый цвет, он подошел к нему на 4 каб. и, выпустив торпеду, быстро погрузился. Опускаясь, он слышал шум взрыва, а затем увидел в перископ, как судно садилось кормой.

К опасности обратного прохода под заграждениями прибавилась новая забота. Запотели стекла в оптическом устройстве компаса, что лишало возможности пользоваться компасом.

Командир совершенно не мог быть уверенным в месте лодки и только по времени, прошедшему с момента прохода мыса Хеллес и тому обстоятельству, что берег был виден со всех сторон, он решил, что находится в заливе Сари-Сиглар.

Идя полным ходом в погруженном состоянии, *B11* несколько раз ударилась о грунт, рискуя распороть днище, но другого выхода не было. Только через полчаса командир решил, что заграждения остались позади и снова выставил перископ. Слева по носу горизонт был чист и Хольбрук пошел в этом направлении, поднимаясь время от времени, чтобы осмотреться, так как компас продолжал бездействовать. Наши миноносцы видели миноносец противника, искавший лодку, но на *B 11* его не заметили. Отважный командир дважды „нырнув“ под заграждения и пройдя Дарданеллы без компаса в подводном состоянии, повидимому, считал миноносец „пустяшной“ опасностью, не стоящей внимания.

Только вернувшись в базу, лейтенант Хольбрук узнал, что атакованное им и утопленное судно был броненосец *Мессудие*.

Успех Хольбрука побудил адмирала Кардена просить прислать лодку более современного типа. Он был уверен, что новая лодка, оборудованная подобно *B11*, сумеет пройти до Золотого Рога. Но признаки активности Флота Открытого моря в связи с набегом на Скарборо требовали присутствия всех лодок в Англии и в просьбе адмирала было отказано. Блокада продолжалась с прежним однообразием. Неоднократные слухи о намерении турок, в отместку за гибель *Мессудие*, произвести ответную атаку—не оправдались и все указывало, что в Дарданеллах намерение противника сводятся лишь к обороне.

В районе Египта наблюдалось большое оживление. Здесь турки готовили наступление и наличие подготовки нападения крупными силами на канал не вызывало никаких сомнений.

Еще 1-го декабря адм. Пирс, во исполнение приказания Адмиралтейства перейти со штабом из Бомбея в Суецкий канал, вновь поднял флаг на *Swiftsure*, стоявшем в Суеце, и вступил в командование станцией. Порученная адмиралу новая станция, в дополнение к ост-индской, была образована вследствие ожидавшегося вторжения в Египет. Однако, в этот момент опасность грозила на другом конце Красного моря. Турки снова заняли Шейх Сиед и восстанавливали форты, разрушенные в ноябре крейсером *Duke of Edinburgh* и десантом с конвоировавшихся им индийских транспортов. В случае установки на них крупных орудий форты командовали бы над Перимом, и перед нами стал вопрос, не следует ли повторить нападение и овладеть Шейх Сиед Адмиралтейство было готово предоставить для этой цели, л. к. *Ocean*, который после взятия Курна был отозван из Персидского залива в Египет. Но вследствие положения в Месопотамии правительство Индии, считаясь с необходимостью не волновать арабов, отказалось от этого предло-

жения. Мы только что опубликовали декларацию о невмешательстве и всякие операции на побережьи, с точки зрения политики, считались недопустимыми, пока арабы не проявили явно враждебных действий. Поэтому было решена, помимо занятия островов Farisan и восстановления маяков, брошенных турками, ограничиться установлением дозора в южной части Красного моря и тщательным наблюдением за Шейх Сиед.

На побережьи Сирии Пирсу представлялась полная свобода действий. Когда он прибыл в Египет, угроза вторжения, как будто, потеряла свою остроту. Арабы, перешедшие Синайскую границу, отступили и хотя французские гидроаэропланы обнаружили накапливание войск в Беершеба, главные силы экспедиционной армии, повидимому, продолжали свое обучение в Дамаске. Благодаря задержке в объявлении Турцией войны, укрепления Суэцкого канала успели закончить. Кроме австралийских и ново-зеландских войск, с начала декабря находившихся в Египте и проходивших курс полевого обучения, в Суэце высадились войска индийской армии, доставленные на транспортах, приведенных *Swiftsur*'ом. Они были расквартированы биваком по берегу канала. В Измаилие стояло французское судно береговой обороны *Requin*, а в Акаба и Эль-Ариш— легкие английские крейсера *Minerva* и *Doris*, охранявшие фланги нашего расположения.

Воздушная разведка не обнаруживала никаких признаков передвижения неприятеля и затишье соблазняло предпринять вдоль побережия Сирии операцию против коммуникационных путей турок.

Военные действия начались 11 декабря по получении адм. Пирсом инструкций Адмиралтейства. Ему предписывалось, если хватит судов, установить наблюдение за портами Сирийского побережия и в особенности за Александреттой, Бейрутом, Хаифой и Яффой, с целью прекратить подвоз к Геджасской железной дороге.

Свободными были крейсера *Doris* и *Аскольд*, недавно присланный русским правительством в распоряжении нашего адмирала. Первым был отправлен *Аскольд* с приказанием произвести разведку до высоты Александретты, что он и выполнил, по пути лихо отрезав германский пароход, выходивший из Хаифы. *Doris* пошел после того как воздушная разведка выяснила, что в районе Беершеба никаких значительных сил противника не наблюдается. Выполняя задачу, его командир широко использовал свои полномочия, начав операцию с бомбардировки окопных работ близ Аскалон, при чем была высажена подрывная партия. Партия была встречена огнем противника, засевшего в горах, но быстро разбежавшегося после нескольких выстрелов с крейсера.

Разведка у Яффы не обнаружила признаков сосредоточения неприятельских войск. Далее к северу, в пяти милях к зюйду от Сидон, была снова высажена подрывная партия, которой удалось без всякого сопротивления разрушить телеграфную и телефонную линии в Дамаск на протяжении более 2 миль. Затем *Doris* пошел в Александретту, а *Аскольд* возвратился в Порт-Саид.

В Александретте было обнаружено сосредоточение значительных войсковых частей и замечена оживленная деятельность на железной дороге, часть полотна которого проходила вплотную к берегу.

Подойдя с наступлением темноты в ночь на 18 декабря, командир *Doris*'а высадил, несмотря на сильное волнение, десант в двух с половиной милях к северу от Баб-и-Юнус. В полной тишине, удачно избежав внимания турецких патрулей, десант развинтил рельсы, перерезал телеграфные провода и никем не обнаруженный возвратился на крейсер. Час спустя, прошедший с севера поезд потерпел крушение. Утром подвергся обстрелу другой поезд, который успел уйти обратно, т. к. не удалась попытка разрушить артиллерийским огнем находившийся позади поезда железо-бетонный мост.

Днем 19-го декабря, в соответствии с 9-ой конвенцией Второй Гаагской конференции, был отправлен ультиматум с требованием, под угрозой бомбардировки, сдать все паровозы и военные припасы. Дабы предупредить возможность увода паровозов, город ночью освещался прожекторами.

Ответ турок гласил, что за каждого оттомана, убитого при бомбардировке, будет казнен один, или даже несколько британских подданных из числа взятых в городе заложников. Ответ исходил от главнокомандующего войсками Сирии Джемаля-паши и командир *Doris* поспешил его заверить, что если подобное намерение будет приведено в исполнение, то в условия будущего мирного договора с Турцией войдет требование выдачи Джемаля и его штаба Великобритании для наказания. Срок ультиматума был продолжен еще на несколько часов, в течение которых опять высадили десантную партию, на этот раз в устьи Дели-Чай близ Дурт Иол. Отогнав патруль, наши люди перерезали телеграф, разрушили мост через реку и железнодорожную станцию. Служебный персонал дороги, состоявший из армян, упросил взять их собой, в благодарность за что дал весьма ценные сведения о передвижении турецких войск.

Приостановив железнодорожное сообщение между Александреттой и Адана, *Doris* в 9 ч. 22 декабря, к моменту истечения срока ультиматума, вновь появился перед Александреттой. Ультиматум был принят. Однако, под прикрытием разыгравшегося сильного ветра и дождя, ночью воен-

ные склады были тайно вывезены и осталось только два локомотива. Губернатор охотно соглашался их уничтожить, но просил отпустить для этой цели динамит. За неимением на крейсере динамита, командир предложил взамен его пироксилин и отправил на берег подрывную партию под командой минного офицера, но тут возникло новое затруднение. Турецкое самолюбие не допускало возможности производства взрыва руками наших матросов, мы же, со своей стороны, не могли доверить дело туркам. На заявление, что пироксилин представляет опасность для лиц, незнакомых с его употреблением, губернатор согласился, чтобы патроны были заложены англичанами, но поджечь шнур должен был обязательно турецкий офицер. Спор разрешился при помощи американского вице-консула, который принял на себя на этот день обязанности турецкого минера. Дальнейшие задержки произошли из-за упрямства паровозных машинистов и вся комедия закончилась поздно вечером, когда оба паровоза, окруженные взводом кавалерии, были наконец приведены к месту взрыва, где и взлетели на воздух, освещаемые прожекторами *Doris*'а.

Из Александретты *Doris* пошел поперек залива в Айас, где по полученным сведениям стоял неприятельский торговый пароход. Там действительно находился новый пароход с левантской линии—*Одесса*, принадлежавший германской компании, брошенный командой и затопленный на $2^1/_2$ саженной глубине. При осмотре парохода, полевая батарея на берегу открыла огонь, но была быстро приведена к молчанию. Поднять его не представлялось возможным и 24 декабря его взорвали. Затем *Doris* прошел в Мерсину, но там все было на чеку, и он возвратился в Порт-Саид.

Аскольд после 22 декабря опять был в крейсерстве. В первый день Рождества он зашел на остров Руад и высадил к югу от Триполи разведочную десантную партию. Встреченный огнем, десант тем не менее нигде не обнаружил значительных передвижений войск. После этого русский крейсер пошел в Порт-Саид, а французский крейсер *d'Entrecasteaux* прибыл в Ларнака для продолжения прибрежных операций.

В Египте по прежнему было тихо. 19 декабря регент был провозглашен султаном под протекторатом Великобритании. Разъединение Египта от Турции было принято благоприятно и результаты этой меры сказались не только в самом Египте. В связи с решительным поведением командира *Doris*'а мера эта произвела заметное влияние на настроение в Сирии. Тем не менее, однако, продолжение дальнейших операций на побережьи встречало затруднения. Американскй посол в Константинополе сообщал, что после

инцидента в Александретте все британские подданные, проживавшие в Дамасском вилайете, арестованы, содержатся в тюрьме и турецкие власти угрожают в случае бомбардировки Александретты, или другого незащищенного порта, их казнить. Такое поведение турецких властей было по меньшей мере нелогично уже хотя бы потому, что турецкие суда до объявления войны подвергли обстрелу незащищенные города Крымского побережья. Озабочиваясь устранением неминуемой опасности, грозившей французским и английским мирным гражданам, наше министерство иностранных дел послало в Каир Верховному Коммисару Египта инструкцию избегать операций, связанных с риском вызвать приведение в исполнение турецкой угрозы.

На желательность продолжения прибрежных операций указывали вполне определенные признаки. Сведения разведки говорили о большой активности противника в южной Сирии: на дороге из Хеврон в Беершеба велись подготовительные работы по прокладке железнодорожного пути, в Хаифе было много железнодорожного материала, а в Газе продовольственных запасов и фуража. Но в то же время признаков скорого наступления не наблюдалось и действия на побережьи Сирии были ограничены дозорной службой в целях не допущения военной контрабанды.

В районе Акаба тоже было тихо. Турецкие кавалерийские разъезды неоднократно замечались гидроаэропланами и 29 декабря *Minerva* обстреляла рабочие партии неприятельской пехоты, показавшиеся на горах, но высаженный десант, прошедший вглубь местности, не обнаружил ничего. Охрана оконечности Суэцкого канала значительно усилилась присутствием л. к. *Ocean*. 29 декабря корабль пришел из Персидского залива в Суэц и командир его получил приказание вступить в должность старшего морского начальника и впредь до распоряжений оставаться в Суэце. Все местные сведения сводились к указанию на отсутствие в ближайшее время причин для беспокойства и такое впечатление подтверждалось рапортами нашего военного агента в Софии. Он сообщал, что от Джемаль-паши получено в Константинополе донесение о невозможности снарядить экспедицию против Суэцкого канала раньше трех месяцев. Таким образом не предвиделось немедленной нужды рисковать жизнью французов и англичан, проживавших в Сирии, и выполнение на побережьи решительных операций было приостановлено.

Но уже в первых числах января взгляд на обстановку совершенно переменился. Сведения, собранные в Египте, не оставляли сомнений в том, что турки с экспедицией торопятся. Непопулярность войны давала себя чувствовать в Дамаске и немцы, повидимому, пришли к заключению, что если удар не будет нанесен теперь же, потом сделать этого

не удастся. Затишье на стороне противника объяснялось необходимостью организовать дело снабжения экспедиции продовольствием и водой, что теперь близилось к концу. Силы экспедиционого отряда исчислялись, не считая арабов, в 20.000 человек, при чем считалось вероятным, что для охраны открытого с моря фланга главного операционного направления, будет двинут по прибрежным дорогам один турецкий армейский корпус.

На основании этих сведений, отправленных в Англию 3 января, адм. Пирс считал необходимым скорее возобновить операции на побережьи Сирии. После новой воздушной рекогносцировки Беершеба, *Doris* опять пошел на север и, заглянув в Мерсину, начал систематические нападения на побережье. 5 января десант с крейсера высадился и пытался разрушить железнодорожный мост у Мерсины, но был обнаружен противником. Отозвав десант, командир ограничился разрушением моста огнем судовой артиллерии. На следующий день десант, в удвоенных силах, был отправлен к пункту, в котором в прошлый приход *Doris*'а был взорван мост. Здесь, перервав телеграфные провода, повалили телеграфные столбы, развинтили рельсы и вывернули шпалы. Все это было сделано под огнем железнодорожных дозорных постов. На следующий день (7 января) десантная партия, посланная разрушить мост, расположенный южнее, была отбита и отступила к шлюпкам, потеряв одного человека убитым и одного раненным. Впоследствии мост был обстрелен с крейсера.

Русские проявили не меньшую активность на Анатолийском побережьи. 4 января крейсер с дивизионом миноносцев потопил турецкий транспорт, конвоировавшийся *Гамидие*. Два дня спустя русская эскадра встретилась с *Бреслау* и *Гамидие*, также занятых конвойной службой, но противнику удалось уйти. Эскадра, продолжая крейсерство, в течение 7 и 8 января потопила свыше пятидесяти судов у Синопа, Трапезунда и Сурмене и закончила поход бомбардировкой Хопы. Подобные операции не прекращались на путях морских сообщений кавказкой турецкой армии. 19 и 20 января между Батумом и Трапезундом было уничтожено одиннацать груженных шхун и пятнадцать фелюг [1]). Против этих разрушительных операций немцы могли сделать немного. 27 января *Бреслау* и *Гамидие*, находясь в дозоре на побережьи, опять встретились с русскими и снова должны были скрыться.

---

[1]) Деятельность Черноморского флота за этот период выражалась в блокаде Анатолийского побережья, борьбе с вывозом угля из Угольного района (Зунгулдак—Ерегли) в Константинополь и в уничтожении турецкого каботажа на морских путях. *Ред.*

Гебен не появлялся. По слухам, 2 января он подорвался на минном заграждении у Босфора [1]).

В Средиземном море блокада усиливалась и французы были приглашены принять в ней участие. Адм. Лапейрер, более чем охотно, соглашался оказать помощь, но возникали затруднения, правда, незначительные, по поводу разделения районов операций. Французы уже согласились на передачу в наше ведение Дарданелл и вод Египта—двух районов непосредственно подчиненного им Средиземного моря—и дальнейшие шаги в этом направлении считались нежелательными. Но за безопасность Египта ответственным являлся адмирал Пирс, и было вполне логично включить в сферу его действий все побережье от Мерсины до Эль Ариш и в особенности Александретту. Этот узловой пункт турецких имперских путей сообщений требовал особенно бдительного наблюдения не только ради необходимости следить за передвижением неприятельских войск на юге, но также и вследствие возможных операций в будущем.

Как мы уже знаем, Александретта представляла собой объект действий, намеченный планом Китченера. За выбор этого пункта и против Дарданелльской операции имелись весьма веские доводы. Из Александретты открывалась возможность нападения на обе железные дороги—Багдадскую и Геджасскую, что укрепляло наше положение как в Месопотамии, так и в Египте. К тому же такая операция требовала меньших сил, чем Дарданелльская. Даже сторонники более широких проектов не отрицали ее преимущества. В случае невозможности разрушить Дарданелльские укрепления всегда можно было прекратить операцию, придав ей вид демонстрации, и сразу же перенести удар на Александретту.

Главнокомандующий французским флотом не возражал против требований обстановки и согласился с необходимостью ограничить район своих действий побережьем между Мерсиной и Смирной.

Doris остался у Александретты, *Аскольд* нес дозор к югу от нее, наш легкий крейсер *Proserpine* и французское судно береговой обороны *Requin* получили приказание быть наготове оказать им поддержку или, когда понадобится, идти на смену.

11 января *Doris* донес, что он настолько „изрыл“ артиллерийским огнем прибрежные дороги, что никакое колесное движение к северу от города немыслимо. 16 января *Аскольд*

---

[1]) *Гебен* подорвался у входа в Босфор на двух минах 25 декабря, но остался на плаву. С большим трудом отремонтированный, он значительно потерял в скорости хода. *Ред.*

повредил мост у Триполи. В остальном деятельность крейсеров ограничивалась дозорной службой и рекогносцировками, но до конца месяца не было обнаружено ни одного случая передвижения войск по береговым дорогам. Хотя операции наших судов создали впечатление, что неприятель оставил мысль о наступлении, фактически оно несомненно подготовлялось.

В Египте все морские и сухопутные работы по обороне закончились и в стране было тихо. В Дарданеллах с нашей стороны, конечно, не было никаких признаков активности, но приготовления шли быстро и 15 января Карден получил сообщение, что потребные ему силы будут собраны к концу месяца. До этого срока не оставалось ничего другого как сохранять вид полнейшей пассивности.

Такова была обстановка к концу месяца в восточной части Средиземного моря. Подходило время выбирать между Зеебрюгге и Дарданеллами, тем более, что события на западном фронте начинали выяснять проблему. В середине января Жоффр повел крупными силами наступление в районе Суассона. Удачное по началу, оно затем было отбито с большими потерями и французский главнокомандующий решил не продолжать его, пока не подтянет значительных резервов. Для этой цели он брал около 100.000 человек, занимавших линию между нашей армией и морем, т.-е. как раз те войска, присутствие которых во Фландрии предусматривалось планом наступления вдоль побережья, разработанного Френчем. Поэтому, операция против Зеебрюгге или отпадала, или же требовала посылки подкреплений в таких размерах, которые совершенно разрушили бы всю организацию новых формирований и окончательно приковали бы всю новую нашу армию к французскому театру. Даже с чисто оборонительной точки зрения западный фронт внушал опасение, хотя события последних дней и укрепили веру в устойчивость линии фронта союзников.

25 января немцы произвели попытку прорвать британское расположение, начав сильное наступление по обеим сторонам канала *La Bassé*. К северу от канала наступление было отбито, но на южном берегу наши части отошли и только после многочисленных контр-атак, продолжавшихся почти до середины февраля, положение было восстановлено. Во многих пунктах французского расположения происходили такие же бои местного значения. В общем сила сопротивляемости союзных войск в значительной степени прояснила взгляд на положение дел, а вести с Северного моря способствовали укреплению оптимистического настроения.

ГЛАВА V.

Бой на Доггер-банке 24 января 1915 года.

Карта 1.

Со времени Рождества, когда поход флота закончился авариями *Monarch*'а и *Conqueror*'а, донесения об оживленной деятельности в германских военных портах не прекращались. Имелись все данные предполагать, что безнаказанность декабрьского набега на йоркширское побережье побудит немцев предпринять попытку такой же операции в другом месте[1]). Время от времени Гранд-Флит получал приказания быть в 2-х часовой готовности, Гарвичский отряд не раз ходил на разведку в Гельголандскую бухту, но до середины января ничего не произошло.

Считаясь с возможностью для немцев выбора времени удара, а также с тем, что в случае их решения обнажить Балтику они будут располагать для удара всеми силами своего флота, обстановка не могла не внушать опасений. С потерею *Formidabl*'я, выходом из строя *Conqueror*'а и с необходимостью ввода в док очередных судов Гранд-Флита Джеллико имел только восемнадцать дредноутов и восемь „King Edward"'ов против семнадцати германских дредноутов и двадцати двух других более старых линейных кораблей. Л. кр. *Queen Mary* только что ушел в док в Портсмут, *Invincible* стоял в Гибралтаре, *Inflexible* был в Средиземном море; таким образом, Битти имел только пять линейных крейсеров против четырех противника. Хотя наши суда, каждое в отдельности, были сильнее, но общий перевес в силах был невелик. Поэтому снова возникла мысль перевести на север эскадры Канала — „Lord Nelson'"ы и „Implacabl"'и, которыми командовал адмирал Беттель, имея младшим флагманом контр-адмирала Терсби. Три эскадры дредноутов с 1-ой и 6-ой крейсерскими эскадрами и 2-ой легкой стояли в Скапа. 2-ая крейсерская эскадра базировалась на Кромарти. В Розайте находились линейные крейсера, 3-я эскадра дредноутов, 3-я крейсерская эскадра и 1-я легкая. В Гарвиче в распоряжении Тирвита были легкие крейсера *Arethusa*, *Aurora*, *Fearless*, *Undaunted* и 1-я и 3-я флотилия миноносцев. Там же стояла и флотилия подлодок Кийса. Такова была дислокация флота к 15 января, к моменту, когда начали поступать более точные данные о намерениях противника. Имелись сведения, что линейные крейсера *Зейдлиц* и *Дерфлингер* оставили Яде; наши агенты доносили о столь лихорадочной деятельности в Киле и Вильгельмсгафене, что

---

[1]) *Monarch* присоединился к Гранд-Флиту 20 января.

выступление германского флота представлялось очевидным. Ввиду этого поход линейных крейсеров для производства стрельб был отменен и 17 января адмирал Битти получил приказание идти с линейными и легкими крейсерами на позицию к Гельголанду для поддержки вышедших в разведку Гарвичских миноносцев и подводных лодок. Разведка не обнаружила ничего, но одна из наших лодок— *E 10*, отправленная из Ярмута в дозор на норд-вест от Гельголанда, пропала без вести. В течение нескольких последующих дней неприятель ничем не проявлял своей активности на море. Только в ночь с 19-го на 20-ое января он произвел новое по форме нападение. За последние месяцы на восточном побережьи уже имели место два случая воздушной разведки цеппелинами, теперь же воздушные корабли впервые проникли вглубь страны. Набег начали три цеппелина, из коих достигли наших берегов два, сбросив бомбы над Кингс-Линном, Ярмутом и Шерингхамом, результатом чего было убито двое мужчин и две женщины и ранено 17 мужчин, женщин и детей. Материальные потери выразились в нескольких тысячах фунтов стерлингов. Цель набега осталась невыясненной.

Признаки более серьезных наступательных действий замирали и обстановка на море казалась настолько спокойной, что главнокомандующий флотом предполагал придти на *Iron Duk*'е в Кромарти для ввода его в док и просил разрешения съехать на берег, чтобы немного отдохнуть, в чем он весьма нуждался после шестимесячной беспрерывной, напряженной, нервной работы.

Одновременно было отдано распоряжение усилить дозор подводных лодок по обеим сторонам Гельголанда и у устья Эмса, а Гарвичским силам—приказание произвести 23 января новую разведку. Однако, ни одно из этих распоряжений не вошло в силу, т. к. утром пришли новые сообщения, заставившие пустить целиком в ход весь наш „контрольный механизм“ Северного моря.

Определенных указаний о целях противника не имелось и надобно было сделать тот или иной вывод из полученных донесений, которые указывали на усиленную деятельность немцев в Гельголандской бухте, позволявшую думать о вероятности нового набега на побережье. Впоследствии немцы объявили, что намерения их были скромнее и операция их была вызвана нашим последним походом в Гельголандскую бухту и объектом ее действий были английские рыбаки, от которых они желали очистить Доггер-банку, т. к. считали, что рыбаки держатся там, главным образом, для шпионажа. Но размер сил, назначенных в операцию, не соответствовал поставленной задаче, и мы полагаем, что, если объектом были действительно рыбаки и поход имел

целью очищение Доггер-банки, то только в целях осуществления дальнейших операций более широкого характера.

Отряд противника состоял из четырех легких крейсеров—*Штральзунда*, *Ростока*, *Кольберга* и *Грауденца* с флотилией миноносцев и поддерживающих их линейных крейсеров—*Зейдлица*, *Мольтке*, *Дерфлингера* и *Блюхера*, под флагом адмирала Хиппера. *Фон-дер-Танн* не закончил еще ремонта после аварии во время нашего воздушного набега на Куксгафен и идти в море не мог.

Хотя Адмиралтейство не имело точных сведений о намерениях противника, но знало почти наверное, что выход состоится вечером 23 января. Материалы, которыми оно располагало, приводили к заключению, что надо ожидать разведочной операции в крупных силах, приблизительно в районе Доггер-банки, но может быть и ближе. Силы противника определялись в четыре линейных крейсера, шесть легких и двадцать два миноносца. В полдень соответствующие сообщения были посланы Джеллико в Скапа, Брадфорду (командующему 3-ей линейной эскадрой), Битти в Розайт, коммодору Тирвиту в Гарвич и разработанный план начал приводиться в исполнение.

23 января, в ночь с субботы на воскресенье, когда немецкие суда снимались с якоря в Вильгельмсгафене, Кийс с *Firedrake*, *Lurcher*'ом и четырьмя подлодками в густом тумане выходил из Гарвича, направляясь к Гельголанду и Эмсу. Тирвит следовал за ним с *Arethuse*'ой, *Auror*'ой, *Undaunted*'ом и миноносцами, в условленное рандеву, назначенное Адмиралтейством в норд-остовой части Доггер-банки, оставляя к весту те районы, которые по сообщению рыбаков считались подозрительными в отношении мин. Одновременно к этому же пункту шел с пятью линейными крейсерами Битти курсом, проложенным с расчетом пройти между Доггер-банкой и районом, к северу от нее, где были замечены плавучие мины. Его легкие крейсера под брейд-вымпелом коммодора Гуденефа, вышли в море, имея приказание повернуть на зюйд к месту рандеву, когда будут находиться на норд от Доггер-банки. [1]).

Между этими двумя направлениями Брадфорд вел 3-ю линейную и 3-ю крейсерскую эскадры к рандеву в тридцати милях к норду от Доггер-банки. Главнокомандующий оставил Скапа в 9 ч. у. и шел с эскадрами дредноутов и тремя крейсерскими эскадрами (1-ой, 2-ой и 6-ой) в рандеву на полпути между Абердином и Ютландией. Крейсера 1-ой, 2-ой и 3-ей эскадр держались в строе фронта впереди и на траверзах в расстоянии пятнадцати миль. Далее впереди шла 1-ая легкая эскадра адм. Непира, которая должна

[1]) 1-ая легкая эскадра *Southampton, Birmingham, Nottingham* и *Lowestoft.*

была придти на место рандеву в 8 ч. у., т. е. на час с половиной раньше главных сил, и затем занять линию дозора на зюйд. Миноносцы Гранд-Флита должны были прибыть туда же одновременно с легкими крейсерами. Джелли̇ко рассчитывал пройти место рандеву в 9 ч. 30 м. утра 24 января и затем лечь на SSO. На этом курсе час спустя к нему должны были присоединиться 4-ая флотилия миноносцев из Инвергордона. Маневр в целом прикрывал все восточное побережье и лишь подходы к Абердину, входившие в пространство между курсами линейных кораблей и линейных крейсеров, оставались открытыми.

Законченность ловушки, подготовленной противнику, увенчивалась строжайшим приказанием употреблять радио не иначе, как в случаях особой важности.

В течение ночи отряды Гранд-Флита в полной тишине, с потушенными огнями, спешили на указанные позиции и все шло по расписанию с точностью часового механизма. Запоздали немного лишь Гарвичские флотилии, задержанные туманом.

Погода была тихая, дул легкий ветерок от норд-оста, море совершенно спокойное. Время шло и с каждым часом напряженность ожидания усиливалась, т. к. германские радио слышались, как бы предвещая что-то серьезное.

Около 7 ч. у., с первыми проблесками рассвета, Битти уже проходил позицию с присоединившимися к нему полчаса тому назад четырьмя своими легкими крейсерами. Крейсера держались на параллельном курсе, в пяти милях на левом траверзе. Через десять минут впереди был замечен Тирвит на *Arethuse*'е с семью миноносцами нового типа „M“ [1]; *Aurora* [2]) и *Uudaunted* с остальными миноносцами, задержавшиеся из-за тумана выходом, находились в тридцати милях позади. Пройдя назначенное место, Битти повернул

[1]) 1-ая флотилия: *Meteor*, *Minos*, *Mastiff*, *Milne*, *Mentor*, *Morris*. *Miranda* слишком поздно пришел из Ширнесса в Гарвич и вышел не с *Arethusa*, а с *Undaunted*'ом.

[2]) 2-ая флотилия.

Крейсер *Aurora*.

1-ый дивизион:	3-й дивизион:	4-ый дивизион:	5-ый дивизион:
Acheron	*Ferret*	*Hornet*	*Goshauk*
Attack	*Forester*	*Tigress*	*Phoenix*
Hydra	*Defender*	*Sandfly*	*Lapwing*
Ariel	*Druid*	*Jackal*	

3-ья флотилия.

Крейсер *Undaunted*.

1-ый дивизион:	2-ой дивизион:	3-ий дивизион:	4-ый дивизион:
Lookout	*Laurel*	*Laforey*	*Legion*
Lysander	*Liberty*	*Lawbord*	*Lark*
Landrail	*Laertes*	*Lydiard*	
	Lucifer	*Louis*	

и пошел на зюйд в строе кильватера в следующем порядке: *Lion*, *Tiger*, *Princess Royal*, *New Zealand* и *Indomitable*. На этом курсе был замечен *Arethusa* и Битти, уверенный, что к зюйду неприятеля нет, поднял легким крейсерам, которые в это время начали увеличивать расстояние, сигнал держаться в линии дозора на видимости флажных сигналов в направлении на NOtN. Это распоряжение было отдано в 7 ч. 15 м., но пока подымали сигнал, *Southampton* прямо на носу заметил вспышки выстрелов, блиставших во мгле наступающего рассвета. С *Lion*'а также заметили их с левой стороны, т. е. к зюйд-осту. Радостной надеждой забились сердца, когда через несколько минут с *Aurora* был принят долгожданный сигнал о том, что ее отряд вступил в бой с неприятельским флотом. Сделав легким крейсерам „отменительный“, Битти поднял новый — „Погоня, курс SO 10°“, и в 7 ч. 35 м. утра бросился 22 узловым ходом, курсом SSO, по направлению замеченных вспышек выстрелов.

Нельзя было еще сказать — соответствуют ли силы противника нашим ожиданиям, но направление, по которому противник был обнаружен, указывало, что его курс проложен с расчетом пройти к норду от немецкого заграждения у Доггер-банки и ведет на пересечку курса, которым подходили наши линейные крейсера. В этом отношении сведения разведки, руководившие соображениями Адмиралтейства, подтвердились.

Arethusa, следовавшая по расписанию, очевидно, прошла вне видимости неприятельского отряда, впереди его. *Aurora* же, идя с получасовым опозданием, столкнулась с ним. Этот крейсер, идя со своими миноносцами на норд, вскоре после 7 ч. заметил на правом траверзе трехтрубный крейсер и четыре миноносца. Рассвет только что начинался и командир, думая, что это — *Arethusa*, несколько сблизился и сделал опознательный. На самом деле этот был *Кольберг*, который в 7 ч. 15 м. с расстояния в 40 каб. открыл огонь залпами. По началу противник стрелял хорошо и *Aurora* получила три незначительных попадания, но как только она стала отвечать и несколько снарядов попали, огонь немецкого крейсера ухудшился. Через десять минут был замечен взрыв снаряда под передним мостиком и противник повернул на Ост, а *Aurora* продолжала путь к месту рандеву теперь уже совместно с подошедшим *Undaunted*'ом, не поспевшим подойти к моменту перестрелки. Вдали справа по носу показались новые силы неприятеля и наши легкие крейсера и миноносцы повернули на норд-ост, чтобы войти с ними в соприкосновение. Войдя на этом курсе в связь (в 7 ч. 30 м.) с *Southampton*'ом, *Aurora* через него передала сигнал о появлении неприятеля на SO и OSO от нее. Несколько минут спустя *Southampton* заметил германские линейные

крейсера и группу легких крейсеров. Казалось, что они держали на NW, но это впечатление опровергается сообщением немцев. Их отряд, уже развернутый для производства операции на Доггер-банке, с получением тревожного сообщения *Кольберга* снова свернулся и начал полным ходом уходить [1]).

Повернув после сообщения *Auror*'ы на курс SSO, адмирал Битти начал погоню, все увеличивая ход и склоняясь понемногу к осту. Очень скоро в 7 ч. 50 м. он увидал неприятельские линейные крейсера у себя на левом траверзе в расстоянии 14 миль. Гуденеф, не терявший соприкосновения с противником, только что донес, что видит четыре крейсера; несколькими минутами позже они все показались в виду уходящими в зюйд-остовом направлении. Хотя видимость была ясная, но слабое освещение рассвета и столбы дыма, валившие из труб, умышленно поддерживаемые с целью затруднить преследование, очень мешали наблюдению за маневрированием крейсеров и не давали возможности с уверенностью определить их число. По сигналу с *Lion*'а Тирвит выслал вперед миноносцы типа „М", чтобы хорошенько рассмотреть неприятеля. Сам он следовал за ними на поддержку. Битти шел прежним курсом, продолжая увеличивать ход.

Высланные Тирвитом миноносцы в 8 ч. 15 м. сблизились с крейсерами до 45 каб.; неприятель изменил курс, чтобы взять их под обстрел, при чем концевой крейсер открыл огонь и миноносцы вынуждены были отвернуть. Сделав несколько десятков залпов, немцы снова легли на прежний курс и наши миноносцы опять пошли за ними пока не сблизились настолько, что смогли точно сообщить курс и силы противника. За последние полчаса лидеры миноносных флотилий также прислали ряд сообщений и к 8 ч. 45 м. состав немецкого отряда выяснился.

Он состоял из четырех линейных крейсеров, при наличии не менее четырех легких и целой флотилии миноносцев. К этому времени Джеллико получил донесения о неприятеле и обстановка была ему ясна. К 8 ч. у. с тремя линейными эскадрами он находился на NNW от места начала боя в расстоянии около 150 миль. 1-я, 2-я и 6-я крейсерские эскадры держались в голове и на траверзах главных сил, в 15-ти милях, а впереди всех шли четыре дивизиона миноносцев 4-ой флотилии. Эскадры шли в зюйд-остовом направлении, но с получением известий от Битти изменили курс вправо, чтобы преградить противнику путь на север. 2-ая эскадра

---

[1]) *Aurora* донесла о появлении неприятельских легких крейсеров на OSO, а линейных на SO, но это не сходится с донесением *Southampton*'а, посланным несколькими минутами позже. Повидимому, *Aurora* ошиблась, приняв суда, замеченные на SO, за линейные крейсера.

легких крейсеров была отправлена на зюйд на присоединение к Брадфорду, который с 3-ей линейной эскадрой и 3-ей крейсерской подошел к месту назначенного рандеву к норду от Доггер-банки. Чтобы закрыть расставленные сети, Брадфорду было послано срочное приказание самым полным ходом итти на ост и занять позицию с расчетом перехватить германские суда, если они попытаются уйти в норд-вестовом направлении. Отданные распоряжении вполне соответствовали намерениям Битти и дополняли его распоряжения.

Командующий линейными крейсерами предполагал начать бой с наветра, придя противнику на крамбол, и в 8 ч. 15 м. у., немного не дойдя до желаемого положения, начал погоню на параллельных курсах. „Гонка" предстояла упорная и продолжительная. По мере того, как наши крейсера медленно, но верно увеличивали ход, становилось очевидным, что они нагоняют. В 8 ч. 30 м. крейсера развивали 26 узлов. Адмирал потребовал 27 узлов и крейсера дали 27. Даже *Indomitable*, развивший на пробе немного более 25 узлов, не отставал, получив благодарность командующего, поднявшего ему сигнал „великолепно держите ход". *New Zealand*, спроектированный на 25 узлов, также не отставал и, дав на пробе 26 узлов, вызывал не меньшее восхищение. В машинах, в кочегарках все до последнего кочегара понимали, что каждая минута дорога и делали все, что было в человеческих силах.

К этому времени *Meteor* подробно донес о силах противника. Когда он сблизился с немецкими судами до 45 каб., то подвергся обстрелу *Блюхера* и Битти отозвал все миноносцы Тирвита, приказав им вступить в голову нашей колонны. Остальные миноносцы и легкие крейсера Гуденефа держались в двух милях позади в положении удобном для наблюдения за левым бортом неприятеля. Головным в германской колонне шел *Зейдлиц* под флагом Хиппера, вторым *Дерфлингер*, третьим *Мольтке* и концевым *Блюхер*. Легкие крейсера и миноносцы держались впереди.

В 8 ч. 30 м. Битти уведомил главнокомандующего об обстановке. Джеллико остался на прежнем курсе, приказав Брадфорду идти к Гельголанду на поддержку Битти.

Предстоящая операция сводилась к простой погоне, скорость являлась доминирующим фактором и в 8 ч. 52 м. Битти поднял сигнал „Иметь 29 узлов ходу". Требуя такой скорости, он, конечно, знал, что два его концевых крейсера отстанут, но приходилось рисковать, чтобы не пустить уходящего противника и „уцепиться за хвост". Расстояние оценивалось в 100 каб. и *Lion* сделал пробный залп. Получился недолет. Второй залп, при максимальном угле возвышения, дал перелет и адмирал, подняв сигнал „открыть огонь", начал пристрелку по концевому крейсеру. *Tiger*

и *Princess Royal* присоединились. Через четверть часа с момента начала боя, с *Lion*'а заметили попадания в *Блюхера*. Расстояние было все еще свыше 8 миль, но головные крейсера, доведя полный ход до пределов возможного, быстро нагоняли. В 9 ч. 14 м. неприятель начал отвечать. *Lion* перенес огонь на *Мольтке*, предоставив *Блюхера* *Tiger*'у и *Princess Royal*. Попадания начались почти сразу и Битти немного изменил курс вправо, чтобы ввести в действие кормовые башни. Залпы всех трех наших крейсеров заставляли сильно страдать германские концевые суда. По показаниям пленных третий залп попал *Блюхеру* в ватер-линию и ход его уменьшился. Четвертый снес все кормовые надстройки и вывел из строя две кормовые башни, нанеся громадные потери в личном составе. Убитых и раненых было от 200 до 300 человек. Пленные говорили, что и *Мольтке* пострадал от залпов *Lion*'а, имея большие разрушения в кормовой части.

К 9 ч. 28 м. огонь неприятеля, сосредоточенный на флагманском крейсере Битти, дал себя знать. *Lion* получил первое попадание. Снаряд попал в ватер-линию и прошел в угольную яму. Пробоина была заделана обеденными скамейками и койками, но становилось очевидным, что наступает пора разсосредоточить огонь немцев. Отстававший *New Zealand* уже начал обстреливать *Блюхера* и в 9 ч. 35 м. Битти, видя, что он достаточно нагнал противника, поднял сигнал с приказанием перенести огонь по порядку номеров в колонне. *Lion* начал стрелять по *Зейдлицу*, который только что стал отвечать из своих 12″ орудий, но в виду того, что расстояние все еще было не менее $87^1/_2$ каб., снаряды не долетали. *Lion* же, повидимому, с самаго начала стрелял удачно.

В книге адмирала Шеера говорится, что *Зейдлиц* очень скоро получил тяжелые повреждения в кормовой части и все его крупные кормовые орудия оказались выведенными из строя до конца боя. Германский адмирал пишет: „Первый попавший снаряд произвел ужасное действие. Пробив в корме верхнюю палубу и барбетную броню башни, он разорвался внутри ее. Офицерские каюты, кают-компании и все помещения, расположенные поблизости, оказались разнесенными в дребезги. В перегрузочном посту загорелся приготовленный полузаряд. Пламя поднялось высоко вверх, опустилось вниз в погреб и оттуда пошло дальше, через дверь, обычно закрытую, в которую, спасаясь от огня, бросилась прислуга, чтобы пробраться в следующую башню. Огонь проник за ними и через погреб поднялся во вторую кормовую башню. В обеих башнях погибли все люди. Огненные языки над башнями поднимались высотою в дом“.

Princess Royal, следуя сигналу, перенес огонь на *Мольтке*, но *Tiger* продолжал стрелять по головному противнику. К сожалению, его командир ошибся. Наших судов было пять против четырех немецких и он, считая, что *Indomitable* уже подошел и взял под обстрел *Блюхера*, полагал, что действует правильно, т.-е. в соответствии с боевыми наставлениями; предусматривающими тактическую важность поражения авангарда неприятеля. Принцип этот до известной степени был наследием парусной эпохи. При коротких интервалах линиии баталии того времени поражение авангарда приводило флот в замешательство. Теперь же, с увеличением боевых дистанций, дальности действия артиллерии и торпед и свободы маневрирования, появился новый, гораздо более важный фактор—управление огнем.

Нельзя было предоставлять противнику возможность беспрепятственно заниматься этим делом и, следовательно, ни одно из его судов не должно было оставаться не под огнем. Требование это соблюдено не было. Несмотря на все старания *Indomitable* не смог еще догнать эскадру. *New Zealand* стрелял по *Блюхеру*, а *Princess Royal* по *Мольтке*. По *Дерфлингеру* никто не стрелял. Немцы придерживались принципа сосредоточения огня по головному и три их крейсера стреляли по *Lion*'у. В результате *New Zealand* и *Princess Royal*, не имея никакой помехи, с успехом действовали по своим противникам. Но и *Дерфлингер*, средний из трех, стрелявших по *Lion*'у, был в таком же благоприятном для себя положении. В довершение неудачи, в плохом утреннем освещении неясного дня, дым настолько мешал стрельбе, что *Tiger* потерял из вида цель и *Southampton* сделал сигнал, что все его залпы ложатся перелетами.

В этот момент произошло замешательство. На двух неприятельских крейсерах, помимо *Блюхера*, были замечены сильные пожары и на наших судах создалось впечатление, что миноносцы противника готовятся идти в атаку, чтобы помешать погоне. Последние четверть часа Битти ожидал такой попытки и в 9 ч. 20 м. сделал сигнал миноносцам Тирвита, чтобы они скорее выходили вперед; но миноносцы, имея приказание не мешать своим дымом стрельбе, держались на левой раковине линейных крейсеров и, несмотря на все старания, почти не нагоняли крейсеров, развивших громадный ход. В 9 ч. 40 м. адмирал сделал общий сигнал с предупреждением об опасности атаки и отвернул на 2*R* в сторону. Линейным крейсерам приходилось полагаться только на собственные силы. Делая все возможное, чтобы прибавить ход, миноносцы Тирвита все-таки никак не могли пройти вперед. Не видя другого выхода, Тирвит приказал миноносцам типа „M"—одним постараться сделать это. *Meteor* повел самые быстроходные из них—*Miranda*,

Mentor и *Milne*, но и они не смогли оторваться от крейсеров, выдвигаясь буквально по дюймам. Ожидаемая атака не имела места и в течение ближайшего получаса артиллерийская дуэль продолжалась с прежним ожесточением.

Около этого времени в *Зейдлиц* и попал залп, который вывел из строя его кормовые орудия. *Мольтке* и *Блюхер* также, повидимому, сильно страдали от нашего огня. На обоих вспыхнули пожары. Головной—*Зейдлиц* был объят пламенем в средней части.

Но и наш флагманский крейсер начал испытывать силу неприятельского огня. В 9 ч. 45 м. тяжелый снаряд снес крышу башни „A“ и вывел из строя одно из орудий, а в 10 ч. 1 м. 11″ снаряд с *Зейдлица* пробил *Lion*'у броневую плиту. Помещение машинной мастерской оказалось затопленным, вода проникла в отделение распределительных досок и произвела короткое замыкание двух динамомашин. Приборы кормового управления огнем были выведены из строя. Крейсер начал крениться на левый борт, но ход, уменьшенный еще ранее до 24 узлов с целью дать возможность задним мателотам подтянуться, остался прежним. Бой продолжался, но дистанция несколько увеличилась после поворота в 9 ч. 40 м.

Вскоре после 10 ч. бой перешел в новую фазу, но установить точно, что происходило в этот период,—трудно. После 10 ч. движения противников были скрыты друг от друга.

Коммодор Гуденеф, все время державшийся с левой стороны линейных крейсеров, занимал прекрасное наблюдательное положение на левой раковине противника, но попал под такой тяжелый обстрел *Блюхера*, что был вынужден резко повернуть и увеличить расстояние, не имея возможности сразу же лечь на прежний курс. Ему казалось, что *Блюхер* отошел от наших линейных крейсеров и сблизился с легкими крейсерами. Хиппер же предполагал обратное, т.-е., что легкие крейсера пошли на сближение с *Блюхером*, и он приказал своим судам открыть по ним огонь левым бортом и отогнать.

На крейсерах Битти также не было никакой уверенности в маневрировании противника. Форсируя ход, миноносцы настолько заволокли все дымом, что не было возможности наблюдать даже падение снарядов. Адмирал Битти склонялся к мысли о неминуемости попытки торпедной атаки и полагал, что линейные силы Хиппера уклонятся к норду, стараясь выйти из пределов дальности наших орудий.

Однако, ни один из германских исследователей войны не упоминает о таком маневре. Повидимому, *Блюхер*, сильно пострадавший к 10 ч., уклонился в это время на норд, остальные же крейсера шли приблизительно тем же курсом и с преж-

ней скоростью, изредка делая зигзаги, чтобы менять расстояние.

В 10 ч. 18 м., когда удачными поворотами в сторону противника Битти удалось сблизиться до $87\frac{1}{2}$ каб., с *Дерфлингера* в *Lion* попало еще два снаряда. Удар произвел впечатление взрыва торпеды. Один снаряд ударил в броню ниже ватер-линии и вогнул несколько броневых плит, которые проломили деревянную подушку. Вода затопила левые носовые угольные ямы. Второй пробил броню в носу по ватер-линии и разорвался в отделении торпедных аппаратов. Через несколько минут все соседние помещения оказались залитыми до жилой палубы. Неприятель пристрелялся и накрытия быстро следовали одно за другим; столбы воды от недолетов заливали боевую рубку как в шторм и Битти вынужден был начать зигзагировать. Но для достижения решительных результатов надо было использовать все свои силы до конца. К этому времени выяснилось, что под прикрытием дымовой завесы концевой крейсер неприятельской колонны вышел на левую сторону своего флагмана.

Поэтому в 10 ч. 22 м. командующий крейсерами, не взирая на тяжелые повреждения *Lion*'а, перестроил эскадру в строй пеленга на NNW и приказал дать самый полный ход. Все его стремления сводились к уменьшению дистанции для достижения решительных результатов; ничего другого он сделать не мог. Немецкие миноносцы немедленно повернули вправо, как бы с намерением парировать всякую нашу попытку перейти на левый борт вне линии их струи. На такой риск, связанный с возможностью попасть на плавучие мины, которые миноносцы легко могли сбросить, идти было нельзя. Не оставалось иного выхода как положиться на преимущество в ходе и таким образом или заставить противника уклониться к норду, навстречу Джеллико, или же принудить его вести бой на коротких дистанциях.

День еще только начинался, до Гельголанда оставалось более 100 миль, главные же наши силы находились не далее 150 миль к норду и все суда Хиппера, за исключением *Дерфлингера*, повидимому, пострадали. Сокрушительная победа казалась очевидной, если наша эскадра сохранит свою скорость. Судьба *Блюхера* не вызывала сомнений. Обреченный крейсер продолжал гореть и хотя делал попытки отвечать на огонь, но по всем признакам потерял возможность управляться и отставал, однако, все еще следуя за эскадрой. Остальные германские крейсера явно показывали одно только желание уйти и потому вполне правильно все свои усилия направляли против английского флагманского крейсера. Продолжая сосредоточивать огонь по *Lion*'у, немцы действовали не без успеха. Между 10 ч. 35 м. и 10 ч. 50 м. попадания следовали одно за другим. Снова

пробило броню и затопило несколько угольных ям. Снаряд разорвался в башне „А“ и вызвал пожар. Пожар был быстро потушен и не помешал порыву во что бы то ни стало придти на расстояние решительного боя. Этот порыв выразился в сигнале, который подобно старинному сигналу „Общая погоня“, все требования тактики подчинял одному единственному стремлению. В 10 ч. 48 м. адмирал поднял сигнал „сблизиться с противником как можно скорее, имея в действии все орудия“. В этот момент *Блюхер*, потерявший способность управляться, начал описывать широкую циркуляцию влево, благодаря чему очень скоро пришел на дистанцию артиллерийского огня легких крейсеров. Крейсера открыли огонь.

Поворот *Блюхера* был тотчас замечен Битти и он поднял сигнал вступившему в бой, *Indomitabl*'ю, „атаковать неприятеля, прорывающегося к норду“.

Решительная победа казалась в руках нашего адмирала, как вдруг обстановка резко переменилась. Около 11 ч. *Lion* получил попадание, которое потрясло крейсер до основания. Взрывом снаряда была вдавлена броневая плита близ ватерлинии против одной из кочегарок и повреждена питательная система холодильника. Левую машину пришлось застопорить. В динамо-машине № 1 произошло короткое замыкание. Свет погас, тока не хватало, крен увеличился до 10°. *Lion* не мог дать больше 15 узлов.

Полный, как и в первые минуты боя, неослабным боевым духом, он тем не менее принужден был выйти из строя, беспомощно наблюдая как его товарищи проносятся вперед.

Поклонники теории сосредоточения огня по авангарду не могли желать лучшего результата. Повреждения флагманского крейсера лишили адмирала возможности управлять эскадрой. Однако, в этот критический момент боя, обстановка так сложилась, что управление выскользнуло из рук не только у нашего командующего. Германский адмирал оказался в подобном же положении.

Незадолго до выхода из строя *Lion*'а, пока еще Битти держал в руках управление своей эскадрой, ему было доложено о появлении на правом крамболе крейсера подводных лодок и он сделал в 10 ч. 54 м. сигнал „повернуть всем вдруг на 8 R влево“ [1]).

---

[1]) Гайер (Т. I, стр. 22—3) пишет: «Днем 23 января *U 19*, *U 21*, *U 32* и *U 33* находились в готовности следовать в этот день в условленное рандеву на встречу линейным крейсерам. Таким образом они могли бы быть использованы 24 января... Не взирая на это, *U 21* вышла из гавани днем 23 января в Ирландское море, *U 19*, и *U 33* остались в готовности в Эмсе, а *U 32* пошла в дозор к Боркуму... Утром 24 января, дежурный командир

Маневр был далеко не безопасный. Эскадре предстояло пересечь курс неприятельских миноносцев и таким образом подвергнуться риску попасть на торпеды Адмирал быстро сообразил, что его сигнал влечет за собою излишне широкий поворот. Новый курс — *NtO* проходил под прямым углом к курсу противника и, следуя им, крейсера понапрасно теряли в расстоянии. Все, что требовалось,—это, чтобы эскадра не прошла того места, на котором находился хвост колонны немецких миноносцев в момент поворота. Раз этого можно избежать, торпедная опасность переставала существовать. Поэтому в 11 ч. 2 м., т. е. через две минуты после спуска сигнала о повороте на 8 R, Битти поднял сигнал „Курс NO“. Новый курс, сходящийся с неприятельским курсом, обеспечивал проход эскадры вне опасной зоны и отрезал *Блюхера* от остальных германских судов, заставляя Хиппера, как надеялся Битти, повернуть на поддержку подбитого судна. Если же германский адмирал решил предоставить *Блюхера* собственной участи, то Битти предполагал снова лечь на параллельный курс как только вполне выяснится курс неприятельских миноносцев.

В немецкой литературе имеются указания, что фактически в этот момент, Хиппером была сделана попытка спасти *Блюхера*. Миноносцам приказано были идти в атаку, эскадра повернула на зюйд. Если этим маневром он рассчитывал отвести противника от *Блюхера*, наш резкий поворот в 11 часов в противоположную сторону должен был его разочаровать. Он предложил гамбитный ход, отвергнутый противником. Во всяком случае не подлежит сомнению, что намерение помочь *Блюхеру* было оставлено сразу же; ни атака, ни поворот на зюйд на нашей эскадре замечены не были. Вполне возможно, что адмирал Хиппер, заметив поворот Битти на 8 R, под прямым углом к его курсу, решил, что это дает ему возможность выиграть в расстоянии и спасти свою эскадру. Как бы то ни было, замеченный им маневр открывал новую возможность ускользнуть, которую надо было всецело использовать, и он продолжал свой бег, окончательно оставив *Блюхера*.

Если наши сведения о размерах повреждений на остальных немецких крейсерах верны, решение Хиппера представляется единственно правильным.

Младший флагман контр-адмирал Мур принял командование эскадрой при исключительно трудных обстоятельствах.

подлодок в Эмсе, получив радио Хиппера о появлении неприятеля, выслал три готовые к походу лодки на поддержку нашей эскадры, возвращающейся к Гельголанду и ведущую бой с превосходными силами противника. Но было поздно»...

Из этой выдержки можно с уверенностью сказать, что там, где лодки, якобы, были замечены, в действительности их не было.

Эскадра только что повернула под прямым углом к курсу противника, уклоняясь от подводных лодок, и расстояние быстро увеличивалось. Но для правильного суждения о последующем следует помнить, что Мур не видал подводной лодки, и причина, вызвавшая сигнал старшего флагмана повернуть, была ему неизвестна. Битти не имел возможности объяснить причину поворота. Радио-станция *Lion*'а перестала действовать, все сигнальные фалы, за исключением двух, были перебиты и адмирал, передавая командование эскадрой, не имел другого способа разъяснить свои намерения, как поднять два коротких флажных сигнала. Первый гласил «атаковать хвост неприятельской колонны», второй же повторял предсмертные слова Нельсона при Трафальгаре—„сблизиться с неприятелем". К несчастию, разобрать сигналы было трудно. Ветер развевал флаги прямо по диаметральной плоскости и, кроме того, первый из двух сигналов был поднят раньше, чем спустили „курс NO". В результате чего младший флагман разобрал: „атаковать хвост неприятельской колонны в направлении на NO". На *New Zealand*, *Tiger* и *Indomitable* сочетания флагов были разобраны совершенно в таком же смысле. Второй сигнал старшего флагмана — „сблизиться с неприятелем" разъяснил бы ошибку, но ни один из крейсеров этого сигнала не заметил. Поэтому *Блюхер*, находившийся на NO от *New Zealand*, и был принят за объект действий, на который указывали поворот в 11 ч. на 8 R и разобранные сигналы. *Tiger* и *Princess Royal* немедленно прекратили огонь по *Дерфлингеру* и *Мольтке* и повернули влево, окружая *Блюхера*. Последний все еще поддерживал оживленный огонь и, несмотря на повреждения, стрелял столь хорошо, что заставил Гуденефа отойти. Однако, Гуденеф сейчас же снова возобновил нападение. Кроме того командир *Arethus*'ы, видя невозможность догнать неприятельскую флотилию миноносцев, собирал свои миноносцы типа „M" для атаки *Блюхера*. Обреченному крейсеру не оставалось никаких надежд. Итак, полуразбитая германская эскадра была оставлена в покое. Как и при набеге на Скарборо счастье сопутствовало немцам и снова дало им возможность ускользнуть.

Мур не встретил затруднений в выполнении задачи, как он ее понимал. Гибель *Блюхера* была очевидной. Крейсера Гуденефа, с 70 каб., успешно поражали противника, отвечавшего лишь двумя башнями. Показавшийся цеппелин был отогнан. Приближалась *Arethusa* и миноносцы „M". В 11 ч. 20 м. *Meteor* сблизился с *Блюхером* на торпедный выстрел, но в тот момент, как он выходил на позицию, в носовую его часть попал тяжелый снаряд, разорвавшийся

в передней кочегарке. *Meteor* оказался выведенным из боя. *Arethusa*, только что открывший огонь из носового 6″ орудия, стрелял, пока дистанция не уменьшилась до 12½ каб., а затем положил руля влево и выпустил две торпеды. Обе попали. Одна взорвалась под носовой башней, а вторая под машинным отделением, в результате чего на *Блюхере* погасло все освещение. *Блюхер* также выпустил торпеды по *Arethus*'е и возможно по линейным крейсерам в момент их прохода у него под кормой, но расстояние было слишком велико и крейсера описывали циркуляции, посылая залп за залпом, поражая противника, пока он не обратился в сплошное море пламени и дыма. Только тогда, потеряв всякую способность сопротивляться, он прекратил неравную борьбу.

В течение трех часов *Блюхер* находился под сосредоточенным подавляющей силы огнем, ни на минуту не прекращая стрельбы. Дважды наши легкие крейсера подходили, чтобы с ним покончить, но оба раза принуждены были отойти. Дисциплина и воинская доблесть, проявленная крейсером в последние его часы, вряд ли была когда либо превзойдена.

В 11 ч. 45 м. Тирвит передал сигналом, что *Блюхер*, повидимому, сдается. Мур прекратил огонь и перенес свое внимание на остальные крейсера. Описывая циркуляцию вокруг *Блюхера*, он пришел на прежний курс и немедленно возобновил погоню. Но немцы вышли из пределов досягаемости орудий. Неприятель был уже в двенадцати милях впереди и летел по прежнему 25-ти узловым ходом. Была ли возможность воспрепятствовать его уходу? Наша эскадра находилась в восьмидесяти милях от Гельголанда, а придти на дистанцию решительного боя нельзя было раньше двух часов, т. е. тогда, когда противник подойдет вплотную к Гельголанду. Муру нелегко было решить, что делать дальше, тем более, что *New Zealand* перехватил радио Кийсу, который отправлял на позиции подводные лодки, о выходе Флота Открытого моря. Кроме того, приходилось считаться и с положением подбитого *Lion*'а, который молчал и не отвечал на вызовы. Полный тревоги за судьбу флагманского крейсера Мур решил отходить в его направлении, предоставив легким крейсерам спасать людей с *Блюхера*.

После поворота Мура на норд-вест *Arethusa* подошел к горящему неприятелю. „Он находился“, доносил Тирвит, „в ужасном состоянии—верхняя палуба со всеми надстройками была совершенно разрушена; между палубами бушевал пожар, пламя которого было видно через громаднейшие пробоины в бортах“. Горящий остов крейсера имел большой крен на левый борт; на верхней палубе и на бор-

товых выступах, где лежали противоминные сети, собралось до 300 человек, криками „ура“ громко приветствовавших подходившую к ним на помощь *Arethus*'у. *Arethusa* подошла уже на кабельтов—полтора, как вдруг в 12 ч. 10 м. *Блюхер* неожиданно перевернулся и, продержавшись несколько минут вверх дном,—исчез. Быстро спущенные шлюпки, при содействии миноносцев, подняли 260 человек. Имелась полная возможность спасти больше, но появившийся немецкий гидро-аэроплан начал бросать бомбы в наши суда. Подобный поступок нельзя оправдать даже ошибкой. Если летчик принял гибнущее судно за английское, все же его действия противоречили традиционным принципам морской чести. Тирвит был вынужден предоставить плавающих людей их печальной участи и отозвать миноносцы и шлюпки, тем более, что сюда же приближался цеппелин с явным намерением повторить нападение.

О всех происшедших событиях адмирал Битти не знал ничего. В его представлении погоня продолжалась и он сделал все возможное, чтобы к ней присоединиться. Уже через четверть часа по выходе из строя *Lion*'а выяснилась невозможность исправить повреждения собственными средствами и адмирал решил перенести флаг и постараться снова вступить в командование. Миноносцу *Attack* было приказано подойти к борту *Lion*'а. *Lion* машин не стопорил и продолжал идти 15-ти узловым ходом, но маневр был выполнен блестяще и в 11 ч. 50 м. Битти на миноносце полным ходом бросился в догонку за эскадрой. Увы, стремление не достигло цели. Когда в полдень *Attack* пришел на видимость эскадры, она шла ему навстречу.

Attack подошел к борту *Princess Royal*, флаг был перенесен и Битти, не дожидаясь объяснений младшего флагмана, приказал повернуть на 16 R и лечь на обратный курс. Однако, узнав, что его надежда на потопление хотя бы одного из трех германских судов не сбылась, и сознавая, что время потеряно, он вскоре пришел к заключению, что не остается ничего другого как идти к *Lion*'у и прикрывать его отход.

Когда эскадра встретилась с *Lion*'ом, последний шел под одной машиной 12-ти узловым ходом. Положение его нельзя было считать надежным, так как незадолго до встречи на эскадре заметили неприятельские подлодки. Поврежденный крейсер представлял собой весьма соблазнительный объект для подводной атаки и надо было обеспечить его надежной охраной миноносцев. Но в то же время, вследствие известий о выходе Флота Открытого моря, было желательно с наступлением темноты отправить побольше миноносцев ему на встречу. В 2 ч. 30 м. адмирал Битти телеграфировал Джеллико предположение оставить при *Lion*'е

одну флотилию, а остальных послать к Гельголанду попытаться атаковать противника в темноте. В это время начала сдавать правая машина *Lion*'а, ход уменьшился до 8 узлов и было видно, что скоро он не будет в состоянии давать никакого хода. Около 3 ч. 30 м., еще до получения ответа главнокомандующего, выяснилось, что *Lion* самостоятельно идти не может и *Indomitabl*'ю было приказано взять его на буксир. Вслед за этим от Джеллико, который еще не знал об обстановке, пришло сообщение, что он посылает для охраны 4-ую флотилию, и что Тирвиту с двумя его флотилиями разрешается произвести поиск к Гельголанду для прикрытия отхода *Lion*'а. Но последнее распоряжение осталось не выполненным. Опасность подводной атаки при буксировке неизмеримо возрастала и охрана требовалась максимально возможная. Почти одновременно с получением приказания Джеллико, оба отряда Гранд-Флита пришли на видимость друг друга. Оценив положение, Джеллико решил все миноносцы использовать для охраны *Lion*'а и *Indomitabl*'я.

Не считая эту меру достаточной, Джеллико еще раньше, в 2 ч. 15 м. приказал 2-ой эскадре легких крейсеров, отправленной на присоединение к 3-ей линейной эскадре, идти в распоряжение Битти. Обе легкие эскадры построились в линию кильватера со стороны Гельголанда в расстоянии 10 миль от *Lion*'а и весь отряд пошел на норд. В 4 ч. 30 м. главнокомандующий повернул и пошел в Скапа.

Час спустя были окончены работы по подаче перлиней на *Lion*. Темнота быстро сгущалась, каждую минуту могли появиться германские миноносцы; однако, Битти только тогда оставил опасный район и направился в Розайт, когда окончательно убедился, что все необходимое для помощи подбитому крейсеру сделано. Ночь прошла в большой тревоге. Вскоре после отделения командующего линейными крейсерами, машины *Lion*'а окончательно перестали действовать, *Indomitable* с буксиром более 7 узлов развивать не мог. Казалось невероятным, чтобы противник не предпринял попытки нападения, и ночью курс был изменен с расчетом пройти вне прямого пути к норду от Тайнского заграждения.

Часы шли, но никаких признаков нападения не наблюдалось, и опасения, что оно может быть отложено до рассвета, увеличились с наступлением утра. До ближайшего порта все еще оставалось свыше ста миль, при чем и утром *Lion* попадал в район деятельности немецких подлодок, весьма удобный для них для поджидания противника.

Когда рассвело, миноносцы в ожидании подводной атаки подошли ближе, но неприятель не появлялся. По мере откачивания затопленных отсеков, ход *Indomitabl*'я постепенно

увеличивался и с рассветом 26 января *Lion* благополучно стал на якорь в Ферт-оф-Форт. Хорошая „морская практика“ спасла крейсер.

Так закончилась вторая робкая попытка немцев доказать, что старый боевой дух британского флота угас. Правда, мы жаждали не такого конца, старый дух не мирился с подобной победой, но все же результат был не малый. В продолжении долгого периода противник не отваживался повторить выход. Прошло несколько месяцев пока германское правительство опубликовало подробный отчет о бое и это молчание, в связи с неточностью сообщения, достаточно ясно говорило, каково было моральное впечатление удара. Утверждение, что наши силы состояли из „тринадцати больших судов и семи малых крейсеров“, по меньшей мере не понятно. Адмирал Шеер в своем описании боя достаточно точно указал состав нашей эскадры и мы вынуждены придти к заключению, что документы, которыми он располагал, или не попали в свое время к составителю правительственного сообщения, или же были искажены. В сообщениях также говорилось об отсутствии всяких повреждений на крейсерах, исключая *Блюхера*. Надо думать, что на *Зейдлице*, *Мольтке* и *Дерфлингере* об этом читалось не без изумления. Указания на наши потери, хотя и неверные, все же имели основания. Немцы видели, как Гуденеф дважды с ними сближался и дважды отходил как бы сильно поврежденный; они видели попадания в *Lion*, его выход из строя с большим креном и одновременный поворот остальной эскадры, производивший впечатление прекращения боя. Кроме того, они дважды брали под тяжелый обстрел наши миноносцы, а командир их миноносца *V 5* уверял, что он удачно выпустил торпеду по одному из линейных крейсеров. Заблуждение противника усиливалось донесением цеппелина, бросавшего бомбы в плавающую команду *Блюхера*. По его сведениям, с места боя ушло только четыре больших английских судна[1]). Все это, вместе взятое, убеждало германские власти верить, вероятно, вполне искренне, что наши потери были гораздо больше, чем мы признавали. Но нам скрывать было нечего. За исключением повреждения *Lion*'а, остальные потери были ничтожны. *Meteor* пришел на буксире *Liberty* в Хумбер, потеряв четырех убитыми и двух ранеными, остальные миноносцы попаданий не имели. *Lion* потерял одинадцать человек ранеными; на *Tiger*'е были убиты флагманский инженер-механик и девять матросов и восемь человек ранено. В другие линейные крейсера не попало ни одного снаряда. Потери неприятеля на одном только *Блюхере* доходили свыше 1.100 человек, не говоря о других переполненных жертвами

---

[1]) Шеер. Стр. 83—4.

боя судах[1]). Заслуживающие доверия датские источники указывали, что в Гамбургские госпитали были доставлены 1.500 раненых и что *Дерфлингер* пришел в ремонт на завод Вулкан с большими повреждениями. *Зейдлиц* в Вильгельмсгафене свез на берег 260 раненых. Наблюдавший бой капитан норвежского парохода утверждал, что видел гибель двух миноносцев. Даже допуская значительное преувеличение в этих сообщениях, нельзя отрицать, что они свидетельствовали о крупном поражении.

Скрывая поражение, немцы во всяком случае его ощущали.

В то время, как наши суда продолжали операцию до конца, они укрылись за своими минными заграждениями.

ГЛАВА VI.

Оставление идеи наступления в Бельгии и окончательное решение атаковать Дарданеллы.

Карта 3.

Бой на Доггер-банке показал целесообразность нового развертывания флота, произведенного, во-первых, ради укрепления нашего господства в Северном море и, во-вторых, для уменьшения возможностей десантных операций на побережьи Англии, которые соблазняли противника при прежней дислокации. Вопрос о количестве войск, необходимых непосредственно для Англии, терял свою остроту. Столкновения на фронте, имевшие места в течение ближайших дней после боя, как мы уже знаем, уменьшили беспокойство за наше положение во Фландрии.

28 января, через четыре дня после последней операции в Северном море, правительством было принято окончательное решение операции против Дарданелл. Хотя Карден получил уведомление, что план его одобрен, тем не менее вопрос в целом все еще оставался открытым. Комиссия, назначенная для выбора операционного направления, наиболее подходящего для использования новой армии, все еще не вынесла определенного постановления, а события последних дней по всей видимости склоняли большинство к мнению о желательности нанесения удара на Балканах, через Салоники. 23 января начались переговоры с Грецией относительно ее вступления в войну на помощь Сербии на условиях

---

[1]) Пленные показали, что на *Блюхере* сверх комплекта в 880 человек находилось 250 человек *Фон-дер-Тана*. На других крейсерах тоже были лишние люди. *Дерфлингер* имел 1.600 человек.

территориальных компенсаций и 27 января от нее был получен ответ. Греция соглашалась начать военные действия при условия выступления Болгарии, если же Болгария ограничится вынужденным нейтралитетом, то Греции требовалась помощь Румынии. В случае невозможности гарантировать болгарский нейтралитет, Греция, кроме содействия Румынии, желала обеспечить себя такими силами союзников, которые обезопасили бы ее со стороны ее неустойчивой соседки. Для последнего, по заявлению Венизелоса, требовалось два английских или французских армейских корпуса.

Подобные условия исключали возможность Салоникской операции и большинство комиссии склонилось к операции в Дарданеллах.

Удар по Дарданеллам скорее всего мог заставить Болгарию показать свое лицо. Атака проливов флотом не получила еще окончательного утверждения, но подготовительные меры, указанные Адмиралтейством, шли столь успешно, что необходимые суда находились уже в пути. Кроме того проект. Дарданелльской операции был сообщен союзникам и был ими вполне одобрен. Россия особенно желала приведения его в исполнение, т. к. стремилась ослабить нажим противника на свою кавказскую армию. В начале января русские нанесли туркам решительное поражение у Ардагана, фактически уничтожив их V армейский корпус при Саракамыше [1]. Этим был разрушен самоуверенный план окружения, разработанный Энвером-пашей, но вместе с тем русские истощили свои силы и не могли использовать победу и достичь Эрзерума. Турки в этот момент считали Эрзерум в угрожаемом положении. Разбитая армия шумно требовала подкреплений и тревога в Константинополе приняла такие размеры, что появилось мнение о необходимости оставить мысль о наступлении на Египет.

Немцы, конечно, горячо протестовали. Однако, под влиянием неудач на Кавказе их отношения с турками настолько обострились, что ожидалась резня и немцы отправляли свои семейства на родину.

По сведениям из Греции экспедиция в Египет была отменена, несмотря на все старания Германии. Но это было не верно. Подкрепления для Кавказа были взяты из Константинопольского округа и паника улеглась, когда выяснилось, что русское преследование остановилось далеко от Эрзерума. Турецкая армия закрепилась на новых позициях у Эрзерума и переформировывалась. Подкрепления подходили и картина изменилась. В Петрограде опасались, что,

---

[1]) 5—6 января под Саракамышем было нанесено поражение двум турецким корпусам — IX-ому и X-ому. *Ред.*

если ничего не будет сделано для прекращения дальнейшего подвоза подкреплений, положение русской армии на Кавказе очень скоро станет критическим. С восточного фронта нельзя было снять ни одного солдата. Бои в Галиции, Польше и оборона Варшавы довели напряжение сил до последнего предела. Русские снова обратили взоры на Средиземное море и вел. кн. Николай Николаевич считал Дарданелльский проект вполне отвечающим его желанием. Французы настолько сознавали выгоды удара по Дарданеллам, что когда, после предварительного совещания 13 января, первый лорд Адмиралтейства поставил их в известность об этом проекте, французский морской министр Оганье прибыл в Лондон для его обсуждения. Всецело одобряя проект, он высказал мнение о желательности участия в операции и французского флота. Последний вопрос остался открытым.

Несмотря на все это, проект встретил сильную оппозицию со стороны лучших авторитетов британского флота с первым морским лордом адм. Фишером во главе. Конечно, Фишер отлично понимал настоятельную необходимость решительных действий в восточной части Средиземного моря и читатель помнит, как он высказывался за Турцию в качестве объекта нападения, когда в самом начале января обсуждался вопрос о выборе новых театров. Но тогда проект крупной соединенной операции был забракован, как неприемлемый. Моряки ни одной минуты не сомневались в неразумности операции без содействия сухопутных сил, но раз сухопутных сил не откуда было взять, не в их обычаях было, в минуты острой необходимости помощи, говорить, что *„ничего нельзя сделать“*.

Пока дело шло о демонстрации для отвлечения турок от русского кавказского фронта, первый морской лорд ничего не возражал против самостоятельной попытки флота в этом направлении. Он даже предлагал послать в помощь старым линейным кораблям, назначенным в распоряжение адмирала Кардена, *Agamemnon*'а и *Lord Nelson*'а. 12 января он предложил отправить туда же и л. к. *Queen Elisabeth*, который для производства пробных стрельб должен был уходить в Гибралтар; Фишер считал, что полезнее выпустить снаряды по Дарданелльским укреплениям, чем тратить их в Гибралтаре. Но, когда проект демонстрации начал выливаться в форму широкой операции форсирования проливов и овладения Константинополем без помощи армии, он начал колебаться. Опасения его с каждым днем увеличивались. Операция требовала крупных сил флота и могла повлечь возможность значительных потерь в судах. Она не только вредила, но и в корне подрывала разработанный им план полного господства английского флота в Отечественных водах и в Балтике.

Фишер был настолько убежден во вреде столь удаленной операции, в которую втягивался флот, в то время как оборона Отечественных вод еще не удовлетворяла требованиям обстановки, что 25 января представил премьер-министру докладную записку с изложением своих взглядов.

Он считал, что первейшая обязанность флота заключается в неоспоримом господстве в Отечественных водах. Возражения его базировались на идее, подкрепленной опытом прошлого, что это господство должно превалировать над всеми остальными операциями на море.

Эти взгляды Фишера были столь обоснованы, что примеров обратному можно было подыскать в прошлом лишь только, когда политические соображения подавляли все остальные.

Считая, однако, задачу морской атаки Дарданелл выполнимой, едва ли можно найти в прошлом случай, когда политическая обстановка, более чем теперь, оправдывала исключение. Поэтому первый лорд Адмиралтейства Черчилль со своей стороны также имел основания представить свои соображения. Сравнивая флоты Великобритании и Германии он доказывал, что преимущества в силах на нашей стороне и оно позволяет предпринять вспомогательные операции, не нарушая господства в Северном море. Записка Черчилля поступила к премьеру 27 января и, когда на следующее утро состоялось заседание военного совета, члены Адмиралтейства, как будет видно дальше, оказались не в состоянии дать определенные и исчерпывающие ответы на все вопросы.

Впрочем, подлежит сомнению, должен-ли был вопрос в целом решаться морскими авторитетами. Чисто морская атака сильно укрепленной базы являлась рискованным отступлением от признанной доктрины. Один только единственный раз такая атака закончилась успешно—когда Рук удачным „coup de main“ захватил силами флота Гибралтар. Но тогда форты знаменитой скалы находились еще в зачаточном состоянии и представляли собою объект несравнимый с Дарданеллами. Кроме того, благодаря новым достижениям техники, никакой эксперт не мог с достоверностью сказать, каковы шансы флота в борьбе с современными береговыми укреплениями. Единственно, что не представляло никаких сомнений,—это политическая необходимость операции и определенные выгоды, связанные с ее успехом. Прежде всех, вопрос должны были решать члены кабинета министров. Если мнения экспертов расходились, министры должны были судить о степени риска [1]). Они, и только они, могли решить—стоят ли предполагаемые выгоды риска, связанного с операцией.

---

[1]) Отчет Дарданелльской Комиссии, стр. 25—27.

Не следует забывать, что главным вопросом, в связи с прежними постановлениями, было выяснение театра наступательных операций новой армии в случае, если положение на главном театре окажется на мертвой точке. А что такой момент мог скоро наступить, сомнений почти не было. Уже выяснилось, что в течение значительного промежутка как союзники, так и центральные державы, не смогут предпринять на главном театре ничего решительного. Французский главнокомандующий вывел из Фландрии свыше 100.000 человек и план наступления Френча на Зеебрюгге, очевидно, отпадал сам собою. Особая комиссия, разбиравшая проект новых театров, не вынесла немедленного решения. Окончательное постановление должно было состояться позже в течение дня, но сомнений не вызывало. Когда утром 28 января собрался военный совет, то ему пришлось столкнуться с фактом отсутствия в данный момент других объектов наступательных операций кроме Дарданелл.

На предыдущем заседании военного совета Дарданелльский план, разработанный адмиралом Карденом совместно с морским генеральным штабом, разбирался подробно и решение привести его в исполнение состоялось тогда же, при чем Адмиралтейство немедля приступило к осуществлению всех подготовительных мер. Но ввиду подачи Фишером указанной докладной записки первый лорд Адмиралтейства Черчилль счел своим долгом просить военный совет заново обсудить проект. Указав, с каким энтузиазмом отнесся к нему вел. кн. Николай Николаевич, и ссылаясь на сочувствие к проэкту французов, обещавших помощь своего флота, Черчилль еще раз подробно доложил план, который адмирал Карден считал выполнимым. При этом он сообщил, что произведенные подготовительные работы позволяют начать операцию в середине февраля и просил Совет высказаться—считает ли он задуманное предприятие стоящим того риска, с которым оно несомненно связано? Фишер тотчас заявил протест, сказав, что насколько ему известно вопрос не должен был обсуждаться в этот день. Еще утром он и Черчилль вдвоем посетили первого министра и изложили ему свои противоречивые взгляды. После нового подробного обсуждения, премьер заявил, что соображения Черчилля имеют более веса и он полагает, что подготовительные мероприятия зашли слишком далеко, чтобы останавливать задуманное дело. Тогда Фишер встал из-за стола с намерением передать секретарю премьера прошение об отставке, но поспешивший за ним Китченер отвел его в сторону и убеждал не делать этого, т. к. из всех присутствующих только он один не согласен на операцию. Затем Китченер высказал свое мнение о крайней необходимости атаки Дарданелл флотом. Удача равнялась выигрышу армией

новой кампании, в случае же затруднений, могущих обнаружиться при производстве операции, она могла быть во всякое время оставлена. Остальные министры сходились в убеждении, что удача даст неоспоримые политические результаты, но последнее слово, повидимому, осталось за Адмиралтейством. Ему предоставлялось, считаясь с высказанными взглядами о важном политическом значении операции, сказать, может ли оно пойти на риск или нет [1]).

Относительно сухопутных сил ничего определенного сказано не было, хотя первый лорд Адмиралтейства не делал секрета, что атака не может сопровождаться решительным результатом, если не будет войск для закрепления территории по мере продвижения флота. Было неясно, располагаем ли мы для нужной цели свободными частями—и комиссии по выбору новых театров было поручено исследовать этот вопрос. Но в данный момент комиссия была озабочена помощью Сербии и ее работа шла более в этом направлении. В пользе немедленной помощи Сербии никто не сомневался, не говоря уже об удобствах высадки в Салониках, но затруднения было в том, откуда взять войска. Все свободные части были обещаны Френчу. Они состояли из XXIX дивизии, Канадской дивизии и двух территориальных дивизий. Кроме Канадской — остальные дивизии намечались в качестве подкрепления для выполнения плана наступления на Зеебрюгге, но раз этот план отпадал, не было причин отправлять их на главный театр.

Поэтому правительству было сделано представление с просьбой высказаться—не следует ли уведомить главнокомандующего о бесповоротном решении отменить намеченное им наступление по побережью и сообщить, что просимые подкрепления посланы не будут К вечеру военный совет собрался вторично. При обсуждении доклада комиссии выяснилось, что военно-сухопутные авторитеты против идеи посылки войск в Средиземное море в данный момент, и она была на время оставлена. Но считаясь с событиями, могущими развернуться в будущем, Адмиралтейство получило полномочия приступить к постройке для Дуная еще двенадцати мониторов [2]).

Идея морской атаки Зеебрюгге также была оставлена. Адмиралтейство решило, если не случится крайней необходимости, ограничиться воздушными налетами, пока не будут

---

[1]) Отчет Дарданелльской комиссии, стр. 26-27, 53.
[2]) Отчет Дарданелльской комиссии, стр. 30.

готовы строящиеся мониторы с тяжелой артиллерией [1]). Намечавшиеся для нападения на Зеебрюгге старые линейные корабли получили другое назначение, т. к. Фишер в последнюю минуту заявил, что Адмиралтейство соглашается на риск самостоятельной попытки флота форсировать проливы и рассчитывает через две недели начать бомбардировку. Таким образом, предварительное решение атаки Дарданелл флотом получило утверждение.

Решительные возможности в случае удачи операции, так и риск неудачи, сознавались вполне, но остается неясным—сознавалась ли необходимость, если найдутся для новых театров войска, использовать их там же, где и флот. Ввиду отказа от Зеебрюггской операции было решено ограничиться отправкой во Францию одной только канадской дивизии, остальные дивизии оставлялись в Англии в готовности по первому требованию выступить на главный театр, или в другом направлении, но в последнем случае при непременном условии, чтобы при надобности они не позже месяца могли быть доставлены обратно. Для устранения неясностей Черчилль получил поручение отправиться к Френчу и разъяснить ему положение. Он должен был подчеркнуть главнокомандующему армией то значение, которое правительство придает „диверсии“ на Ближнем Востоке, как в то время еще называли Дарданелльскую операцию, и поставить французское правительство в известность о взглядах английского правительства. Перед посещением Парижа ему надлежало посоветоваться с Френчем.

Фельдмаршал протестовал против нарушения его соглашения с Жоффром, основанного на обещании прислать четыре дивизии из Англии. Генерал Жоффр должен был заполнить своими войсками фронт двух корпусов на правом фланге британского расположения, а Френч занять выступ Ипрского фронта и взять в свои руки всю союзную линию от Армантьера до франко-бельгийской прибрежной зоны. Достигнуть этого он рассчитывал при помощи четырех дивизий и меньшим количеством обойтись не мог. Если же правительство желало произвести операцию, которую фельдмаршал также рассматривал как диверсию, то он мог в середине марта предоставить в его распоряжение две дивизии.

Это заявление было понято как возможность взять из Франции две дивизии, но не ранее 15-го марта.

---

[1]) Между началом апреля и июля должны были вступить в строй четырнадцать мониторов с вооружением: 2 монитора с II—15" орудиями, 4 монитора с II—14" орудиями, 8 мониторов II—12" орудиями.

Последние восемь вооружались башнями с четырех Majestic'ов.

ГЛАВА VII.

Наступление турок на Египет — с 27 января по 11 февраля.

Карта 2.

Особенностью совещания 28 января было то, что на нем не было высказано опасений за Египет. В материалах совещания нет никаких указаний на какое либо влияние вопроса обороны Египта на решение атаковать Дарданеллы, хотя и было известно, что давно ожидаемая попытка противника против нашего наиболее чувствительного пункта имперских коммуникаций начинает облекаться в определенную форму. Необычайно сильные дожди в Синае помогли продвижению турок, которые уже подходили к Суэцкому каналу. Однако, эти события мало тревожили лорда Китченера. Мы располагали достаточными морскими силами в канале и могли действовать на сообщениях турок с моря из Газы, почему Китченер считал, что чем ближе они подойдут, тем лучше. Авантюра противника давала ему, очевидно, шанс нанести сокрушительный удар, хотя в этом направлении не имелось каких либо его указаний морским и сухопутным начальникам в Египте. Возможно, что события разыгрались раньше, чем он ожидал. В то время как он выступал в Военном Совете, наши передовые посты подверглись нападению авангардных турецких частей.

Хотя наступление турок началось преждевременно, у нас все было готово за исключением лишь контр-наступления из Газы. Защиту этого важного уязвимого района великого восточного пути—Суэцкого канала—флот всегда считал своей неотъемлемой обязанностью и, когда момент наступил, он оказался в достаточных силах, чтобы обеспечить гарнизону самое главное, т. е. подвижную тяжелую артиллерию. Все назначенные для этой цели суда, включая *Ocean*, находились на месте и донесения, приходившие из Египта, говорили, что оборона канала вполне удовлетворительна.

Обороной командовал ген.-лейт. Вильсон. Штаб, во главе с ген.-майором Бинглей, находился в Измаилии. Распоряжением главнокомандующего войсками в Египте ген. сэра Джона Максвеля, линия обороны делилась на три участка: № 1 тянулся от порта Февфик у входа в Красное море, до Женефиа, расположенного у южной оконечности Большого Соленого Озера. Штаб участка помещался в Суэце; № 2 от Деверсуар, на верху Большого Соленого Озера, до Эль-Фердан, находившегося в двадцати милях к северу от озера Тимса, штаб участка—в Измаилии; № 3 — самый северный, от Эль-Фердан до Порт-Саида, штаб участка в Кантара, где Средиземноморская береговая дорога пересекала канал.

Участки обороны соответствовали трем главным направлениям, ведущим к каналу: Суецкий участок—южному направлению через Неке из Акаба, Измаильский — центральному, так называемому Магхарскому, и Кантарский прибрежному—из Эль-Ариш через Катиа.

Движение по всем трем направлениям было чрезвычайно трудно. Это обстоятельство естественным путем усиливало обороняемость участков и послужило причиной тому, что линией обороны Египта без колебаний был избран Суецкий канал. Длина канала около 100 миль, из которых двадцать четыре—озер, непроходимых для войск [1]). Для затруднения противнику попыток переправы, на протяжении пятидесяти миль, из остальных семидесяти четырех, были устроены вдоль восточного берега канала, небольшие предмостные укрепления, которые в случае нужды могли содействовать нашим контр-атакам. На другом берегу были устроены частые траншейные позиции, по всей длине канала, соединенные друг с другом железнодорожной веткой, охраняемой броневым поездом, стоявшим в Кантаре. Непосредственно канал охранялся шестью миноносцами, присланными с Мальты, и флотилией вооруженных буксиров и катеров, предоставленных компанией Суецкого канала, но обслуживаемых командами военного флота [2]). Войска обороны состояли почти исключительно из X и XI пехотных индийских дивизий и бригады горной артиллерии. Кавалерию составляли бригада имперской службы и части Буканирского корпуса (на верблюдах). За исключением нескольких взводов горной артиллерии, пулеметчиков и саперникаких египетских частей в составе войск обороны не было. Шесть бригад полевой артиллерии были выделены Ланкаширской территориальной дивизией. В отношении тяжелой артиллерии все надежды возлагались на флот. В районе канала, в распоряжении адмирала Пирса, имелись два линейных корабля *Swiftsure* (флаг)—в Порт-Саиде и *Ocean* в Суеце и французское судно береговой обороны *Requin*, для которого был углублен специальный канал в озере Timsah. Кроме этих судов были еще крейсера *Minerva*, *D'Entrecasteaux*, канонерка *Clio*, вспомогательный крейсер *Himalaya* и индийский пароход военного ведомства *Hardinge*. Канал при наличии всех плюсов для обороны имел один крупный минус. Во многих местах восточного берега находились высокие песчаные дюны, мешавшие действию крупной

---

[1]) В этой главе мили показаны береговые.

[2]) Буксиры и катера были вооружены 12-ти фунтовыми и 3-х фунтовыми орудиями и пулеметами. Колеса и котлы защищались легкими стальными щитами. В каждом участке находился пароход-матка, с прожектором на высокой платформе.

артиллерии. Это особенно ощущалось между Эль Фердан и озером Тимса, а на среднем участке—между Тимса и Девер-суар. Кроме этих районов, тот же недостаток имел и промежуток между южной оконечностью Соленого Озера и Шалуффа, длиной в 7 миль. Требовались особые меры для организации перекидного огня в тех пунктах, где цель скрывалась берегами и где работа наводчиков и без того усложнялась почти беспрерывными миражами в пустыне. Прицельную стрельбу малокалиберной артиллерии удалось организовать, установив мелкие скорострельные орудия и пулеметы на вышках. Дозорные суда, конечно, не могли стрелять через дюны, но они всегда были в состоянии держать под анфиладным огнем противника, если бы последний попытался окопаться на берегах канала. При наличии всех перечисленных элементов обороны было решено придерживаться первоначального плана и ждать нападения на канал. Передовых постов, имевших серьезное значение, не имелось, но в тылу оборонительной линии находились три дивизии британских и заокеанских войск: Ланкаширская, Австралийская и Ново-Зеландская с семью второочередными эскадронами драгун.

Такова была обстановка, когда в середине января выяснилось начало неприятельского наступления.

18 января французский гидросамолет обнаружил от 8.000 до 10.000 человек у Беершеба, а 22-го—авангарды противника показались у Мойя Хараб в двадцати милях от Малого Соленого Озера. В тридцати милях от Кантара у Бир-эль-Дуелидар наши разъезды вошли в соприкосновение с неприятельским сторожевым охранением. Кроме того, турецкие войска появились у Аин Судр—в тридцати пяти милях от Суеца. Полученные сведения указывали, что наступление угрожает всем трем участкам. В течение последующих трех дней силы авангардных отрядов возросли от двух до трех тысяч человек каждый. В Мойя Хараб и соседнем с ним Вадиум Мукшейб (напротив Соленых озер) в стыке центрального и южного участков, численность авангардов определялась в пять тысяч. Этот отряд, развернувшийся фронтом к северному участку, почти вошел в соприкосновение с нашими частями, прикрывающими Kantara, но днем отступил.

В виду этого суда вошли в канал и заняли места по диспозиции, а во все укрепленные пункты и траншейные и сторожевые посты отправили подкрепления. В северном участке *Swiftsure* стал у самой Кантара, к норду от нее, а *Clio* несколько южнее переправы Балло. В южном участке *Ocean* пришел к Эль Шатт, где дорога Некле, перед Суецом, пересекала канал. *Himalaya* пошел в Шалуффа, а *Minerva*

в южную оконечность Малого Соленого Озера. В среднем участке *D'Entrecasteaux* присоединился к *Requin* в озере Тимса и затем прошел в Деверсуар. К норду от него находился *Hardinge*, державшийся к югу от озера Тимса. Одновременно на северный участок были двинуты из общего резерва в Измаилии из состава VI дивизии два батальона, занявшие окопы на западном берегу между постом Бенч-Марк и переправой Баллах. Из Каира прибыла по железной дороге ново-зеландская пехотная бригада. Два батальона этой бригады были отправлены севернее Суеца на подкрепление в Эль Кубри, а штаб бригады с двумя другими батальонами высадился в Измаилии для пополнения резерва.

Указанные передвижения закончились в течение 27 января. В тот день определенно выяснилось, что силы противника быстро увеличиваются. В пяти милях к осту от Кантара неприятель занял позицию по обеим сторонам дороги Эль Ариш и в 3 ч. д. атаковал посты у Балучистан и Эль Кубри но был отбит без всяких потерь с нашей стороны. 28 января в 2 ч. 45 м. у. подверглись нападению передовые посты у Кантара, но с таким же результатом. С рассветом противник был замечен в Пункт 70, куда он отступил от Кантара, по дороге Эль-Ариш, но был оттуда быстро выбит пятью лидитными залпами с *Swiftsure*'а. Результатом этих двух фланговых демонстраций было лишь усиление центрального участка. Генерал Вильсон отправил из резерва еще один батальон в Серапеум.

Следующие три дня неприятель продолжал приближаться к линии канала и в скором времени выяснилось, что главные его силы сосредотачиваются в Гебель Хобеита, где перекрещиваются Магхарская и Мойя-Харабская дороги, против участка Деверсуар—Серапеум—Туссум, т. е. между озером Тимса и Солеными Озерами. Однако, движение в канале остановлено не было и 31 января австралийский и новозеландский конвои в составе 20-ти судов проследовали в Александрию.

Впоследствии турецкие пленные показали, что наступавшие части состояли из войск III, IV, VI и VIII армейских корпусов под общим командованием Джемаля-паши, но численность их не превышала 15.000 человек. С точностью установлена артиллерия противника. Турки имели шесть полевых батарей, а также одно или два 6″ орудия. План их операции, повидимому, сводился к наступлению по всему фронту нашей оборонительной линии, но центром удара и главным местом переправы намечался Туссум.

К 2-му февраля развернувшиеся события подтвердили наши ожидания. В этот день передовые посты Измаильской переправы имели безрезультатную стычку с противником, продолжавшуюся до 3 ч. 30 м. д., вслед за чем про-

тивник отошел и начал окапываться в расстоянии двух с половиной миль на зюйд-ост от наших укреплений. Тем не менее генерал Вильсон продолжал ожидать атаки своих позиций и с нашей стороны все распоряжения ограничились лишь подкреплением постов, казавшихся наиболее угрожаемыми. Ждать пришлось недолго. 3 февраля турки начали наступление.

На северном участке оно приняло форму слабой атаки двух постов близ Кантара, очень быстро остановленной. С рассветом в проволочных заграждениях было взято тридцать шесть нераненных пленных, перед заграждениями лежало 20 убитых. Неприятель отступил. С рассветом он подвергнулся обстрелу с *Swiftsur*'а, который держал его под обстрелом до 1 ч. дня, открывая огонь каждый раз как только показывалась цель. То же самое произошло на южном участке у Эль-Кубри, где ново-зеландцы, поддержанные с флангов *Ocean*'ом и *Himalaya*, очень быстро покончили дело.

Как и ожидалось, главный удар сосредоточился в центре. Вскоре после 3 ч. д. турки энергично атаковали Туссум, делая настойчивые попытки переправиться через канал на специально выстроенных для этой цели шлюпках-понтонах. Шлюпки имели 24 фута длины и 5 ширины, с осадкой 2 ф. 9 д. и вмещали до 30 человек. Для передвижения в пустыне они были поставлены на колеса. На центральном оборонительном участке, на восточном берегу, имелось три поста: у Туссум, Серапеум и Деверсуар. Каждый пост занимался двумя ротами. На западном берегу между озером Тимса и Солеными озерами находилось двенадцать постов с двумя взводами на каждом, причем на пост приходилось приблизительно по 300 саженей обороняемого пространства. В Серапеум стоял местный резерв в составе трех рот двойного комплекта [1]). Кроме вышеуказанных частей на центральном участке было еще несколько взводов ново-зеландцев, четыре полевых орудия и 5-ая египетская горная батарея (5 орудий и 2 пулемета), а также два взвода сапер.

Флот поддерживал участок при помощи *Requin* и *Harding*'а, стоявших в озере Тимса, вместе с вооруженным буксиром *Mansourah*. В Деверсуар стоял *D'Entrecasteaux* с миноносцем *043*.

В месте переправы высота берегов доходила до 50 фут. и, пока противник не начал спускать понтоны, ничего обнаружено не было.

---

[1]) В индийской армии в то время батальон делился на 4 роты двойного состава по 200 ч. каждая. Двойная рота делилась на роту и полу-роту. В 1915 г. индийская армия переформировалась по образцу британской армии, где батальон делился на четыре роты по 227 ч. каждая, рота на 4 взвода по 55 человек во взводе.

В 3 ч. 25 м. ночи операция началась. В тусклом свете луны сторожевой пост 62 пенжабского полка заметил работы противника и открыл огонь. Очень быстро открыла огонь и расположенная по близости, на вершине противоположного берега, 5-ая египетская батарея, начав стрельбу шрапнелью. Огнем батареи и ружейным огнем присоединившихся двух рот того же полка и шести взводов 2-го индийского полка попытке переправы был быстро положен конец. Турки выскакивали на берег, бросая понтоны. Только трем из них удалось в темноте переправиться. С одного понтона противник высадился у поста канала под названием „Миля 48,3", с двух других у поста „Миля 47,6", но тотчас же был частью уничтожен, частью взят в плен.

В 5 ч. 30 м. утра неудачная попытка закончилась. Однако, главная атака еще не начиналась. С рассветом обнаружилось, что неприятель занял часть наших выдвинутых вперед окопов у Туссум, которыми наши войска обыкновенно пользовались только днем. Выйдя из окопов, турки повели наступление, но ближе 600 сажен подойти не смогли. Перед Серапеумом пока еще было спокойно, а у Деверсуар настолько тихо, что командующий 22-ой бригадой отправил два батальона своей бригады с приказанием очистить восточный берег. Контр-атакой этих батальонов противник был обращен в бегство с места, где он пытался переправиться, но одновременно обнаружилось, что турки из лагеря Катаиб-эль-Кеиль стягивают две бригады с шестью орудиями на линию в двух милях на норд-ост от Серапеум, как бы с целью атаки этого пункта. Наши войска немедленно пошли в контр-атаку и, заняв холм, в миле от Серапеума задержали противника. В 2 ч. дня турки отступили к осту, а наши части возвратились в исходное положение.

Высота берегов мешала действиям флота. По просьбе командующего 22 бригады, командир миноносца *043* совместно с буксиром *Mansourah* уничтожил артиллерийским огнем понтоны, а затем по мере возможности поддерживал своим огнем контр-наступление. *Hardinge*, стоявший в трех милях к зюйду от Туссум делал то же самое, но около 7 ч. у. был нащупан 4" артиллерией противника, которую сам он найти не мог. Поэтому командир *Harding*'а все внимание сосредоточил на турецкой пехоте и в 8 ч. 15 м. ему удалось привести к молчанию полевую батарею противника. Одновременно в *Hardinge* попал фугасный снаряд, повредивший ему обе дымовые трубы, и он был принужден уйти в озеро Тимса из опасений в случае дальнейших попаданий затонуть на фарватере. Тяжелая артиллерия противника перенесла огонь на *Requin*, стрелявший по его полевым батареям по указаниям с берега, но не успела еще пристреляться,

как *Requin* в 9 ч. у. удачным попаданием носового 10,8″ орудия привел ее к молчанию.

В течение дня адмирал Пирс на *Swiftsur*'е занял место *Harding*'а, отправив *Ocean* в Деверсуар. В Серапеум были присланы сильные подкрепления из Измаилии. К этому времени вялая турецкая атака выдохлась и наступило полное затишье, прерываемое редкой ружейной перестрелкой.

На следующее утро (4 февраля) была обнаружена часть противника, еще удерживающаяся в окопах на восточном берегу. Начальник XI пехотной дивизии генерал-лейтенант Валлас, вступивший в момент наступления в командование центральным участком, послал батальон 62-го пенджабского полка выбить его оттуда. После артиллерийской подготовки с *Mansourah* и с миноносца *043* батальон пошел в атаку. Турки немедленно выставили белый флаг, но как только батальон приблизился снова открыли огонь. Пенджабцы отступили. Когда при поддержке высланных на подкрепление еще двух рот, они снова пошли в атаку, неприятель сдался, потеряв пятьдесят девять человек убитыми, столько же ранеными и 190 пленными. Среди убитых был немецкий майор.

Из Измаилии генерал Ватсон отправил на север смешанный отряд в составе кавалерийской бригады, двух батальонов пехоты и горной батареи, которому удалось перехватить караван из девяноста верблюдов, следовавший под конвоем двадцати пяти человек. Потеря верблюдов по показаниям пленных была чрезвычайно тяжелой и нарушила весь турецкий план операции.

Как бы там ни было, противник мало что мог еще сделать. К этому времени *Ocean* перешел к югу от озера Тимса в ожидании повторения атаки, но фактически операция кончилась. Неприятель получил жестокий урок и отступил через Катиа в лагерь у Гебель Хабеита. Здесь 5-го февраля должна была состояться новая подготовка для наступления, которое в конце концов так и не состоялось. Некоторые пленные утверждали, что причиной тому были разногласия начальников, другие же говорили, что солдаты не шли против судового огня. Судовая артиллерия продолжала бить прицельным огнем с расстояния 60 каб. 7-го февраля летчики донесли об оставлении Гебель Хабеита и отступлении турок к Эль Ригум, Гебель ум Микшейб и Мойя Хараб. В скором времени стало очевидным, что попытка оставлена целиком. Она была недостаточно подготовлена, проведена негодными средствами и не имела никаких шансов на успех. Еще удивительно, что неприятель не получил более жестокого урока. Настоящего преследования не было, также как не было сделано серьезной попытки помешать отступлению. Тем не менее турки потеряли свыше 2.000 человек, не счи-

тая утонувших в канале. Мы похоронили около 300 трупов, пленных было взято 716 человек. Турки похоронили перед Кантара 200 человек. Потери же их во время главного наступления остались невыясненными. Наши потери сводились к 32 убитым и 131 раненым. В течение нескольких последующих дней противник продолжал отступление на Эль Ариш и Бир эль Джибяффа.

К 11 февраля угроза каналу отпала и судоходство было разрешено и в ночное время. 12 февраля прибыл из Гонконга *Triumph* и пошел в Дарданеллы на присоединение к эскадре адмирала Кардена.

Суда отряда адмирала Пирса остались в Египте вместе с присоединившимися к ним *Bacchante* и *Euryalus*. Эти крейсера находились в Канале в составе Западного Патруля, откуда в конце января были отправлены в египетские воды, где опасность вторжения еще не миновала. В устьи же Канала Адмиралтейство не считало возможным держать их для дозорной службы и для осмотра коммерческих судов ввиду подводной угрозы. Кроме того надобность в сильной крейсерской эскадре в устьи Канала прошла.

Для турок полученный отпор являлся несомненно серьезным поражением, но он далеко не был той катастрофой, которую лорд Китченер имел в виду, задумывая удар в тыл, с моря из Газы. Идея такого удара открыла великолепный случай использования свободы стратегического маневрирования, предоставляемой нам морем. Весьма вероятно, что помешали этому недостаток транспортов и отсутствие должным образом подготовленных войск.

Так или иначе, но идея осталась невыполненной, о ней больше не говорили и неприятельское отступление завершилось без помехи.

ГЛАВА VIII.

Салоники и Дарданеллы. Видоизменение плана операций. Первое назначение войск 9—15 февраля. Положение в Отечественных водах. Возражение нейтральных государств против «блокады» и германский способ возмездия.

Карты 2 и 3.

Неудача нападения на Суэцкий канал несколько „очистила атмосферу“, но турки не получили того урока, которого желал Китченер. Надобность в решительном успехе, который громко отозвался бы на Ближнем Востоке ощущалась еще

больше, чем прежде. Египет не мог считаться в безопасности, т. к. не верилось, чтобы после всей поднятой авантюрой шумихи не последовало бы никаких новых действий с целью добиться разрыва главной артерии британской империи.

По нашим сведениям немцы всячески старались организовать к концу февраля новое наступление, но турки, озабоченные Кавказом и Месопотамией, не были склонны повторять авантюру и оказывали молчаливое сопротивление своим „хозяевам". Однако, на нашей границе в Катиа, Бир-эль Абд и в Некле еще оставались значительные отряды турецких войск. Кроме того небольшой разведочный отряд держался в глубине Суэцкого залива вблизи порта Тор. Из этого пункта противнику было очень удобно производить минно-заградительные операции на пути следования наших транспортов, почему было решено эту угрозу ликвидировать. Для этой цели был назначен отряд в составе двух рот гурков 27-го индийского стрелкового полка под командою подполовника Халдана. 11 февраля отряд вышел на крейсере *Minerva* из Суэца с тем, чтобы присоединиться к индийскому военному пароходу *Dufferin*, стоявшему уже впродолжение двух недель у Тор. Вечером того же дня гурки в полной тишине быстро высадились на пристань и совместно с 150 человеками 2-го египетского батальона, составлявшими гарнизон местечка, направились в пустыню.

С рассветом турецкий бивак был обнаружен и вскоре окружен. Неприятель после недолгого сопротивления сдался, потеряв 100 человек пленными и 60 ранеными. Наш отряд потерял одного убитым и одного раненым и уже в 5 ч. 30 м. д. вернулся на крейсер.

На побережьи Сирии наблюдение за Александреттским заливом не ослабевало. 6 февраля легкий крейсер *Philomel* (кап. 1 р. Томсон) сменил *Doris*, оставаясь в дозоре девять дней. Высаженная с крейсера с целью разузнать причину передвижения крупных партий вьюков, входивших и выходивших из города, десантная партия была атакована и принуждена возвратиться обратно, понеся потери. Случай этот показал, что турки держатся на чеку гораздо больше, чем предполагалось. Кап. 1 р. Томсон начал вести наблюдение, держась как можно ближе к берегу и открывая огонь по окопам, которые устраивались вблизи города. Произошел новый обмен нотами с местным губернатором, повторившем свои угрозы репрессий по отношению британских подданных, о которых он писал в декабре командиру *Doris*'а. На практике репрессии, однако, не имели места. Заложники действительно были взяты, но затем, как мы узнали, их отпустили в Алеппо, где они проживали сравнительно свободно.

16-го февраля *Philomel* был сменен крейсером *Bacchante*, ко времени прихода которого активность на берегу усили-

лась. Турки явно ожидали нападения. Им, равно как и значительной части общественного мнения Англии, такое нападение казалось наиболее рациональным способом ослабить нажим на Египет и Месопотамию. В Египте подымался вопрос об отправке экспедиции в Александретту, и хотя этот проект был оставлен, турки тем не менее лихорадочно укрепляли подходы к Александретте. Пехота и полевая артиллерия отправлялись из Алеппо, тяжелая артиллерия и значительные войсковые части сосредоточивались на верху залива в пункте, где железная дорога подвергалась наибольший угрозе с моря.

Все это как бы указывало на то, что противник больше думает об обороне, чем о наступлении. Правда, обстановка требовала бдительного наблюдения, но во всяком случае не давала данных беспокоиться в ближайшее время за Египет. Однако, непредвиденные размеры турецких сил, перешедших пустыню, вызвали в нашей главной квартире в Каире сомнения в правильности выбора в качестве оборонительной линии Суэцкого канала из опасений неизбежности приостановки судоходства при повторении нападения.

Но все эти сомнения гораздо меньше тревожили союзников, чем положение на русском фронте. В начале февраля на русском фронте дела зловеще ухудшились. Немцы, продолжая свое январское наступление против Варшавы, вели контр-атаку на флангах в Восточной Пруссии и Буковине. Русский главнокомандующий успешно отстаивал Варшаву, но был прикован к этому участку фронта и не мог дать ничего на фланги, где русские отступили с большими потерями. Неожиданная перемена обстановки в значительной степени объяснялась преимуществом германской стратегии, но не последнюю роль сыграло и то, что Россия почти совершенно израсходовала свой боевой запас. Ее способность восстановить его была столь невелика, что до открытия Дарданелл было весьма мало надежды на возобновление ею какого бы то ни было наступления.

В виду растущего сознания важности Ближнего Востока, неудачи России исключительно плачевно повлияли на положение дел на Балканах. Фердинанд Болгарский получил от Германии заем, не трудно догадаться на каких условиях. Румыния, по мере отступления русских из Буковины, оказывалась висящей в воздухе. Хотя она и получила заем от британского правительства, но переговоры, которые Венизелос вел в Бухаресте о совместном выступлении на помощь Сербии, были окончательно прерваны. Наше Дарданелльское предприятие, сколь бы действительно оно ни оказалось для ослабления нажима на Россию на Кавказе, не представляло собою операции, могущей предупредить вторжение в Сербию с севера. Повлиять на изменение решений Греции и Румы-

нии оно также не могло в особенности при тех формах операции, при которых она намечалась. Лорд Китченер считал ее диверсией, могущей быть прекращенной в любой момент, и надо думать, что такого же взгляда держались и французы. К описываемому времени Франция окончательно согласилась с проектом операции. Она давала четыре линейных корабля и флотилию тральщиков и выразила согласие на подчинение всего союзного отряда британскому адмиралу. Французский морской министр заявил, что он не видит никаких упущений в плане: по его мнению план был в должной мере предусмотрителен и осторожен, в особенности, как он подчеркнул, потому, что позволяет, в случае непреодолимых препятствий, не нарушая престижа, во всякое время прекратить операцию. Не подлежит сомнению, что последнее обстоятельство, более чем какое либо другое, как тогда казалось, ограничивало риск предприятия. Это и сыграло главную роль при решении произвести диверсию.

Таким образом, критическое положение на Балканах требовало предпринять какие нибудь другие шаги. Хотя военно-сухопутные авторитеты продолжали считать французский театр решающим, правительство начинало инстинктивно чувствовать, что в данный период войны решительных результатов надо искать на Балканах.

Говоря другими словами, для союзников были необходимы предварительные решительные успехи на этом театре до того времени, когда они будут иметь перевес в силах, достаточный для достижения решительных результатов на Западном фронте. Для правительства не было ясным, что решающим театром операций обязательно должен быть тот театр, на котором неприятель сильнее всего и что при всяких обстоятельствах решение надо искать непременно там, где сопротивляемость врага наибольшая. Само собою разумеется, что с разгромом неприятельских армий на западе вопрос разрешался полностью, но при создавшемся тогда положении на западном фронте Кабинет весьма сомневался смогут ли союзники, не истощив окончательно своих сил, заставить немцев отступить хотя бы до границы.

Даже во Франции взгляд нашего правительства имел настолько много сторонников, что противоположное мнение, которого придерживались военные авторитеты, восторжествовало не сразу. 6-го февраля министр ин. дел Делькассе прибыл в Лондон для обсуждения вопроса о выборе нового операционного направления с целью спасти положение на Балканах. Румыния, находившаяся между Болгарией и победоносными австро-германскими армиями, не могла двинуться. Сербия не видела возможности дать Болгарии те территориальные компенсации, которые последняя требовала в уплату за поддержку. Поэтому единственным способом пре-

дотвратить катастрофу, которая грозила увеличить военную мощь центральных держав и надолго отодвинуть надежду на решительные результаты на Западном фронте, являлся непосредственный удар союзников на Балканах. Во всяком случае в первую очередь требовалось предпринять какие то шаги для спасения Сербии. Только одна Греция могла начать действовать немедленно, но без определенной гарантии в поддержке союзников она не выступила бы. Таким образом, идея Салоникской операции означала дополнительную отправку войск. Предложения в этом направлении сводились к тому, чтобы Россия, Англия и Франция дали по дивизии каждая. Если же Россия не в состоянии этого сделать, то предполагалось ограничиться посылкой франко-британского отряда для демонстрации. Большего такой отряд сделать не мог, но считалось, что его появление создаст в Греции достаточную уверенность, что западные державы готовы оградить Грецию от нападения с фланга Болгарии, если она предпримет действия, предусмотренные оборонительным соглашением с Сербией.

Появление на территории Греции войск воюющих государств ставило ее в неловкое положение, которого она могла и не желать, но Венезилоса это не остановило.

При разработке адмиралом Карденом планов Дарданелльской операции выяснилась необходимость удобной передовой базы. Лучшим пунктом для этого являлся Мудрос на о. Лемносе. Остров принадлежал Греции и с нашей стороны уже были сделаны попытки получить разрешение его использовать. Однако, сделать это без нарушения нейтралитета Греции—было трудно. Тем не менее Венизелос нашел выход. Хотя со времени последней Балканской войны Лемнос находился в оккупации Греции, Турция не переставала считать его своим. Таким образом с уходом греческого гарнизона, остров становился неприятельской территорией. В этом смысле Венизелос и начал действовать, сделав определенный намек, что батареи на острове останутся под охраной Англии.

9 февраля, когда было приступлено к обсуждению Салоникского проекта, появились серьезные опасения, сможет ли Россия принять в нем участие. Однако, важность срочного предпринятия каких либо шагов заставила согласиться с необходимостью немедленно двинуть одну из дивизий, если Франция последует нашему примеру.

Посылка первоочередных войск была признана невозможной и лорд Китченер предложил отправить XXI дивизию, только что сформированную из людей, прошедших курс обучения в отдаленных гарнизонах империи, вместо же нее послать в распоряжение Френча территориальную дивизию, которая могла быть с успехом там использована, раз намеченное им прибрежное наступление не получило утвержде-

ния. Главнокомандующий не возражал, почему было окончательно решено снова сделать нажим на Грецию с целью поторопить ее выполнить обязательства в отношении Сербии. При этом Греции было обещано, в случае если она пропустит две-три дивизии союзных войск, охранять ее пути сообщения от покушений Болгарии. Однако, вследствие того положения, которое Греция сочла себя вынужденной занять, указанное выше решение впоследствии вылилось в иную форму, чем намечалось, и это глубоко повлияло на Дарданелльское предприятие, т. к. при обсуждении вопроса о Салониках, открылись возможности найти войска для Средиземного моря. В сознание большинства все более и более проникала мысль о неразумности производства Дарданелльской операции без содействия сухопутных войск, хотя бы в минимальных силах, необходимых для закрепления территории по мере захвата ее флотом.

Причина неудачи адмирала Дукворта при попытке захвата Константинополя в 1807 году заключалась не в невозможности пройти проливы, а в невозможности удержать их за собою после прорыва. Желание избегнуть ошибки 1807 года ощущалось очень остро и новый проект приобретал большой вес, т. к. давал возможность иметь войска на месте и использовать их, в случае, если флот окажется не в силах, как это следовало ожидать,—обойтись без их помощи. Необходимый успех обеспечивался даже и при невозможности действовать непосредственно из Салоник, если Греция и Румыния будут продолжать упорствовать в нежелании помочь Сербии.

В этот же день (9-го февраля) правительство получило сведение об обещанной Венизелосом эвакуации Лемноса и Адмиралтейство немедленно распорядилось об отправке на Лемнос двух батальонов морской пехоты. Батальоны отправлялись с вполне определенной целью—высадиться после разрушения фортов для уничтожения торпедных аппаратов, установленных при входе. По имевшимся сведениям такие аппараты входили в оборонительные сооружения острова. На слабый отряд морской пехоты можно было смотреть не иначе, как на „подрывную партию“, но лорд Китченер заверил, что в случае нужды в войсках, таковые будут даны впоследствии.

Итак, были сделаны первые шаги к проведению в жизнь провозглашенного ранее принципа, по которому в случае, если положение на французском театре окажется на мертвой точке, все свободные британские войска будут использованы на каком либо другом более обещающем операционном направлении. Идея посылки войск в восточную часть Средиземного моря преследовала две цели: во-первых, спасти Сербию и, во-вторых, снабдить флот у Дарданелл десантными силами.

Транспорты с батальонами морской пехоты вышли в море 6-го февраля. Получив обещание Китченера, Адмиралтейство считало промедление в отправке дальнейших войск потерею времени и записка, поданная адмиралом Джаксоном, лучше всего иллюстрирует мнение Адмиралтейства относительно сухопутного содействия флоту. Записка заканчивается словами: „Бомбардировка флотом может рекомендоваться в качестве разумной операции исключительно при условии наличия на месте крупной сухопутной силы, готовой оказать или непосредственное содействие бомбардировке, или для того, чтобы вслед за бомбардировкой занять форты, как только они будут приведены к молчанию". Эта записка была препровождена адмиралу Кардену—„для руководства". Однако, инструкции полученные, за два дня перед тем, имели своим заданием производство чисто морской операции. Батальоны морской пехоты посылались „для гарнизонной службы в базе и для небольших десантных операций временного характера".

Приближалась середина февраля, времени оставалось мало. 15-го февраля предполагали сделать первый выстрел и к этому дню л. к. *Queen Elisabeth* должен был присоединиться к эскадре Кардена. Однако, беспрерывные штормы в течение всего января опрокинули расчеты. Карден возражал против настойчивых указаний начать 15-го, т. к. для успешных действий и расчетливого расходования снарядов,— вопрос о которых повсюду вызывал серьезные опасения,— надо было вести операцию без перерывов. Приступать же к операции, не имея тральщиков и гидросамолетов, было бесцельно, а они не могли быть готовы раньше 19-го февраля. Последнял дата получила утверждение, но день 15-го февраля отметился событием, гораздо более важным для всего предприятия в целом, чем день начала атаки.

15-го февраля Франция изъявила согласие отправить в Салоники дивизию, а Греции было сделано соответствующее предложение. В этот же день пришел ее ответ. Без выступления Румынии Венизелось категорически отказывался от допущения на территорию Греции союзных войск. Обращаться же в этот момент к Румынии было совершенно бесполезно. В Восточной Пруссии русские, после разгрома Х-ой армии в Мазурских озерах, были отброшены за линию границы, в Галиции они также отступали, быстро очищая небольшой район Буковины, не находившийся еще в руках Австрии. Поэтому Румыния не смела пошевелить пальцем, а мы снова оказались перед лицом единственного приемлемого объекта операций—Дарданеллами. Только этим путем мы могли побудить Балканские государства двинуться на спасение Сербии.

Не теряя ни минуты, приступили к действиям и 16 февраля весь вопрос подвергся новому обсуждению в свете поступивших последних данных. Из русских источников стало известным, что маршал фон-дер-Гольц, осмотрев в середине января Дарданеллы, пришел к тому же заключению, что и адмирал Карден, и заявил, что при существующем состоянии фортов проливы могут быть форсированы флотом. Но к этому времени Болгария была куплена и турки, следовательно, имели возможность усилить укрепления, взяв орудия из Адрианополя и с Чаталджи. Кроме того имелись доказательства, что противник уже ожидает нападения, т. к. у Галлипольского перешейка, где берег от Булаира спускается в Саросский залив, все водное пространство было минировано. Таким образом, тактические соображения, не менее политических, не позволяли терять ни минуты. Тем не менее, однако, не могло быть и речи, чтобы сколько нибудь ускорить начало атаки. 12-го февраля, во время пробных стрельб в Гибралтаре, на *Queen Elisabeth* произошло повреждение одной из турбин, она не могла давать полного хода и раньше недели не в состоянии была прибыть на место.

На западном фронте обстановка к этому времени улучшилась. Немцы оставили попытки пробиться на побережье Канала и все наступательные усилия сосредоточивали на восточном фронте. Египет, повидимому, был также вне опасности. По нашим сведениям турки перебрасывали главные силы или на Кавказ для генерального наступления против России, или же в Багдад, чтобы остановить дальнейшее наступление из Персидского залива. В константинопольском округе и в Дарданеллах осталось лишь три дивизии, но и они заменялись спешно формировавшимися второочередными частями. Создавалось впечатление, что сравнительно слабые сухопутные силы смогут оказать флоту то содействие, которое потребуется после бомбардировки. С прекращением же угрозы Египту необходимые войска могли быть оттуда взяты.

Помимо этих соображений—нашлось еще одно, затрагивающее корни всего нашего плана кампании. За время, истекшее с начала военных действий, более определенно выяснилась главная причина, побудившая немцев вызвать войну. Первоначально мы видели в этом только стремление осуществить пан-германские мечты, захватить Бельгию и овладеть французскими портами Ламанша для свободонго выхода к океану. Когда оказалось, что выполнение такого плана полностью им не по силам, немцы, видимо, поставили себе другую цель. Правда, государственные деятели Англии никогда не принимали всерьез идею Великой Европейской федерации под гегемонией Пруссии и образование пан-гер-

манской империи, простирающейся от Гамбурга до Персидского залива, но теперь над этим можно было призадуматься. Пруссия совершенно поработила Австрию и столь явно стремилась проложить для себя путь через Сербию к Дарданеллам, что то, что считалось не более как фантазией досужих политических журналистов, начинало принимать форму реальной политики экспансии. Германия уже давно прельщалась мыслью о том, как в один прекрасный день Турция обратится для нее во вторую Индию; это было известно, но преграды, стоявшие на пути такого плана, считались непреодолимыми. В тот же момент, когда Австрия и Турция оказались привязанными к ее хвосту, а Балканские государства безнадежно разделенными и беспомощными, эта возможность как будто становилась реальной. Все непонятное, начиная с ухода *Гебена* в Босфор и кончая недавним отказом от попытки достичь побережья Канала, становилось ясным. Все попадало в определенное место широко задуманного плана кампании. И многие явления, казавшиеся проявлением слабости, стали принимать определенную форму замыслов, почти непостижимого честолюбия. Наше правительство начинало сознавать, что все усилия Германии сводятся к одному только стремлению—сделать Турцию своим вассалом и воспользоваться вытекающими отсюда неизмеримыми последствиями. Военные действия немцев на западе принимали не тот характер, который они имели при начале войны.

Потерпев неудачу в осуществлении своего излюбленного способа—сокрушения вооруженной силы противника, они решили действовать иначе: удерживая то, что уже захвачено, и захватывая то, что еще можно получить, взять противника измором. Применяя такой метод, воюющий рассчитывает, что неприятель истощит свои силы в попытках сломить его сопротивление. Но неприятель естественно должен искать выход из положения, т. е. другое оперативное направление, на котором его противник является менее подготовленным к отпору и где он может надеяться предупредить его дальнейшие намерения. При подобных обстоятельствах Дарданеллы становились наиболее подходящим объектом для использования всех наличных войск, не нужных во Фландрии, и Военный Совет предпринял дальнейшие шаги по этому пути.

Однако, надо считать, что новая военная ориентация не была воспринята настолько твердо, чтобы повлечь за собою решительные меры. Было установлено, что XXI дивизия при первой возможности, т. е. через десять дней, отправится на Лемнос; последовали подготовительные распоряжения об отправке войск из Египта и снаряжении небольшой флотилии плавучих средств, необходимых для высадки.

Адмиралтейство получило полномочия строить лихтеры и готовить отряд транспортов для перевозки 50.000 человек [1]). Хотя последние распоряжения и указывают на укрепление идеи создания нового театра, тем не менее окончательного решения о начале сухопутных операций в Леванте—не состоялось. Войска в Египте держались только на готове к отправке „в случае надобности“ и не были прикомандированы к флоту. Проект морской атаки Дарданелл не вылился в форму соединенной операции армии и флота.

Попрежнему роль сухопутных войск на новом операционном направлении расценивалась лишь как вспомогательная, необходимая только для использования плодов победы в случае успеха флота. Считалось, что для большего—время еще не назрело. Правда, в некоторых кругах Англии и заграницей господствовало мнение о возможности найти свободные войска, но ни наша главная квартира во Франции, ни французское высшее командование не хотели и слушать об этом. Поражение русских внушало опасения, что немцы перекинут наступление на запад. Центральное положение Германии открывало ей возможности быстро менять направление наступления и мы не могли рисковать своим стратегическим резервом. Кроме того, наши обязательства к Франции не позволяли взять XXI-ю дивизию без согласия ее главной квартиры. Мнение же генерала Жоффра сводилось к тому, что немцы в каждую данную минуту могут оставить разбитые русские армии и начать наступление в районе Вердена. Если это случится, то ему понадобится каждый боец из числа тех, которые были ему обещаны. Мнение Жоффра, переданное через французского посла, не могло быть игнорировано. С точки зрения моряков русские неудачи требовали немедленных энергичных действий в Дарданеллах; но их взгляд не мог победить единодушного мнения сухопутного начальства.

До известной степени взгляд сухопутных авторитетов объяснялся их законным отвращением к отвлечению сил от театра операций, который военная доктрина учила их считать за главный, т. е. тот, на котором можно ожидать решающих результатов. Но даже, если было и так, дело все равно сводилось к вопросу чести, нарушить который ни один из членов английского правительства едва ли был в силах. Учитывая положение Франции, никто не считал возможным пойти на такой риск отвлечения сил, как это, в аналогичном случае на море, смог сделать лорд Фишер, когда для выполнения конечной стратегической задачи им было выделено из Гранд-Флита три линейных крейсера.

---

[1]) Отчет Дарданелльской комиссии, стр. 30 и 55.

Решение атаковать Дарданеллы флотом до сформирования содействующего операции сухопутного отряда фактически являлось компромиссом между двумя идеями. Одна идея заключалась в диверсии исключительно морского характера, другая же—в использовании нашего господства на море и нанесении удара там, где центральные державы еще не были к этому готовы. Последняя в глазах английского правительства, конечно, являлась наилучшим способом использовать нашу свободную вооруженную силу (флот) для скорейшего завершения войны.

Наш взгляд на положение западного фронта в будущем и взгляд французского высшего командования теперь расходились. Прежние пылкие надежды французской главной квартиры уступили место убеждению, что решительные результаты могут быть достигнуты только широким концентрированным наступлением против центральных держав. Для приведения в исполнение этого замысла было, более чем когда либо, существенно важно питать неограниченные силы России и как можно скорее замкнуть кольцо на Балканах. Сюда, по мнению французов, мы должны были бросить все свободные силы после того как будет обеспечено непоколебимое оборонительное положение во Франции.

Читатель, однако, должен помнить, что идея, привлекавшая правительство, не разделялась ни морским, ни сухопутным высшим командованием. Как то, так и другое были поглощены проблемами первых дней войны, в том виде, как они тогда понимались; как то, так и другое продолжали верить, что и новые проблемы они в состоянии разрешить непосредственным ударом на море и суше, разгромив главные силы противника.

Таким образом, широкие приготовления, начатые адмиралом Фишером при вступлении его в должность первого морского лорда с целью перенести наступальные операции флота в германские воды, продолжались. Одновременно продолжались и приготовления для Средиземного моря. Действительно, с морской точки зрения причины для скорейшего разгрома германского флота, даже непосредственным ударом, как только будут готовы необходимые к тому средства, оставались столь же основательными, как и раньше.

Для истинного понимания обстановки трудно достаточно ярко подчеркнуть, как при всякой разработке Адмиралтейством любого плана приходилось считаться с необходимостью охраны коммуникаций армии и конечных портов океанских торговых путей Англии. Каким мертвым грузом была эта необходимость? Она не только не ослабевала, но, напротив, с каждым днем усиливалась. Дислокация флота в отечественных водах гарантировала охрану против надвод-

ных судов неприятеля настолько, насколько позволяло расположение баз Гранд-Флита. До известной степени затруднения были устранены развертыванием 1914 года, но все же обстановка оставляла желать лучшего. Поэтому разрабатывался план доведения этого развертывания до его логического конца, т. е. перенесения базы Гранд-Флита из Скапа и Розайт в Хумбер и Ферт-оф-Форт. Решить вопрос было не легко: главнокомандующий флотом не сочувствовал столь радикальной перемене. Теоретически южные порты представляли больше выгод в смысле скорейшего достижения неприятеля при появлении его в Северном море, но практически по сравнению со Скапа имели те неудобства, что, были подвержены постоянным туманам, вход и выход из них был ограничен временем приливных течений; кроме того они находились в тесном соседстве с неприятельскими минными заграждениями.

При несчастных стечениях обстоятельств все эти недостатки грозили свести на нет их преимущества. Доводы Джеллико за сохранения существующего базирования были настолько вески, что в начале марта состоялось решение оставить Скапа в качестве главной базы и приступить к соответствующему ее оборудованию, дабы обеспечить флоту возможную безопасность и наилучшие условия стоянки.

Сохранив основу первоначального плана развертывания, в него, тем не менее, внесли некоторое изменение, дающее всей системе большую гибкость и сводящее до минимума недостатки северной базы. Со времени очищения от неприятеля океанских путей, для службы в отечественных водах освободился ряд крейсеров, в том числе *Australia*, и кроме того начали быстро входить в строй новые крейсера типа „Arethusa“ и „Calliope“. Поэтому было найдено возможным реорганизовать Гранд-Флит, сформировав из его состава сильный ударный отряд, быстроходный и могущий оперировать самостоятельно в любой части Северного моря, пока главные силы стоят в Скапа. Мысль эта начала выливаться в определенную форму после того, как бой на Доггер-банке и два предыдущие выхода германского флота привели к заключению, что методы „малой войны“ ограничатся операциями неприятельских линейных крейсеров [1]). В ближайшем будущем Гранд-Флиту предстояло ожидать операции именно такого рода и силы адмирала Джеллико были разделены на два отряда. Под его непосредственным командованием остались четыре эскадры линейных кораблей, из которых три эскадры дредноутов базировались на Скапа, а эскадра

[1]) В настоящее время известно, что такие распоряжения были отданы. Шеер, стр. 67—68.

„King Edward'ов" на Розайт. Крейсерские силы этого отряда состояли из 1-ой, 2-й, 3-й и 7-ой крейсерских эскадр, нормальная служба которых заключалась в поддержке и прикрытии 10-й „блокирующей" крейсерской эскадры. Адмиралу Битти, державшему флаг на *Lion*'е, вверялись все линейные крейсера. С приходом *Australia* и возвращением трех крейсеров, отправленных против эскадры Шпее, численность отряда Битти достигала десяти судов, но это не могло произойти ранее исправлений повреждений, полученных *Lion*'ом в бою на Доггер-банке, окончания ремонта *Invincible* и *Indefatigable*'я и освобождения *Inflexible* от наблюдения за *Гебеном* в Дарданеллах. Линейные крейсера делились на три эскадры с одним легким крейсером при каждой. Итак, с переходом *Fearless* с 1-ой минной флотилией из Гарвича в Розайт при Гранд-Флите образовывался быстроходный однородный отряд, способный, подобно прежним „летучим эскадрам", к самостоятельным операциям. Базируясь на Ферт-оф-Форт, он находился в положении, дающем ему возможность принудить к бою Флот Открытого моря, в случае если последний рискнет выйти, и быстро нанести удар меньшим неприятельским силам, пытающимся оспаривать наше господство в Северном море.

Новая организация, хотя и не вполне в законченном виде, вступила в силу 21-го февраля и давала уверенность, что нет особых причин опасаться повторения последних набегов, тем более, что работа радио-пеленгаторных станций с каждым днем приносила новые плоды. Но оставалась подводная угроза, меры против которой были далеко недейстительны. С уничтожением эскадры адмирала Шпее, когда, по старым понятиям, окончательно установилось наше господство на море, начались такие проявления подводной войны, опасность которых не поддавалась учету. Наиболее высокие морские авторитеты до начала войны предсказывали, что немцы посовестятся применять новое оружие против коммерческих судов как неприятельских, так и нейтральных, и кроме того, что они слишком осторожные стратеги для того, чтобы подобным нарушением освященных веками морских обычаев создавать себе новых врагов. Вначале этот здоровый взгляд господствовал и в Германии, но теперь, под влиянием нашей блокады, начинал, повидимому, уступать более безрассудной политике. Сразу к крайним мерам немцы, однако, не приступили. Правда, в течение октября и ноября были случаи отступления от правил при встрече с торговыми судами противника. Невооруженные суда не захватывались, а топились, не взирая на гибель экипажей, не состоявших на военной службе, но случаи эти носили спорадический характер и не имели признаков установленной системы. В последующие два месяца ни

одного подобного случая не произошло и, казалось, что мнение разумных государственных людей Германии, считавших, что деятельность подлодок должна ограничиться нападением на наш военный флот и на коммуникационные пути нашей армии, восторжествовало. В то же время имелись признаки, что это мнение встречает сильный отпор других, более „свирепо“ настроенных кругов. С другой стороны „кротость“ первых могла быть и временного характера. Они хотели ждать, пока не будут готовы подводные лодки нового типа, более подходящие для предстоящей работы. Последнего взгляда, надо думать, придерживался германский морской министр адмирал Тирпиц, который с целью подготовить общественное мнение в Соединенных Штатах дал в ноябре интервью американскому журналисту. В разговоре с журналистом он очертил предстоящую подводную кампанию против торговли союзников, долженствующую начаться в ближайшем будущем. Германская пресса горячо схватилась за эту мысль и все влиятельные газеты открыто проповедывали войну „возмездия“ против британской торговли. Необходимость возмездия объяснялась нашими мерами против проникновения продовольствия и другой контрабанды через германские и соседние с ними нейтральные порты. Для достижения поставленной цели мы несомненно использовали ограничительные правила до их крайних пределов, включив под запрет продовольствие и другие виды условной контрабанды. Однако, ни в Америке, ни в Англии не верили, чтобы Германия отважилась прибегнуть к столь опасному средству, попирающему основные законы торговли, которые с незапамятных времен всеми морскими нациями считались священными.

Мы были настолько глубоко убеждены в неразумности бесконечного расширения прав воюющего и необходимости избегать причин неудовольствия нейтральных государств, что продолжали парализовать возможности нашего флота в смысле развертывания в полной мере его мощи для усиления его давления на неприятеля. Последнее объявление правительства, расширявшее список контрабанды, до его распубликования послужило предметом предварительных обсуждений с правительством С. Ш. А. Идя на-встречу его пожеланиям мы даже хлопок исключили из числа товаров, подлежащих задержанию, в результате чего, не взирая на резкие статьи в прессе обоих государств, отношения правительств Англии и С. Ш. А. остались вполне дружественными.

При таких условиях представлялось невероятным, чтобы Германия не поняла обстановки. Поэтому не было принято никаких особых мер для противодействия угрозе, которую

рассматривали лишь как пустой звук. То, что было сделано раньше, казалось вполне достаточным. Большое количество миноносцев и различных анти-подводных судов, предназначавшихся для так называемого Балтийского проэкта, строились с лихорадочной поспешностью. Новая организация службы дозоров быстро вступила в силу и все наиболее важные районы заполнялись противоподводными средствами по мере готовности яхт, траулеров и дрифтеров. После баз Гранд-Флита наиболее важным районом считался район Портсмута (№ XII), во главе охраны которого стоял адмирал Мьё. Он был ответствен за главную коммуникационную линию армии — Саутгэмптом-Гавр и к концу января в его распоряжении находились значительные охранные силы. В состав их входили: шесть эскадренных миноносцев устаревшего типа, семнадцать миноносцев и двадцать дрифтеров (сетевых), помимо семнадцати вооруженных траулеров с усовершенствованными тралами и шестидесяти трех дрифтеров, работавших из Пуля. Кроме того, он имел одиннадцать штатных тральщиков и восемь эскадренных миноносцев типа „Beagle“ для конвойной службы.

Не менее важным был район Дуврский (№ XI), назначение которого было ограждение коммуникаций армии, проходивших поперек Канала, от покушений неприятельских подлодок, оперировавших из их новых баз — Зеебрюгге и Остендэ; он также располагал значительным количеством судов [1]. Меры, принятые для охраны путей через Канал, были очень своевременны, т. к. 15-го февраля во Францию отправлялась XXVIII дивизия. Эта перевозка, первая с начала проявления активности лодок в Канале, вызывала не малое беспокойство. Сама по себе перевозка не представляла ничего необычайного и доставление дивизии почти не увеличивало числа судов с грузами и небольшими воинскими эшелонами, ежедневно пересекавших Канал, но, узнав о ней, неприятель мог усилить свои старания произвести нападение. Отправление транспортов началось в назначенный день, причем конвой был усилен четырьмя эскадренными миноносцами из Гарвича.

Сразу же после выхода первой группы получились донесения о появлении лодок, рыскающих в районе следования транспортов, почему дальнейшая отправка была на день приостановлена, но 17-го февраля продолжалась и 18-го благополучно закончилась.

Вряд ли можно сомневаться в том, что неприятель сделал все, от него зависящее, чтобы помешать перевозке;

---

[1]) 18 февраля, когда началась германская подводная блокада, в Дувре находилась 5 флотилия эск. миноносцев, 4 флотилия подлодок, 3 яхты, 12 траулеров, 20 вооруженных дрифтеров, 63 сетевых дрифтера и 8 тральщиков. Всего 140 судов.

поэтому смело можно сказать, что система охраны вполне себя оправдала. Помимо отправки XXVIII дивизии за неделю было перевезено еще 8.000 человек, не считая лошадей и грузов. Всего к 31 января, за четыре последние недели, через Канал было переправлено свыше 50.000 человек и 5.000 лошадей. За это время транспорты сделали 234 рейса. Указанные цифры касаются лишь Саутгэмптона и не относятся к Ньюхавену и Авонмуту. Из этих портов также не переставая шли транспорты и ни на минуту не прекращалась служба по охране конвоев, следовавших в Англию, и линейных кораблей, входивших в Канал для ввода в док или уходивших после ремонта.

Казалось, что в отношении Канала мы вполне владеем положением. Однако, уже к концу месяца Адмиралтейству пришлось столкнуться с новым проявлением подводной опасности. 28 января дрифтер, бывший в дозоре между Wicklow Head и островом Bardsey, донес о двух немецких подлодках, замеченных им вместе с нефтеналивным пароходом. Атаковать лодки он не мог из за повреждения машины. На следующий день получились сведения о лодках, замеченных у Ливерпуля. Ни одно из этих донесений не подтвердилось, но днем 29 февраля большая лодка несомненно появилась у острова Walney, на котором находилась батарея, установленная для защиты завода Виккерса в Барроу. Полчаса лодка держалась в надводном состоянии, очевидно, для разведки, и только тогда, когда она открыла огонь, командир батареи, несмотря на предупреждение о возможности нападения, понял с кем он имеет дело и, в свою очередь, открыл огонь. Но было поздно и лодка благополучно скрылась [1]).

Кроме того имелись сведения о появлении лодок у Milford Haven. Хотя они были и не вполне достоверного характера, но все же не приходилось сомневаться в том, что подводные операции противника распространяются и дошли до нашего западного побережья.

Немедленно коммодор Тирвит получил приказание отправить в Пемброк дивизион миноносцев из Гарвича, а два дивизиона миноносцев из Скапа были посланы произвести

---

[1]) Из показаний пленных, служивших ранее на подлодке *U 21*, впоследствии выяснилось, что у острова Walney была *U 21*. Командир ее, капл-лейт. Херзинг, был один из самых отчаянных и счастливых немецких подводных командиров. В первые дни войны он произвел поход в район Ферт-оф-Форт. В следующий поход ему удалось проникнуть (2-го сентября 1914 года) непосредственно в Ферт-оф-Форт, где стоял *Invincible* и еще несколько судов, и пройти под мостом. Лодка была замечена, подверглась атаке катеров и огню с батарей и принуждена была уйти, не сделав на этот раз никакого вреда. Три дня спустя Херзинг утопил *Pathfinder* (см. Т. I стр. 179), а 23 ноября, потоплением в Канале пароходов *Malachite* и *Primo* открыл подводную кампанию против коммерческих судов.

поиск до Holyhead'а. Кроме того был снят плавучий маяк в заливе Morecambe, а адмиралу Джеллико отправлено предупреждение, впредь до распоряжения, не посылать судов в Ливерпуль. Помимо торгового значения этого порта он был важен, как база 10-ой крейсерской эскадры Северного Патруля, на обязанности которого лежала непосредственная блокада Германии. 10-ая эскадра только что была доведена до полного числа и в состав ее входил двадцать один вспомогательный крейсер, не считая *Viknor*'а, погибшего со всем экипажем в середине месяца. Гибель произошла у островов Lory, вероятно, от мины.

Пока принимались эти меры по обеспечению безопасности Ирландского моря, в Английском Канале произошли новые случаи пиратства. 30 января были атакованы 2 парохода у Гавра; один — из Буэнос-Айреса, другой — из Новой Зеландии. Пароход *Oriole*, совершавший рейсы между Лондоном и Гавром, был взорван и погиб со всею командою; 1-го февраля произошло еще более возмутительное нападение — в госпитальное судно *Asturias*, без предупреждения, была выпущена торпеда. К счастью она не попала, но факт нападения вызвал бурю негодования и показал, что в Германии побеждают сторонники беспощадных мер. Кроме того в день гибели двух пароходов у Гавра были уничтожены близ Ливерпульского бара — угольщик, зафрахтованный Адмиралтейством, и два каботажника. Неприятель был опознан за *U 21*, т. е. за ту же лодку, которая была у Барроу. На запрос Адмиралтейства начальнику местного дозорного района, последний ответил, что имеющиеся в его распоряжении суда слишком тихоходны, чтобы бороться с такими лодками, и Тирвиту было приказано послать сюда еще восемь эскадренных миноносцев с легким крейсером. Дивизион 2-ой минной флотилии Гранд-Флита получил такое же приказание и уже находился в пути. Крейсера из состава Северного Патруля получили инструкции не выходить из Ливерпуля до прибытия миноносцев. Два почтово-пассажирских парохода компании Кюнард, возвращавшиеся в Англию, были направлены в Куинстоун. Создавшееся положение угрожало не только торговле, но и всему развертыванию флота в Отечественных водах. Главнокомандующий счел необходимым послать еще один дивизион миноносцев и теперь целая масса их охотилась за лодками. Решительные меры, столь быстро принятые Адмиралтейством, несомненно влекли за собою известного рода риск. Отныне приходилось считаться, пожалуй, с одним из наиболее сильных стратегических последствий подводной активности противника. Главные силы наших флотилий миноносцев вместо того, чтобы принимать участие в наступательных операциях совместно с Гранд-Флитом и содействовать господству в Северном

море, вынуждены были постепенно выделять отряды для охоты за подлодками. Роль этих флотилий грозила свестись исключительно к противоподводной охране Отечественных вод. Результат этого не замедлил сказаться.

Назначенная на 31 января наступательная операция из Гарвича была отменена. Восемь миноносцев, оставленных Тирвитом, пришлось отправить в Ирландское море, так что некого было послать с заградителями для постановки у Дувра минного заграждения против подводных лодок.

Обстановка не обещала ничего хорошего в смысле удержания в наших руках инициативы в Северном море, но последующие дни бросили на нее еще большую тень. То, что отчасти ожидалось, но чему не верилось, стало реальным фактом. До этого времени почти все нападения неприятельских подлодок имели место на путях сообщений армии, и это до известной степени объяснялось германским правительственным сообщением от 2 февраля, в котором мореплаватели нейтральных государств предупреждались об опасности от подводных лодок, оперирующих в Канале и Северном море против транспортов с войсками и военными грузами. Путь следования канадской дивизии, уходившей во Францию, был изменен и она погрузилась не в Саутгэмптоне, а в Авонмуте, и направилась вместо Гавра в С. Назер. Но в остальном порядок судоходства не нарушался и размер страховых премий остался тот же. Такое положение вещей, однако, продолжалось не долго. Не успело еще улечься общественное негодование после случая с *Asturias*, как 4 февраля появилось новое сообщение германского морского министерства, не оставляющее на этот раз сомнений, какого взгляда сторонники победили в Берлине. Не считаясь ни с какими ограничениями морской войны, немцы объявили „военной зоной“ воды, омывающие британские острова, включая и весь Английский Канал. В этой зоне немцы обещали уничтожать все неприятельские суда; что же касается нейтральных, то последним предоставлялось плавать на собственный страх и риск. Для нейтральных судов, направляющихся в северные порты Европы, предоставлялся свободный проход вокруг Шетландских островов и далее к нидерландскому побережью, при чем Германия слагала с себя ответственность за всякие последствия, могущие произойти при следовании другим путем. Сообщение преследовало вполне определенную цель — пользоваться минными заграждениями и подводными лодками—и это, как и ожидалось, вызвало немедленный протест Америки. В своих объяснениях германское правительство указывало: во-первых, на то, что британское Адмиралтейство рекомендовало коммерческим судам защищаться, а, во-вторых, на то, что суда прикрываются нейтральным флагом.

Первая мера с нашей стороны была вызвана пиратским способом действий противника, вторая же оправдывалась старинным, всеми признанным методом самообороны, который, кстати сказать, вскоре встретил большое сочувствие в Америке, когда *Lusitania* вошла в Ливерпуль под американским флагом. В дальнейшем в своих возражениях немцы подымали нерешенный вопрос о военной контрабанде вообще.

Узнав в первые дни войны, что германское правительство взяло в свои руки контроль над продовольствием, мы объявили продовольствие абсолютной контрабандой, не подлежащей доставлению в конечные места назначений. Продовольственные грузы, следующие в излишне больших количествах в голландские и датские порты, должны были задерживаться. Хотя до 25 января контроль на практике не осуществлялся, мы продолжали осмотр пароходов, т. к. получили сведения, что, согласно нового правительственного распоряжения, зерно и мука включены в число продуктов, подлежащих контролю, и считали, что последнее обстоятельство подтверждает наше право считать их контрабандой. Германия не разделяла такую точку зрения и заявила, что вынуждена принять крайние меры против наших действий. С последним правительство Штатов не могло согласиться, но на время ограничилось лишь извещением германского правительства, что будет ставить его в известность о точном числе погибших американских судов и американских граждан.

Объявление „военной зоны“ вступило в силу 18 февраля и, таким образом, в тот момент, когда Адмиралтейству предстояло предпринять серьезнейшую операцию на отдаленном театре, размеры которой не поддавались учету, ему пришлось более чем когда либо почувствовать тяжесть задачи защиты Отечественных вод.

Под влиянием последних обстоятельств, обсуждение проэкта Дарданелльской операции происходило в чрезвычайно нервной и беспокойной атмосфере и кабинету трудно было принять то или иное решение в виду противоречивых взглядов военных специалистов. Для того, чтобы правильно судить о позиции, занятой в этом вопросе лордом Фишером и теми, кто соглашался с его возражениями, всегда следует помнить, насколько события, развернувшиеся в Отечественных водах, ударяли по его плану наступательных операций на побережьи Германии. Он предвидел, что этому плану никогда не будет суждено увидеть свет, если мы втянемся в Средиземном море в операцию, основы которой считались им неверными. Нежелательность участия в операции сухопутных войск, что высказывалось представителями армии, объяснялась в значительной степени наступательными их

тенденциями, а отвюдь не соображениями оборонительного характера.

Хотя, как мы знаем, ни французская, ни британская главные квартиры не ожидали решительных результатов на западном фронте, они все же надеялись в скором времени достичь на этом фронте таких успехов, которые помогли бы России в окончательном поражении ею противника на восточном фронте. Впоследствии стало понятным, насколько эти ожидания были безнадежны, пока на Балканах не замкнуто союзническое окружение, но тогда это было далеко не ясно. Во всяком случае недостаточно для того, чтобы кабинет смог победить взгляд генерального штаба. Кроме того, не следует забывать, что при продолжении на главном театре оборонительной тактики—на Францию ложились такие тяготы терпения, которые могли оказаться непереносимыми. А без своего союзника, не нарушая лойяльности, Англия не имела возможности следовать собственным традиционным путем. Даже при условии, что наши новые формирования были готовы и могли заменить войска, взятые с западного фронта, нельзя было рассчитывать на одобрение этой меры французами. Но новые части еще не закончили формирования, а перед нами стояла настоятельная необходимость без промедления предпринять какие то меры. Не говоря уже о Балканском „перерыве", где мы не собирались уступать без борьбы, приходилось считаться с положением Сербии и русской кавказской армии. При таких обстоятельствах пришлось пойти на компромисс между двумя решениями Дарданелльской проблемы, иначе говоря, решиться на операцию промежуточную между чисто морской атакой и атакой соединенными силами флота и армии.

ГЛАВА IX.

Дарданеллы. Начало морской атаки и вопрос о содействии сухопутных сил.

Карта 3.

Пока шли сложные обсуждения вопроса сухопутного содействия в Дарданеллах, адм. Карден вел приготовления к морской атаке, прерываемые только погодой, которая продолжала оставаться неблагоприятной. Весь январь, за исключением двух—трех дней дул шторм от зюйд-веста. В феврале изменилось лишь его направление и ветер с такой же силой задул от норд-веста. Начиная с 15 февраля никаких активных операций не предпринималось. В этот день французская подводная лодка *Saphir*, вопреки категорическим

приказаниям, запрещающим лодкам проходить внутрь, попыталась последовать примеру *B 11*, но оказалась менее счастливой. В проливе она села на мель и погибла.

Состав отряда, выделенного для операции, и размеры необходимых подготовительных работ требовали увеличения командного аппарата и в помощь адмиралу Кардену были были даны еще два адмирала. Судьба готовила обоим им видную роль в предприятии. Первый из них—контр-адмирал Веймисс—за время командования Западным Патрулем проявил столько такта при сношении с французами и сумел установить с ними такие исключительно хорошие отношения, что считался наиболее подходящим лицом для принятия должности начальника морской и сухопутной базы союзников. Поэтому, как только состоялось решение использовать Мудрос, он получил приказание сдать эскадру старшему из командиров (командиру *Diana* кап. I р. Хуттон) и отправиться туда в качестве старшего морского начальника, соблюдая условия, предусмотренные соглашением с греческим правительством. Вторым помощником Кардену был назначен контр-адмирал Де-Робек, который еще в начале войны отличился большой энергией и распорядительностью, крейсеруя у берегов Испании. 22 января он перенес флаг на л. к. *Vengeance*, стоявший в Гибралтаре для поддержки крейсерской эскадры станции островов Зеленого Мыса, и пошел на присоединение к адмиралу Кардену для вступления в должность младшего флагмана [1]).

Кроме того Кардену был назначен начальник штаба—коммодор Кийс, сдавший свою должность кап. I р. Холлу. Должность эта приняла характер административный, т. к. боевое руководство ударным Гарвичским отрядом подлодок перешло, как и предполагалось ранее, непосредственно к кап. I р. Уейстеллю.

С прибытием в первых числах февраля Де-Робека, Карден смог передать блокаду ему. Сам он поднял флаг на *Inflexible*, который еще носил следы Фалкландского боя. После кратковременного ремонта в Гибралтаре *Inflexible* 24 января прибыл на смену *Indefatigable*, вышедшего на Мальту для давно необходимого ввода в док. 7-го февраля Карден на миноносце *Racoon* пошел вслед за ним, предполагая на неделю остаться на Мальте для окончания последних подготовительных мер. В командование эскадрой вступил Де-Робек.

Оставлять линейные крейсера в Средиземном море не предполагалось. Активность, проявленная немцами в Северном море, требовала присутствия их обоих для заверше-

---

[1]) В командовании эскадрой на побережьи Испании вступил контр-адмирал Мур.

ния нового развертывания, тем более, что ремонт *Conqueror*'а после столкновения с *Monarch*'ом потребовал гораздо больше времени, чем думали, а посылка линейных кораблей из состава эскадры Канала уменьшила ее силы на половину: *Bulwark* и *Formidable* погибли, *Agamemnon* и *Irresistible* ушли, *Lord Nelson* после повреждения турбины *Queen Elisabeth* был послан ей на смену. Для пополнения состава 2-ой эскадры линейных крейсеров, сформированной незадолго до боя на Доггер-банке лишь из двух судов, *Indefatigable* по окончании ремонта должен был возратиться в Англию, а *Inflexible* следовать за ним, как только *Agamemnon* прибудет ему на смену. Адмирал Карден, узнав о повреждении машин *Queen Elisabeth*, не мог согласиться на отозвание линейных крейсеров. По полученным сведениям *Гебен* закончил ремонт после взрыва на русских минах и адмирал опасался, что *Queen Elisabeth*, ход которого уменьшился до 15-ти узлов, не будет в состоянии принудить *Гебена* к бою, в случае его выхода. Представления Кардена были уважены и *Inflexible* остался в Дарданеллах.

Остальные назначенные ему суда быстро прибывали, частью из Англии, частью с отдаленных станций, где после Фалкландского боя и уничтожения *Эмдена* они больше не требовались. В Егейском море и на Мальте стояли: *Albion*, прибывший с мыса Доброй Надежды, *Triumph*—из Китая, *Vengeance*—со станции островов Зеленого Мыса и *Canopus*—из Южной Америки. В Египте, в ожидании приказаний следовать в Дарданеллы, находились *Ocean* и *Swiftsure*; последнего сменял *Euryalus* и на него переносил свой флаг адмирал Пирс.

Из Англии были взяты следующие корабли: из 6-ой линейной эскадры *Cornwallis*, *Majestic* и *Prince George*. Первый прибыл к месту назначения, остальные два находились в пути. Из 5-ой линейной эскадры, не считая *Venerable*'я, отправленного к побережью Бельгии, почти все суда пошли в Дарданеллы. *Irresistable* вышел вместе с *Majestic*'ом 11 февраля, *Agamemnon*—9 февраля, *Lord Nelson*—15 февраля. В Портланде остались в качестве резерва только *Queen*, *Implacable*, *Prince of Wales* и *London* с крейсерами *Diamond* и *Topaze*.

Франция прислала четыре старых линейных корабля *Suffren*, *Bouvet*, *Gaulois* и *Charlemagne* под флагом адмирала Гепратта. Общая численность союзной эскадры достигала шестнадцати крупных судов.

Вопрос командования вызывал некоторые затруднения. Конвенция, заключенная в августе 1914 года, предусматривала предоставление французам общего руководства операциями в Средиземном море, но вторжение турок в Египет изменило положение.

Район Дарданелл и Египта вышел из их сферы командования и, хотя определенных границ установлено не было, суда эскадры адмирала Пирса несли дозор по всему сирийскому побережью. Французы желали, чтобы предстоящие операции в Дарденеллах велись под руководством британского адмирала, но при условии, что побережье Сирии, вплоть до Яффы, перейдет в их ведение. На этом дело к общему удовольствию и закончилось. Мы объяснили, что отнюдь не желаем нарушить конвенцию, но указали, что она была заключена на случай войны с Германией и Австрией и до возбуждения какого либо вопроса о восточной части Средиземного моря. Вступление в войну Турции изменило обстановку, но мы всегда готовы пойти на встречу французским пожеланиям. Поэтому мы не возражали против передачи им наблюдения за побережьем Сирии с подчинением адмирала Пирса французскому адмиралу.

Кроме того, вследствие вновь поднятого вопроса о высадке в Александретте, было установлено, что никакие самостоятельные операции французов не будут иметь места в Александретте.

Соглашение вполне удовлетворяло нашего союзника и облегчало положение дел в Дарданеллах. Французы приступили к сформированию Сирийской эскадры, под командованием адмирала Дартиж-дю-Фурне. В состав ее вошли: линейные корабли *St. Louis*, *Jaureguiberry*, крейсер *D'Entrecastaux* и броненосец береговой обороны *Henri IV*. Это освобождало наши крейсера в Египте и давало возможность Адмиралтейству передать часть их в распоряжение адмирала Кардена. Однако, к началу операций в Дарданеллах из крейсеров, кроме *Dublin*'а и *Dartmouth*'а, находились только посланные из Англии *Amethyst* и *Sapphire*. Миноносцев Карден имел шестнадцать типа *Beagle* и *River* с маткою *Blenheim*. Кроме того у него были *Ark Royal* с шестью гидросамолетами и канонерка *Hussar*, наблюдающая за кабелем в Сире. Число тральщиков предполагалось довести до двадцати одного, пока же прибыло лишь семь. Французы обещали дать четырнадцать тральщиков, шесть миноносцев и авианосец *Foudre*.

Днем начала атаки по прежнему оставалось 19 февраля. Дата весьма знаменательная, т. к. в этот день в 1807 году адмиралу Дукворту удалось форсировать проливы, но в данном случае обстановка, конечно, имела мало общего с прошлым.

На Мальте адмирал Карден разработал все детали плана операции, которая делилась на семь главных фаз:

1) Разрушение внешних укреплений у входа в пролив, в бухте Башика и на северном берегу Галлипольского полуострова.

2) Траление минного поля и разрушение дальнейших укреплений вплоть до узкости.

3) Разрушение укреплений в узкости.

4) Проход флота в Мраморное море.

5) Операции в Мраморном море и дозорная служба в Дарданеллах.

Обстрел фортов намечался в следующей последовательности: во первых, бомбардировка с дальних расстояний (по видимой или невидимой цели), вне досягаемости неприятельской артиллерии, [1]) во-вторых, бомбардировка с средних расстояний, из орудий среднего калибра (по видимой цели) и, в третьих, окончательное разрушение фортов, подавляющим огнем с расстояния 15—20 каб. При этом было обращено особое внимание на то, чтобы при начале бомбардировки, избежать неприятельских попаданий в корабли. В последнем случае они должны были отходить и вновь начинать бомбардировку с дальних дистанций.

Для первой фазы было назначено шесть кораблей—*Suffren* (флаг адм. Гepатта), *Bouvet*, *Inflexible* (флаг адм. Кардена), *Triumph*, *Cornwallis* и *Albion*. *Gaulois* должен был поддерживать *Suffren*'а и *Amethyst*'а. *Vengeance* (флаг адм. Де-Робека) имел приказание следить за огнем своей дивизии [2]).

Согласно оперативного приказа *Suffren*'у поручалась бомбардировка главного форта на азиатском берегу. Это укрепление—Кум-Кале (известное нам под названием Форт № 6) представляло собой сооружение, расположенное у самой береговой черты против старинного замка и состояло из двух кругообразных бастионов с низкой куртиной между ними, вооруженное девятью орудиями 6″ и 11″ калибра. В расстоянии одной мили далее по побережию у мыса Иени Шер находилась вспомогательная батарея, современного типа—Оркание (форт № 4), расположенная на 125 фут выше уровня моря и вооруженная двумя 9,4″ орудиями. *Suffren* должен был открыть огонь с позиции против деревни Эрен-Киой, недоступной огню обоих фортов, стрелять по Кум-Кале, через мыс Иени Шер с расстояния от 45—50 каб. Для корректировки огня назначался *Bouvet*, который для этой

---

[1]) Дальность действительного огня турецких орудий равнялась: орудия в 22 кал.—50 кабельт.; орудия в 35 кал.—60 кабельт.

[2]) К этому времени эскадра была разделена на три дивизии:

1-ая дивизия	2-ая дивизия	3-ья дивизия
Inflexible	*Vengeance*	*Suffren*
Agamemnon	*Albion*	*Bouvet*
Queen Elisabeth	*Cornwallis*	*Charlemagne*
	Irresistible	*Gaulois*
	Triumph	

цели становился на якорь в пяти милях на вест от мыса Хеллес.

Для охраны флагманского корабля от огня полевых батарей, установленных в бухте Башика, *Gaulois* должен был держаться у входа в бухту.

Главное укрепление на европейском берегу — Седд-ул-Бахр поручалось *Inflexible*'ю. Так же, как и Кум-Кале, оно представляло низкое земляное сооружение, сравнительно современной постройки, с шестью тяжелыми орудиями калибром от 9,4″ до 11″. Вспомогательной батареей служил форт Хеллес (№ 1), идентичный Оркание.

Высота форта над уровнем моря равнялась 100 футам. Обстрел Хеллеса должен был производить *Triumph* через мыс Текке-Бурну, с позиции в расстоянии 40 каб. на норд-вест от форта.

Корректировка огня *Triumph*'а возлагалась на *Inflexible*'я, который должен был ее вести со своей позиции к весту от Седд-ул-Бахра.

Для бомбардировки Оркание был назначен *Cornwallis*. Находясь на позиции на зюйд-вест от мыса Иени-Шер, он мог стрелять оттуда прицельным огнем, не попадая под огонь Кум-Кале.

Для тральных работ у европейского берега назначались: *Albion* и *Amethyst* и семь британских тральщиков. Их задача сводилась к очистке от мин водного пространства на одну милю к норду и на три к зюйду от Габа-Тепе для маневрирования *Queen Elisabeth*, который в третью фазу операции должен был обстреливать форты узкостей через Галлипольский полуостров. Одновременно *Albion*'у вменялось в обязанность уничтожить всякие обнаруженные по близости укрепления.

Общую идею операции и ее цель адмирал Карден объявил сигналом по эскадре 18 февраля. Он только что прибыл с Мальты и имел случай убедиться, что сведения воздушной разведки вполне подтверждают прежние сведения о вооружении фортов, послужившие основанием его плану. Никаких причин для откладывания атаки не было.

Queen Elisabeth и *Agamemnon* еще не присоединились, но в первой фазе не требовалось участия этих кораблей, а прибытие их ожидалось в течение дня.

В 9 ч. 51 м. утра раздался первый выстрел и возвестил начало беспримерных операций, которым суждено было принять такие грандиозные размеры и показать столько трагических усилий и героизма, операций закончившихся хотя и неудачей, но доблестно.

Огонь открыл *Cornwallis*, сделав залп по Оркание (№ 4); через 10 минут, с 38 каб., начал стрельбу по Хеллес (№ 1) *Triumph* из 10″ орудий, а в 10 ч. 32 м. к ним присоединился

Suffren, стоявший на якоре между Иени-Киой и островами Rabbit. Форты не отвечали и Карден, с целью улучшить стрельбу, приказал судам стать на якорь. *Cornwallis* вследствие повреждения шпилевой машины не мог отдать якоря на большой глубине и в 11 ч. был заменен *Vengeance*, вскоре после чего получил приказание быть в готовности в случае надобности корректировать стрельбу *Triumph*'а и *Inflexible*'я.

Inflexible стал на якорь в 11 ч. 50 м. в расстоянии около 7 миль на вест от плавучего маяка у мыса Helles. Сделав два залпа по форту, расположенному на мысе, и получив недолеты, он снялся с якоря и уменьшил расстояние на $12^1/_2$ каб.

В 12 ч. 20 м. *Inflexible* снова открыл огонь. Хотя он стрелял очень медленно, наблюдение за падением снарядов было крайне затруднено вследствие дальности дистанции. *Triumph* с 10 ч. до 12 ч. 15 м. сделал только четырнадцать залпов, но ни разу не попал, и получил приказание перенести огонь на группу людей, проявивших признаки деятельности у нового полевого укрепления, расположенного на две мили к норду от Текке-Бурну.

Inflexible продолжал стрелять по форту Хеллес по всей видимости настолько успешно, что в 1 час дня перенес огонь на Седд-ул-Бахр. *Gaulois* донес, что уже с 6 го выстрела наш флагманский крейсер достиг попадания. *Suffren* стал на якорь в 59 каб. от Кум-Кале и все время стрелял через мыс Иени-Шер, действуя, главным образом, средней артиллерией. *Bouvet* корректировал огонь и находил его весьма удачным. *Vengeance*, занявший место *Cornwallis*'а, бомбардировал Оркание прицельным огнем и, повидимому, не менее удачно, чем остальные. Однако, в полдень, гидросамолет сообщил, что все орудия на Седд-ул-Бахр, Оркание и Кум Кале стоят нетронутыми. Тем не менее стрельба с момента постановки на якорь была настолько удачной, что Карден считал произведенную с дальних дистанций бомбардировку достаточно действительной, чтобы кораблям приблизиться, и в 2 ч. сделал сигнал приступить ко второй фазе операции.

Во второй фазе стрельба должна была производиться на ходу. В приказе предстоящие действия кратко обрисовывались следующими словами: „Бомбардировка с коротких дистанций, подавление огня фортов и траление проходов к проливу“. *Suffren*'у от деревни Иени-Киой надлежало итти курсом NW до тех пор, пока не откроется форт Кум-Кале. С 35 каб. начать обстрел форта прицельным огнем средней артиллерии и затем делать повторные короткие галсы, уменьшая расстояние до цели, но не переходить линии, проходящей на SW 84° от Оркание, дабы не попасть под обстрел

этого форта, пока не будет приведен к молчанию Кум-Кале. После этого *Suffren* должен был с 20 каб. начать обстрел прицельным огнем Оркание. *Vengeance*'у предписывалось оказывать поддержку *Suffren*'у, а *Bouvet*—*Inflexibl*'ю, который в свою очередь должен был действовать по фортам европейского берега по тому же плану, что и *Suffren*. *Bouvet*, однако, имел приказание не начинать обстрела до тех пор, пока не будет приведена к молчанию полевая батарея (известная под название № 1 B), расположенная выше Tekke-Burnu, если только она проявит какие либо признаки активности. Уничтожение этой батареи возлагалось на *Triumph*'а. После разрушения Оркание и Кум-Кале, *Triumph* должен был открыть огонь с 25 каб. и сделать несколько коротких галсов, но не заходить к зюйду далее линии, проведенной на вест от мыса Helles.

Около 3 ч. дня *Inflexible* стал на якорь в 55 каб. от Седд-ул-Бахра и сделал пять залпов, чтобы выяснить, жив ли еще форт. Ответа не последовало и бомбардирующая эскадра продолжала приближаться. К 3 ч. 50 м. *Suffren* сделал три указанные ему галса, без помехи стреляя по Кум-Кале. Ответа также не последовало и адмирал Гепратт просил разрешение сблизиться на решительную дистанцию. Получив согласие, в 4 ч. 10 м. он открыл беглый огонь. Через 20 мин. южный фас форта оказался в развалинах, три орудия этого фаса исчезли, все кругом почернело от меленита. К этому времени адмирал Де-Робек на *Vengeance* тоже залп за залпом клал снаряды в развалины форта. В момент, когда *Suffren* открыл беглый огонь, *Vengeance* и *Cornwallis*, получили приказание приблизиться. Стреляя крупной артиллерией по Кум-Кале и Седд-ул-Бахру, они теперь открыли огонь средней артиллерией по Оркание и Хеллес. Форты были окутаны дымом и тучами пыли, не проявляя жизни и казались совершенно разрушенными. В 4 ч. 40 м. адмирал Карден сделал сигнал *Suffren*'у подойти ближе к фортам, а *Vengeance*'у: „Прекратить огонь, осмотреть форты“.

К несчастью, *Suffren* не верно разобрал сигналы, поняв: „Прекратить огонь, приблизиться к *Inflexible*'ю“. Как раз в это время *Suffren* находился на очень удобной позиции, чтобы разрушить форт Оркание, орудия которого, как было видно с *Suffren*'а, стояли нетронутыми. Французский адмирал готовился атаковать этот форт, но счел себя обязанным исполнить сигнал и начал ворочать. Одновременно адмирал Де-Робек, выполняя приказание осмотреть форты, шел хорошим ходом прямо в середину прохода. Совершенно неожиданно Оркание и Хеллес открыли по *Vengeance* жаркий огонь, как бы не тронутые бомбардировкой. Сюрприз был полный, явившийся как бы зловещим предзнаменованием предстоящих трудностей. Адмирал Де-Робек не стал

отходить и увеличивать дистанцию, а немедленно повернул на Хеллес и открыл по нему беглый огонь, чем вызвал восхищение французов. „Отважные действия *Vengeance*'а", писал в своем рапорте адмирал Гепратт, „который, не взирая на то, что огонь батарей ни в какой мере не был ослаблен, бросился в атаку, являются украшением дня".

Готовность французов оказать поддержку была не меньше высказываемого ими восхищения.

Bouvet открыл огонь залпами, стреляя через *Vengeance* и *Cornwallis*'а, *Suffren*, идя на сближение с адмиралом, возобновил огонь по Хеллесу, а *Gaulois* подойдя на 45 каб., стал посылать залпы в Оркание. Кум-Кале по счастию молчал, а Седд-ул-Бахр сделал лишь несколько шальных выстрелов. Огонь Оркание был очень точен и *Vengeance* вскоре был накрыт его снарядами. Попаданий в корпус не было, но четыре снаряда легли настолько близко, что осколками повредило рангоут. *Cornwallis* также подвергся обстрелу, но менее серьезному. Одинокими наши два корабля оставались недолго. Как только адмирал увидел, что форты могут действовать, он снялся с якоря и в 5 ч. 15 м. *Inflexible* начал бомбардировку Оркание. Стрельба флагманского крейсера была настолько меткой, что огонь турок очень скоро принял беспорядочный характер. Но на этом дело не кончилось—с моря подошли *Queen Elisabeth* и *Agamemnon*.

Queen Elisabeth было приказано поддержать *Cornwallis*'а. Однако, ее участие в бою продолжалось не более 20 минут, т. к. в 5 ч. 20 м. адмирал поднял сигнал „отбой", считая, что уже поздно продолжать операцию. Де-Робек не отошел со своей выдвинутой позиции и просил разрешение продолжать бомбардировку, считая возможным довести операцию до конца. Хотя ни одно из судов не имело еще попаданий, Карден не дал просимого разрешения. Суда ясно выделялись на западном фоне неба, берег начинал погружаться в темноту. В инструкциях, отданных Карденом перед операцией, подчеркивалась моральная необходимость избегать повреждений судов при первоначальной стадии операции. Кроме того, перед адмиралом стоял вопрос недостатка снарядов, вопрос—которому было суждено играть печальную роль до последней минуты всей операции. Выпускать снаряды в сумерки по облакам дыма и пыли, закрывавших форты, представлялось делом, не стоющим траты драгоценных боезапасов. К тому же приходилось беречь старые пушки, достаточно расстреленные за их службу; кроме того, не стоило ради сомнительных результатов подвергаться риску от торпедной атаки, вполне возможной, если корабли не уйдут до темноты. Поэтому в 5 ч. 30 м. последовал сигнал „Прекратить огонь". Хеллес, казалось, при-

веден к молчанию, но Оркание в момент отхода судов продолжал стрельбу.

В 7 ч. вечера к эскадре присоединился *Albion* с *Amethyst*'ом и тральщиками и донес, что с западной стороны полуострова не обнаружено ни мин, ни батарей.

Траление было произведено на пространстве между точкой, находящейся в пяти милях на *NW* от мыса Хеллес, и до точки, отстоящей на 25 каб. от Габа-тепе. За время похода израсходовали восем 6″ снарядов, чтобы подавить огонь неприятеля. При обстановке протраленного канала буйками на берегу были замечены значительные скопления неприятельских войск, не оказавших работам никакой помехи.

Разведка побережья, произведенная *Triumph*'ом за мысом Хеллес, не обнаружила ничего, кроме нескольких окопов и полевых укреплений близ Текке-Бурну, которые *Triumph* обстрелял с видимым успехом. В общем опыт первого дня казался обещающим. Создалось впечатление, что лишний час хорошего освещения дал бы возможность покончить с входными фортами, но в одном, весьма важном отношении результаты были неблагоприятны. Успех зависел, главным образом, от преимущества флота, связанного с его дальнобойными орудиями, а неожиданная активность фортов Хеллес и Оркание, проявленные ими к концу дня, по мнению адмирала, показала, что результат бомбардировки современных земляных укреплений невелик. Казалось, что форты получили по несколько 12″ попаданий, тем не менее в критический момент все находившиеся на них тяжелые орудия оказались в действии. Становилось ясным, что только непосредственным попаданием можно подбить орудие и что необходимая для этого попадания точность не могла иметь места при стрельбе по невидимой цели, в особенности, когда приходилось беречь снаряды. Такая точность даже и при стрельбе по видимой цели могла бы в лучшем случае получиться лишь при условии стоянки судов на якоре.[1])

Не смотря на то, что первая фаза операции не успела закончиться к намеченному сроку, произведенная атака имела своим результатом то, что те лица в Англии, которые считали, что намеченная операция по силам флоту, только укрепились в своем мнении.

По всей видимости дело должно было затянуться несколько дольше, чем ожидалось, что открывало возможность послать войска к сроку для закрепления первоначальных шагов. Накануне Адмиралтейство распорядилось об отправке

[1]) Потери турок, по полученным сведениям, сводились к одному офицеру и нескольким солдатам, убитым на европейском берегу, и одному офицеру и двум солдатам—на Оркание.

еще двух батальонов морской пехоты вслед за посланными ранее. В его распоряжении имелись еще десять батальонов королевской морской дивизии (матросов), проходивших полевое обучение в лагере в Бланд-Форде. Этим батальонам готовился приказ об отправлении их на Лемнос 27 февраля. Военное министерство, однако, не приступило к выполнению пожеланий, высказанных на последнем заседании Военного Совета, и намеченные мероприятия подверглись изменениям.

19 февраля, когда гремела бомбардировка, началась серия заседаний Военного Совета, на которых была сделана попытка уладить острый вопрос о выполнении сухопутных операций в Дарданеллах. Проблема, и без того достаточно сложная, еще усложнилась новым затруднением. Дурные известия с восточного фронта продолжались и лорд Китченер не считал себя вправе отдать XXIX дивизию. Россия только что потеряла Черновицы, эвакуировала всю Буковину и отступала в Восточной Пруссии. Число взятых пленных доходило до 100,000

Крупный недостаток винтовок особенно обострился после отступления.

Во что выльется отход русских армий—нельзя было еще сказать, но появилось опасение, что они окажутся обессиленными на значительный срок. Военно-сухопутные авторитеты полагали, что Германия в непродолжительном времени окажется в состоянии перебросить войска на запад, и будет стараться сделать это до начала апреля, т. е. до готовности первой из наших новых армий. Поэтому считалось необходимым держать в резерве надежную дивизию. Еще раньше на запрос Франции—потребуется ли от нее посылка дивизии на Лемнос, ввиду невозможности отправки войск в Салоники, было отвечено, что наша дивизия послана не будет. Это означало не отказ от сухопутного содействия вообще, а отказ послать первоочередные войска, или как говорилось, войска „старой армии". Турки окончательно оставили Египет и весь австралийско-ново-зеландский экспедиционный корпус освобождался. Сила его равнялась 30.000 человек без кавалерии. Эти войска скорее других могли попасть на место. Что же касается Египта, то с прибавкой 9.000 кавалерии экспедиционного корпуса численность его гарнизонов оставалась не менее 44.000 человек.

Создавшееся положение влекло за собою крупные затруднения и в особенности влияло на планы Адмиралтейства, которое не могло не возражать против намеченных мероприятий. Опыт прошлого учил, что для предстоящей операции необходимы перволинейные войска, и это обстоя-

тельство неоднократно подчеркивалось на предыдущих заседаниях при обсуждении Дарданелльского проекта.

Батальоны морской дивизии, со времени Антверпенского похода, сделали большие успехи в боевом обучении, но все же не могли еще рассматриваться как войска первой линии, равно как и полки австралийско-ново-зеландского корпуса. Помимо этого Адмиралтейство указывало, что положение на французском фронте достигло той „мертвой точки", при котором и предусматривался выбор нового операционного направления и что опасное положение русских армий является лишним доводом в пользу скорейшего нанесения сильного удара в Дарданеллах.

Такой взгляд в общем соответствовал взгляду невоенных членов Кабинета. „Штатские" министры не были непосредственно поглощены затруднениями французского фронта и, быть может, по этой причине могли смотреть на вопрос более широко. Они считали, что стремление немцев направляются на Ближний Восток и что, в случае возможности снять войска с русского фронта, немцы направят их против Сербии, с целью пробиться на Балканы. Поэтому, так как Салоникский проект отпал, мы должны парировать эти стремления только в Дарданеллах. Кабинет полагал, что необходимые войска могут быть собраны. XXIX дивизия вместе с морской дивизией, австралийцами, ново-зеландцами и морской пехотой плюс 15 тысяч французов, а возможно еще и 10 тысяч русских составляли отряд почти в 100 тысяч человек. Кроме вышеуказанных соображений Адмиралтейство приводило еще один довод против предложений представителей армии. Говоря о выигрыше времени, при посылке войск из Египта, военно-сухопутные авторитеты упускали из виду вопрос транспорта. Необходимые для перевозки пароходы надо было посылать из Англии и ранее трех недель они не могли бы поспеть в Александрию. Тем не менее лорд Китченер не считал себя в праве уступить. Ответственность за безопасность нашего западного фронта была слишком велика. По мнению сухопутного командования, немцы при последнем неудачном наступлении на западе далеко не израсходовали своих сил и в случае повторения серьезной попытки прорыва фронта нам не легко будет остановить их наступление. Единственно на что Китченер соглашался в данный момент—это на обещание дать в будущем XXIX дивизию, в случае крайней нужды.

Мероприятия ограничились приготовлением транспортов и отправкой их в Александрию.

20 февраля главнокомандующий в Египте—генерал Максвель—получил приказание Китченера приготовлять к отправке в Дарданеллы две дивизии австралийцев и ново-

зеландцев под командованием генерала Бердвуда—командующего австралийским экспедиционным корпусом.

Адмиралтейство продолжало работы по снаряжению транспортов для морской и этих дивизий. Еще ранее, а именно 16-го февраля, во исполнение постановления Военного Совета, вынесенного в этот день, оно распорядилось приготовить транспорты для XXIX дивизии и транспортный отдел Адмиралтейства разработал план, по которому дивизия могла быть посажена на суда 22-го февраля в Авонмуте. До заседания 19 февраля работа в этом направлении не могла перейти подготовительной стадии. На следующий день Транспортный отдел получил приказание продолжать работы, но 21 февраля Китченер прислал своего адъютанта сказать, что дивизия не будет отправлена, что подготовку транспортов следует остановить. Вскоре такое же распоряжение получил начальник транспортного отдела от адмирала Фишера. О сделанных распоряжениях Первый лорд Адмиралтейства Черчилль узнал лишь неделю спустя. Он немедленно протестовал не только ввиду неправильности факта распоряжений, отданных помимо его, но и по существу, как противоречащих обещанию держать дивизию в готовности к отправке, и приказал Транспортному отделу продолжать выполнение первоначального плана.

Тяжесть помехи усугублялась медленностью событий в Дарданеллах. Адмирал Карден намеревался продолжить бомбардировку рано утром 20 февраля и, окончив разрушение фортов, приступить к выполнению второй фазы операции. Но снова условия погоды оказались не на нашей стороне. Ночью опять задуло и к рассвету разыгрался такой шторм, что не приходилось и думать о каких либо операциях. На следующий день погода не улучшилась. 22-го февраля несколько стихло и Карден телеграфировал, что надеется возобновить бомбардировку на следующее утро. Однако, 23-го начался новый шторм и флот день за днем продолжал отстаиваться на якорях, пока турки приходили в себя от пережитого удара.

Это томительное ожидание, надо думать, послужило лишь к укреплению адмирала Кардена в необходимости иметь наготове, как можно скорее, помощь сухопутных войск. На этот случай от Китченера последовали распоряжения, основанные на его личных соображених.

Уведомляя 20 февраля генерала Максвеля о необходимости подготовить австралийские и ново-зеландские войска к отправке в Дарданеллы, он сообщал, что транспорты прибудут в Александрию около 9-го марта, и предписывал Максвелю немедленно войти в связь с адмиралом Карденом на случай, если войска понадобятся раньше. Кроме того, он требовал, не ожидая прихода транспортов из Англии,

собрать нужные пароходы на месте и тотчас же отправить часть войск на Лемнос.

В отношении транспортов Адмиралтейство уже предприняло некоторые шаги. Шести пароходам, находившимся в водах Египта, были посланы распоряжения собраться к 27 февраля в Александрии и подготовить необходимое оборудование для посадки войск, при чем разрешено, в виду короткого перехода, принять войск на 50% выше нормальной вместимости. Одновременно были предприняты меры для сбора плавучих средств, нужных для высадки 10.000 человек.

Генерал Максвель, не теряя времени, вошел в телеграфные переговоры с адмиралом Карденом, в результате которых адмирал выразил желание, чтобы конец Галлипольского полуострова был занят войсками к моменту окончания разрушения внешних фортов. Он полагал, что 10.000 человек могут быть высажены немедленно и занять пространство от линии Соганли-Дере и далее через равнину Чанак к побережью, шириною, от воды до воды, немного более пяти миль. План Кардена гарантировал невозможность нового захвата противником фортов на Галлипольской стороне, позволяя завладеть береговыми торпедными аппаратами и отдавал в наши руки господствующую возвышенность Ачи-Баба. Предположения Кардена шли гораздо дальше того, что намечалось сухопутным генеральным штабом. Штаб считал, что занятие оконечности полуострова не является операцией, необходимой для разрешения первой задачи—разрушения фортов. Тем не менее Максвель предложил, не откладывая, отправить одну австралийскую пехотную бригаду на присоединение к морским пехотинцам на Лемнос и днем 23 февраля, т. е. за несколько часов до того, как выяснились предположения Кардена, отправка была окончательно решена.

Вместе с тем Максвель приказал генералу Бердвуду отправиться в Дарданеллы и путем личных переговоров с Карденом детально выяснить вопрос участия сухопутных войск в овладении фортами.

Было совершенно очевидным, что в том положении, в котором остался вопрос о сухопутном содействии Дарданелльской операции после заседания 19 февраля, он оставаться не может и 24 февраля, когда стали известны переговоры Кардена с Максвелем, состоялось новое заседание Военного Совета. На этом заседании были сделаны серьезные попытки примирить противоречивые взгляды Адмиралтейства и военного министерства. Спор неизбежно касался XXIX дивизии. Может казаться странным, что в то время, как столько дивизий находилось на западном фронте, так много спорили и говорили о посылке одной. Но дело в том,

что встретились два враждебных друг другу направления стратегического мышления. Могла бы эта дивизия способствовать успеху в Дарданеллах, или нет—неизвестно, но, конечно, не от ее присутствия на западном фронте зависила победа или поражение во Франции. Посылка этой дивизии в Средиземное море означала отказ считать Дарданелльскую операцию диверсией и принципиальное признание Дарданелл вспомогательным наступательным театром. Фактически дело к этому и клонилось, хотя и незаметно. Условие Китченера и французов, что операция может быть в любой момент прекращена,—исчезло. Это случилось, главным образом, благодаря тому, что отпала возможность действий на Салоникском направлении и Дарданеллы оставались единственным местом, где можно было оказать давление на Балканские государства для окончательной изоляции центральных держав. Решение послать войска означало признание наших намерений прорваться даже и в том случае, если флоту не удастся самостоятельно выполнить задачу. Посылка XXIX дивизии означала признание важности успеха в Дарданеллах, стоящего известного риска на западном фронте, и оставление на неопределенное время надежды на наступление во Франции. XXIX дивизия служила яблоком раздора между двумя школами. Одна настаивала на том, что надо атаковать неприятеля в его слабом месте, где можно ожидать больших материальных и моральных успехов с меньшею затратой сил и средств, другая же—требовала посылки всех войск, до последнего солдата, на главный театр, где были сосредоточены главные силы врага. Для последней Франция являлась „решительным“ театром, с чем сторонники первой школы согласиться не могли.

Эти взгляды, повидимому, не были вполне ясно формулированы на заседаниях, но они служили основой всех споров [1]). Требования Адмиралтейства сводились к тому, чтобы получить войска в силах, достаточных не только для закрепления берегов пролива после разрушения фортов, но и для занятия главного объекта атаки—Константинополя. Считалось, что 100.000 человек, при поддержке флота, хватит для этой цели и они имелись уже в виду.

22 февраля французское правительство выпустило приказ о сформировании к 1 марта экспедиционного отряда. наименованного *Corps Expeditionnaire d'Orient* в составе одной пехотной дивизии. Этот отряд совместно с XXIX и территориальной дивизиями и обещанными ранее войсками, не считая тех, которых была готова дать Россия, составляли необходимые сто тысяч.

---

[1]). Отчет Дарданелльской Комиссии. Стр. 32.

Столь крупные силы представлялись желательными для соединенной атаки, но Адмиралтейство определенно отказывалось от подобного намерения. Войска не должны были использоваться для овладения фортами ранее почти полного их разрушения флотом. Войска были необходимы на случай, если при последней стадии операции путь флоту окажется прегражденным минным заграждением, защищаемым с берега большими силами. Однако, Китченер оставался при своем мнении и не уступал. Если флот рассчитывал достигнуть того, на что надеялся, он не видел причины посылать такое количество войск. Одновременно Китченер сделал откровенное заявление, в корне меняющее первоначальный характер всего предприятия. Он заявил, что неуспех дела недопустим, ибо опыт знатока Востока подсказывает ему, что наше поражение в Леванте грозит самыми серьезными последствиями. Мы же зашли слишком далеко, чтобы повернуть назад. Поэтому, если флот не может справиться со стоящей перед ним задачей собственными силами, армия должна придти на помощь.

Уступка была очень велика, в особенности принимая во внимание все возрастающие трудности при согласовании наших взглядов на план кампании с взглядами французской главной квартиры. К несчастью, эта уступка свелась лишь к компромиссу между двумя течениями стратегической мысли.

Вопросы стратегии и политики, связанные с операцией, были настолько сложны и деликатны, что в этот день никакого окончательного решения вынесено не было. Единственно в чем согласились—это в подтверждении инструкции генералу Бердвуду обсудить обстановку с адмиралом Карденом.

Как только было получено предложение Кардена захватить конец Галлипольского полуострова, его передали в военное министерство, откуда быстро последовал ответ, что оно „не необходимо для разрушения фортов". Таким образом, приведение фортов к молчанию сводилось исключительно к действию судовой артиллерии, в значительной степени зависящему от точности корректировки огня. Без наблюдательного пункта, каким являлась возвышенность Ачи-Баба, трудно было достигнуть этой точности, но Адмиралтейство тем не менее, согласилось с полученным указанием и, повидимому, не протестовало. Карден был немедленно поставлен в известность о решении военного начальства и ему вполне определенно дали понять, что предстоящая операция сводится к форсированию Дарданелл без сухопутного содействия.

В данный момент десантные операции должны ограничиться высадкой подрывных партий морской пехоты, но что

для использования могущих быть впоследствии успехов найдутся более, чем достаточные, сухопутные силы. Для этой цели морская, австралийская, ново-зеландская и одна французская дивизии, общею численностью в 56 тысяч человек, будут передвинуты ближе к театру операции. Кроме того, не исключается возможность отправления из Англии XXIX дивизии. Одновременно Карден извещался также, что 10.000 человек находятся наготове оказать ему поддержку и стоят частью в Египте, частью на Лемносе. Их не следует в настоящее время использовать для содействия морским операциям, но, если адмирал с этим не согласен, то ему предоставляется свободно высказать свое мнение после обсуждения положения дел с генералом Бердвудом, который выходит на *Swiftsur*'е. В тот же вечер (24 февраля) военное министерство отправило соответствующие инструкции Бердвуду, в которых указывало, что сухопутные операции до форсирования пролива флотом не считаются возможными, так как, пока пролив находится в руках неприятеля, он имеет полную возможность сосредоточивать подкрепления на Галлипольском полуострове. Главная цель его командировки заключалась в том, чтобы выяснить и подробно донести, насколько достигнутые к моменту его приезда результаты говорят за необходимость посылки значительных десантных сил, при чем он не должен был связывать себя обещанием операций крупного масштаба.

Обстановка оставалась в течение двух ближайших дней без перемен. 26 февраля Военный Совет возобновил обсуждение злосчастного вопроса о XXIX дивизии. Тем временем положение на русском фронте продолжало ухудшаться все более и более и Китченер не скрывал своих опасений. Немцы перешли Неман, железная дорога Петроград—Варшава находилась под угрозой, недостаток в винтовках и снарядах ощущался очень остро. Адмиралтейство продолжало настаивать на отправке XXIX дивизии, но Китченер не соглашался.

Ввиду вероятной переброски немцами войск с восточного фронта, он более чем когда либо считал себя не вправе рисковать возможностью прорыва западного фронта. Помимо этого не имелось достаточного количества боевого снабжения для столь большого экспедиционного отряда. В результате последовало решение оставить XXIX и территориальную дивизии в Англии в качестве резерва и отправить их в случае улучшения положения на русском фронте.

Операции флота в Дарданеллах затягивались и дивизии могли еще поспеть во время.

В таковом положении остался вопрос в целом, при вполне определившемся взгляде на недопустимость идти назад

в том, что сделано. Принятое решение в лучшем случае было компромиссом между двумя стратегическими идеями. Но, учитывая недостаток в людях и в снарядах и помня, насколько все наши стремления и усилия были связаны с западным фронтом, это решение надо признать крупным шагом на пути к выбору второстепенного театра операций.

ГЛАВА X.

Дарданеллы. Возобновление бомбардировки и первая высадка. С 25 февраля по 4 марта.

Карта 3.

К 24 февраля погода улучшилась и Карден решил приступить к продолжению операции. Накануне прибыли под начальством генерала Тротмана Чатамский и Портсмутский батальоны морской пехоты, которые было решено использовать для прикрытия судовых подрывных партий. Партии имели задание первым делом уничтожать орудия, а затем, если позволит время, и погреба. 25 февраля погода настолько улучшилась, что суда могли стрелять, но для высадки было слишком свежо, почему морская пехота осталась на транспортах в Мудросе. Пользоваться гидросамолетами также не представлялось возможным, и это послужило серьезной помехой успеху работы.

В этот день предполагалось закончить первую фазу операции—разрушить форты с близких дистанций и протралить проходы в пролив. План сводился к тому, чтобы четыре корабля попарно, делая галсы к устью пролива и обратно, обстреливали Оркание и Хеллес средней артиллерией с расстояния 15 каб. Опыт первого дня бомбардировки выяснил бесцельность обстрела всей площади фортов и атакующие корабли получили приказание „разрушить каждое отдельное орудие прямым выстрелом". Первый галс был поручен адмиралу Де-Робеку с *Vengeance*'ом и *Cornwallis*, второй адмиралу Гепратту с *Suffren*'ом и *Charlemagne*. *Agamemnon*, *Queen Elisabeth*, *Irresistible* и *Gaulois* должны были их поддерживать, стоя на якоре и стреляя с дальних дистанций по фортам 1, 2, 3, 4 и 6, т. е. по всем укреплениям обоих берегов пролива от Хеллеса до Оркание. Огонь поддерживающих судов имел, главным образом, целью не дать возможность орудийной прислуге выйти из прикрытий, при чем *Agametonn* и *Irresistible* имели специальное назначение подавлять неприятельский огонь при обстреле фортов с коротких дистанций.

Во исполнение полученных приказаний *Queen Elisabeth* стал на якорь на зюйд-вест в 58 каб. от плавучего маяка

Хеллес и открыл огонь по Седд-ул-Бахру; его огонь корректировал *Dublin*, стоявший на якоре в одной миле на зюйд-вест от мыса Деметриос. *Inflexible* (флаг адм. Кардена) стал севернее *Queen Elisabeth*, на норд-вест от Хеллеса в расстоянии 57$^1/_2$ каб., *Agamemnon* между *Queen Elisabeth* и берегом, в 25 каб. на вест-зюйд-вест от мыса Иени-Шер. В 10 ч. 17 м. утра, через полчаса после того как *Agamemnon* стал на якорь, форт Хеллес открыл по нем огонь, на который *Agamemnon* отвечал с 50 каб. Не представляло никаких сомнений, что Хеллес далеко не был разрушен первой бомбардировкой. Обе его 9,4″ пушки стреляли и управление огнем велось настолько умело, что через четверть часа получилось накрытие. Немедленно *Agamemnon*'у было приказано сниматься, но уже десять минут спустя в него попало 7 бронебойных снарядов. Большинство снарядов не разрывалось, однако, прежде чем он дал ход, у него оказалось трое убитых, пять тяжело раненых и пробоина на шесть фут выше ватер-линии. Одновременно с приказанием *Agamemnon*'у сняться с якоря, Карден приказал *Queen Elisabeth* открыть огонь по Хеллесу, который в момент перерыва перенес огонь на *Dublin*. Последний до того находился под обстрелом полевого орудия с берега, но продолжал вести корректировку и отвечал противнику, пока адмирал не заметил попадания полевого орудия и не приказал крейсеру отойти и увеличить расстояние. Корректировку стрельбы *Queen Elisabeth* взял на себя *Inflexible*. Т. к. *Queen Elisabeth* пристрелялся не сразу. Он очень недавно вступил в строй, артиллерийская служба его еще не была налажена и хотя он стрелял без задержки, ему только около полдня после семнадцатого выстрела удалось получить прямое попадение и разрушить одно из двух 9,4" орудий. К этому моменту *Agamemnon* возобновил бой и помог окончательно вывести из строя всю артиллерию форта. Из разбитых бараков, расположенных в тылу форта, гарнизон бежал вниз по горе.

Тем временем *Gaulois* бомбардировал Кум-Кале (№ 6), став на якорь под азиатским берегом между *Agamemnon*'ом и мысом Деметриос почти в двух милях на норд от первоначальной позиции *Dublin*'а и имея для корректировки *Bouver* в 40 каб. на норд-вест от Хеллеса; *Irresistible* стрелял по Оркание, его стрельбу корректировал *Agamemnon*. Открыв огонь в 10 ч. 27 м., он к 10 ч. 55 м. пристрелялся и держал батарею в молчании. У *Gaulois* дело шло не столь гладко. В 10 ч. 45 м. после отхода *Agamemnon*'а и *Dublin*'а из-под выстрелов Хеллеса, форт перенес огонь на этот корабль и он сразу же очутился в положении не лучшем, чем *Agamemnon*; однако, быстро открыв огонь из всех орудий, он так забросал форт снарядами, что успел сняться с якоря и отойти без повреждений.

Вскоре после 11 часов, увеличив расстояние до 55 каб., *Gaulois*, оставив Кум-Кале, снова открыл огонь по Хеллесу, продолжая его обстреливать до 11 ч. 30 м.

Когда *Queen Elisabeth* начал класть свои 15" снаряды в Хеллес, *Gaulois* возобновил обстрел Кум-Кале, и с явным успехом.

Около полудня ни один из фортов не стрелял больше, и в 12 ч. 15 м. Карден приказал сигналом *Vengeance* и *Cornwallis*'у приготовиться сделать первый галс. С позиции близ *Queen Elisabeth*, головным пошел *Vengeance* под флагом Де-Робека, имея за собой *Cornwallis*'а в расстоянии 5 каб. Курс был проложен в середину пролива; около часа дня корабли открыли огонь по Оркание и Хеллес и ряду других пунктов, расположенных по близости от Кум-Кале и Седд-ул-Бахра. Через десять минут, придя на 20 каб. от Кум-Кале, *Vengeance* описал циркуляцию влево и повернул на 16 R. *Cornwallis* через три минуты сделал то же самое, но, следуя инструкции, положил руля не так круто, прикрывая поворот своего флагмана. В этот период времени по *Cornwallis* стреляла одна пушка с Кум-Кале, одна с Хеллеса и Оркание и несколько полевых орудий. В 1 ч. 22 м. галсы закончились, при чем с обоих судов были замечены попадания в Хеллес и Оркание. Прикрывающие суда прекратили огонь и адмирал Де-Робек донес, что на Хеллесе одно орудие торчит в небо, другое исчезло и что артиллерийской прислуги не видно. На Седд-ул-Бахре видны три орудия с западного фаса форта, на Оркание же оба орудия стоят горизонтально, но людей на батарее нет.

Сообщив эти сведения адмиралу Гепратту, Карден поднял ему сигнал начать второй галс, приказав сосредоточить огонь на Седд-ул-Бахре, Кум-Кале и Оркание, обратив особое внимание на последнее укрепление.

Французские суда сделали свой галс несколько севернее английских и согласно плана—ближе. Движение началось в 2 ч. 10 м. со скоростью 12-ти узлов и в 2 ч. 23 м. *Suffren*, придя на 45 каб. от Оркание, начал обстрел батареи, держа ее под огнем четверть часа. Турки не отвечали, но *Agamemnon* донес, что большинство снарядов легли далеко вправо. В 2 ч. 40 м. адмирал Гепратт перенес огонь на Кум-Кале, оставаясь на прежнем курсе и с успехом обстреливал форт, пока растояние не дошло до 15 каб., после чего начал ворочать влево и в течение шести минут бомбардировал Седд-ул-Бахр. *Charlemagne* следовал движению головного, но, описав более широкую циркуляцию, смог дольше держать под огнем Кум-Кале. Единственным ответом противника был один выстрел с последнего.

Не оставалось почти никаких сомнений, что форты приведены к молчанию, и вскоре после 3-х часов Карден при-

казал тральщикам с миноносцами войти в пролив, а прикрывающим их линейным кораблям приблизиться к укреплениям. Оставаясь на ходу, *Albion* должен был действовать по южному берегу, а *Triumph*—по северному, чтобы уничтожить все уцелевшие орудия. С 10 каб. корабли открыли сильный обстрел средней артиллерией, на что последовал ответ *Albion*'у из одного орудия с Оркание. *Albion* с *Agamemnon*'ом и *Irresistible* немедленно сосредоточили огонь на Оркание, и батарея прекратила стрельбу. Форты Хеллес и Кум-Кале сделали по одному залпу каждый. На Седд-ул Бахре, по полученным донесениям, все орудия были выведены из строя.

Не считая нескольких беспорядочных и безрезультатных выстрелов полевых батарей, обнаружить которых не удалось, это были последние турецкие выстрелы.

В 4 ч. д. тральщикам было приказано приступить к работе под защитой *Vengeance*, *Albion*'а и *Triumph*'а; остальные суда на ночь пошли к якорному месту на Тенедосе.

Таким образом, за неделю от начала первой фазы операции, дело как будто наладилось и, хотя погода и сильно задержала операцию, сулило обнадеживающие перспективы.

„Великолепный день“, писал адмирал Гепратт, „предвещающий нам успех кампании, о чем я сегодня вечером поставил в известность правительство Республики» [1]).

Во всяком случае было сделано достаточно, чтобы приступить к выполнению второй фазы операции. Она должна была начаться атакой группы батарей Дарданос, спроектированных специально для защиты минных заграждений. Форт Дарданос (№ 8)—главный в группе, расположенный на азиатском берегу, находился на 300 фут выше уровня моря. По нашим сведениям, он имел два 5,9″ орудия и три морских, снятых с *Messudieh*, потопленного подлодкой *B 11*. Около двух миль к югу имелась другая батарея, которую мы называли Уайт Клифф, турки—Джевад-паша (№ 8-е). Она была устроена недавно и не имела еще артиллерии. О ней, равно как о других пяти вспомогательных на форту Дарданос батареях, мы не знали в то время ничего. Все они были сооружены после первой бомбардировки и вооружены тридцатью двумя скорострельными морскими пушками Готчкиса и полевыми орудиями. На европейском берегу напротив Дарданоса находилась также новая батарея—Мессудие (№ 7), вооруженная такими же 5,9″ орудиями, при чем она, в свою очередь, поддерживалась семью вспомогательными батареями, на кото-

---

[1]) По сведениям, полученным от турок после заключения мира, бомбардировка этого дня имела следующие результаты: на Кум-Кале и Седд-ул Бахре все орудия были выведены из строя. На Оркание одно орудие разбито и одно выведено из строя, а на Хеллесе—оба орудия повреждены.

рых были установлены тридцать три полевых и легких морских орудий. Таким образом, число орудий, защищавших внешнее минное поле, достигало шестидесяти пяти. Общий план атаки предусматривал посылку по одному линейному кораблю вдоль каждого берега с тральщиком впереди и позади. „Эти суда“, говорилось в оперативном приказе, „должны разрушить укрепления по обоим берегам, вплоть до мыса Кефец. Поддерживая друг друга, они действуют мортирами против полевой артиллерии противника и не должны подходить под выстрелы фортов в узкости. Гидросамолеты оказывают судам возможную помощь“.

В операцию были назначены *Albion* и *Triumph* и присоединившийся накануне к эскадре старый *Majestic* с установленными на башнях мортирами. Но честь войти первыми в пролив досталась все-таки не им, т. к. группа тральщиков, приступившая к работе после ухода эскадры, ночью прошла на четыре мили вверх по течению. Тральщики донесли, что мин не обнаружено, и в 8 ч. утра три линейных корабля пошли за ними.

Первая часть их задачи сводилась к окончательному разрушению Седдул-Бахра и Кум-Кале с тыла, *Albion* должен был обстрелять наблюдательный пост и торпедную станцию ниже брошенной батареи Де-Тот, а *Majestic* — разрушить мост через реку Мендере на шоссе между Кум-Кале и Чанак. Все это корабли выполнили своими 6″ орудиями, не получив ответа с берега. Между 10-ью и 11-ью часами они пошли далее к границе протраленного пространства, имея впереди тральщики и миноносцы. *Albion* пошел по северному берегу и вскоре после полдня, находясь в 60 каб. от форта Дарданос, открыл по нем огонь из 12″ орудий. Вскоре к стрельбе его присоединился *Majestic*, открывший огонь с предельной дистанции по противоположному берегу. Одновременно он стрелял по полевым батареям, обнаруженным на валу Ин-Тепе. Эти батареи не отвечали, но другие время от времени открывали огонь. Суда продолжали свой путь, бомбардируя Дарданос и стараясь нащупать батареи. Форт молчал, миноносцы обыскивали северный берег, стараясь обнаружить батареи. Операция безнаказанно продолжалась почти до 3-х часов, но затем обстановка переменилась—скрытые батареи заговорили. Оба корабля попали под огонь гаубиц и полевых орудий, места которых они не могли обнаружить. Казалось, что они действовали откуда то с горы, находящейся на зюйд-вест от Эрен-Киой, но летчики не могли их найти. Расстояние сильно уменьшилось и огонь батарей чувствительно давал себя знать. Фактически, это было наше первое припятствие, хотя и не совсем неожиданное, но из которого суждено было развернуться серьезной угрозе успеху всего дела. План обороны был разработан турками

после первой бомбардировки в ноябре. В то время, кроме всем известных долговременных укреплений и нескольких вспомогательных батарей, не существовало никаких оборонительных сооружений, но к концу года противник установил двадцать замаскированных 6″ подвижных гаубичных батарей в районе Эрен-Киой и двенадцать в расщелинах гор на европейском берегу, в районе форта Мессудие. В течении января и февраля были добавлены еще несколько орудий и к моменту описываемых событий артиллерия в этих районах насчитывала свыше пятидесяти тяжелых полевых орудий, не считая легких гаубиц. Назначение этих батарей заключалось в обстреле судов в проливе, а, самое главное, в поддержании заградительного огня с целью не допустить корабли войти в опасную для внутренних фортов зону, не дать кораблям возможности стать на якорь на удобной позиции и принудить их вести бомбардировку на ходу. Поставленная цель вполне удалась противнику. *Albion*'у и *Majestic*'у очень скоро пришлось убедиться, что только постоянно меняя места они могут избежать серьезных повреждений. *Majestic* получил попадания ниже ватер-линии и в 4 ч. адмирал Де-Робек сделал ему сигнал отойти. Адмирал, исследуя с утра азиатский берег, чтобы найти скрытые батареи, обнаружил и уничтожил одну полевую батарею, установленную на холме близ Иени-Шер. Его крейсер *Dublin* обыскивал побережье поблизости от Эрен-Киой, где были замечены отряды турок, бежавших из Кум-Кале при бомбардировке этого форта *Majestic*'ом. Однако, около 12-ти часов, когда Де-Робек продвинулся к входу в пролив, он обнаружил у Кум-Кале еще одну полевую батарею, явно оставленную прислугой, но орудия которой стояли нетронутыми. Погода стояла тихая и представлялся прекрасный случай послать подрывную партию, но высадки в этот день не предполагалось делать и Плимутский батальон, который должен был выступить первым, находился в двенадцати милях на транспортах в Тенедосе. Однако, обстановка была слишком заманчивой и Де-Робек сделал сигнал, испрашивая разрешение послать людей на берег. Согласие было получено с указанием высадить вместе с тем и десант для поддержки подрывных партий. Последнее не представляло затруднений, т. к. вся местность была покинута противником и судовой морской пехоты было достаточно не только для выполнения плана адмирала в отношении азиатского берега, но и для большего. Кругом царило полное спокойствие и Де-Робек решил послать подрывные партии на оба берега и ни в коем случае не ограничиваться уничтожением полевой батареи на азиатском берегу. В 2 ч. последовали соответствующие приказания. Для европейского берега подрывную партию давал *Irresistible*, а для Кум-Кале *Ven-*

geance, причем оба корабля вместе с *Cornwallis*'ом, *Dublin*'ом *Racoon* и *Basilisk*'ом занимали позицию, прикрывающую работы с моря. Десант с *Vengeance*, которому предстояло более широкая задача, высаживался первым. Он состоял из пятидесяти пехотинцев под командой майора Херио и подрывной партии под командой капитан-лейтенанта Робинсона. Десант имел инструкции, помимо действий в Кум-Кале, продвинуться дальше до Оркание и уничтожить как орудия на батарее, так и две аэро-пушки, обнаруженные у гробницы Ахиллеса. Кроме того десант должен был закончить разрушение моста через реку Мендере.

Операция предстояла серьезная и для ее поддержки *Dublin* стал на позицию вплотную к Иени-Шер. *Vengeance* остался на якоре против кладбища, позади Кум-Кале, а *Basilisk* держался в устье Мендере. В 2 ч. 30 м. десант беспрепятственно высадился у пристани, недалеко от разрушенного форта, и немедленно двинулся вперед через деревню. До кладбища он не встретил никакого сопротивления, но здесь попал под ружейный огонь, который вскоре стал столь жарким, что десанту пришлось укрыться в складках местности за кладбищем. Особенно энергичная стрельба велась с ветряных мельниц, расположенных на холме между ним и Иени-Шер. *Dublin* немедленно обстрелял лидитными снарядами все пространство, откуда шла стрельба, и через три минуты обратил их в развалины. Однако, морская пехота не могла двинуться дальше, Взвод, высланый с левого фланга, по направлению реки Мендере, был отброшен с потерями и отряд попал под перекрестный огонь с реки и с северной части кладбища, в тылу. При таком положении трудно было достигнуть Оркание, но кап. лейтенант Робинсон все-таки решил попробовать пробиться с подрывной партией до гробницы Ахиллеса. Пройдя полпути без потерь и не зная, занят ли Оркание или нет, он, не желая рисковать понапрасно людьми, дальше пошел один, захватив с собою пироксилиновый патрон. Аэро-пушки оказались брошенными прислугой и, взорвав одну, Робинсон возвратился обратно за новым патроном. К этому времени *Dublin* подавил огонь с Иени-Шер и подрывная партия в полном составе пробралась на Оркание, где уничтожила вторую аэро-пушку и взорвала уцелевшую орудийную установку батареи. Мост на Мендере остался нетронутым, т. к. майор Херио передал на *Vengeance*, что неприятель держится в значительных силах; Де-Робек отозвал десант, который благополучно возвратился на корабль. Потери составляли: двое раненых и один убитый.

На европейском берегу десант с *Irresistible*'я высадился у Седдул-Бахра. Морская пехота в числе 45 человек, под командою капитана Пантона, заняла позицию у вет-

реных мельниц к западу от деревни, выслав дозор к старинному замку, расположенному на высотах, и подрывная партия, в числе тридцати матросов, разделившись на четыре отряда, приступила к работе. Пехотный дозор тоже подвергся нападению и вынужден был отступить, но *Irresistible* быстро прекратил наступление турок, открыв огонь из 6″ артиллерии. Четыре из шести тяжелых орудий форта оказались неповрежденными и были взорваны. Десант не понес никаких потерь, не считая несколько легко раненых осколками взорванных орудий. Неприятель не обнаруживал никаких признаков активности и десанту было приказано следовать на форт Хеллес. Однако, по мере его продвижения было обнаружено накапливание значительных сил противника и было решено прекратить дельнейшее производство операции. Десант возвратился, успев все же уничтожить около форта два 12-ти фунтовых полевых орудия. В общем для начала успех носил многообещающий характер, но многое оставалось еще впереди. Предстояло уничтожить орудия Кум-Кале, батарею на реке Мендере и мост. Последний пострадал от стрельбы *Majestic*'а и *Basilisk*'а, но далеко не был разрушен. Карден предполагал произвести эту работу и закончить разрушение фортов на следующий день и приказал Де-Робеку продолжать бомбардировку, дабы не дать туркам возможнести возвратиться на форты. С наступлением темноты тральщики под прикрытием миноносцев возобновили работу, а транспорты с морской пехотой начали приготовления для высадки. Но неудача с погодой нас преследовала. Утром 27 февраля задул жестокий шторм; дождь настолько уменьшал видимость, что рассчитывать на какие либо успехи в проливе не приходилось, и намеченную высадку значительных сил пехоты пришлось отложить. Позднее к вечеру *Irresistible*'ю удалось послать на берег подрывную партию к Седд-ул-Бахру под командой лейтенанта Санфорда. В прикрытие было отправлено семьдесят пять человек морской пехоты с двумя офицерами. Объектом действий были шесть современных Крупповских 6″ гаубиц.

Как и накануне, морская пехота подверглась обстрелу и работу пришлось вести под огнем, при чем противник находился в расстоянии не более 250 сажень от мортир. Тем не менее Сандфорд взорвал мортиры, из которых четыре разлетелись в куски, а у двух оторвало казенные части. Затем под прикрытием 6″ и 12-ти фунтовых орудий *Irresistible*'я десант без потерь возвратился обратно. 28 февраля шторм от норд-оста достиг такой силы, что не только высадка, но и вообще никакие операции в проливе не были возможны. Месяц закончился, не дав дальнейших резуль-

татов. Март не принес улучшения погоды, шторм продолжался и все приготовления к высадке в широком масштабе были приостановлены. Де-Робек получил приказание послать, если он найдет возможным, три корабля в пролив уничтожить орудия, командующие над протраленной зоной, и привести к молчанию полевые орудия, а четвертый корабль отправить для наблюдения за покинутыми фортами. Как и обычно, Де-Робек не возражал и отправил все четыре корабля, перенеся флаг на *Irresistible*, оставив наблюдение за фортами лично за собой. *Vengeance* пошел на Мудрос для чистки котлов. Полученные от Кардена инструкции он понимал как разрешение дальнейшей атаки промежуточных укреплений и приказал *Albion*'у и *Triumph*'у обстрелять форт Дарданос и произвести разведку новых батарей, установленных в двух милях ниже его. *Ocean* и *Majestic* должны были обнаружить и уничтожить подвижные гаубичные батареи, а *Ocean* все утро старался отыскать орудия в районе старинного замка в тылу Седд-ул Бахра, причинившие беспокойство десанту. В полдень, когда присоединился *Majestic*, оба корабля пошли вперед и быстро попали под огонь двух полевых батарей, установленных неподалеку от гробницы Ахиллеса. Приведя их через несколько минут к молчанию, суда пошли дальше по направлению к Эрен-Киой, но снова были обстреляны гаубицами, стоявшими в деревне. *Irresistible*, стоявший на якоре у Седд-ул-Бахра, немедленно снялся и пошел на поддержку, поднявшись до Эски-Кале, расположенного в двух милях ниже Эрен-Киой. Из этого пункта все три корабля в 12 ч. 30 м. открыли столь действительный огонь, что заставили замолчать гаубицы, и Де-Робек в 1 ч. дня сделал сигнал *Ocean*'у и *Triumph*'у начать галс. В этот момент батареи на европейском берегу, которые *Ocean* старался обнаружить, открыли ураганный огонь и сигнал был отменен.

В 1 ч. 15 м. стрельба утихла и адмирал, повторив сигнал, отошел совместно с *Ocean*'ом ко входу в пролив для намеченной им новой операции. Тем временем *Albion* и *Triumph*, имея впереди два миноносца, медленно двигались вверх по проливу с целью начать обстрел Дарданоса, но, когда достигли границы протраленного пространства и готовились открыть огонь, принуждены были уменьшить ход, т. к. миноносцы, обнаружив мину, задержались и мешали стрельбе. Пока корабли ждали, с европейского берега снова начался обстрел. На этот раз огонь был настолько метким, что судам пришлось описывать циркуляции, чтобы избежать попаданий. При таких условиях не могло быть никаких надежд на успешную бомбардировку Дарданоса и оба корабля сосредоточили огонь по батареям европейского берега и орудиям Эрен-Киой. Результат не замедлил ска-

заться; с *Triumph*'а были замечены два прямых попадания на европейском берегу и в 2 ч. 25 м. было сочтено возможным возобновить попытку против Дарданоса. Поэтому *Ocean* повернул вправо от европейского берега, но немедленно попал под такой меткий огонь с Эрен-Киой, и ему не оставалось ничего другого как возобновить циркуляции. Орудия на берегу были расположены и замаскированы весьма умело и разделаться с ними было очень трудно. Хотя *Majestic* и подошел на дальность действия своих гаубиц, снаряды с обеих сторон сыпались градом. От перекрестного огня суда имели много попаданий, но повреждения были незначительны. Описывая циркуляции, они сбивали стрельбу турецких комендоров, но все же их действия сводились лишь к непроизводительной трате снарядов, ввиду чего корабли были отозваны для более обещающей успех работы.

У входа в пролив Де-Робек нашел случай возместить неудачу этого дня. Погода несколько улучшилась и он решил произвести высадку на Кум-Кале. Не видя никаких признаков жизни на внешних фортах, он считал возможным попытаться закончить разрушение форта, не выполненное ранее, и приказал *Triumph*'у прикрывать операцию. С *Irresistible*'я снова была высажена подрывная партия под командой того же лейтенанта Сандфорда и отряд морской пехоты. Десант направился прямо на форт и обнаружил, что, несмотря на бомбардировку, семь орудий из девяти стояли нетронутыми и только одно окончательно вышло из строя. Уничтожив эти орудия, Сандфорд отправился к полевым орудиям, установленным на запад от форта. Их оказалось шесть 12-ти фунтовых. Взяв замки в качестве трофеев и взорвав орудия, десант сел на шлюпки, не потеряв ни одного человека, уничтожив на обратном пути четыре орудия Норденфельдта и один прожектор.

Конец был очень успешный, но опыт этого дня представлялся мало утешительным. Хотя потери в личном составе и повреждения кораблей были несущественны, но попадания в корабли были многочисленны. Заградительный огонь турок оказался вполне действительным и заставлял суда все время держаться на ходу. Не подлежало сомнению, что до подавления этого огня систематическая бомбардировка внутри пролива не возможна. Командир *Triumph*'а кап. 1 р. Фитц-Морис в рапорте о событиях дня писал: „Представляется, что наилучший путь к уничтожению орудий азиатского берега—это установка гаубиц или пушек на европейском берегу. Неприятельская артиллерия, защищающая бухту Эрен-Киой, большей частью находится на подвижных установках и корректировать огонь, стреляющей

по ней судовой артиллерии крайне трудно". Непредвиденное затруднение, по всей видимости, грозило увеличиться, т. к. наши гидросамолеты доносили о значительном усилении вооружения батарей и о работах по подготовке оснований для новых батарей. Результаты операций с очевидностью показали, что могут быть лишь два решения: либо отказаться от попытки прорваться, либо немедленно высаживать войска, чтобы очистить оба берега. Для прекращения операции момент был чрезвычайно подходящий, т. к. не вызывал серьезной потери престижа и мог быть объяснен желанием установить тесную блокаду, которая с разрушением внешних фортов—была достигнута. Однако, такое решение, хотя и намеченное на заседаниях при обсуждении Дарданелльского предприятия, теперь вновь не подымалось и 1-го марта генерал Парисс с пятью батальонами королевской морской дивизии и двумя батальонами морской пехоты вышел из Авонмута на Лемнос [1]).

О том, что войска понадобятся и притом в самом непродолжительном времени для большинства начальников, находившихся в Дарданеллах, с каждым днем становилось очевиднее и уже 1-го марта ночью эта надобность дала себя знать.

Беспокойство, причиняемое промежуточными батареями, перестало составлять главную заботу.

Ночью тральщики, под прикрытием 2 дивизиона миноносцев (*Basilisk*, *Grasshopper*, *Racoon* и *Mosquito*) и легкого крейсера *Amethyst*, продолжали траление по направлению мыса Кефец. Около 11 часов, находясь в 15 каб. от мыса и не доходя до минного заграждения между бухтой Кефец и Соганли-Дере, они попали в лучи берегового прожектора. Батареи, защищавшие заграждения с обоих берегов, открыли огонь по тральщикам. Тралы пришлось бросить, а миноносцы кинулись вперед, стреляя по прожекторам и вспышкам выстрелов на берегу, стараясь как можно больше дымить, чтобы прикрыть отход тральщиков. Перестрелка продолжалась сорок минут, пока *Amethyst* с миноносцами 2 дивизиона и присоединившимся к ним миноносцем 1 дивизиона *Jed* не сбили прожектора. Тральщики отошли благополучно, не получив никаких повреждений, хотя и были засыпаны рвущимися снарядами. Им так и не удалось дойти до заграждения, но поведение их вызывало всеобщее восхищение и утром адмирал Карден сделал сигнал по эскадре: „Тральщики работают прекрасно. Самообладание и выдержка великолепны. От тральщиков зависит многое".

---

[1]) Королевская морская дивизия состояла из: 1 бригада — батальоны Nelson и Drake, 2 бригада—батальоны Hood, Anson, Howe. Морская пехота: Портсмутский батальон и батальон из Диль.

Почти весь успех дела действительно зависел от тральщиков, работа которых до крайности усложнялась их тихоходностью и сильным течением. Однако, представлялось совершенно неясным, как вести траление, пока не будет изыскано способов подавить артиллерию, защищающую минные заграждения. К довершению затруднений утром (2 марта) опять задул шторм и высадку снова пришлось отменить. К этому времени к эскадре присоединились все назначенные суда, что дало Кардену возможность несколько расширить операции [1]. Еще 25 февраля адмиралом было послано сообщение в Адмиралтейство о том, что в случае прибытия 10.000 войск он предполагает базировать их на Мудрос и послать несколько раз транспорты в Саросский залив, якобы с целью высадки, но фактически для ее демонстрации. В соответствии с этим адмирал Гепратт получил приказание обстрелять укрепления Булаирского перешейка, разрушить Кавакский мост, через который проходила дорога из Адрианополя в Галлиполи, и произвести разведку пунктов, удобных для высадки.

В остальном не оставалось ничего другого, как сделать еще одну попытку атаки промежуточных укреплений. На этот раз операция возлагалась на 4-ю бригаду под начальством командира *Canopus'a* кап. 1 р. Гранта, но план маневрирования был изменен. Выяснилось, что под европейским берегом имеется мертвое пространство, недосягаемое для установленных там гаубиц и орудий, которое расположено в 35 каб. от форта Дарданос, а также, что и форт

---

[1]) Морские силы Кардена были организованы нижеследующим образом:

1 Дивизия.

1 бригада.

Queen Elisabeth
Inflexible (флаг ад. Кардена)

2 бригада.

Agamemnon
Lord Nelson

2 Дивизия

Vengeance (флаг ад. Де-Робека)

3 бригада.

Ocean
Irresistible
Majestic

4 бригада.

Canopus
Cornuallis
Swiftsure

5 бригада.

Albion
Triumph
Prince George

3 дивизия.

Suffren (флаг ад. Гепратта)
Bouvet
Gaulois
Charlemagne

Легкие крейсера: *Dublin*, *Sapphire*, *Minerva* и *Amethyst*.

Эрен-Киой имеет такое же мертвое пространство. Руководствуясь этим, *Canopus* должен был действовать, поддерживаемый *Swiftsure*'ом. *Cornwallis*'у было приказано обстрелять своими 6" гаубицами мелкие батареи, начиная от Ин-Тепе, и затем с 35 каб. начать бомбардировку Эрен-Киойя.

В 1 ч. 30 м. *Canopus* и *Swiftsure* вошли в Дарданеллы и, следуя вдоль северного берега, дошли до границы мертвого пространства. Застопорив машины в расстоянии 5 каб. от берега, в 2 ч. 20 м. они открыли огонь через пролив по батарее, с дистанции в 38 каб. Почти одновременно впереди *Canopus*'а взорвалась мина [1]). Мина не причинила никакого вреда. Батареи на берегу, кроме одной полевой, обнаружить которую было нельзя, молчали. Молчал также и Дарданос, по которому корабли в течение двух часов вели беспрепятственную бомбардировку но в 4 ч. 15 м. Дарданос неожиданно заговорил. Огонь его был настолько меток, что *Canopus* тотчас же получил несколько попаданий: была разрушена кают-компания, снесена за борт грот-мачта, пробита задняя дымовая труба и разбиты две шлюпки. Следуя инструкциям, кап. 1 р. Грант увеличил расстояние и перешел ближе к выходу, чтобы иметь свободное пространство для маневрирования, но попал при этом под огонь Эрен-Киой. *Cornwallis*, закончив обстрел мелких батарей у Ин-Тепе, бомбардировал теперь гаубичные батареи, но без видимого успеха. Другие два корабля страдали не только от огня Дарданоса, но также и от гаубиц с обоих берегов. Маневрируя на переменных курсах переменными ходами они все же избегли прямых попаданий. Маневрирование не помешало им, однако, стрелять хорошо и к 4 ч. 40 м. Дарданос замолчал, при чем было замечено, что одно орудие на форту подбито. *Swiftsure* получил приказание поддержать огонь *Cornwallis*'а по Эрен-Киой, *Canopus* сделал еще несколько залпов по Дарданосу. Вскоре замолчали батареи Эрен-Киой и *Cornwallis* присоединился к *Canopus*'у, тоже дав 2 залпа по форту. Ответа не последовало и корабли были отозваны. Полученные ими повреждения не носили серьезного характера. Потери в личном составе сводились к одному легко раненому. Получить точные данные о повреждениях неприятельских батарей было невозможно, так как погода не позволяла подняться гидросамолетам [2]). На Дарданосе было замечено только одно подбитое орудие; орудия входных фортов не действовали, но разбиты не были. Что же касается скрытых полевых

---

[1]) Предполагалось, что мина крепостного типа (называемая у нас «подводная инженерного ведомства» *Ред.*), но турки утверждают, что ни крепостных, ни гальвано-ударных мин в течение всей войны они не употребляли.

[2]) По турецким официальным сообщениям ни одно орудие не пострадало.

и гаубичных батарей, то они представляли собой такую же угрозу, как и накануне. Нанеся судам не мало мелких повреждений, сами батареи, повидимому, совершенно не пострадали. Батареи, защищавшие минные заграждения, остались нетронутыми и, когда тральщики ночью вновь попытались приступить к работам у м. Кефец, то были встречены жестоким огнем, вынудившим их отступить.

Операция в Саросском заливе закончилась удачно. *Suffren* обстрелял форт Султан, *Gaulois*—форт Наполеон, расположенный на Булаирском перешейке и поджег окружавшие его казармы. *Bouvet* бомбардировал Кавакский мост и, хотя не разрушил его, но сильно повредил. Сопровождавшие эскадру адмирала Гепратта тральщики мин не обнаружили. Наиболее удобные места высадки были найдены—одно в Кара-Дере, между Габа-Тепе и бухтой Сувла, другое в семи милях от линий Булаирских укреплений.

На следующий день (3-го марта) предполагалось повторить атаку промежуточных укреплений 5-ой бригадой (*Albion*, *Triumph* и *Prince George*), а затем высадить сильный десант на Седд-ул-Бахр и закончить разрушение на этом берегу. Но погода еще раз не позволила выполнить этих предположений и Де-Робеку пришлось ограничиться приготовлением к высадке на случай, если она улучшится.

Высадку предполагалось произвести на побережьи Камбер, внутри Седд-ул-Бахра, на западной оконечности залива Морто, и было решено обследовать и обставить буйками подходы к этому пункту, т. к. считалось, что там имеются рифы. Залив Морто, откуда можно было обстреливать судовым огнем тыловые сооружения Седд-ул-Бахра, был протрален группой французских тральщиков. Мин не обнаружили и тральщики под защитой наших миноносцев пошли в пролив. Работу их прикрывали *Albion* и *Triumph*, изредка стрелявшие по Эрин-Киой. Днем шлюпки с *Irresistibl*'я приступили к промеру и *Triumph* был отозван для прикрытия их работ; *Prince George* и *Albion* оставались при тральщиках. Эрен-Киой на выстрелы *Prince George*'а не отвечал, но Ин-Тепе стрелял весьма энергично и замолчал не сразу.

Промерная партия, закончив работу, обнаружила на берегу искусно скрытые шесть 15-ти фунтовых полевых орудий современного типа, но зато не нашла на форту никаких снарядов. Весь боевой запас оказался вывезенным. Никакого сопротивления наши люди не встретили, что объяснялось успешностью огня *Triumph*'а по неприятельским отрядам, замеченным выше залива Марто, и вернулись на корабль без потерь.

Днем погода улучшилась и *Prince George*'у было приказано пройти под европейский берег и обстрелять Дарданос. Было сделано четыре галса, форты не отвечали. Но как

только при четвертом галсе *Prince George* несколько вышел из мертвого пространства, он тотчас попал под меткий огонь гаубичных батарей с европейского берега и форта Мессудие. Не будучи в состоянии установить местонахождение батарей, он вновь вошел в мертвое пространство и был отозван. Вслед за тем все корабли отошли ко входу и в проливе остались только миноносцы *Wolverine*, *Scorpion* и *Renard* с тральщиками для новой попытки протралить ночью заграждение у Кефеца.

С момента начала первой фазы операции прошло две недели и благодаря энергии десанта, высаженного Де-Робеком, она почти закончилась. Оставалось только разрушение непосредственно самих фортов. В отношении же второй фазы было сделано очень мало—выяснились лишь трудности, стоящие на пути ее осуществления, но не более того. Впечатление, произведенное на турок судовым огнем, было настолько сильным, что они бросили на произвол судьбы неповрежденные орудия как на фортах, так и установленные на горах. Но в то же время было очевидным, что без воздушной корректировки суда не в состоянии успешно и быстро выполнить своей задачи. Необходимость помощи армии сказывалась все более и более, что подтверждалось опытом японцев. Только они имели опыт современной борьбы флота с береговыми укреплениями. Поэтому Адмиралтейство рекомендовало адмиралу Кардену прислушаться к указаниям командира *Triumph*'а кап. 1 р. Фитц-Мориса, только что прибывшего с Дальнего Востока и принимавшего участие во взятии Тцингтао. Занимая в течение последних дней наблюдательную позицию в заливе Морто и видя все происходившее, он имел случай еще раз убедиться в правильности своего воззрения, которое сводилось к тому, что „никакой действительный успех без помощи сухопутных сил не возможен". Он считал, что наиболее подходящим местом действия сухопутных войск является Ачи-Баба. Эта гора, командующая над оконечностью Галлипольского полуострова, сыграла важную роль в судьбе операций и в свое время не осталась без внимания со стороны Кардена. Телеграфируя 25 февраля о намерении произвести демонстрацию в Саросском заливе, он говорил о возможности высадки в Седд-ул-Бахре и занятия передней части полуострова до линии Сонгали-Дере, включая Ачи-Баба, с целью уничтожения замаскированных батарей в случае, если последние будут причинять судам большое беспокойство. Но погода мешала высадке и он не предполагал этого делать, пока к тому не будет крайней необходимости. Однако, Карден не придавал Ачи-Баба того значения, которое она имела для успеха бомбардировки и которое ей придавал командир *Triumph*'а. Последний, будучи в Тцингтао, был свидетелем

неуспешности стрельбы флота до тех пор, пока японцам не удалось установить наблюдательный пункт на горе Prinz Heinrich, господствующей над всей местностью. „Надо считать“—писал Фитц-Морис—„что занятие Ачи-баба даст возможность установить весьма важный наблюдательный пункт, который поможет флоту достигнуть лучших результатов стрельбы. Если имеются свободные орудия, то, установив их на Ачи-Баба, можно с успехом обстреливать Эрен-Киой и расположенные по близости батареи“.

Указания на тактическую важность горы Prinz Heinrich имелись в донесениях нашего морского агента в Японии. В них также упоминалось и о безнадежности стрельбы по береговым батареям при отсутствии на берегу наблюдательных пунктов для корректировки стрельбы кораблей, тем не менее в инструкциях, полученных Карденом, об этом обстоятельстве почти ничего не говорилось [1]).

Случай, аналогичный Галлипольской операции, имелся из опыта Порт Артура, судьба которого была решена захватом высоты „203 метра“ [2]). Адмирал Того с самого начала настойчиво указывал сухопутному командованию, что главным объектом действий армии является именно эта возвышенность, без которой обстрел с моря не действителен, однако, армия все таки испробовала предварительно все прочие средства, пока не убедилась в правоте взгляда Того. Урок этот пропал для нас даром. Использование японского опыта не пошло далее сознания трудности уничтожения современных укреплений судовой артиллерией, но способ преодолеть трудности был игнорирован. Надо признать, что в этот период Дарданелльской кампании можно было без серьезного сопротивления высадить войска и захватить Ачи-Баба, но могло ли быть это осуществлено без поддержки перволинейных частей — вопрос сомнительный. Кроме двух морских батальонов и 3-ей австралийской бригады, вышедшей 2-го марта из Александрии, других войск под рукой не имелось. Но это был „сырой материал“, не закончивший обучения, необстреленный и нестойкий. Даже при сильной поддержке флота с флангов они вряд ли смогли бы удержаться до прибытия подкреплений. Однако, план Кардена занять оконечность Галлипольского полуострова был отклонен не потому, что считался не выполнимым, а потому, что, по мнению военного министерства, захват южной части Галлиполи „не представлял собою операции необходимой

[1]) 15 февраля адмирал Джаксон подал докладную записку, рекомендуя при первой возможности завладеть береговыми наблюдательными пунктами. Это Кардону было сообщено лишь «для сведения», но не для обязательного руководства.

[2]) Русское название: „Высокая Гора“. *Ред.*

для достижения главного объекта“, т. е. для разрушения фортов с моря.

Моряки, говорившие на основании опыта, думали иначе, но урок Порт-Артура и Тцингтао, к сожалению, не был принят во внимание высшими руководителями армии и флота. В работе морских и сухопутных штабов не было должной согласованности, вследствие чего подобные ошибки при решении общих проблем были неизбежны. Хотя к этому времени определенно выяснилось, что все стремления должны быть направлены к обнаружению замаскированных батарей и установлению корректировки судового огня с берега, в инструкциях лорда Китченера генералу Бердвуду не упоминалось об использовании войск для этих целей. Ему лишь предписывалось убедиться — нужна ли помощь войск для занятия фортов с тыла. В то же время его предупреждали, что турки имеют на Галиполи 40.000 человек, а потому нельзя считать разумной операцией высадку 10.000 человек, пока флот не форсирует пролив и полуостров не будет очищен неприятелем. Единственно, что Китченер разрешал, это—использовать часть сил (не рискуя ими) „для занятия фортов или закрепления территории, успешно обстреленных флотом“.

Последнее указание надо думать повлияло бы на генерала Бердвуда в смысле решения занять Ачи-Баба, если бы только ему была подчеркнута исключительная важность такой операции. Повидимому, этого не было сделано, т. к. в его донесении, посланном после совещания с Карденом 3-го марта, о возможности занятия Ачи-Баба не упоминается вовсе.

В течение последних операций Бердвуд имел возможность сделать рекогносцировку пролива и пришел к заключению, что помощь войск необходима теперь же. Ему самолично пришлось убедиться, какую помеху представляют укрытые в складках местности полевые батареи, и он считал, что флот должен сам решить—следует ли прорываться, не считаясь с опасностью, или же ждать пока батареи не будут уничтожены силами сухопутных войск. Выбор решения зависел, по его мнению, от степени срочности выполнения задачи. Для него было ясно, что не приходилось рассчитывать на мелкие десантные операции и он считал необходимым довести количество войск до 30.000 человек, что могло состояться не раньше 18 марта.

Немедленно по их прибытии, Бердвуд, в согласии с Карденом, предлагал высадить крупные силы у мыса Хеллес, сделав при этом демонстрацию у Булаира. Двигаясь на север, он рассчитывал занять пространство до линии Габа-Тепе-Килид-Бахр и овладеть высотами у самого входа. Это давало возможность действовать в тыл фортам европейского

берега и уничтожить скрытые на обоих берегах полевые батареи. В данном случае, взгляды Бердвуда выливались в идею, от которой военное ведомство уклонялось, т. к. сводились к тому, чтобы помочь флоту овладеть фортами при посредстве соединенной операции, иными словами, это был отказ от первоначального плана разрушения фортов силами одного только флота. Что же касается вопроса удержания Ачи-Баба, то дело обстояло так. По нашим сведениям турки на Галлиполи располагали от 30.000 — 40.000 войск, мы же имели около 12.000 человек. Но надо было принять во внимание, что, во-первых, неприятелю потребуется выделить часть сил для отражения демонстративной высадки у Булаира и, во-вторых, что на нашей стороне были выгоды поддержки наступления с моря [1]). Турки могли подвести подкрепления из Босфора, где по имеемым данным войска находились на-готове и уже были посажены на транспорты. Но и мы не были лишены возможности в непродолжительном времени усилить свои войска. Кроме частей австралийского экспедиционного корпуса, остававшихся в Египте, на пути из Англии находились батальоны морской дивизии, а французский штаб телеграфировал, что дивизия, первоначально предназначенная для Салоник, отправляется, если Греция не встретит к тому препятствий, на Митилену или в какой либо другой удобный пункт.

Таким образом, в то время была полная возможность захватить и удержать если и не линию Сонгали-Дере, то Ачи-Баба. Бердвуд считал такую операцию выполнимой и, объясняя впоследствии Парламентской Следственной Комиссии, почему он считал невыгодной высадку у Булаира или в бухте Сувла, говорил: „Я чувствовал, что в случае высадки на оконечности полуострова я могу быть спокоен за свою позицию, так как имел в тылу поддержку флота и фланги мои были обеспечены. Меня совершенно не беспокоил вопрос, какие силы могут оказаться против меня, т. к. я знал, что все равно буду в безопасности. В эти дни стоявшая перед нами задача была совершенно отличной от той, с которой пришлось столкнуться впоследствии. Я был уверен, что могу высадиться и овладеть высотами Ачи-Баба в течение трех дней“.

Овладение Ачи-Баба в качестве наблюдательного пункта давало возможность решить вопрос, не является ли такого рода действие более легким способом помощи флоту, чем попытка захвата фортов с тыла. К сожалению, нет данных,

[1]) По официальным турецким источникам огонь судовой артиллерии действовал деморализующим образом на турецкую орудийную прислугу и она не скоро к нему привыкла. Это обстоятельство показывает, что в то время поддержка с моря была немаловажным фактором в борьбе.

указывающих на то, чтобы такой вопрос обсуждался серьезно. История полна примерами того, как военные советы не могли достигнуть быстрых и правильных решений исключительно по той простой причине, что не представляли себе ясно и точно стоящую перед ними проблему. В данном случае надо было решать не то, как взять форты с тыла сухопутными силами, а как помочь флоту уничтожить эти форты.

Генерал Бердвуд, следуя полученным инструкциям, рассматривал вопрос с точки зрения сухопутной операции и, следовательно, считал необходимым ждать, пока погода позволит сделать высадку. Высказав свое мнение, он отбыл в Александрию для окончательных распоряжений по отправке вверенного ему корпуса.

3-го марта, как только уехал Бердвуд, погода стихла и высадка оказалась возможной. В распоряжении Кардена была 3-я австралийская бригада, которая еще только подходила к Мудросу, но даже если бы она и находилась на месте, вряд ли могла быть использована, т. к. адмирал согласно инструкций должен был ограничиваться лишь высадкой подрывных партий.

Вечером 3 марта адм. Де-Робек доложил, что предполагает с утра заняться фортом Мессудие, который впервые перед тем проявил свою активность. Считая, что Дарданос, хотя, быть может, и не на долго, но вышел из строя, он находил желательным приступить к бомбардировке внутренних укреплений с дальних дистанций, пользуясь мертвым пространством северного берега, но при условии полного подавления огня фортов Дарданос и Мессудие. Однако, этот план не получил осуществления и вопреки всем ожиданиям было решено закончить первую фазу операций и высадить морскую пехоту для окончательного разрушения фортов Оркание и Хеллес.

Утром 4 марта стихло совершенно и, впервые за всю неделю, приказания о высадке не были отменены. Свести на берег предполагалось только две роты морской пехоты с четырьмя пулеметами каждая: одну на северный берег, другую на южный. Прикрывающие операцию суда были разделены на два отряда. По северному берегу должен был действовать отряд под начальством командира *Ocean* кап. I р. Садлера. *Ocean* должен был стать у Седд-ул-Бахра, *Lord Nelson*—у Хеллеса, *Majestic*—внутри залива Морто. Южный берег поручался адмиралу Де-Робек. *Irresistible*'ю надлежало занять позицию у Кум-Кале, *Cornwallis* — войти в устье реки Мендере, а *Agamemnon*'у и *Dublin*'у держаться около Иени-Шера. *Canopus*'у было приказано произвести демонстрацию на Эгейском побережьи до высоты северной оконечности бухты Башика с целью удержать неприятельские войска в этом районе и не допустить присылку подкреплений к Кум-Кале.

Inflexible, под флагом Кардена, находился наготове оказать нужную поддержку, общее же руководство операцией было возложено на младшего флагмана адм. Де-Робека. Транспорт с морской пехотой п/х *Braemar Castle* перешел на остров Имброс и рано утром роты прибыли на миноносцах. При входе в пролив к ним присоединились шлюпки с подрывными партиями и отрядами матросов („*beach party*“) для содействия высадке. Операцией руководил генерал Тротман, находившийся на миноносце *Wolverine*. Первой начала высадку южная группа под начальством подполковника Маттьюза, командира Плимутского батальона. Около 10 ч. у. разведчики, авангард, в составе полуроты, и подрывная партия с *Lord Nelson*'а под командой кап. лейт. Доджсона отвалили и направились к пристани Кум-Кале. Одновременно *Cornwallis* открыл огонь по форту и деревне, расположенной в тылу, перенеся огонь на мост по мере приближения шлюпок. Сразу же выяснилось, что неприятель использовал полученную из за погоды передышку и что успех неожиданности был потерян. Турки подготовились к сопротивлению. С *Cornwallis*'а было замечено значительное количество войск, направляющихся со стороны моста через кладбище в район Иени-Шер. *Cornwallis* и *Agamemnon* немедленно их обстреляли с видимым успехом. Находившиеся на берегу гаубицы и полевые орудия удалось обнаружить, но тем не менее работа по прикрытию операции представила большие затруднения, т. к. на судах не было точно известно, какую именно линию на этом берегу предполагают занять войска. Общий план сводился к захвату форта с тем, чтобы затем продвинуться через деревню и удержать район Кум-Кале—Иени-Шер в течение 3-х часов, пока подрывные партии не закончат своей работы и не будет найдено удобного места для взлета аэропланов. По мере приближения буксируемых шлюпок с пехотой они были встречены сильнейшим шрапнельным огнем с берега, принудивших шлюпки отдать буксиры и под веслами разойтись в стороны. Несмотря на это, десант успешно высадился. Однако, как только люди вступили на берег, сразу же выяснилось, что деревня снова занята противником. Отдельные стрелки, укрытые в домах и ветряных мельницах, открыли меткий огонь, неизвестно откуда посыпались шрапнели и встреча оказалась настолько жаркой, что десант вынужден был укрыться под стенами форта, бросив на пристане пулеметы и подрывное снабжение. Ответ с судов не заставил себя ждать. *Irresistible* сосредоточил огонь по мельницам и быстро обратил их в развалины; *Scorpion*, войдя в устье Мендере, отыскал батарею, посылавшую шрапнель, и привел ее к молчанию. Затем он занялся деревней, в которой засели стрелки. При отступлении противника было видно, что среди войск нахо-

дятся немцы; несмотря на это, турки не выдерживали судового огня. По мере их отхода подрывная партия смогла забрать свое имущество, но пулеметы остались на пристани. Были вызваны охотники достать пулеметы. Таковые немедленно нашлись в лице гребцов второго катера с *Agamemnon*'а. Катер, несмотря на сильнейший огонь, подошел к пристани и старшина с 2-мя гребцами ползком добрался до пулеметов и без потерь доставил пулеметы их командам.

Тем временем десант подвигался вокруг форта в деревню, но дальше первых домов пройти не мог. Не оставалось другого выхода, как ждать подкреплений. *Irresistible* и *Cornwallis* продолжали обстрел деревни. Доставка 2-ой полуроты несколько задержалась и она прибыла только к 12ч. 30 м. Сильнейший ружейный огонь из домов не прекращался и пришлось потратить полтора часа, пока десант смог выбраться из деревни на открытую местность. Однако, ему снова пришлось остановиться, т. к. было получено сообщение, что арьергард, охранявший линию отступления, обстреливается с тыла и что неприятель обходит, чтобы обстреливать отряд с фланга. Маневр противника был быстро прекращен огнем кораблей и в 3 ч. 45 м. подполковник Маттьюз смог двинуться к Оркание. Авангард и подрывная партия матросов тронулись вперед, но уже у фонтана Ахиллеса были принуждены остановиться, попав под сильнейший огонь с батареи у Оркание и из окопов на склоне горы Иени-Шер. Подрывная партия сделала все-таки попытку итти дальше, но принуждена была ее оставить и укрыться на берегу. Становилось более или менее очевидным, что дальнейшее наступление столь слабых сил — немыслимо. Огонь настолько усилился, что казалось невозможным даже удержать то, что уже занято. Начальник десанта вызвал резерв для прикрытия отступления и сделал сигнал с просьбой послать к берегу миноносцы для продольного обстрела окопов у Иени-Шер. Крейсер *Amethyst* с *Basilisk*'ом и *Scorpion*'ом немедленно пошли на позицию, равно как *Renard*, *Wolwerine* и *Grampus*, только что доставившие обратно на *Braemar Castle* десант с северного берега. *Agamemnon* и *Dublin*, стоявшие у Иени-Шер, также оказывали содействие, *Cornwallis* вел энергичный обстрел из 12″ орудий неприятельской гаубичной батареи, стоявшей на одном из горных кряжей, а из 6″ орудий—казармы близ Оркание. Под влиянием этого огня стрельба из окопов и с форта прекратилась и около 5-ти часов подполковник Маттьюз смог начать отступление. Но как только начался отход, противник, засевший на кладбище, открыл жаркий ружейный огонь, сам оставаясь вне досягаемости огня с судов. Несмотря на действие пулеметчиков морской пехоты, установивших пулеметы на стенах форта, искусно спрятанные отдельные турецкие стрелки вели безнаказанную

стрельбу, нанеся нашему отряду немало потерь, пока он, достигнув форта, не укрылся под его стенами.

Только к 7 ч. 45 м., с наступлением полной темноты, отступление закончилось, но все же 2 офицера и 5 солдат, из которых двое раненых, были отрезаны и остались на берегу. Однако, их удалось выручить. Вооруженный вельбот со *Scorpion*'а разыскал и благополучно доставил этих людей, затем снова прошел к берегу, где в течение двух часов осматривал район Кум-Калэ—Иени-Шер в поисках раненых и отставших, но никого не обнаружил. В результате операция закончилась полным неуспехом и сопровождалась потерями: 17 убитых, 24 раненых и 3 пропавших без вести.

На северном берегу дела обстояли не лучше. Здесь действовали роты Плимутского батальона с подрывными партиями с *Inflexibl*'я и *Ocean*'а. Батальон имел инструкцию захватить линию от залива Морто до источника у Текке-Бурну и, удерживая ее три часа, прикрыть подрывные работы. Благодаря Месопотамскому опыту командира *Ocean*'а, высадка была подготовлена лучше, чем на южном берегу. *Ocean* предварительно бомбардировал Седд-ул-Бахр и окрестные дома, а *Majestic* из залива Морто обстрелял высоко расположенный старинный замок и обнаруженные гидросамолетами по близости от замка окопы. Высадка началась в 10 ч. 30 м. у. Камбер и высланные заставы немедленно двинулись вперед по крутой и узкой тропе, ведущей на вершину скалы у Седд-ул-Бахра, закрывавшей открытое пространство между фортом и деревней. Достигнув вершины, заставы убедились, что пространство впереди их обстреливается огнем из строения, расположенного на противоположном конце. Ввиду того, что итти дальше совершенно не представлялось возможным, была предпринята попытка обойти препятствие по другому пути, но столь же неудачно. Десант укрылся в складках местности и на суда был сделан сигнал о возобновлении стрельбы. Результат не замедлил сказаться. Упомянутое строение очень быстро оказалось в развалинах, огонь *Majestic*'а выгнал стрелков из домов, а главные силы неприятеля из замка отступили назад к батарее. Наши люди смогли держаться в деревне, но выйти на открытое пространство все же не могли. Неприятель по немногу снова пробрался в окопы у замка, а полевые орудия, установленные где-то справа, поддерживали энергичный заградительный огонь впереди деревни.

Таково было положение дел к полдню, когда на сигнал с *Ocean*'а с запросом об успехах майор Палмер сообщил, что для наступления ему требуется подкрепление в числе 200 человек. Командир *Ocean*'а тотчас начал готовить подкрепление, но прибывший на *Irresistible* к Де-Робеку генерал Тротман „ввиду полученных сведений об обстановке“ считал не

желательным рисковать людьми и распоряжение кап. 1 р. Садлера было отменено. Лишь к 1 ч. 40 м. *Majestic* при содействии *Ocean*'а мог снова выбить турок из замка, при чем пять минут спустя *Ocean* получил попадание с Ин-Тепе в правый борт на шханцах. Для продолжения операции времени оставалось слишком мало и в 2 ч. 16 м. Тротман приказал отозвать десант. Для прикрытия отхода суда возобновили обстрел деревни и к 3 ч. морская пехота и подрывные партии благополучно возвратились на миноносцах. Потери ограничились тремя убитыми и одним раненым. Достигнутые результаты выражались в уничтожении двух орудий Норденфельда.

Неуспех предприятия усугублялся еще тем обстоятельством, что главная цель операции была достигнута ранее. Форт Хеллес был окончательно выведен из строя стрельбой *Queen Elisabeth* при бомбардировке 25-го февраля, а Оркание обезврежен огнем *Irresistibl*'я и работой подрывной партии кап.-лейтен. Робинсона.

Но в то время это не было известно наверняка и потому требовалось выяснить обстановку ранее, чем приступить к выполнению следующей фазы. Опыт этого дня показал, что время для действия небольшими силами миновало.

Немцы имели время „вдолбить“ туркам понимание того, что могут и чего не могут сделать корабли, и не без успеха научили их борьбе с ними. Становилось все очевиднее, что без значительных сухопутных сил мало шансов, чтобы флот смог проделать хотя бы предварительную работу по форсированию пролива.

ГЛАВА XI.

Дарданеллы. Первая атака узкости и Смирнская операция. С 5 по 10 марта.

Карта 3.

Нельзя обойти молчанием того факта, что в то время как участники Дарданелльского предприятия вполне оценивали обстановку и трудности, с ней связанные, в Англии ждали быстрых успехов. На Балканах стали ощущаться новые веяния. Венизелос старался убедить греческого короля—по началу не без некоторого успеха—оказать союзникам помощь своим флотом и одной дивизией, послав ее в Дарданеллы. Болгария „держала нос по ветру“, ее отношения с Румынией улучшились и некоторое время казалось, что Балканский союз готов возродиться. Италия 4-го марта сделала первые шаги навстречу союзникам и хотя не Дарданелльские успехи играли в этом решающую роль, но и они оказали свое влияние в этом вопросе.

Россия особенно приветствовала наши операции. 28-го февраля она получила приглашение принять в нужный момент участие при посредстве Черноморского флота и послать войска, которые найдет возможным уделить. К адмиралу Кардену для связи с адмиралом Эбергардом, находившимся в Севастополе, прибыл русский морской офицер, а 3-го марта было получено официальное уведомление русского правительства, что Черноморскому флоту отданы соответствующие распоряжения. Кроме того в Одессе и Батуме подготовлялся целый армейский корпус для посадки на суда, как только Дарданеллы будут форсированы. Готовность войск намечалась через две — три недели. [1]).

Издали обстановка казалась настолько благоприятной, что союзники в то время уже делили шкуру еще не убитого медведя.

На заседании Военного Совета 3 марта, при обсуждении Дарданелльского вопроса, спорили главным образом о будущем совместном с Россией плане кампании после форсирования пролива, когда благодаря Дунаю будет создано новое операционное направление против центральных держав. На следующий день Кардену были посланы инструкции, предусматривающие его боевую деятельность после прорыва в Мраморное море. Тогда же первые три наши монитора, *Severn*, *Humber* и *Mersey*, получили приказание готовиться к походу на Дунай.

Взгляды, господствовавшие в то время в Англии, выразились в телеграмме Китченера генералу Бердвуду, посланной 4 марта. По прежнему превалировало мнение, что флот сможет самостоятельно пробиться, и ожидали, что к 20 марта эскадра Кардена появится в Мраморном море. К этому сроку считалось возможным сосредоточить на Лемносе более 60.000 человек в составе австралийско-ново-зе-

---

[1]) В директиве Ставки адм. Эбергарду от 19 февраля говорилось: „В ближайшее время предполагаются совместные действия англо-французского флота с участием их десантного корпуса. Черноморскому флоту надлежит оказать содействие ввиде демонстрации у пролива, которая, в зависимости от достижения нашими союзниками успеха, может быть развита включительно до занятия Босфора совместно Черноморским флотом и флотом союзников“.

Демонстрации намечались ввиде бомбардировок внешних фортов Босфора, появления отрядов флота в районах Кефкена и Инады, якобы, с целью подготовки и изучения условий высадки. Затем, в Одессе был сосредоточен десантный отряд, производивший в целях введения в заблуждение разведки неприятеля учебные посадки на транспорты, выходы их в море. Эти демонстранции, безусловно, оказали свое влияние, так как германо-турецкое командование удержало в районе Константинополя около двух корпусов, намечавшихся к посылке в Дарданеллы. *Ред.*

ландского корпуса, французской и королевской морской дивизий. Но до 12 марта отправка войск из Египта была приостановлена, т. к. думали, что к этому дню выяснится с достаточной точностью, сколько времени потребуется флоту, чтобы форсировать пролив без помощи крупных сухопутных сил. Пока необходимость такой помощи не была установлена с точностью, не предполагалось вовсе высаживать войска на Галлипольском полуострове. В случае же выяснившейся необходимости захватить полуостров, нужные подкрепления готовились к высылке. С захватом же этого полуострова было решено обождать, пока подкрепления не прибудут на место. Использование небольших отрядов австралийской бригады, стоявшей на Лемносе, разрешалось для вспомогательных операций, если таковые потребуются Кардену. Объектом действий войск был Константинополь и, если к 18 марту флоту удалось бы привести к молчанию форты, транспорты должны были следовать через пролив к пункту, откуда предполагалось начать операции против столицы Турции. В случае прибытия подкреплений из Англии, последние должны были направляться туда же. При прорыве флота, турки неминуемо должны были эвакуировать Галлипольский полуостров. Сюда требовались лишь силы, необходимые против Булаирских укреплений. Для окончательного разъяснения причины сосредоточения войск у Дарданелл и дабы рассеять все сомнения по этому поводу, указывалось, что войска посылаются не для овладения Галлипольским полуостровом, а для совместных действий с русским армейским корпусом из Черного моря против Константинополя. Изложенные директивы, посланные по телеграфу, подтверждали и дополняли инструкции, отправленные Адмиралтейством адмиралу Кардену 24 февраля. Слабым местом этих директив, как указывал в своем ответе генерал Бердвуд, было то обстоятельство, что флот имел мало шансов форсировать пролив и что даже в случае успеха для беззащитных транспортов оставалась угроза замаскированных батарей, уничтожить которые как теперь уже выяснилось, корабли не могут. После посещения эскадры, Бердвуд считал необходимым произвести высадку в Седд-ул-Бахре и затем двигаться вперед при поддержке флота, не прерывая с ним связи. Под этим впечатлением генерал Бердвуд 5 марта прибыл в Египет. Но через день была получена телеграмма Китченера и план Бердвуда оказался неприемлемым. Флоту предлагалось постараться самостоятельно проникнуть в Мраморное море, армия же должна была быть высажена в пункте удобном для наступления на Константинополь. Таким образом, первоначальный план кампании, со всеми явными его ошибками, остался

в силе. Флоту предоставлялось решать задачу собственными силами, в то время как сухопутные войска в Дарданеллах оставались в бездействии и своим присутствием помогали немцам понуждать турок к энергичной работе по укреплению Галлипольского полуострова.

В течение последующих 2-х недель выполнялись лишь морские операции. Не только не было сделано никаких попыток захватить какой либо береговой наблюдательный пункт, удобный для корректировки судового огня, но даже не были возобновлены действия по окончательному разрушению фортов. Отныне все внимание было обращено на способы и средства, могущие выяснить, как далеко флот может продвинуться без сухопутной помощи. 5 марта предполагалось начать бомбардировку внутренних фортов, при чем главная роль в операции была впервые предназначена *Queen Elisabeth.* Этот корабль должен был решить, может ли он сделать с турецкими фортами то, что немецкие тяжелые гаубицы сделали с фортами Антверпена и Намюра. Внутренние, они же главные укрепления, представлявшие собой ближайший объект действий, состояли из пяти главных фортов, тесно расставленных по обоим берегам узкой части пролива и расположенных (по уже забракованной системе) очень низко. Однако, большинство их было перестроено и до известной степени перевооружено в течение ближайших к войне десяти лет. В группе Килид-Бахр на европейской стороне были три форта. Из них—ближний Румели-Меджидие (№ 13) был вооружен 2-мя старыми 11″ и 4-мя современными 9,6″ орудиями и мог стрелять анфиладным огнем в западном и юго-западном направлении. Рядом, но несколько выше над уровнем моря, находился форт Гамидие II (№ 16) более новой постройки с 2-мя современными 14″ орудиями. Он также, как и Румели-Меджидие, мог стрелять вдоль пролива. Сейчас же за ним стоял наиглавнейший форт Намазие (№ 17), примыкающий к старинному замку Килид-Бахр, крупное укрепление современного профиля, вооруженное 16-ью орудиями (не считая гаубиц) в большинстве старых. С южного фаса, вдоль пролива стояли пять 9,4″, все—кроме 2-х—современного типа. С восточной стороны находились три старых 8,2″, шесть старых—9,4″ и два тяжелых орудия (10″ и 11″), направленных поперек пролива.

Самое же грозное укрепление было на другой стороне в Чанакской группе—Гамидие I (№ 19). Возведенное на самом берегу, оно располагало двумя современными 14″ орудиями, смотрящими вдоль пролива и действующими на дистанции до 85 каб., и семью 9,4″ орудиями с дальностью до 75 каб. Укрепление это имело новые дальномеры, было

оборудовано согласно новейшим требованиям техники и, как говорили турки, обслуживалось исключительно немцами. В пяти кабельтовых к северу от него, напротив Намазие и смежно с городом Чанак, находился форт Чеменлик (№ 20), земляная постройка, ясно видная, благодаря соседству с башней Чеменликского замка. С южной стороны форт имел одно современное 9,4″ орудия и одно 8,2″ старое. Поперек пролив обстреливался двумя 14″, из которых одно было дальнобойное. Кроме этих главных батарей, обе группы имели у себя, или по близости, гаубицы, пушки Норденфельдта и полевые орудия.

Инструкции по атаке этих укреплений, характер которых оставался нам почти неизвестен, были детально разработаны во время перерыва операций, вызванного непрекращавшимися штормовыми погодами, при чем в процессе работы лишний раз подтверждалась необходимость наблюдательного берегового пункта.

Оперативный приказ в основе своей имел именно этот недостаток.

Согласно плану *Queen Elisabeth* должен был стать на якорь у западного берега полуострова на заранее протраленном месте, в двух с половиной милях на зюйд-вест от Габа-Тепе, и оттуда обстреливать главные укрепления группы Килид-Бахра на европейском берегу. Точной наводкой для стрельбы через полуостров служил могильный памятник на приметной вершине одного из холмов. Стрельба должна была продолжаться до получения приказания перенести огонь на Чанак или Азиатскую группу. Вследствие большой дистанции, около 72 каб., требовалась тщательная корректировка; полагаться всецело на гидросамолеты было нельзя и в отношении корректировки приходилось рассчитывать на суда, находящиеся в проливе. Это обстоятельство встречало серьезное затруднение. Попытки уничтожить полевые батареи и гаубицы, установленные в промежуточном районе, не удались и судам-отметчикам невозможно было становиться на якорь. Из-за необходимости все время держаться на ходу для корректировки требовалось не менее трех кораблей. Назначенные для этой цели *Cornwallis, Irresistible* и *Canopus* должны были по-очереди, через двенадцать минут один после другого, делать галсы у входа и поворачивать обратно, не доходя пяти миль до мыса Кефец, т. е. приблизительно до Эрен-Киой. Затем, пересекая пролив, итти в готовности открыть огонь по фортам Мессудие и Дарданос, на случай если те проявят активность. Таким образом, вся корректировка должна была вестись с дистанции от 7 до 8 миль. *Agamemnon* имел приказание наблюдать за входом в пролив, *Darmouth* за Булаирским направлением, чтобы следить за передвижением войск, *Prince George* должен

был держаться на ходу около *Queen Elisabeth* для защиты последнего от могущих оказаться на берегу полевых батарей.

В подобных условиях, даже при самых благоприятных обстоятельствах, стрельба с дальних дистанций не сулила успеха. Возвращение на корабли подрывных партий и морской пехоты, высаживавшихся накануне, вызвало значительную задержку операции и только к полудню *Queen Elisabeth* сделала первый выстрел по Румели-Меджидие (№ 13), наиболее выдвинутому форту группы Килид-Бахр. Пользоваться гидросамолетами не пришлось. На первом из них произошло повреждение мотора и он, упав с высоты 900 метров, разбился вдребезги. На втором летчик был ранен пулей и вернулся.

Корректировка происходила исключительно с кораблей, т. к. стрельба велась поперек линии наблюдения, расстояния можно было корректировать сравнительно сносно, что же касается указаний целика, то они давались почти наугад.

К довершению затруднений—суда все время оставались под огнем скрытых батарей, обнаружить которые представляло громадные трудности. Хотя в корабли, корректировавшие стрельбу, попаданий не было, но *Queen Elisabeth* получил семнадцать попаданий, несмотря на все старания *Prince George*'а и *Inflexible*'я уничтожить подвижные батареи, которые, надо думать, были привлечены тральными работами. *Queen Elisabeth* совершенно не пострадал, но огонь батарей причинял не мало беспокойства. Из-за запоздания начала операции было потеряно почти четыре часа хорошей видимости, обычная дневная дымка затрудняла наблюдение за падением снарядов. После восемнадцати пристрелочных залпов, *Queen Elisabeth* положил следующие десять снарядов в форт Румели и затем перенес огонь на форт Намазие (№ 17), при чем несколько снарядов, вероятно, попало и в Гамидие II (№ 16), на котором был замечен взрыв погреба.

Условия видимости с каждой минутой ухудшались. К этому времени смог подняться третий гидросамолет, но начало темнеть и дальнейшая стрельба становилась бесцельной. Летчик успел послать только одно донесение, как огонь пришлось прекратить. По Намазие *Queen Elisabeth* сделал всего пять залпов.

Судить о результатах стрельбы не представлялось возможным, но считалось, что Румели и Гамидие пострадали. Хотя гаубичные и полевые батареи проявили значительную активность, форты промежуточных укреплений огня не открывали.

Единственно, что в течение дня выяснилось определенно, это, что нельзя вести корректировку по очереди с нескольких движущихся кораблей и менять корректирующих стрельбу артиллеристов. Надо было поручить работу одному ко-

раблю, не считаясь с тем, что ему придется все время менять место, уклоняясь от неприятельского огня. Другого способа не было. Однако, адмирал Карден не мог теперь не убедиться, что без надежной воздушной корректировки стрельба сводилась к пустой трате снарядов.

Гидроаэропланы несомненно для этой задачи не годились, т. к. не могли подниматься достаточно высоко, чтобы избежать ружейного огня. Поэтому адмирал телеграфировал о невозможности без аэропланов достигнуть удовлетворительных результатов при стрельбе по невидимой цели. Лучшего успеха можно было достичь при условии перехода *Queen Elisabeth* на тщательно выбранную позицию внутри пролива, но это запрещалось полученными ранее инструкциями. На просьбу об изменении инструкций Карден 5 марта получил это разрешение при условии, что будут приняты все меры предосторожности, обеспечен осторожный расход снарядов и обращено внимание на износ 15″ орудий.

На следующий день повторили опыт стрельбы по невидимой цели при корректировке с одного корабля. Выбор пал на *Albion*'а, который должен был занять позицию в сравнительно мертвом пространстве под европейским берегом. Адмирал Де-Робек с *Majestic*'ом, *Prince George*'ем и *Vengeance*'ом, на котором он снова поднял флаг, имел приказание прикрывать *Albion*'а, а адмирал Гепратт на *Suffren*'е—наблюдать за операцией, т. к. на завтра намечалось ее возобновление судами французской эскадры.

Triumph и *Swiftsure* не принимали участия, имея, как будет видно ниже, особые поручения. *Ocean* и *Agamemnon* назначались для охраны *Queen Elisabeth*, а *Lord Nelson* для наблюдения за внешними фортами. Дивизии Де-Робека кроме того поручалось следить за фортами Дарданос и Мессудие. На этот раз объектом действий служил форт Чанакской группы—Чеменлик (№ 20) на азиатском берегу. Белые строения маленького городка спускались к внутренней стенке форта, и казалось, что падения снарядов будут заметны. Надеялись, что корабли, посланные внутрь пролива, смогут сделать возможным повторение попытки ночной тральной работы заграждения у м. Кефец. Однако, результаты этого дня оказались хуже предыдущего: операция началась поздно, видимость была плохая, корректировка встретила различные затруднения. Корабли при проходе в пролив попали под огонь полевой батареи, установленной ночью в Кум-Кале, и других орудий, расположенных на холме к востоку от батареи.

Предоставив их *Lord Nelson*'у, дивизия Де-Робека пошла далее, но сейчас же попала под жаркий огонь гаубиц с Эрен-Киоя и каких-то других. Попытки *Albion*'а отыскать мертвое

пространство под европейским берегом оказались тщетными, снаряды ложились повсюду. Хотя Мессудие и Уайт-Клифф молчали, но Дарданос стрелял. При таких условиях точная корректировка была немыслима и Де-Робек в 10 ч. построил свои суда в кильватерную колонну и начал бомбардировать Дарданос и Эрен-Киой, пока те не прекратили стрельбы. Подошедший к этому времени на *Suffren*'е французский адмирал, не довольствуясь ролью зрителя, вступил в хвост нашей колонны.

Queen Elisabeth не мог еще начать стрельбы. Как только он стал на якорь на своем прежнем месте, вокруг него стали ложиться гаубичные снаряды крупного калибра с хорошо укрытых батарей и столь близко, что он вынужден был переменить место и отойти на 5 каб. В 12 ч. 30 м. ему удалось открыть огонь с предельной дистанции, стреляя уменьшенными зарядами.

Корабли в проливе были в трудном положении и корректировка с *Albion*'а шла медленно. Мессудие также начал стрелять и один из его снарядов попал в *Majestic*; Дарданос, не прекращавший огня до полудня, вскоре после этого был приведен к молчанию. Тем временем *Albion* нашел удобное место под северным берегом и мог спокойно корректировать стрельбу; однако, это продолжалось очень недолго. Гаубичная батарея на северном берегу, подвезенная, очевидно, специально для стрельбы по *Albion*'у и чрезвычайно искусно замаскированная, очень скоро по нему пристрелялась. Всплески от рвущихся снарядов совершенно не давали возможности вести корректировку, в результате чего *Queen Elisabeth* в течение часа с четвертью смог сделать только пять залпов. За этот же промежуток времени по нему пристрелялась еще одна гаубичная батарея и кораблю снова пришлось переменить место—на 15 каб. к весту, увеличив дистанцию до 100 каб. В 3 ч. 30 м. *Queen Elisabeth* возобновил стрельбу, на этот раз полными зарядами. Было сделано два залпа, падения которых вследствие дурной видимости не были замечены, и адмирал Де-Робек поднял сигнал „прекратить огонь". До наступления сумерек оставалось еще два-три часа и, не желая их терять, Де-Робек решил продолжать галсы в проливе.

Форт Румели, в который *Queen Elisabeth* накануне послал первые залпы, стрелял теперь из своих двух 9,4" орудий, и адмирал хотел попробовать с ними покончить. Суда внутри пролива сблизились с фортами до 60 каб. и, хотя попали под сравнительно сильный обстрел, в особенности, во время поворотов, и имели несколько попаданий, потерь в личном составе не понесли.

Бомбардировка продолжалась до наступления темноты, судить о результатах которой, за поздним временем, было

нельзя. Тем не менее для подготовки тральных работ Де-Робек сделал все, что мог.

С отходом его судов, *Amethyst* привел тральщиков с миноносцами, за которыми следовали для поддержки *Ocean* и *Majestic*. Около полночи тральщики пошли вперед, но также, как и в прошлый раз, попали в лучи прожектора и под жаркий огонь защищавших заграждение батарей.

Раза два-три казалось, что прожектор сбит, но затем лучи его снова вспыхивали и ловили тральщиков. Доблестные шкипера [1]), с обычной выдержкой, все-таки не ворочали, пока не оказались под таким градом снарядов, что принуждены были отойти, не сделав ничего.

Неудовлетворительность результатов была более чем очевидна; еще раз подтвердилась вся безнадежность стрельбы по невидимой цели с дальних дистанций при существующих средствах корректировки. Адмирал Де-Робек торопил с посылкой *Queen Elisabeth* в пролив, но Карден не хотел прибегать к этой крайней мере, не испробовав другого плана, выработанного им совместно с французским адмиралом. При производстве разведки адмирал Гепратт обнаружил местонахождение некоторых укрытых турецких гаубичных батарей и это подало мысль попробовать снова атаковать узкость силами двух однотипных линейных кораблей—*Lord Nelson*'а и *Agamemnon*'а, под прикрытием французской дивизии. Они должны были покончить с фортом Румели (№ 13), а затем обратиться против грозного Гамидие I (№ 19). Последний, расположенный низко у самой береговой черты, очень плохо проектировался на фоне леса и ни разу еще не подвергался обстрелу.

Первой пошла французская дивизия, а вскоре после полдня английские суда обогнали ее и, придерживаясь курса в расстоянии одной мили от северного берега, около 12 ч. 30 м. открыли огонь по Румели из носовых орудий с 70 каб. Пройдя 10 каб., *Agamemnon*, идя головным, повернул и открыл бортовой огонь. Форты не отвечали, хотя какой-то 6″ снаряд попал в броню *Agamemnon*'а, не причинив ему вреда. Но как только наши суда пересекли пролив они сразу попали под ураган снарядов, сыпавшихся с батарей Эрин-Киой, Мессудие, Кефец, а также с замаскированных подвижных батарей, по которым французская эскадра не замедлила открыть самый энергичный огонь.

В 12 ч. 45 м., когда *Agamemnon* находился по середине пролива, форт Румели начал его обстрел кучными залпами своих 9,4″ орудий, показав этим, что в предыдущую бомбардировку форт остался нетронутым. Пять минут спустя, впервые заговорил, обслуживаемый немцами, и форт Гами-

---

[1]) Тральщиками были рыболовные траулеры из Англии. *Ред.*

дие I. Оба корабля шли теперь на ост в водяном тумане от всплесков падающих снарядов, давая бортовые залпы из 12″ и 9″ башен. Форты дважды дали накрытия кораблей, при чем снаряды не долетели буквально нескольких дюймов и палубы кораблей заливались столбами воды, подымаемыми тяжелыми снарядами. Ход увеличили до 14-ти узлов и по мере приближения к азиатскому берегу огонь турок стал слабеть. Затем, когда, описывая треугольник и заканчивая галс, они повернули и опять оказались на середине пролива, то картина повторилась. В 1 ч. дня 14″ снаряд, ударив почти нормально в палубу *Agamemnon*'а на шханцах, разрушил кают кампанию и снарядный погреб внизу. Куски палубы полетели на грот-марс на высоту ста фут. Корабль остался на курсе, но маневр продолжать становилось трудно. Однако, пять минут спустя *Lord Nelson*, удачно положив залп в Румели, вызвавший сильнейший взрыв на этом форте, перенес огонь на Гамидие I. Ему удалось быстро пристреляться и когда в 1 ч. 50 м. *Lord Nelson* повернул и делал второй галс, на Гамидие взлетел на воздух погреб и форт временно замолчал.

Несмотря на все старания французов, подвижные батареи турок очень беспокоили наши корабли, при чем *Agamemnon* на втором галсе получил еще два тяжелых попадания.

Lord Nelson возобновил огонь по Румели, но, когда он, идя вместе с *Agamemnon*'ом, снова повернул на вест, немцы опять открыли огонь с Гамидие и *Nelson*'у пришлось повернуть свои орудия на него. К 2 часам огонь обоих фортов стал заметно ослабевать. На третьем галсе залпы четырех 12″ и пяти 9,2″ орудий *Agamemnon*'а ложились настолько удачно, что на корабле считали выведенными из строя два орудия на Румели. Однако, скрытые в складках берега батареи продолжали свое дело. На обоих кораблях изрядно пострадал рангоут и палубные надстройки. Осколками, залетевшими в боевую рубку *Lord Nelson*'а, были ранены в голову командир кап. I р. Мак-Клинток и еще два человека, но галс продолжался. Вскоре на Румели последовал второй взрыв. К 2 ч. 30 м. оба форта прекратили стрельбу. Два-три орудия, установленные по близости от Намазие, сделали попытку стрелять, но огонь их быстро подавили. В 3 ч. 10 м., когда кроме укрытых батарей, все неприятельские орудия, уже в течение двадцати минут не проявляли признаков жизни, командир *Agamemnon*'а кап. I р. Файлер, следуя инструкциям, испросил у адмирала Гепратта разрешение отходить.

Считая задачу выполненной, британские суда отошли, предоставляя Эрен-Киой и остальные батареи французам. День выдался не легкий. Не считая попаданий полевых

и гаубичных батарей, *Agamemnon* получил восемь тяжелых попаданий, а *Lord Nelson* — семь. Помимо этого *Agamemnon* наткнулся на небольшую мину, повидимому, оторвавшуюся от турецких противолодочных заграждений, но без повреждений. Пострадавших среди личного состава было немного; ранения сводились больше к царапинам и порезам, что говорило в пользу системы бронирования кораблей. Единственное значительное по своим последствиям попадание в броню было на *Lord Nelson*'е в ватер-линию, повлекшее затопление двух угольных ям. Непрерывный энергичный огонь французских судов по многочисленным гаубичным и полевым батареям, установленным противником на обоих берегах пролива, значительно ослабил неприятельский огонь.

К вечеру была повторена обычная попытка траления заграждения у м. Кефец. На этот раз пошли французские тральщики, сопровождаемые нашими миноносцами, на обязанности которых было сбить прожектора. Хотя прожектора на этот раз не светили, тем не менее тральные работы успеха не имели, главным образом, из за слабости машин тральщиков, не выгребавших против сильного течения.

Работа 7 марта не ограничилась операциями непосредственно против Дарданелл. *Dublin*, сменивший *Dartmouth*'а у Булаира, установил здесь присутствие батареи, обнаружить местонахождение которой не удалось. Крейсер получил четыре несерьезных попадания и, не нащупав орудий батареи, обратил свое внимание на Булаирские форты, где, заметив передвижения войск, открыл огонь по форту Наполеон и разрушил на нем казармы.

На другом конце проливов события развивались своим чередом. Черноморский флот снова проявил активность и, пока соединенная франко-британская эскадра оперировала в Дарданеллах, адмирал Эбергард бомбардировал угольные порты Зунгулдак, Козлу и Килимли. Делалось это с целью разрушить оборудование шахт и прекратить подвоз угля. Бомбардировка, повидимому, имела успех, т. к. сопровождалась пожарами и взрывами на берегу. Неприятельские батареи были приведены к молчанию, восемь пароходов и пять крупных парусников утоплены [1].

Опыт 7 марта в Дарданеллах не оставлял никаких сомнений, что, если от флота ожидаются скорые результаты, то необходимы исключительные меры. Было совершенно

---

[1] За этот период Черноморским флотом был произведен ряд бомбардировок Угольного района с целью лишить Турцию подвоза угля для ее промышленности и флота. Однако, одним обстрелом с моря без высадки десанта уничтожения добычи угля осуществить не удалось так как турки, пользуясь перерывами в несении русским флотом блокады, вывозили уголь почти до конца войны. Результаты действий против Угольного района едва ли оказывали сколько нибудь серьезное влияние на ход событий у Дарданелл. *Ред.*

очевидным, что периодическое молчание фортов не означало, что они выведены из строя; оно лишь показывало, что орудийная прислуга скрывалась за прикрытия, ожидая удобного случая возобновить огонь. Для разрушения фортов требовались более тяжелые снаряды, и адмирал Карден, отложив в сторону всякие колебания, приказал *Queen Elisabeth* на следующий день начать бомбардировку по видимой цели. Все меры против помехи со стороны гаубичных и полевых батарей были приняты.

Queen Elisabeth предписывалось держаться середины пролива и начать со стрельбы по Румели; покончив с этим фортом, перенести огонь на Гамидие I, затем на Гамидие II и Намазие и закончить операцию разрушением форта Чеменлик. Четыре линейных корабля—*Vengeance*, *Canopus*, *Cornwallis* и *Irresistible*, два на траверзе и два на крамболе должны были прикрывать его от огня подвижных береговых батарей. Им вменялось в главную обязанность действовать по разбросанным на берегу гаубицам, при чем головные имели приказание не вступать в бой с фортами, но быть наготове к ним приблизиться, дабы в случае надобности заставить прислугу выйти к орудиям, но как только форты откроют огонь, суда должны были отходить.

Самым серьезным затруднением являлся недостаток боевого запаса, вызывавший большое беспокойство, почему пришлось издать особые инструкции для осмотрительного расходования снарядов. Тем не менее на операцию возлагались большие надежды; поэтому, помимо решения рискнуть войти в пролив, было намечено вступить в бой со всеми пятью главными фортами. Адмирал Карден перенес флаг на *Queen Elisabeth*.

Как и раньше нам снова не повезло с погодой. Видимость была настолько плохая, что цель различалась с трудом. О корректировке с кораблей не могло быть и речи, низкие же облака не давали возможности гидросамолетам заметить ни одного падения снарядов. В течение трех галсов *Queen Elisabeth* смог сделать не более одиннадцати залпов—все по Румели, из которых один только считался удачным. Форты не отвечали, но полевые и гаубичные батареи проявляли исключительную активность, тем более, что плохая видимость, как никогда, мешала найти их местонахождение. До 3 ч. 30 м. адмирал упорствовал, но по мере ухудшения освещения был принужден уступить обстановке. Суда отошли не сделав ничего [1].

[1]) По заслуживающим доверия турецким сообщениям о бомбардировках, имевших место в промежуток времени между 26 февраля и 8 марта, результаты их сводились к следующему:

С 26 февраля по 4 марта: бывшие под огнем батареи не понесли никаких потерь за исключением нескольких человек раненых.

5 марта в Румели было одиннадцать попаданий, но ни одно орудие не вышло из строя. В Намазие—шесть. Стрельба по невидимой цели произвела

За три истекшие недели, из четырех фаз операции, намеченных адмиралом Карденом, не удалось осуществить даже и второй и продолжать дальнейшее выполнение при существующих условиях было бесполезно. Препровождая в Англию сводку донесений, Карден писал, что необходима более действительная воздушная разведка. Пока скрытые на берегу подвижные, гаубичные и полевые батареи не будут обнаружены, суда, вошедшие в дневное время внутрь пролива, подвергаются серьезной опасности, так как хотя стрельба этих батарей до сих пор была не очень точной, но она с каждым днем улучшается. До устранения этого главного затруднения продолжать операции—он не предполагает.

Помимо трудности корректировки, опыт стрельбы по фортам с дальних дистанций показал ее бесцельность. Для достижения действительных успехов судам необходимо подходить близко к фортам, а это невозможно, пока неприятельские заграждения остаются нетронутыми. Поэтому до выработки нового, более широкого плана, обеспечивающего успешность бомбардировки, он предполагает организовать ночное траление заграждений при поддержке четырех линейных кораблей. Два корабля будут находиться непосредственно при тральщиках, а два других по обеим сторонам входа, дабы не дать возможности туркам сосредоточиваться по берегам и не допустить там установки подвижных батарей. Кроме того, для этой же цели, он намеревался произвести бомбардировку Булаирских укреплений.

Исходя из первоначальных условий Дарданелльского проекта, снова представлялся случай прекратить операцию вовсе, или же, раз эта мысль была теперь окончательно оставлена, то постараться, если это действительно достижимо, овладеть наблюдательным пунктом на берегу для корректировки судового огня. Французская пехотная дивизия, расквартированная в Бизерте, выходила оттуда двумя эшелонами 10-го и 11-го марта, королевская морская дивизия прибывала на Лемнос 12 марта, все австралийско-новозеландские части могли быть на месте через неделю. Если захват оконечности Галлипольского полуострова наличными силами считался невыполнимым, то оставались еще два других об'екта действий, на которые столь часто указывалось в качестве второстепенных оперативных направлений при обсуждении Дарданелльского проекта.

большое моральное впечатление на прислугу орудий. 6 марта в Килид-Бахр было пять попаданий; 7 и 8 марта—никаких серьезных повреждений и ни одного раненого. Батареи прекращали огонь, чтобы сохранить боевой запас для стрельбы с коротких дистанций, или же для того, чтобы очистить орудия от песка и мусора, которыми они засыпались при взрывах снарядов. Бой, при желании, мог быть продолжен в любой момент.

Отличительной особенностью сухопутно-морской войны (amphibious warfare) являются выгоды, вытекающие из возможности менять операционное направление. Но использовать выгоды ведения войны соединенными союзными силами трудно, даже исходя только из требований стратегии. Когда же вопрос осложняется политическими соображениями и необходимостью вести длительные переговоры, то он становится почти неразрешимым.

Первым объектом являлась Александретта, за операции против которой в Англии раздавались голоса некоторых авторитетов, считавших предпочтительным скорее использовать свободные войска там, чем в Персидском заливе; вторым—Смирна, где операции уже начались. Сюда и были посланы *Triumph* и *Swiftsure* в тот день, когда *Queen Elisabeth* начала атаку узкости. Руководство операциями было возложено на адмирала Пирса, который 2 марта получил приказание выйти из Египта на *Euryalus*'е для соединения с линейными кораблями в условленном рандеву у входа в Смирнский залив. В распоряжение адмирала, кроме того, поступали группа тральщиков и авиаматка *Anne Rickmers*. Представителем союзников являлся русский крейсер *Аскольд*, находившийся последнее время в составе французской эскадры на побережии Сирии. Делать высадки не предполагалось, десантные операции были запрещены, и посылка отряда вызывалась слухами о намерениях немцев начать отсюда операции подводными лодками и необходимостью не допустить устройства в заливе базы подлодок.

Чем более вырисовывалась предстоящая задержка в развязке Дарданелльских событий и вероятная необходимость прибегнуть к помощи сухопутных сил, тем настоятельнее требовалось своевременно принять меры против подводной угрозы. Сведения о посылке из Германии на Босфор подлодок в разобранном виде поступали неоднократно и, хотя на них мало обращали внимания, но нельзя было забывать про подводную опасность из Адриатики. Французов просили обратить особое внимание на тщательное наблюдение за подлодками в Адриатике, но это считалось недостаточным, и адмирал Пирс получил директивы бомбардировать и разрушить Смирнские форты, дабы иметь возможность установить тесную блокаду этого порта и оставить его открытым для высадки. По данным нашей разведки, до известной степени устаревшим, укрепления Смирны находились на южной стороне канала, составлявшего продолжение внутренней части пролива, и состояли из форта Иени-Кали или Гамидие, вооруженного семью 9,4″ короткими орудиями, и форта Моун-и-Заффер, расположенного

несколько мористее первого, среди оливковой рощи, на мысе Палео-Табия. Этот форт представлял собою батарею из четырех 6″ орудий, действующих на дистанцию 60 каб. Водное пространство между укреплениями было заминировано и охранялось полевыми орудиями и пулеметами. На берегу имелись также и прожекторы.

Придя с рассветом 5 марта к месту рандеву, адмирал Пирс немедленно приступил к операции. Днем суда атаковали форт Гамидие и в течение часа бомбардировали его с 60 каб. и в течение часа с 50 каб. Условия погоды не оставляли желать лучшего и *Euryalus* смог прекрасно класть свои 9,2″ снаряды. Были замечены 32 попадания, сопровождавшиеся двумя сильными взрывами, повидимому, погребов. Из за дальности расстояния Гамидие молчал, остальные батареи также не сделали ни одного выстрела и обнаружить их местонахождение не удалось. Около 4 часов адмирал Пирс отошел, намереваясь на следующий день приступить к тралению и затем покончить дело с коротких дистанций.

Утром 6 марта тральщики под прикрытием огня с судов приступили к работе. Но как только они подошли, чтобы очистить проход, защищавшие заграждения замаскированные батареи неожиданно открыли огонь. Повидимому, их было две—одна 6″ батарея на мысе Палео-Табия, а другая Баденелик с пятью 4,7″ орудиями, удачно установленными на холме высотой в 150 фут. Ближе к морю, против узкости на мысу Пеликан, у брандвахты Чифик стояла полевая батарея. Огонь этих батарей был настолько метким и живым, что не могло быть и речи о тралении, пока они не будут приведены к молчанию. Тральщиков отозвали, и суда открыли огонь по батареям с дистанции от 40 до 35 каб. Батареи отвечали весьма энергично. Форт Гамидие сделал только один залп и, казалось, что он выведен из строя предыдущей бомбардировкой. Но фактически дело обстояло иначе. На нем было сбито только одно орудие. *Triumph*, *Euryalus* и тральщики получили несколько попаданий, потеряв двух офицеров и шесть матросов ранеными. После часового обстрела батареи замолчали и днем последовала новая попытка протралить заграждение. На этот раз адмирал, считая положение невыясненным, послал только одну пару тральщиков и оказался прав. Как только суда приблизились и начали, прикрывая тральщиков, обстрел с 40 каб., не обнаруженные на холмах батареи снова заговорили. Хотя форт и молчал, но батареи по прежнему стреляли метко и не дали возможности что либо сделать.

Однако, операции у Смирны прекратились не сразу, так как в эту же ночь Пирс получил уведомление Адмирал-

тейства о том, что цель может быть достигнута другими средствами.

Влиятельный генерал-губернатор Смирны, всегда дружественно расположенный к Франции и Англии, открыто заявлял себя противником современной политики Турции, почему было основание предполагать, что он, дабы спасти порт и Смирнский вилает от последствий войны, не откажется пойти на уступки и придти к какому нибудь соглашению, предусматривающему нейтралитет его провинции. В то время, в Англии, под влиянием первоначальных Дарданелльских успехов, царило оптимистическое настроение; думали, что генерал-губернатор, жалея город, не откажется прислушаться к предложениям. Поэтому Пирс получил приказание, сейчас же по разрушении фортов, постараться войти в сношение с турецким вельможей, в расчете, что последний согласится, при условии неприкосновенности города и вилаета, разрешить нам протралить проход и сохранить за собою общий контроль над заливом, т. е. обеспечит нам возможность оперировать из Смирнского порта.

Адмирал немедленно предпринял необходимые для переговоров шаги, а утром 7 марта приступил к продолжению атаки фортов.

Суда подошли к Палео-Табиа и бомбардировали его и другие обнаруженные батареи. Остальные батареи, заметить которые из за неблагоприятных топографических условий и плохого освещения было нельзя, поддерживали жаркий огонь. Гидросамолеты, вследствие погоды и недоразумений с моторами, бездействовали. Однако, одну гаубичную батарею, установленную на отдельном холме высотой в 200 фут, все-таки удалось открыть, равно как и одну полевую—у самой береговой черты. Минные заграждения препятствовали обстреливать обнаруженные батареи с коротких дистанций и только одну из них, у Чифика, *Triumph*'у удалось расстрелять. Нетронутых, скрытых батарей оставалось еще очень много, почему возможно было приступать к тралению лишь ночью и то только после уничтожения прожекторов. С наступлением темноты *Triumph* пытался это сделать. В виду того, что прожекторы вспыхивали не более, чем на несколько секунд, сбить их не удалось, и адмирал решил еще один день посвятить фортам прежде, чем приступать к серьезным тральным работам.

8 марта суда начали обстрел Гамидие с 35 каб. Форт не отвечал и адмирал на флагманском крейсере пошел осмотреть якорную стоянку на рейде Вурлах, находящуюся во внешней части залива. Присоединившийся к отряду *Аскольд* донес, что был обстрелен у этого пункта, и Пирс желал выяснить, что можно сделать.

Линейные корабли в отсутствие флагмана обстреливали Палео-Табиа. Залпы ложились хорошо, форт не отвечал. Очень скоро *Triumph*'у удалось прямым попаданием сбить одно из орудий, но результат получился ошеломляющий. Как только пушка слетела с установки, все три тяжелых батареи открыли огонь, как будто по ним никогда не было сделано ни одного выстрела.

Корабли находились в этот момент только в 40 каб. от батарей и последствия могли оказаться плачевными, но по счастию турецкая прислуга, находившаяся долго в укрытии, как это всегда бывает, нервничала и стрельба велась беспорядочно. Корабли остались на позиции, энергично отвечая, и, хотя *Triumph* получил несколько попаданий, но не понес никаких потерь в людях; через полтора часа все форты прекратили огонь.

Полученные новости не могли порадовать адмирала, возвратившегося из рекогносцировки, к тому же безрезультатной. В донесении, посланном вечером в Адмиралтейство, он обрисовывал обстановку и указывал, что все результаты четырехдневных операций сводятся к сбитию одного тяжелого орудия и четырех полевых. Смирнский опыт, фактически, подтверждал опыт Дарданелльский. Было совершенно очевидно, что турки держат прислугу в укрытии и что их „игру“ не остановить, пока корабли не подойдут на решительную дистанцию и не разнесут укреплений вместе с пушками. Достигнуть этого, без предварительного траления, было невозможно, и ночью состоялась новая решительная попытка протралить проход в заграждении. Операция была произведена с большой доблестью и выдержкой. Корабли не давали возможности прожекторам действовать и последние ограничивались лишь мгновенным, сейчас же затухавшими, вспышками, и тральщикам, ценой гибели одного из них, удалось очистить проход, не доходящий 15 каб. до Гамидие.

9 марта ожидался ответ от генерал-губернатора и дальнейшее производство операции было приостановлено. Линейные корабли, под парламентерским флагом приблизились к фортам. Адмирал поднял сигнал, предлагающий начать переговоры, но в полдень одна из батарей сделала залп в *Triumph* и корабли были отозваны. Прождав до 3 часов, они открыли огонь по выстрелившей батарее, но через полчаса пришла шлюпка с парламентером от губернатора и стрельба была прекращена. Парламентер в самых любезных выражениях объяснил печальный случай недоразумением, происшедшим исключительно по ошибке одного из офицеров батареи, и приступил к переговорам. Адмирал предложил дать обязательство не причинять городу никакого вреда при условии, что форты будут сданы для раз-

рушения и судам будет обеспечена возможность протралить проход для свободного входа в порт. Предложение было принято благоприятно и парламентер отбыл с выражением дружественных чувств, дав согласие на перемирие до 10 ч. утра 11 марта.

Начало сулило успех, но являлось сомнение, сможет ли губернатор побороть опозицию со стороны военных начальников, настроение которых достаточно характеризовал факт выстрела тяжелого орудия по нашему парламентерскому флагу. В случае если бы влияние военного командования одержало вверх, на успех дальнейших переговоров рассчитывать не приходилось.

Кроме того Адмиралтейство предупреждало, что, быть может, операцию у Смирны придется ограничить демонстрацией и адмиралу каждую минуту надлежит быть готовым вернуть линейные корабли в Дарданеллы, где наступало время окончательно испытать возможности флота в попытках форсировать узкость, и Карден был уполномочен отозвать *Swifsure*'а и *Triumph*'а, как только он будет готов начать атаку.

ГЛАВА XII.

Дарданеллы. Дальнейшее развитие плана операций. Решение послать XXIX дивизию. Приказ атаковать узкость. Окончание Смирнской операции. С 10. по 17 марта.

Карта 3.

10 марта истекал срок, к которому ожидалось, что лорд Китченер сможет решить вопрос о посылке в Дарданеллы первоочередных войск, т. е. XXIX дивизии. Другими словами, предстояло или открыто признать Дарданеллы второстепенным театром или же считать экспедицию, как и предполагалось первоначально, лишь демонстрацией. Фельдмаршал полагал, что к этому времени обстановка на французском фронте достаточно выяснится и будет видно, нужна ли там XXIX дивизия.

Таков был взгляд Китченера к 3 марта. Однако, события шли столь быстро, что уже к концу недели он смог придти к окончательному решению. В военном министерстве считали, что для прорыва германского фронта на главном театре мы не достаточно сильны ни в отношении количества войск, ни в отношении боевых запасов. Между тем,

наши части на фронте получили значительные подкрепления. Канадская дивизия только что заняла позиции, а первая из вновь сформированных территориальных дивизий—Мидландская—вступила в резерв. Кроме того во Францию на усиление отдельных бригад прибыло несколько батальонов. Поэтому считалось, что наличных сил достаточно, чтобы не бояться прорыва германцами английского фронта. Все же наша главная квартира во Франции не удовлетворялась этим положением. В ней господствовали более активные взгляды и главнокомандующий в расчете произвести прорыв в районе Neuve Chapelle намечал на 10 марта энергичные операции. Подобные операции были крайне желательны, чтобы с одной стороны помешать немцам производить дальнейшие переброски войск на русский фронт, а с другой—поднять боевой дух наших частей, застывших в обороне. Для более успешного выполнения плана надо было заставить немцев тронуть резервы и с этой целью французы и бельгийцы должны были произвести демонстрации у Ньюпорта и на Изере при поддержке с моря.

Venerable и *Excellent* с миноносцами и тральщиками были посланы произвести бомбардировку Вестенде 11 марта. Наступление у Neuve Chapelle началось 10 марта весьма успешно; деревню взяли штурмом и смогли удержать. Бомбардировка с моря началась на следующее утро и, несмотря на сильный обстрел с берега, суда не получили ни одного попадания. Тем не менее ни Адмиралтейство, ни начальник отряда судов не считали разумной трату снарядов ради сомнительной операции у Neuve Chapelle. Германцы передвинули резервы с севера и хотя генерал Френч имел наготове кавалерию, чтобы бросить ее в образовавшийся прорыв, удобного к тому случая не представилось. Противник удержался на флангах и, не смотря на последующие попытки с моря и на берегу, продолжавшиеся до 13 марта, дальнейших успехов достигнуто не было.

Приходилось считаться с фактом невозможности достигнуть более решительных результатов при существующем наличии войск и боевых запасов.

Результат последнего наступления укрепил Военный Совет в уже наметившейся линии его поведения; ко времени его заседания решение уже было принято. Какие именно соображения заставили Китченера убедить большинство Совета в пользу Дарданелл—осталось не известным, но возможно, что не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что русские уже оправились от полученного удара. Готовность России к совместным действиям на новом направлении и обещание дать для этой цели армейский корпус оживляли надежду на достижение серьезных результатов. Вырисовывалась возможность крупного сосредоточе-

ния союзных сил на второстепенном театре, которое открывало перспективы полного поражения Турции, непосредственной связи России с западными державами и грозной наступательной операции против Австрии.

Даже в случае конечной неудачи, такое наступление, пока оно продолжалось, удерживало бы Болгарию от нападения на Сербию. Кроме того оно могло быть парализовано только при помощи германских войск, снятых с западного фронта.

Казалось, совершенно очевидным, что эти перспективы вполне оправдывали посылку перволинейных войск. С каждым днем становилось все очевиднее, что поражение Турции и овладение проливами являются кардинальными вопросами в борьбе, столь же важными, как и неприкосновенность Бельгии, и они требовали подобающего им места в плане кампании.

Когда 10 марта собрался Военный Совет, Китченер заявил, что XXIX дивизии может быть отправлена. Силы союзников, могущие быть направлены против Константинополя, он оценивал в 130.000 человек при 300 орудиях, при условии посылки Россией армейского корпуса в полном составе [1]).

Инструкции, полученные адмиралом Эбергардом, содержание которых было сообщено в Лондон, сводились к следующему:

Пока франко-британская эскадра оперирует против Дарданелл, действия Черноморского флота должны ограничиваться лишь морскими демонстрациями, но с появлением Кардена у Принцевых островов, защищавших подход к Константинополю, русская эскадра должна была предпринять серьезную операцию против Босфорских укреплений. Высадку войск не предполагалось делать до уничтожения турецкого флота и до соединения Черноморского флота с франко-английским, но адмиралу Эбергардту представлялась полная свобода действий для выполнения той или

---

[1]) Отчет Дарданелльской комиссии:

Королевская морская дивизия	11.000	чел.	6	орудий
Австралийско-Ново-Зеландская пехота . .	36.600	„	64	„
„ „ ездящая пехота.	3.500	„	12	„
XXIX дивизия	18.000	„	56	„
Французская дивизия	18.000	„	40	„
Руский корпус	47.600	„	120	„
Итого	128.760	чел.	298	орудий

иной операции, которую он и Карден могли бы считать желательной [1]).

Таким образом, объектом действий как русских, так и франко-английских войск оставалась столица Турции. Намерений форсировать Дарданеллы соединенными силами армии и флота все же не было, хотя адмирал Джаксон и указывал на следующий день, что без занятия Галлипольского полуострова флот, даже в случае захвата пролива, не сможет удержать его свободным для прохода транспортов с войсками.

Принятое решение не меняло политики войны; фактически оно лишь ратифицировало то, что было одобрено три недели тому назад. Однако, это решение свидетельствовало о полном уклонении от традиционных принципов нашей имперской политики.

В течение всего XIX столетия считалось аксиомой, что Россия не должна быть допущена к контролю над Константинополем, при чем наш взгляд разделялся Францией и Берлинский конгресс увековечил этот догмат. С началом нового столетия он стал колебаться и уже в 1903 году комитет имперской обороны высказал взгляд, что недопущение России к проливам не вызывается ни военными, ни морскими интересами Великобритании. Поэтому ничего не стояло на пути к нашему согласию с Россией в этом вопросе, тем более, что политическая обстановка момента настоятельно требовала сделать это согласие наивозможно полным. Ради ослабления нажима на Францию, Россия по всей линии своего фронта понесла тяжелые жертвы. Жертвы были настолько велики и тяжелы, что немцы, как стало известно нашему министерству иностранных дел, уже делали попытки склонить Россию покинуть ее союзников и заключить сепаратный мир. Поэтому нельзя было придумать ничего лучшего как отказаться от нашей старой политики упорства. С одобрения лидеров парламентской оппозиции было решено не препятствовать России осуществить ее давнишнее желание. Единственным условием становилось доведение ею войны до победоносного конца, дабы британское и французское правительства могли быть обеспечены соответствующей компенсацией как в Оттоманской империи, так и вне ее.

Решение это ни в какой мере не ослабляло необходимости для флота делать все, что он может для облегчения поставленной ему задачи, почему адмиралу Кардену была пре-

---

[1]) Еще до этого (5 марта) первый лорд **Адмиралтейства Черчилль** уведомлял Ставку, что «Великобританское правительство самым серьезным образом надеется, что когда наступит момент прорыва английского флота в Мраморное море, русский флот, одновременно с началом атаки Дарданелл союзниками начнет систематическую, с дальнего расстояния бомбардировку внешних фортов Босфора, чему придается первостепенное значение». *Ред.*

доставлена полная свобода действий. Первоначальные инструкции, предусматривающие „осмотрительность и осторожность“, были отменены и посланы новые, обязывающие не останавливаться перед риском потери кораблей и людей для достижения цели—форсирования Дарданелл. Успех гарантировал решительные результаты кампании и адмиралу рекомендовалось использовать ближайшую подходящую погоду для самых энергичных операций; надлежало ввести в бой все орудия до последнего; под прикрытием судового огня высадить подрывные партии и одновременно сделать все возможное для очистки пролива от минных заграждений. При этом Адмиралтейство запрашивало, считает ли адмирал, что наступил момент, когда необходимо использовать полную мощь флота. Подобное мнение Адмиралтейства, хотя и формулированное в самых осторожных выражениях, дабы не оказывать давления на инициативу командующего, не могло вызывать сомнений у адмирала. Понять телеграмму он мог не иначе как требование более настойчивых действий, при чем последующие обстоятельства только укрепили это убеждение.

Вскоре после отправки последней телеграммы Адмиралтейство получило от Кардена новые донесения неутешительного характера.

Со времени неудачной бомбардировки с дальних дистанций, имевшей место 8 марта, адмирал все свое внимание сосредоточил на решении проблемы, столь неожиданно сделавшейся главным затруднением всего предприятия. Вопрос сводился теперь не к тому—могут ли корабли разрушить форты, а как подойти к ним на достаточно близкую дистанцию. Пока не будет найдено средств справиться с минными заграждениями и защищающими их подвижными батареями, дальнейшая бомбардировка сводилась бы лишь к пустой трате драгоценного боевого запаса. Каждую ночь делались попытки тралить заграждения, днем же действия эскадры ограничивались мерами по подготовке различных пунктов для высадки ожидавшихся войск.

9 марта были предприняты операции для предотвращения возможности нового занятия турками Кум-Кале. *Albion*, *Prince George* и *Irresistible* обстреливали форт, остатки моста через реку Мендере и стоявшие в реке мелкие суда. Несколько таких судов уничтожил миноносец *Grampus*, а *Prince George* сбил полевую батарею, обнаруженную в районе Седд-ул-Бахра.

Ночное траление заграждений у м. Кефец успеха не имело. Тральщики, вышедшие под охраной миноносца *Mosquito* и двух катеров, сразу попали в лучи прожектора были засыпаны снарядами и ничего сделать не могли.

Дневные операции сосредоточились в Саросском заливе, при чем главной целью являлась тщательная разведка Булаирских укреплений и подходов к ним, а также выяснение возможностей высадки на этом берегу.

Выйдя рано утром 10 марта, *Cornwallis*, *Irresistible* и авиаматка *Ark Royal* пошли на присоединение к *Dublin*'у, продолжавшему нести наблюдение за Булаирскими укреплениями.

Погода не позволила произвести воздушную разведку, *Cornwallis* бомбардировал деревню у Булаира, входившую в линию укреплений, *Dublin* обстрелял и разрушил казармы форта Султан. Имея категорическое приказание беречь снаряды, крейсер не мог причинить серьезного вреда непосредственно самому форту, тем более, что располагал лишь орудиями 6" калибра.

Днем смог подняться один гидросамолет и донес, что Кавакский мост на шоссе в Адрианополь, несмотря на предыдущие старания его разрушить, стоит нетронутым. В дальнейшем ничего больше сделано не было и *Cornwallis* возвратился на Тенедос, предоставив продолжать операцию на следующий день адмиралу Гепратту.

Прибыв утром с *Suffren*'ом и *Gaulois* и отправив *Irresistible*'я обстрелять деревню, расположенную позади линии укреплений, и прибрежные форты к норду и зюйду от нее, французский адмирал пошел для производства разведки. Никаких попыток уничтожить Кавакский мост, повидимому, сделано не было. Гидроплан, из за состояния атмосферы, смог подняться только днем. Донесения его сводились к следующему: ни форт Султан, ни форт Наполеон никаких видимых признаков серьезных повреждений не имели, оборонительные сооружения были усилены и дополнены с целью воспрепятствовать овладению ими с тыла, т. е. с моря. От деревни Булаир до реки Кавак шли четыре линии окопов, а к востоку от деревни раскинулся лагерь, окруженный окопами с двумя большими полевыми укреплениями.

12 марта низкие облака сильно сгустились и не позволили сделать воздушной разведки. *Ark Royal* возвратился на Тенедос, а адмирал Гепратт пересел на миноносец *Usk* и занялся разведкой северного побережья залива от мыса Бустан до реки Паша.

Тем временем были сделаны новые попытки траления заграждения у м. Кефец в более широком масштабе и по иному плану. В ночь на 10 марта в операцию пошли семь тральщиков 3-ей группы с двумя паровыми катерами под охраной четырех миноносцев и под прикрытием *Canopus*'а и *Amethyst*'а. Предшествующие неудачи показали, что слабые машины тральщиков не выгребают против сильного

течения, почему было решено пройти выше первой линии заграждений, там завести тралы и начать траление, спускаясь по течению. Благодаря тому, что в наиболее опасные моменты работы прожекторы не светили, тральщикам удалось выполнить план. Первая пара сразу же затралила две мины. Обе взорвались, при чем одна настолько близко от тральщика *Max Hero*, что он затонул. Услышав взрыв, турки немедленно начали освещение прожекторами и тральщики оказались под градом снарядов. Как ни старались *Canopus* и *Amethyst* сбить прожекторы, энергично их обстреливая, последние продолжали свое дело, огонь с берега все усиливался. Два тральщика получили 6″ попадания и не оставалось другого выхода как скорее отойти.

На следующую ночь операция была повторена 1-ой группой тральщиков, но с еще более неутешительными результатами. Едва тральщики, как и накануне, в кильватерной колонне начали медленно продвигаться вперед, как турки открыли освещение прожекторов. Как только головной попал в лучи света и снаряды начали ложиться вокруг него, он повернул на 16 R и начал уходить назад. Остальные тральщики последовали его примеру и никакие старания *Amethyst*'а не могли заставить тральщиков снова итти под огонь. Поведение шкиперов было полной неожиданностью. До этого случая команды тральщиков проявляли исключительную стойкость и хладнокровие и на них возлагались большие надежды. Становилось очевидным, что хотя они не боятся мин, но не обладают той дисциплиной, которая необходима для работы под артиллерийским огнем. Адмирал Де-Робек по поводу поведения тральщиков писал: „В некоторых случаях команды из рыбаков, повидимому, не имеют ничего против того, чтобы быть взорванными миной, но им не нравится работа под обстрелом артиллерии, это—новшество в их ремесле“.

Было решено вызвать охотников для укомплектования тральщиков. Желающих нашлось гораздо больше, чем требовалось, но в эту ночь им не пришлось испытать своих сил. Очередь была за французами. Французы попробовали тралить против течения, но почти не смогли продвинуться вперед и, получив несколько попаданий, вернулись без результата.

Сводка неудачных результатов всех последних операций, посланная Карденом в Адмиралтейство, была получена там сразу вслед за отправлением телеграммы, настаивающей на более энергичных действиях. Под впечатлением того, что положение в Дарданеллах замерло на мертвой точке, Кардену посылались новые определенные и категорические приказания. Одобряя вызов охотников для тральных работ, Адмиралтейство указывало командующему, что от него не ожи-

дают результатов без потерь и что он должен настойчиво продолжать операции днем и ночью. Адмиралтейство сообщало о получении сведений, что немецкие офицеры доносят о нехватке боевых запасов и что одна германская подлодка уже на пути в Дарданеллы. Таким образом, наступало время, не теряя ни минуты, нанести удар до получения противником пополнений боевого снаряжения и до появления подводной угрозы. На случай возможных потерь в Дарданеллы посылались два последних корабля из состава эскадры Канала—*Queen* и *Implacable* под флагом контр-адмирала Терсби.

В дальнейшем Карден извещался о назначении генерала сэра Яна Гамильтона командующим экспедиционными войсками, который должен прибыть к 16 марта. Для установления воздушной корректировки посылались четырнадцать аэропланов под начальством кап. 2 р. Самсона, отличившегося при операциях на фландрском побережьи. Для их доставки направлялся из Гибралтара в Марсель легкий крейсер *Phaeton*. Авиаматке *Ark Royal* предписывалось немедленно устроить полетную площадку для прибывающих аппаратов. Французы, со своей стороны, также усилили свои воздушные силы—шесть эскадрилий, посланных ими в Египет, получили приказание спешно отправляться на Мудрос.

Однако, посылка второй телеграммы с целью побуждения адмирала к более энергичным мерам едва ли требовалась. Еще до ее получения в своем ответе на первую он вполне соглашался, что наступило время приступить к решительным действиям, и был настолько уверен в их результатах, что сам просил ускорить начало сухопутных операций в широком масштабе в целях обеспечить свои сообщения с момента, когда эскадра прорвется в Мраморное море. Последнюю попытку ночного траления он решил предпринять в ту же ночь, т. е. 14-го марта. В случае неудачи судам надлежало уничтожить защищающие заграждение батареи, для чего предварительно требовалось привести к молчанию форты узкости. Достигнув этого, он приступит к тралению днем и ночью.

Пока командующий эскадрой сообщал свои предположения, приступили к выполнению первого опыта траления с командами охотников. Работа была выполнена доблестно, поведение людей не оставляло желать лучшего. Два большой силы света прожектора ярко освещали подходы к заграждению и, как только суда попали в их лучи, форты Дарданос, Мессудие, Румели и старая, высоко расположенная батарея коротких 6″ орудий, из группы Килид-Бахр, открыли огонь. Полевые батареи не отставали от фортов и тральщики попали в ураган снарядов. Однако, команды их не дрогнули и смело шли вперед к намеченной точке, где надлежало завести тралы и спускаться по течению.

К этому моменту они пострадали жестоко. На двух тральщиках все матросы, работавшие на верхней палубе, оказались ранеными или убитыми; на других—повреждения в лебедках и оборудовании были настолько серьезны, что только двум удалось завести тралы. Тем не менее работа продолжалась в мере возможности; несколько мин было уничтожено. Катера принесли большую пользу, удачно подрывая своими тралами минрепа. Весь отряд вернулся в целости, но потери в людях были велики: 27 убитых и 43 раненых, большинство которых приходились на долю *Amethyst*'а, доблестно вышедшего вперед, прикрывая тральщиков.

В донесении об этом ночном деле адмирал отмечал исключительную выдержку, с которой оно было проведено, но высказывал при этом, что считает ночное траление бесполезным и невозможным, а в дальнейшем полагает действовать согласно предположений, высказанных в последней директиве Адмиралтейства.

Он все еще надеялся на успех прорыва и просил о присылке быстроходных тральщиков, могущих следовать с эскадрой, когда она войдет в Мраморное море. На вторую телеграмму Адмиралтейства, он ответил в том же духе и повторил просьбу о быстроходных тральщиках. Из Лондона немедленно последовало распоряжение об отправке тридцати тральщиков из Ловестофта и старых миноносцев с Мальты, занятых дозорной службой в Суэцком канале. Кроме того Адмиралтейство обратилось к французскому правительству с просьбой отправить на Мудрос все подходящие мелкие суда, обладающие 15-ти узловым ходом.

В этот же самый день (15-го марта) адмирал Пирс получил приказание отправить обратно в Дарданеллы оба линейных корабля, оперировавших у Смирны, т. к. к этому времени выяснилось, что из дальнейших переговоров с губернатором ничего не выйдет.

Через сутки после заключения перемирия авиаматка *Anne Rickmers* была подорвана миной, как тогда полагали, при помощи небольшого катера, пробуксировавшего мину у нее под носом. Как выяснилось впоследствии, это предложение не соответствовало истине и согласно турецким источникам дело обстояло так: В ночь с 8-го на 9 марта старый стотонный миноносец *Demir Hissar*, под командой немецкого офицера, имея в числе экипажа несколько немецких унтерофицеров, никем не замеченный вышел из Дарданелл и, обойдя Имброс, укрылся в Егейском море. Намеченным объектом, повидимому, не была эскадра Пирса, т. к. вечером миноносец направился к Тенедосу, но, встретив дозор, повернул и принужден был уйти в Смирнский залив. В ночь на 10 марта *Demir Hissar* обнаружил два корабля, стоявших внутри залива у о. Чустан и атаковал их, но неудачно. Ни

одна из выпущенных в *Triumph* торпед не попала. *Triumph* был занят погрузкой угля с только что прибывшего парохода и атака прошла незамеченной. Затем миноносец вышел из пролива и укрылся в Хиосском проливе, а в следующую ночь, приготовив запасную торпеду, снова пробрался в залив и в 2 ч. ночи удачно выстрелил в стоявшую мористее остальных судов *Anne Rickmers*. 13 марта *Demir Hissar*, израсходовав запас угля и не имея больше торпед, благополучно вошел в гавань Смирны.

Все эти обстоятельства, само собой разумеется, не были в свое время известными адмиралу Пирсу. Случай с *Anne Rickmers* он мог рассматривать лишь как следствие бессилия генерал-губернатора в его борьбе с военным начальством и решил уйти на Митилену и там ждать инструкций. Свою задачу он мог считать в значительной степени выполненной— после удачного ночного траления 8-го—9-го марта турки затопили на фарватере у форта Гамидие два парохода и п рт был фактически заблокирован. Перед уходом эскадры к адмиралу снова прибыл парламентер с просьбой не считать нарушением перемирия нападение на авиаматику, которое было произведено безответственным миноносцем, укрывшимся среди островов Вурлах. Поэтому переговоры с генерал-губернатором были возобновлены, на этот раз, через посредство присланного генералом Бердвудом офицера генерального штаба. Последний вскоре убедился, что генерал-губернатор не сможет уладить разногласий с военным начальством. Тем временем турки затопили еще три парохода и окончательно закрыли доступ в порт и этим самым сделали невозможным пользоваться Смирной в качестве подводной базы. Дальнейшие операции, не поддержанные крупными сухопутными силами, не имели смысла и 15 марта Пирс получил приказание возвратиться в Египет.

Таким образом, к 16 марта адмирал Карден имел в своем распоряжении все те силы, которыми должна была быть произведена генеральная атака узкости в соответствии с директивами Адмиралтейства, не встречавшими возражений адмирала. Идя на встречу предложениям адмирала начать теперь же, в широком масштабе, сухопутные операции, Адмиралтейство просило Кардена обсудить этот вопрос с генералом Гамильтоном. Одновременно оно обратилось в военное министерство, настаивая на немедленной отправке на Мудрос остальной части австралийско-ново-зеландского корпуса. Наша морская дивизия уже прибыла на место, последние эшелоны французской дивизии ожидались на Мудросе к 17 марта. Общее количество войск, включая Анзакский [1]) корпус, должно было составить (18 марта) 60.000 че-

[1]) Анзак—Anzac сокращенное название Australia New Zealand Army Corp- австралийско-ново-зеландский армейский корпус. *Ред.*

ловек. Считая, что тральные работы займут несколько дней, Адмиралтейство полагало, что войска прибудут во-время. Во избежание неясностей адмиралу Кардену указывалось, что составленный им план атаки понимается в Лондоне следующим образом: Очищение прохода в заграждении с целью получить возможность бомбардировки фортов с коротких дистанций. Тральные работы прикрываются линейными кораблями, обстреливающими форты и подвижные батареи. Затем следует бомбардировка с коротких дистанций фортов узкости, после уничтожения которых огонь с судов переносится на следующие форты. До производства генеральной атаки попыток прорыва сделано не будет. В случае же возникновения каких-либо намерений в этом направлении— они будут предварительно сообщены Адмиралтейству для обсуждения вопроса—не представится ли целесообразней, раньше чем производить такую попытку, захватить Килид-Бахрское плоскогорье соединенной операцией армии и флота.

Карден подтвердил, что его план вполне точно формулирован Адмиралтейством, и повторил предположение, если погода не помешает, начать атаку 17-го марта. Пока шел обмен телеграммами, эскадра занималась очищением от мин района маневрирования кораблей. После последнего траления многие из них подрейфовало и снесло на мелководье. Гидросамолеты легко обнаруживали местонахождения мин, благодаря чему работа шла успешно, обеспечивая возможность начать генеральную атаку в назначенный срок. Однако, произошла задержка совершенно непредвиденного свойства. Болезненные явления, беспокоившие последнее время адмирала Кардена, неожиданно настолько обострились, что врачи потребовали безотлагательного его отъезда в отпуск. Смена командующего, задумавшего и лично разработавшего операцию, всегда является серьезным ударом успеху дела, хотя в данном случае, принцип преемственности сохранялся, так как младший флагман, контр-адмирал Де-Робек, все время непосредственно руководил большинством операций и план генеральной атаки разрабатывался при широком его участии. Единственным препятствием для передачи ему командования эскадрой — служило старшинство в чине другого младшего флагмана Веймисса, но это препятствие не помешало.

Адмирал Веймисс, находившийся на Мудросе, был поглощен работой по устройству там базы и с головой ушел в бесчисленные заботы и трудности, связанные с порученным ему делом. Принимая во внимание сложность обстановки в нейтральном порту, населенном почти исключительно левантинцами, с симпатиями и антипатиями которых нельзя было не считаться, он отлично понимал, что вступление в должность нового лица, незнакомого с обстановкой, грозит чрезвычайно усложнить и без того трудное положение,

тем более, что помимо руководства работами по устройству базы и подготовки по приему прибывающих войск ему фактически приходилось нести обязанности губернатора Мудроса. В силу этих соображений адмирал Веймисс изъявил полную готовность уступить принадлежащее ему по старшинству место. Де-Робек был произведен в вице-адмиралы, а Веймисс назначен его помощником и продолжал с прежним успехом вести свои сложные обязанности.

Утверждая Де-Робека в новой должности, Адмиралтейство не хотело связывать адмирала мнениями и взглядами его предшественника. Де-Робек не мог быть ответственным за разработку проекта и Адмиралтейство запросило, согласен ли он с намеченным планом атаки, предлагая не стесняться отказом, в случае, если он его не одобряет.

Новый командующий тотчас же телеграфировал о намерении полностью выполнить план, утвержденный его прежним начальником и одобренный Адмиралтейством, и при благоприятных условиях погоды он рассчитывает начать атаку—18-го марта.

ГЛАВА XIII.

Дарданеллы. Неудача атаки узкости и изменение плана. С 18 по 24 марта.

Карта 3.

Еще до отъезда Кардена организация Дарданелльских морских сил была несколько изменена. Эскадра была разделена на три дивизии. В состав первой — вошли *Queen Elisabeth* (флаг Де-Робека), *Inflexible*, *Agamemnon* и *Lord Nelson*, в состав второй—восемь более старых кораблей под брейд-вымпелом произведенного в чин коммодора командира *Ocean*'а—Садлера, третью — составляли четыре французских и два бриганских корабля под флагом адмирала Гепратта [1]).

---

[1]) **I дивизия.**

1 бригада
Queen Elisabeth
Inflexible

2 бригада
Agamemnon
Lord Nelson

II дивизия.

3 бригада
Ocean
Irresistible
Albion
Vengeance

4 бригада
Swiftsure
Majestic

5 бригада
Canopus
Cornwallis

III дивизия.

6 бригада
Suffren
Bouvet
Gaulois
Charlemagne

7 бригада
Triumph
Prince George

Общий план операции предусматривал приведение к молчанию укреплений узкости и батарей, защищавших минные заграждения. Надежды на полное уничтожение фортов с дистанции в 40 каб. командование не питало, но рассчитывало привести их в такое состояние, при котором они не могли бы препятствовать тральным работам.

В деталях план сводился к следующему: суда должны были занять две лини — А и Б. Линию А занимала первая дивизия. Построившись на позиции в строе фронта в расстоянии 70 каб. от узкости (против Эрен-Киоя, на пределе дальности огня фортов), она производила обстрел главных укреплений на обоих берегах (№№ 16, 17, 13, 19 и 20) с дальних дистанций. Линию Б занимала третья дивизия для бомбардировки тех же объектов с более близких дистанций. Французские корабли занимали место позади первой дивизии в расстоянии 90 каб. от противника, а *Triumh* и *Prince George* в 75 каб., — на флангах первой дивизии. Эти последние сначала должны были бомбардировать главные форты обоих берегов, при чем в случае невозможности привести их к молчанию поддерживались фланговыми французскими судами. Затем они переносили огонь на скрытые гаубичные батареи. Как только первая дивизия добивалась прекращения огня фортов, французская дивизия, пройдя в интервалы между кораблями первой дивизии, должна была сосредоточить свой огонь по той же цели, что и они, продвигаясь до границы протраленной зоны, т. е. сблизившись до 40 каб. с фортом Румели. По мере продвижения французов, первая дивизия следовала за ними для поддержки, сблизившись с противником до 60 каб. Затем *Inflexible* начинал обстрел форта Анадолу Меджидие (№ 24) — главного укрепления пролива, расположенного позади промежуточных фортов, в случае надобности подходя к нему на дистанцию решительного боя.

Приходилось ожидать серьезного сопротивления. Воздушная разведка и агентурные сведения сообщали, что шесть главных фортов теперь были вооружены сорока двумя орудиями 8″ калибра и выше; из них шесть — 14″. В это количество не входили орудия промежуточных батарей, подвижные гаубицы и полевые орудия, число которых значительно возросло. Поэтому возможно было ожидать, что неприятельский огонь не допустит продвижения второй линии судов (линия Б.), почему план атаки был несколько изменен. В последнем случае французским судам надлежало делать галсы вокруг первой линии (А.) и, оставаясь на ходу, постепенно уменьшать расстояние, обстреливая форты, пока они не будут приведены в состояние, позволяющее приступить к выполнению маневра, намеченного первоначальным

планом. Окончательное разрушение фортов с коротких дистанций поручалось английским кораблям.

После четырехчасовой бомбардировки суда адм. Гепратта должны были быть сменены третьей и четвертой бригадами коммодора Садлера, два же корабля шестой бригады отходили в резерв для использования их ночью в качестве прикрытия тральщиков.

Центральные суда второй линии (Б.), должны были нащупать и уничтожить орудия, защищавшие минные заграждения, расположенные не на фортах; фланговым судам обоих линий поручался обстрел разбросанных по обоим берегам гаубиц и полевых орудий. Таким распределением задач надеялись обеспечить возможность приступить к тральным работам через два часа после начала бомбардировки. Затем тральщикам надлежало, пройдя м. Кефец, протралить фарватер шириной около 5 каб. в бухту Сари-Сиглар; войдя в нее, корабли должны были прикончить форты с близких дистанций. Для отвлечения внимания подвижных батарей предполагалось сделать демонстративную высадку королевской морской дивизии с семи транспортов на западный берег Галлипольского полуострова. Стоявшему там *Dartmouth*'у предписывалось делать все возможное, чтобы привести к молчанию всякую батарею, которая попытается обстреливать суда, находящиеся внутри пролива, а *Dublin*'у поручалась такая же задача в бухте Башика и наблюдение за Иени-Шер.

Корректировка возлагалась исключительно на воздушные силы и *Ark Royal* должен был организовать ежечасный подъем гидросамолетов. Для уничтожения плавучих мин каждый корабль должен был иметь на готове вооруженный катер.

Днем 16 марта на *Queen Elisabeth*, под председательством адм. Де-Робека и в присутствии адм. Гепратта, состоялось совещание флагманов и командиров, на котором были установлены все детали плана. Вечером 17 марта, ввиду того, что погода предвещала быть хорошей, оперативный приказ был разослан на суда.

Утро 18 марта не обмануло ожиданий — дул южный бриз, небо было безоблачным. С рассветом английские тральщики донесли, что во время тральных работ ночью, в районе между мысами Уайт-Клифф и бухтой Кефец, т. е. не доходя 40 каб. до входа в узкость, мин обнаружено не было; также не было найдено мин и французскими тральщиками на пространстве до Уайт-Клиффа.

Никаких препятствий на пути осуществления плана не стояло.

С восходом солнца утренняя дымка, стоявшая над берегом, рассеялась и в 8 ч. 15 м. на флагманском корабле взвился сигнал начать операцию.

Эскадра снялась с якоря и к 10 ч. подошла ко входу в пролив.

В 10 ч. 30 м. *Agamemnon* повел первую дивизию, имея впереди тралящие миноносцы. *Prince George* и *Triumph* держались на крамбалах. Через полчаса они попали под огонь гаубичных батарей, расположенных позади Кум-Кале, и немедленно начали отвечать. Неприятельский огонь все усиливался. Продвигаясь, суда достигли назначенных позиций и в 11 ч. 30 м. открыли огонь по фортам. Перед этим в глубине пролива появилось несколько судов противника, маневрирующих у Чанака. Среди них были замечены—большой коммерческий пароход, два буксира и миноносец. Появлению этих судов не было придано особенного внимания, т. к. они, как только наши корабли открыли огонь, немедленно стали уходить вверх по проливу и быстро скрылись. Все внимание привлекали рассыпанные по берегам полевые батареи и гаубицы, на этот раз, как будто, более многочисленные, чем прежде, и лучше управляемые. Несмотря на развитый ими меткий ураганный огонь, первые полчаса бомбардировки сулили хороший успех.

Queen Elisabeth, фланговый корабль у европейского берега, занялся грозным Гамидие I, германский гарнизон которого, вероятно, из за дальности расстояния не отвечал. Соседний корабль *Agamemnon* стрелял по Румели, *Lord Nelson* — по главному форту европейского берега—Намазие, правофланговый — *Inflexible* — по батарее Гамидие II. Через десять минут после первого выстрела флагмана все суда первой линии находились в бою и, как казалось, стреляли удачно. Форты или не отвечали вовсе, или почти не отвечали, но заградительный огонь полевых батарей и гаубиц становился все интенсивнее. Наши залпы ложились удачно. Около полудня *Queen Elisabeth*, вскоре по переносе огня на форт Чеменлик, ясно проектировавшийся на освещенных солнцем домах Чанака, заметил на этом форту грандиозный двойной взрыв.

Triumph, занявшийся обстрелом самого грозного форта промежуточных укреплений—Дарданос, сосредоточил огонь средней артиллерии по заградительным батареям. Стрельба с дальних дистанций еще продолжалась, но судить об ее результатах было трудно: тихий южный бриз засвежел и дым несло прямо на цель.

В 12 ч. 06 м. адм. Де-Робек пришел к заключению, что фортам нанесен достаточный урон и поднял французскому адмиралу сигнал прорезать английскую линию и начинать действовать согласно оперативного приказа.

Все это время скрытые орудия и гаубицы становились все назойливее и назойливее. Ни одно из судов еще серьезно не пострадало, но вскоре *Agamemnon* и *Inflexible* начали получать попадания. Уже десять минут спустя, после начала бомбардировки, 6″ гаубичная батарея, установленная где-то к югу от Эрен-Киоя, сосредоточив огонь по первому из них, в 12 ч. 45 м. получила накрытие. В течение последующих двадцати пяти минут *Agamemnon* получил двенадцать попаданий: пять в броневой пояс и семь выше его. Повреждения на верхней палубе заставили командира (кап. I р. Файлера) с целью сбить наводку описать полную циркуляцию и снова занять свое место.

Inflexible'ю также приходилось нелегко: находясь ближе всех к азиатскому берегу, он сосредоточивал на себе все внимание гаубиц Эрен-Киоя.

В 12 ч. 20 м., когда французские суда прорезали строй первой дивизии, он получил попадание в передний мостик и потерял радио-сеть. Через десять минут в него попало еще три снаряда, при чем приспущенная по борту шлюпка была потоплена. Первое попадание вызвало сильный пожар мостика, который вскоре был весь объят пламенем. Затем последовали еще два попадания. Но в этот момент французские суда подходили к фортам и командир крейсера, кап. I р. Филлимор, понимая необходимость оказать им всемерную поддержку, продолжал бой.

Командующий эскадрой, заметив тяжелое положение *Inflexible*'я, поднял ему сигнал переменить место. Ввиду того, что пламя в носовой части поднялось выше фор-марса, наполненного ранеными, что грозило сжечь их живьем, кап. I р. Филлимор решил выйти из линии огня. Делал он это со спокойной совестью, т. к. французские суда перестали сближаться с фортами.

Ответив на сигнал Де-Робека, адм. Гепратт с *Suffren*'ом и *Bouvet* пошел вдоль азиатского берега, а *Gaulois* и *Charlemagne*—по противоположному, оставляя пространство по середине пролива свободным для огня английской линии. Не доходя до назначенных позиций, суда попали под тяжелый обстрел фортов и заградительных батарей, но французский адмирал продолжал доблестно итти вперед и сблизился с фортами до 50 каб., бомбардируя их своей крупной артиллерией. Было очевидным, что хотя промежуточные батареи и молчали, утренняя бомбардировка далеко не принесла желаемых результатов. Гидросамолет, поднявшийся над фортами, донес, что на Дарданосе и Чеменлике прислуги у орудий не видно, но все остальные главные укрепления стреляют. Тем не менее бомбардировка восьми линейных кораблей все же начала сказываться и к 1 ч. 45 м. неприя-

тельский огонь настолько ослабел, что адм. Де-Робек решил вызвать тральщиков.

Для прикрытия их работы и смены пострадавших французских судов был вызван отряд Садлера. На расстоянии, на которое французы подошли (45 каб.), огонь фортов был вполне действителен. Попадания сыпались одно за другими и *Gaulois* получил в носовой части столь серьезное повреждение, что адмирал Гепратт сделал сигнал *Dublin*'у войти в пролив и держаться около поврежденного корабля. До этого, однако, все шло не хуже, чем ожидалось и казалось, что день кончится успешно, как неожиданно обстановка переменилась.

Около 2 ч., когда *Suffren*, имея в кильватер *Bouvet*, полным ходом проходил вдоль азиатского берега, был поднят сигнал об отходе французских судов. *Bouvet* в это время обстреливал Намазие, при чем еще в самом начале боя он значительно пострадал от огня Мессудие. Оба каземата были выведены из строя, на мостике и в рулевом отделении произошли пожары. У другого берега находились *Charlemagne* и *Gaulois*. *Gaulois* отказался от буксировки *Dublin*'а и с дифферентом на нос и креном на правый борт, хотя и шел под своими машинами, но явно не был в состоянии продолжать бой. Едва *Suffren* успел прорезать английскую линию, как внезапно *Bouvet* окутался весь черно-красным столбом дыма. Попал ли в него снаряд, или он взорвался на мине—сказать было трудно. Вслед за тем над кораблем поднялся второй столб выше первого, как бы от взрыва погребов. Когда дым рассеялся, корабль стоял с большим креном, а через две минуты перевернулся и скрылся под водой.

Миноносцы и шлюпки, державшиеся у борта английских судов, поспешили на помощь. *Agamemnon* и остальные французские суда также подошли к месту гибели, но спасти удалось лишь горсть людей; погибло свыше 600 человек.

Неожиданная катастрофа не приостановила движения нашего отряда, шедшего на смену французов. *Ocean* под брейд-вымпелом Садлера шел на правом фланге, *Vengeance* на левом; между ними находились *Irresistible* и *Albion*. Кораблями поддержки были *Swiftsure* и *Majestic*, шедшие на смену *Prince George*'а и *Triumph*'а.

В 2 ч. 39 м. отряд Садлера с 60 каб. открыл огонь и, сблизившись с фортами до 53 каб., начал обстреливать средней артиллерией береговые орудия, стрелявшие по шлюпкам, спасавшим людей с *Bouvet*, а также по устью р. Сан-пали-Дере. Думали, что там установлен „кинжальный“ торпедный аппарат, послуживший причиной гибели французского корабля.

Форты отвечали не энергично за исключением Гамидие I, развившего сильный огонь.

Vengeance очень удачно клал в него свои залпы, но как сообщал корректировавший стрельбу гидросамолет, все снаряды ложились в центр форта, не принося ему особого вреда. Расположенный позади Гамидие I форт Чёменлик оставался покинутым прислугой и два его орудия стояли задранными вверх. *Irresistible* обстреливал Намазие, который пока еще молчал, *Ocean* из семи первых залпов по Гамидие II, пять положил удачно в цель. В 3 ч. *Vengeance* произвел большой пожар в тылу у Румели. Через несколько минут замолчал Гамидие II, с этого момента стрельбы не возобновлявший. *Ocean* перенес огонь на продолжавший стрелять форт Румели. Трудно было с уверенностью установить результаты бомбардировки. Многие из старших начальников считали несколько фортов приведенными к молчанию, но адмирал к $3^1/_4$ часам убедился, что все форты продолжают поддерживать, хотя и не меткий, но беглый огонь. Гамидие I несомненно поврежден не был, стреляя так же энергично, как и в первые моменты боя, и сосредоточил свои залпы на *Irresistible*, не взирая на беспрерывный огонь с судов первой дивизии с дистанции в 70 каб. В 3 ч. 14 м. у борта *Irresistible* был замечен сильный взрыв и *Queen Elisabeth* начал посылать свои залпы в Гамидие I. Четверть часа спустя (3 ч. 32 м.) на *Irresistible* был замечен небольшой крен и, т. к. огонь турок не ослабевал, адмирал поднял передовой линии сигнал увеличить расстояние. Хотя форты время от времени прекращали огонь, было совершенно очевидно, что из строя они не выведены и приступать к тральным работам нельзя [1]).

Однако, опасность была уже обнаружена.

Тральщики, дойдя до линии „А“, завели тралы и, пройдя немного вверх по течению, затралили три мины, сейчас же взорвавшиеся. Суда находились еще далеко от заграждения мыса Кефец, но казалось, что они попали в гущу мин и что, вероятно, некоторые из них — „плавучие“. Между 3 ч. 30 м. и 4 ч. дня кораблям не раз приходилось давать задний ход, уклоняясь от опасности. Одна мина была затралена и уничтожена тральщиками недалеко от места взрыва *Bouvet*; две другие, сорванные с якорей, вероятно, при том же взрыве, угрожали *Ocean*'у, *Agamemnon*'у и нескольким нашим шлюпкам. Вскоре была замечена всплывшая мина поблизости от линии „А“, а в 4 ч. 5 м. шлюпка с *Lord Nelson*'а обнаружила еще одну мину и расстреляла ее. Сей-

---

[1]) По турецким сообщениям периодическое молчание фортов было вызываемо необходимостью очищать орудийные механизмы от пыли и песку, подымаемых снарядами, рвавшимися впереди орудийных установок. Снаряды, падавшие сзади, совершенно не мешали стрельбе.

час же вслед за этим коснулся мины *Inflexible*, справившийся к 2 ч. 30 м. с пожаром и шедший занять место в линии „А“. Взрыв произошел в носовой части с правой стороны и несколько отсеков оказалось затопленными. Появился крен и крейсер стал садиться носом. Он немедленно вышел из линии огня и отправился на Тенедос, но вода все прибывала и переборки выпучивало. Положение было настолько критическим, что раненых пересадили на катера.

Первоначально адмирал Де-Робек считал, что взрывы являются результатом действий турецких судов, замеченных в узкости в первые минуты начала операции. По его мнению, подсчет времени появления мин указывал на то, что они были спущены по течению из Чанака после входа эскадры в пролив.

Вскоре флот постиг новый удар. Около 4 ч. 15 м. на *Irresistibl*'е, дрейфовавшем по течению с застопоренными машинами, чтобы увеличить расстояние до 55 каб., произошел взрыв; командир сначала думал, что в его корабль попала торпеда, но скоро убедился, что это была мина заграждения, стоявшая на якоре. Последствия взрыва оказались катастрофическими. Мина взорвалась под правой машиной, почти в диаметральной плоскости и вода так быстро затопила отделение, что только три человека машинной команды успели выскочить наверх. Продольную переборку выпучило, вода заполнила левое машинное отделение и корабль окончательно потерял способность двигаться. Крен на правый борт дошел до 7°, корма сильно опустилась. Положение *Irresistible*'я было ясно видно противнику, который немедля усилил по нему огонь, едва миноносец *Wear* и вооруженная шлюпка подошли на помощь. Адмирал, не зная ни причины аварии, ни ее размеров, послал *Ocean* с приказанием держаться около *Irresistibl*'я и в случае надобности вывести его на буксире из района боя. Остальные суда делали все возможное для отвлечения усилившегося огня фортов и батарей. К моменту подхода миноносца кап. 1 р. Дент убедился, что ему не спасти своего корабля и решил его покинуть.

Сделать это было не легко, палуба корабля засыпалась снарядами, раненые падали кругом. Однако, благодаря умелому и лихому управлению командира *Wear*'а и молодецкой работе его команды, удалось снять 28 офицеров и 582 матроса, оставив на *Irresistible* десять человек охотников для подачи буксира на *Ocean*.

Только в 4 ч. 50 м. *Wear* подошел со спасенными к флагманскому кораблю и только тогда Де-Робек узнал, что причина аварии—мина, и немедленно сделал передовой линии сигнал отойти. В 5 ч. 10 м. команда *Irresestibl*'я перешла на *Queen Elisabeth*. *Wear* пошел к *Ocean*'у с приказанием

последнему не оставаться у *Irresistibl'*я, если нельзя будет взять его на буксир.

К этому времени *Ocean* подошел к подорванному товарищу и Дент переправился на *Ocean* посоветоваться с его командиром. Крен *Irresistibl'*я увеличивался все больше и больше, корабль стоял очень неудобно, носом прямо в азиатский берег и подать буксиры не представлялось возможным. Кроме того *Ocean* находился под довольно значительным перекрестным огнем, и командиры решили, сняв оставшихся людей, выполнить приказание адмирала.

В 5 ч. 50 м. *Irresistible* был брошен в 50 каб. от форта Румели в надежде, что ночью его удастся отбуксировать миноносцами и тральщиками. Как только командующий убедился в оставлении *Irresistible'*я он поднял сигнал „отбой" и приказал судам возвращаться на Тенедос.

Новая неожиданная опасность и понесенные потери не позволяли оставить линейные корабли в проливе после наступления темноты и потому намерение протралить заграждение у м. Кефец пришлось оставить.

Размеры новой опасности очень скоро проявились вновь. Едва *Ocean* под тяжелым перекрестным огнем форта Дарданос и батарей начал отходить, как в. 6 ч. 5 м., находясь приблизительно в 10 каб. от *Irresistible*, взрыв у правого борта возвестил, что и он наскочил на мину. Все кормовые отсеки залило, руль заклинило „лево на борт". Почти одновременно с этого же борта влетел снаряд. Вода затопила отделения рулевой машины и румпельное, лишив возможности доступа к ним для исправления. Несмотря на то, что отсеки левой стороны были быстро заполнены, корабль стал валить на правый борт и крен достиг 15°. Положение сразу оказалось настолько критическим, что командир сделал проходившим мимо миноносцам *Colne*, *Jed* и *Chelmer* сигнал „приблизиться". Под огнем Дарданоса и батарей с обоих берегов миноносцы выполнили трудную работу по снятию команды, закончив ее благополучно. *Ocean* находился в это время почти по середине пролива, медленно двигаясь по течению. До наступления полной темноты командир, находясь на *Jed*, держался в 10 каб. от корабля и, подойдя затем к нему, снял еще четырех человек, случайно там оставшихся. Невозможность предпринять что либо для спасения судна не вызывала никаких сомнений и в 7 ч. 30 м. в. *Ocean* был окончательно оставлен.

После доклада командующему эскадрой, командиры *Ocean'*а *Irresistibl'*я с миноносцами и шестью тральщиками отправились в пролив с целью попытаться взять на буксир *Irresistibl'*я и не допустить приткновения *Ocean'*а к берегу. Безрезультатные поиски продолжались до полночи, никаких

следов погибших кораблей найдено не было. Они затонули на большой глубине никем не замеченные [1]).

Inflexible, несмотря на тяжелое положение, благополучно дошел до Тенедоса исключительно благодаря молодецкой работе машинной команды. Несмотря на то, что людям пришлось работать в темноте и с бездействующими вентиляторами, корабль через полтора часа после взрыва стоял на якоре по северную сторону острова. Однако, крейсер вышел из строя надолго, будучи принужден до приведения его в состояние, допускающее переход на Мальту для ремонта, продолжительное время оставаться у Тенедоса.

Suffren и *Gaulois* также вышли из строя и требовали ввода в док; при этом *Suffren* имел сильную течь в носовой части; положение же *Gaulois* в момент его выхода из пролива вызывало такие опасения, что его пришлось приткнуть к мели у острова Драпино в южной группе островов Раббит.

Истинная причина катастрофы выяснилась не скоро. Лишь впоследствии мы узнали, что турки в ночь на 8-ое марта выставили параллельно берегу минное заграждение из двадцати мин в бухте Эрен-Киой, не замеченное нашими тральщиками. Это заграждение выставленное в районе обычного маневрирования эскадры, не взирая на все меры предосторожности, обеспечило противнику ошеломляющий успех [2]).

Попытка форсировать узкость флотом закончилась жестоким поражением. Из шестнадцати крупных судов, принимавших участие в бою, три погибло, а три других, в том числе единственный линейный крейсер, вышли из строя на неопределенный срок. В один день союзный флот лишился одной трети своего состава. При таких потерях естественно возникал вопрос—может ли флот, считаясь с ничтожностью достигнутых результатов, без помощи с берега форсировать пролив? Много позже сообщения разведки из Константинополя говорили, что впечатление турок от финальной атаки не многим отличалось от впечатления союзников. Судовой огонь подавляющим образом действовал на моральное состояние гарнизона фортов, который в связи с недостатком снарядов вряд ли оказал бы сопротивление в случае возобновления атаки.

Подобные донесения при аналогичных обстоятельствах не редкость, но затем, когда проходит первое впечатление, они оказываются в значительной степени преувеличенными.

---

[1]) По турецким сообщениям *Ocean* течением принесло в залив Морто, где он затонул в 10 ч. 30 м. в. *Irresistible* попал в обратное течение и его потащило назад к фортам узкости. Обстрелянный фортом Дарданос, корабль, как утверждают турки, затонул в 7 ч. 30 м. в.

[2]) См. выноску на стр. 230.

Турецкие официальные сообщения признают, что непосредственно укрепления фортов пострадали серьезно. На Гамидие II были разрушены казармы и сбиты с установок оба орудия, но на Румели только одно орудие было выведено из строя и то временно. Намазие потерял одно орудие. Гамидие I также потерял одно тяжелое орудие. На Чеменлике был взорван погреб. Однако, турки настаивают, что полученные повреждения не повлияли на общую обороноспособность фортов. Батареи, защищавшие минные заграждения, оставались почти нетронутыми и турецкое командование было уверено в невозможности его вытралить. Оно считало, что форты и турецкий флот будут всегда в состоянии справиться со всякими прорвавшимися внутрь судами.

Уверенность турецкого командования несомненно имела свои основания. В настоящее время установлено, что до достижения залива Сари-Сиглар судам пришлось бы пробиваться через пять рядов минных заграждений у Эрен-Киоя. Суда, оставшиеся целыми, попав в залив, оказывались в 15—20 каб. от фортов узкости, боевой запас которых, хотя и не первосортный, далеко не был израсходован. Во всяком случае для продолжения сопротивления боевого запаса было достаточно [1]). Кроме того, нельзя забывать, что только одно из орудий фортов было выведено из строя окончательно, остальные поврежденные орудия были исправлены в течение ночи и в случае возобновления атаки, суда попадали под огонь прежней силы. Правда, с коротких дистанций наши суда имели больше шансов сбить орудия фортов, но затруднения, создававшиеся береговыми подвижными батареями, вряд ли могли быть ликвидированы. Даже при удаче в этом отношении оставались еще вторые пять линий заграждений у Нагара, где кончались укрепления узкости. Ничтожные форты Нагарской группы не могли служить преградой флоту, но вероятность пройти благополучно минное поле, состоявшее из трехсот пятидесяти мин, была 15 : 1; другими словами, из 16-ти кораблей имел шанс пройти в Мраморное море только один. Турецкие мины, хотя и не первоклассного типа, были достаточно сильны, чтобы взрывом одной из них потопить старый корабль и вывести из строя такое современное судно, как *Inflexible* [2]).

---

[1]) По турецким сообщениям для тяжелых орудий оставалось по 70 снарядов, для 6″ по 130 снарядов, для орудий меньшего калибра, защищавших минные заграждения, по 150 снарядов на пушку. Принимая во внимание недостаток снарядов у союзников нельзя не считаться с этим количеством.

[2]) Сведения, полученные от турок, после заключения мира, не оставляют сомнений, что суда союзников пострадали от мин, поставленных у Эрен-Киоя в ночь на 8-е марта, а не от плавучих мин. Плавучие мины типа «Ramis», прикрепленные к поплавкам, в числе 40 штук были изгото-

Все эти данные не могли быть в свое время известны, но и случившегося было достаточно для того, чтобы оставить всякие мечты о немедленном возобновлении атаки. Главной причиной неудачи считались плавучие мины и пока не было найдено средств борьбы с ними, риск новой попытки форсировать заграждения не мог оправдываться военной необходимостью. Представлялось совершенно очевидным, что для избежания катастрофы необходимо изыскать другие методы борьбы, почему еще до выяснения окончательных результатов описанного дня начал назревать новый план операций.

Накануне атаки на Тенедос прибыл генерал Гамильтон. В этот же день прибыл и последний эшелон французской дивизии вместе с ее начальником генералом д'Амад, офицером с большим опытом в экспедиционных предприятиях. Во время Южно-Африканской войны он состоял при английской главной квартире, затем отличился в Марокканской кампании и обратил на себя внимание, когда в первые дни войны с несколькими территориальными дивизиями удерживал фронт между британским расположением и Дюнкирхеном причем дивизии эти даже заслужили название „армии д'Амада".

Генерал Гамильтон после первого свидания с командующим эскадрой и лично произведенной 18-го марта рекогносцировки убедился в затруднениях, которые представляют подвижные батареи, и в невозможности их уничтожить без высадки войск в значительных силах. Но для успеха высадки сухопутные силы надлежало реорганизовать. Французская дивизия для десантных операций была подготовлена не лучше наших войск и генерал д'Амад после совещания с адм. Веймиссом пришел вместе с другими старшими начальниками к заключению, что наилучший и скорейший способ привести в исполнение намеченный план—это отправить все войска в Александрию. На Мудросе не было ни средств, ни способов осуществить реорганизацию и генерал Максвель, предвидя затруднения, еще неделю тому назад доносил об этом. За два дня до финальной атаки флота адмирал Веймисс высказался в пользу перенесения базы, но правительство удерживалось от окончательного решения до прибытия генерала Гамильтона.

Когда 19 марта собрался Военный Совет, ему предстояло вынести решение исключительной важности. Необходимость перенесения базы, несмотря на связанную с этим задержку,—

влены в Константинополе, и около дюжины из них время от времени пускались по течению днем во время атаки, но безрезультатно. 18-го марта пароход *Булаир* стоял с 20 плавучими минами наготове ниже Нагара, но ни одна из них не была использована.

была очевидной. Столь же неоспоримым был тот факт, что раз войска предполагалось теперь использовать для форсирования пролива, а не для того, чтобы они следовали за флотом через пролив к месту первоначального назначения, то предстоящая им задача значительно усложнялась. Поэтому, вполне естественно, что Совет продолжал держаться за идею самостоятельного форсирования пролива флотом и вопрос, главным образом, сводился к решению—следует ли Де-Робеку повторить попытку прорваться, или нет. От командующего эскадрой, кроме краткого сообщения о неудаче и потерях, никаких донесений еще не поступало. Но генерал Гамильтон, телеграфируя о необходимости перенесения базы, сообщал, что, хотя Де-Робек ни в какой мере не закрывает глаза на стоящие перед флотом трудности, тем не менее он решил использовать все силы и средства прежде чем просить помощи войск в широком масштабе. Однако, эта телеграмма была послана до неудачной атаки. Теперь же, после мнения, высказанного на месте действий авторитетным сухопутным начальником, не говоря уже об опыте предыдущих операций, на успех новой морской атаки вряд ли приходилось надеяться. С другой стороны разведка указывала на недостаток у турок снарядов и мин, а потому до выяснения истинного размера повреждений фортов нельзя было сказать, что следующая попытка не решит дело. Политическая обстановка настоятельно требовала продолжения операции, не ожидая реорганизации сухопутных сил. Впечатление от неудачи грозило особенно неблагоприятными последствиями в Италии. Лишь две недели тому назад ее правительство начало осторожные переговоры о возможности выступления Италии на стороне союзников, эти переговоры еще продолжались и общественное мнение страны делилось поровну на сторонников и противников выхода ее из нейтралитета.

Не менее серьезная реакция должна была произойти и в магометанском мире. Надо было считаться с необходимостью не нарушить впечатление, произведенное поражением турок в Египте и нашими успехами в Месопотамии. Однако, скудость сведений о точном положении дел в Дарданеллах не позволяла посылать командующему эскадрой категорического приказания о возобновлении атаки.

Решить вопрос можно было только на месте и Совет уполномочил адмирала Де-Робека продолжать операцию, если он „находит это возможным“ [1]). Но для активных действий требовались средства. К тому же нельзя было подавать виду, что неудача нас остановила, и Адмиралтейство решило, не теряя времени, пополнить потери. Линейные корабли *Queen* и *Implacable* уже находились в пути и были

[1]) Отчет Дарданелльской Комиссии. Ч. I. Стр. 38.

в расстоянии суточного перехода до Мальты, а через два часа после заседания Совета, оставшиеся два корабля 5-ой линейной эскадры—*London* и *Prince of Wales* получили приказание следовать за ними. Таким образом, эскадра Канала перестала существовать. Адмирал Бетель был старше в чине адмирала Де-Робека и суда пошли под флагом адмирала Никольсона, командовавшего 6-ой линейной эскадрой в Ширнессе, место которого занял адмирал Бетель.

К французскому правительству была направлена просьба: об'явить—ради морального эффекта—о намерении заменить *Bouvet* и *Gaulois* и оно распорядилось о посылке в распоряжение адмирала Гепратта стоявшего в Суецком канале *Henri IV*.

Телеграфируя Де-Робеку о состоявшемся решении Военного Совета и извещая о замене погибших кораблей, Адмиралтейство подчеркивало опасность предоставления туркам времени для исправления повреждений и оставления их в убеждении, что ими одержана победа. Взгляд Де-Робека вполне совпадал с мнением высших руководителей флота и он хотел продолжить бомбардировку через полуостров с *Queen Elisabeth*. При наличии хорошей воздушной корректировки он считал возможным подавить огонь фортов настолько, чтобы продолжать тральные работы. Поэтому он не одобрял перенесение базы. Признавая перенесение базы желательным с точки зрения сухопутных интересов, он в то же время считал необходимым не откладывая произвести частичные, демонстративные высадки в различных пунктах для отвлечения подвижных батарей и этим дать возможность избавиться от главной помехи в работе тральщиков.

Как ни велико и ни искренно было желание адмирала продолжить операцию и осуществить новую попытку атаки, судьба была снова против него, так как последнее слово опять осталось за погодой. Разыгравшийся жестокий шторм от норд-оста создавал настолько дурную видимость, что о стрельбе не могло быть и речи.

В ночь на 21-ое марта сорвало с якорей и выбросило на остовую сторону о. Лемноса миноносец *064;* ветер все не стихал и это парализовало все действия. Однако, прежде чем погода стихла, некоторые обстоятельства вызвали изменение взглядов командующего эскадрой.

Ген. Гамильтон прибыл с предвзятой мыслью, что ему надлежит высаживать свои войска у Булаира и что на южной оконечности полуострова операции должны ограничиться демонстрацией. Поэтому он считал необходимым прежде всего осмотреть предполагаемый район операций; но уже после первого совещания с Де-Робеком Гамильтон начал сомневаться в целесообразности намеченного им плана.

Успех высадки на Булаирском перешейке зависел от того, сможет ли флот прорваться в Мраморное море. Когда Де-Робек разъяснил затруднения, создаваемые для флота подвижными батареями, Гамильтон понял невозможность их ликвидации без высадки крупных сил на Галлипольском полуострове. Что высадка у Булаира этого не достигала— спорить не приходилось. Она не влекла за собой занятие фортов после их подавления флотом, захват же самого перешейка не означал неизбежности эвакуации противником всего полуострова, т. к. главная линия сообщений шла морем. Если высадка у Булаира не соответствовала интересам флота, то и с чисто военно-сухопутной точки зрения она встречала не меньше возражений. Высадившимся войскам пришлось бы действовать на два фронта, т. е. против Булаирских укреплений и против возможного наступления с материка. Атаковывать укрепления с моря в лоб было слишком рискованно, так как нельзя было допустить, чтобы противник не принял в этом отношении соответствующих мер. В убеждении, что действия мелких десантных и подрывных партий не помогут флоту в разрешении задачи, генерал Гамильтон остановил свое внимание на вопросе высадки войск на Галлиполи.

18 марта, пока шел бой с фортами, Гамильтон, в сопровождении генерала д'Амада, на крейсере *Phaeton* прошел вплотную по всему Галлипольскому побережью. От Булаира до Сувлы он не нашел ни одного пункта, где бы скалистые горы не мешали сделать высадку. Если же кое где и встречались подходящие места на берегу, то за ними шли такие узкие проходы, по которым дальнейшее движение войск вовнутрь было невозможно. За бухтой Сувлой, у Текке-Бурну имелось несколько удобных пунктов, но все они были окружены рядами окопов и проволочных заграждений. Только районы южной оконечности полуострова между Текке-Бурну и бухтой Морто представлялись удобными для высадки крупных сил. Что же касается высадки внутри пролива, то „встреча" оказанная турками генералу Гамильтону, как только *Phaeton* вошел в пролив, рассеяла все сомнения на этот счет. Результаты же атаки флота окончательно убедили генерала в его мнении относительно использования войск, но мнение это адмиралу Де-Робеку стало известно не сразу.

На флагманском корабле продолжали считать высадку у Булаира предрешенной и адмирал со своим штабом, понимая безнадежность такой операции, пока германо-турецкий флот владеет Мраморным морем, считал необходимым повторить попытку прорваться, безразлично какою ценою. Все еще верили, что с прибытием новых кораблей и при-

способлением для траления миноносцев—прорыв возможен, если только генерал Гамильтон согласится отложить на несколько дней перенесение базы и произведет ряд демонстративных высадок для отвлечения внимания подвижных батарей.

Вопрос, однако, не мог быть разрешен немедленно и на 22-ое марта было назначено совещание флагманов и старших сухопутных начальников для выяснения плана дальнейших действий. До этого, как мы уже знаем, Де-Робек уведомил Адмиралтейство о своем намерении продолжать попытки форсировать узкость одним только флотом. После заседания адмирал стал склоняться к мнению Гамильтона.

Упрямый в проведении в жизнь инструкций Адмиралтейства, предписывавших не требовать сухопутной помощи в значительных силах, он, как и все остальные, с самого начала чувствовал, что правильное решение задачи в Дарданеллах может быть найдено только путем соединенной операции армии и флота. Теперь, узнав, что Гамильтон готов высадить все свои силы для помощи флоту, и выслушав мнение сухопутных авторитетов, он пришел к окончательному заключению, что достигнуть цели можно только действуя рука об руку с армией. За это, главным образом, говорила очевидная невозможность для транспортов с войсками и снабжением пройти через пролив, пока Галлипольский полуостров не будет находиться в наших руках. Только захватив полуостров, можно будет подавить подвижные батареи азиатского берега и протралить проход через минное поле.

Неизбежная задержка была, конечно, весьма нежелательна, но адмирал считал, что она не протянется далее 14 апреля, а до этого срока вряд ли можно было ожидать улучшения погоды. Высаживать крупные сухопутные соединения ранее наступления весеннего тихого периода представлялось крайне рискованным. Свободное время флот мог использовать для поисков и уничтожения замаскированных батарей и тральных работ в районах предстоящего маневрирования судов.

Аэропланы только что прибыли, их поместили на устроенном аэродроме на Тенедосе и с улучшением погоды адмирал предполагал продолжать операцию.

Queen Elisabeth должен был возобновить стрельбу по невидимой цели, бомбардируя форты узкости. Французские суда адмирал предполагал использовать в Саросском заливе для совместного с воздушными силами обстрела Булаирского и Галлипольского укрепленных лагерей. Воздушным силам ставилась задача налета на турецкие склады в Майдосе и

на несколько минных транспортов, которые, по полученным сведениям, стояли выше узкости. Де-Робек считал, что этими мерами он сможет держать неприятеля в напряжении до середины апреля, когда войска будут готовы.

Перемена во взглядах командующего эскадрой вызвала в Англии разочарование. Адмиралтейство телеграфировало об опасности промедления, ввиду возможного появления в Дарданеллах германских подводных лодок, указывая при этом на нежелательность помощи армии, которая обойдется не дешево.

Однако, обстановка, как писал адмирал, в корне изменилась.

Генерал Гамильтон подтвердил ему свой взгляд, что войска необходимы для содействия прорыву. До 18 марта опыт не показал достаточно ясно—насколько дальнобойные орудия при стрельбе с дальних дистанций бессильны разрушить форты. Но наши неудачи и последние донесения из под Тцинтао показывали, что операция флота против берега гораздо труднее, чем думали. Неудачу 18 марта он не считал решительной и вполне был готов вновь испробовать свои силы. Но раз ген. Гамильтон находит высадку в широком масштабе желательной и готов действовать совместно, не может быть вопроса о новой попытки форсировать пролив одним только флотом. Далее он указывал, что, если даже флот и прорвется в Мраморное море, он не сможет там оставаться, пока его сообщения не будут обеспечены захватом Галлипольского полуострова. Таким образом, результаты кампании могли быть обеспечены только соединенной операцией армии и флота. Поэтому он предполагал до готовности войск ограничить действия флота подготовительными работами. Вторичная морская атака узкости вряд ли может привести к решительным результатам, но несомненно ослабит силы для предстоящей соединенной операции с армией, т. е. грозит помешать выполнению более широкого и продуманного плана.

Итак, решение состоялось. Все войска, за исключением 3-ей австралийской бригады и морской пехоты, начали отправляться в Египет. Генерал Гамильтон отправился 24 марта и с отъездом его штаба первое действие обреченного судьбой предприятия закончилось.

ГЛАВА XIV.

Океанские операции и защита торговых путей на океанах в первую четверть 1915 года.

Для того, чтобы правильно оценить значение решения об изменении плана Дарданелльской кампании, необходимо рассмотреть в свете всей обстановки борьбы на море создавшиеся к этому времени противоречия, предшествовавшие этому решению.

На океанских путях первоначальные затруднения, как будет видно ниже, были устранены. Хотя Фалкландский бой и нанес сокрушительный удар крейсерским операциям противника, но не окончательно покончил с ними. Наши операции в этой области затянулись и продолжали отвлекать не малое количество крейсеров. Положение усложнялось ходом экспедиций в германских океанских владениях, из которых была закончена только одна — в Тихом Океане. В Африке оставались три — „Камерунская“, „Германская Юго-Западная“ и „Германская Восточная“. Все они ложились бременем на флот и протекали далеко не с той быстротой, с которой ожидалось.

В Камеруне после захвата в начале декабря Baré и железнодорожного узла северной дороги никаких существенных успехов достигнуто не было. В конце декабря генерал Доббель с двумя колоннами продвинулся из этого пункта и при поддержке десантной партии с орудием уничтожил в первых числах января германское укрепление у Deshang, в тридцати милях к северу от Baré, но из за трудности обеспечить линию сообщений принужден был отступить обратно в Baré. В западном направлении, группа войск южной Нигерии хотя и оставалась в соприкосновении с противником, но наступать не могла. Части, оперировавшие с французами в направлении от озера Чад, не в состоянии были сделать большего как держать под наблюдением Garua и Lere. Французские войска занимали железнодорожную линию, тянущуюся на восток до Edea. На южном и юго-восточном направлениях французский генерал Аймериш, при содействии бельгийцев, все время тревожил противника, не позволяя ему сосредоточиться на главном театре.

Но неудача французов в их попытке очистить от неприятеля прибрежный район к югу от Edea ставила в тяжелое положение кап. 1 р. Фуллера с его слабым блокирующим отрядом, состоявшем в то время из легкого крейсера *Challenger*, канонерки *Dwarf*, парового катера и барказа, оста-

вленных крейсером *Cumberland*, и двенадцати судов Нигерийской флотилии [1]).

В семидесяти милях к югу от Edea французы удерживали маленький порт Kribi. Этот пункт неоднократно подвергался нападению и канонерка *Dwarf* и п/х *Ivi* несколько раз ходили туда на помощь, также как и французский крейсер *Pothuau*.

К концу января французам потребовалось усилить войска в Edea и часть гарнизона Kribi перешла туда. На смену были отправлены четыре роты нашего Западно-Африканского полка и отряд морской пехоты, расквартированный в Камро с целью борьбы с военной контрабандой. Побережье между Kribi и рекой Yabassi было открыто и требовалось зоркое наблюдение, чтобы не допустить проникновения грузов с испанского острова Fernando Po. Здесь по побережью пришлось установить несколько наблюдательных постов, по данным которых и действовали прибрежные флотилии. Но борьба с контрабандой не ограничивалась морем. Небольшие отряды противника постоянно появлялись на побережьи, стараясь здесь укрепиться и вынуждая командира Dwarf'а время от время посылать на берег десант. Обстановка оставалась совершенно неудовлетворительной и не сулила успехов.

Хотя союзники значительно переоценивали силы немцев, но, принимая во внимание протяженность театра операций, необходимость большого числа войск для занятия многочисленных сторожевых постов и охраны коммуникационных линий, организация общего наступления встречала большие трудности.

В середине января французское правительство предложило обсудить вопрос о более согласованных действиях союзных войск, но совещание не могло состояться раньше марта, т. к. до этого срока начальники отрядов, оперировавших в различных концах Камеруна, не могли успеть собраться вместе.

---

[1]) *Ivy*—пароход I—12 фунт., I—7 фунт., II—6 фунт. скорости.
Alligator—мотор. катер I пулемет
Crocodile— » » »
Monatee — » » I—13 фунт. I пулем.
Remus—колесный буксир III—12 фунт.
Porpoise—колесный буксир II—12 фунт., I—3 фунт.
Vigilant—паровой катер I—3 фунт., I пулемет.
Moseley— » » I—пулемет.
Warlus—винтовой буксир, I—пулемет.
Balbus— » » »
Mole—землечерпалка I—6 фунт.
Лихтер в 300 тонн.

С нашей стороны за это время кое что было сделано. Полковник Конлифф, командующий отрядом в Нигерии, в конце января прибыл в Duala к генералу Доббелю для совещания, на котором было решено начать совместно с французами наступление на севере против Garua при поддержке десантной партии с орудием. В начале февраля как французский, так и английский командующие получили подкрепления из западной Африки, но до мартовского совещания ничего серьезного предпринять не пришлось.

Операции на берегу затихли, но флот продолжал действовать. Было чрезвычайно важно прекратить поток грузов, идущий с Fernando Po, где испанский губернатор, мало считавшийся с нейтралитетом своей страны, допустил немцев фактически устроить базу на этом острове. Поэтому, когда 21 февраля Адмиралтейство сообщило о намерении заменить крейсер *Challenger* легким крейсером *Astraea* с мыса Доброй Надежды, генерал Доббель протестовал против этого отозвания, также как и в прошлый раз, когда был отозван крейсер *Cumberland*, тем более, что *Challenger* только что умело отразил нападение на Duàla.

Противник, поверив слухам о появлении его судов на побережьи и думая, что устье реки Камерун занято немецким десантом, решил, что Duàla представляет собою легкую добычу. Однако, план был раскрыт. 17-го февраля командир *Challenger*'а кап. 1 р. Фуллер высадил десант в составе полуроты при 12 фунтовом орудии и с наступлением темноты осветил прожекторами подступы к городу. Этого оказалось достаточным, чтобы противник отступил, не начав атаки.

Но были и другие причины, вызывавшие беспокойство.

Помимо постоянных мелких нападений на наши сторожевые посты, раскинутые на побережьи, немцы стали появляться на берегу сравнительно крупными отрядами чернокожих войск, явно поджидая прибытия снабжения. Ввиду этого генерал Доббель настаивал на необходимости морских операций, считая их более важными, чем когда либо, и просил не отзывать *Challenger*'а и его командира кап. 1 р. Фуллера, пока активные сухопутные операции не примут определенной формы. Донесения о перехваченных радио-переговорах между *Карлсруэ*, *Кронпринцем Вильгельмом* и *Дрезденом* не прекращались.

Дозор у Fernando Po несли одно из наших судов и крейсер *Pothuau*, крейсеровавшие к северу от острова. Хотя Фуллер не верил этим сведениям и не придавал им значения, но французский командир был другого мнения; считая, что будет благоразумнее снять отряд матросов, высаженный им в Kribi, он оставил дозор и пошел туда. В результате пароход с боевыми припасами и снабжением немедленно проскочил в Fernando Po, как только скрылся *Pothuau*. Хотя

прекращение контрабанды было, конечно, делом первейшей важности, однако, Адмиралтейство не изменило свое решение относительно *Challenger*'а. Отзывая крейсер, оно тем не менее оставляло кап. 1 р. Фуллера. С целью узаконить об'явление блокады, численность его отряда была увеличена. Старый легкий крейсер *Sirius* и канонерка *Rinaldo*, освободившиеся после операций на бельгийском побережьи, получили приказание готовиться к походу в Камерунские воды. *Astraea* прибыла в конце апреля с мыса Доброй Надежды и сменила *Challenger*.

Операции против германской юго-западной Африки начались в сентябре 1914 года занятием бухты Luderitz и высадкой в порте Nolloth, но бухта Walfisch, которую мы сами в сентябре эвакуировали, вновь занята не была. Северная группа войск операций не начинала. Развитие военных действий приостановилось, во-первых, из-за восстания генерала Девета и, во-вторых, вследствие необходимости держать соединенно эскадру адмирала Кинг-Холла, пока не будет покончено с отрядом Шпее.

Помимо этого наша немногочисленная эскадра не могла защищать одновременно два столь удаленных друг от друга пункта, как бухты Walfisch и Luderitz. Но начать подготовительные операции представлялось возможным не откладывая; как только эскадра соединилась, она вошла в Luderitz Bay, конвоируя три транспорта с войсками Южно-Африканского Союза. Это произошло 10-го декабря, когда Фалкландская победа уже была известна и не имелось причин откладывать далее занятия Walfisch Bay. В основном план сводился к наступлению превосходными силами четырьмя колоннами. Северная—главная—колонна должна была оперировать из Walfisch Bay и захватить Swakopmund, порт, от которого начиналась северная железная дорога и, другая в Windhuk; центральная колонна выходила из Luderitz Bay и действовала по линии южной железной дороги; южная группа в составе конных частей переходила границу и захватывала Warmbad, а малочисленная восточная группа наносила удар из Rietsfontein и занимала Keetmanshoop — железнодорожный узел Luderitz'кой дороги. В соответствии с этим адмирал Кинг-Холл отправил *Albion* на охрану Walfisch Bay, а сам с *Hyacinth*'ом, *Astraea* и *Weymouth*'ом возвратился в Table Bay, чтобы доставить туда авангардные части северной колонны. В первый день Рождества 5.000 человек высадились в Walfish Bay без всякого сопротивления со стороны противника.

Albion после ввода в док в Симонс-тоуне был отозван и ушел на присоединение к формируемой Дарданелльской эскадре.

Войска перешли в наступление и 14 января заняли город Swakopmund, который был оставлен противником. Немцы отравили все колодцы и уничтожили железнодорожные портовые сооружения. Пристань была уничтожена нами еще в первые дни войны и таким образом порт, как база, оказывался не имеющим значение. Приходилось прокладывать железнодорожный путь для соединения Walfisch Bay.

Надо было стоять в готовности, пока не закончится сосредоточение северной колонны. В первых числах февраля все было готово и 6-го числа генерал Бота вышел из Кэптоуна, чтобы принять общее командование. Доставил его адмирал Кинг-Холл сам лично на вспомогательном крейсере *Armadale Castle*. Урегулировав все вопросы, касавшиеся действий флота, Кинг-Холл возвратился в Симонс-тоун. Теперь, когда дело наладилось, Адмиралтейство считало полезным присутствие адмирала на другом конце его станции, где *Кенигсберг* продолжал еще существовать, несмотря на все старания его уничтожить.

Обождав окончание ремонта прибывшего из Mombassa л. к. *Goliath*, адмирал 25 февраля вышел на нем в Германскую Восточную Африку; несколько ранее ушел туда крейсер *Hyacinth*.

Из всех намеченных планом океанских экспедиций Восточно-Африканская протекала наименее успешно. Со времени неудачного ноябрьского наступления на Tongo сухопутные операции остановились. Руководство экспедицией было из'ято из ведения министерства по делам Индии и передано военному министерству. Было совершенно очевидным, что силы и средства противника учтены не верно, и генерал Уапшейр, в декабре вступивший в командование отрядом, получил приказание перейти к обороне, ограничивая наступательные операции мелкими стычками. Несколько попыток в этом направлении было сделано, но неудачно, и через месяц мы опять оказались в исходном положении на реке Umba. Успех морских операций немногим отличался от сухопутных. Некоторое оживление наблюдалось только в Dar-es-Salam'е.

К концу ноября выяснилось, что имеются основания опасаться, что затопленный в гавани плавучий док не вполне закрывает выход и что стоящие в гавани пароходы противника могут выйти и заблокировать наши гавани в Mombassa и Kilindine. Поэтому было решено их уничтожить и увести все угольные лихтеры и плавучие средства, могущие быть использованными для снабжения *Кенигсберга*. Операцию предполагалось выполнить при помощи десанта под прикрытием артиллерийского огня с л. к. *Goliath* и крейсера *Fox*. 28 ноября, когда суда подошли к порту, на берегу был

поднят парламентерский флаг и исполняющий обязанности губернатора прибыл на *Fox*. Выслушав наши требования, немецкий чиновник уехал, не дав определенного ответа, ссылаясь на необходимость переговорить с военным начальством. Прошел час времени, но ответа не было, белый флаг продолжал развеваться на флагштоке и командир *Fox*'а приказал шлюпкам с десантом отваливать. Десант привел в негодность три парохода и несколько портовых судов и захватил в плен их команды. Никакого сопротивления оказано не было, но, когда шлюпки пошли назад, по ним был открыт огонь, несмотря на то, что парламентерский флаг оставался поднятым. В результате один человек был убит и двадцать три ранены. *Fox* и *Goliath* немедленно открыли огонь и к вечеру губернаторский дом и соседние строения сгорели до тла.

Высадив раненых в Занзибаре, суда вернулись. Утром 30 ноября *Fox* поднял парламентерский флаг, но до полудня никто не явился и порт был подвергнут систематической бомбардировке. Результаты обстрела остались не выясненными.

После бомбардировки *Fox* вместе с вооруженными буксирами *Adjutant* и *Helmuth* пошел к *Chatham*'у, блокировавшему *Кёнигсберга*, а 3 декабря к ним присоединился всп. крейсер *Kinfauns Castle*, доставивший еще один гидросамолет. Ввиду того, что добраться до *Кенигсберга* пока что не представлялось возможным, командир *Chatham*'а кап. I р. Друри Лоу счел необходимым убедиться, насколько надежно заперт немецкий крейсер. Для этого требовалось произвести разведку по реке и с воздуха. Посланные вверх буксиры попали под сильный огонь замаскированных на берегу пулеметов и мелких скорострельных пушек и не смогли продвинуться вперед. Что же касается гидро, то он поднимал только одного человека — летчика. Наблюдателя не было и результаты разведки не внушали доверия. 10 декабря во время полета испортился мотор и летчик был вынужден опуститься в устьи реки. Сам он попал в плен, но аппарат удалось отбуксировать. Для дальнейшей службы он не годился. Тем не менее полученные сведения достаточно говорили за то, что выход *Кенигсбергу* закрыт не вполне. Помимо рукава, в котором был затоплен п/х *Newbridge*, имелось еще два, почему не оставалось другого выхода, как продолжать нести дозор. Ввиду желания Адмиралтейства получить *Chatham*, пришлось послать ему на смену *Weymouth*'а.

Обстановка на берегу оставляла желать многого, но несмотря на сложность положения, мы не собирались бросать начатого дела, и хотя решительные наступательные

операции не могли иметь здесь места, все же перед нами были другие возможности.

Установив действительную блокаду, мы могли взять измором 4.000 немцев, крепко засевших в колонии. Хотя такой план возлагал новые тяготы на флот, однако, Адмиралтейство не возражало. Еще в декабре оно изъявило согласие придти на помощь, но не скоро могло собрать нужные силы.

Районы операций охватывали побережье на 400 миль от нашей африканской территории до владений Португалии— Мозамбика. Блокада несколько упрощалась тем обстоятельством, что острова, расположенные на северном участке берега, у Занзибара, принадлежали нам, зато крупным островом Mafia владели немцы. Остров находился близ устья реки Rufidji, представляя собою удобную базу для операций против *Кёнигсберга*, и кап. I р. Друри-Лоу предложил его захватить. Генерал Уапшейр не возражал. 10 января, под конвоем *Fox*'а из Момбасы прибыли на *Kinfauns Castle* шесть рот туземной пехоты, и через два дня остров сдался без сопротивления [1]).

Сразу объявить блокаду нельзя было, т. к. недостаток судов делал ее недействительной. В середине января командир *Weymouth*'а кап. I р. Черч вступил в должность старшего морского начальника, а *Chatham*, *Kinfauns Castle* и *Fox* пошли для необходимого мелкого ремонта в Бомбей, почему для наблюдения за *Кёнигсбергом* кроме *Weymoth*'а остались только вооруженные буксиры *Duplex* и *Adjutant* и прибывший из Новой Зеландии на замену *Fox*'а старый крейсер *Pyramus*. В конце месяца присоединился *Hyacinth* как раз во-время, чтобы сменить *Weymouth*'а. Местность у Umba оказалась по климатическим условиям настолько вредной для здоровья, что было решено эвакуировать этот пункт, для чего требовалась помощь *Weymouth*'а. К 10 февраля эвакуация благополучно закончилась и крейсер вернулся к устью Rufidji За время его отсутствия буксиры предприняли еще одну разведку, но не удачно. *Adjutant* погиб, команда его попала в плен. Снова подтвердилась необходимость ограничиться ожиданием, пока *Kinfauns Castle* не доставит новые гидро. В нетерпении, дабы скорее разделаться с *Кёнигсбергом*, Адмиралтейство предложило генералу Уапшейру 2.000 человек морской пехоты, но генерал отказался, считая эту меру недействительной, и пехота была отправлена в Дарданеллы.

---

[1]) Гарнизон состоял из шести европейских и сорока туземных полицейских солдат.

В середине февраля блокирующие силы собрались почти полностью. Пришел австралийский крейсер *Pioneer* и четыре вооруженных колесных парохода с мыса Доброй Надежды, *Kinfauns Castle* доставил самолеты. Объявление блокады было назначено на 1 марта. Однако, уже через неделю после начала ее пришлось ослабить. 7 марта, когда адмирал Кинг-Холл прибыл на *Goliath*'е на о. Mafia, появились признаки активности противника в районе Rufidji, указывающие на возможную попытку *Кёнигсберга* проскочить в океан, пользуясь равноденственными приливами. В виду этого адмирал считал благоразумнее пройти туда самому, оставив стеречь выход в океан *Weymouth*'а с *Hyacinth*'ом, предоставив остальным судам нести службу блокады по мере сил и возможности. Кинг-Холл надеялся уничтожить *Кёнигсберга* бомбежкой с воздуха или бомбардировкой, корректируя стрельбу с гидро; аппараты не оправдали надежд и мысль эту пришлось оставить. Как на море, так и на берегу, если не считать кратковременной бомбардировки Lindi *Goliath*'ом, операции остановились на мертвой точке и немцы имели удовольствие наблюдать как их немощный крейсер удерживал линейный корабль и два легких крейсера. 25 марта адмирал получил приказание перенести флаг на *Hyacinth*'а и через неделю *Goliath* вышел в Дарданеллы.

Хотя операции против германских колоний в течение первой четверти года являлись безусловной обузой для флота, но все же они отвлекали меньше сил, чем германские крейсера, еще гулявшие на просторе океанов. Они были главной причиной, не позволявшей уменьшить число судов, занятых в Камерунской и Южно-Африканских экспедициях.

По счастию ко времени окончательного выяснения характера Дарданелльской кампании, меры, принятые по очищению от противника океанских торговых путей, увенчались успехом и большинство наших судов, занятых охраной торговли, освободились.

Читатель припомнит, что после Фалклендского боя остались нетронутыми три немецких крейсера: *Дрезден, Принц Эйтель Фридрих* и *Кронпринц Вильгельм*. Первый ушел из боя, второй продолжал крейсерство в Тихом Океане, а третий — *Кронпринц Вильгельм* только что заставил говорить о себе в районе Пернамбуко, в котором наделал столько бед *Карлсруэ*. Последний все еще „существовал“. Мы не только не знали об его гибели, но и немецкие крейсера считали, что *Карлсруэ* находится где-то в северной части Атлантического океана. Исчезнувший крейсер сделался „летучим голландцем“, донесения о нем постоянно поступали из разных районов и мы уже знаем, что именно он

на две недели задержал возвращение *Princess Royal* к Гранд-Флиту [1]).

Не считаться с исчезнувшим крейсером было нельзя и Адмиралтейство сразу же после боя приняло меры по сформированию специальной эскадры для его поимки. Для этой цели было решено разделить Вест-Индскую станцию Северной Америки и собрать на Ямайке австралийскую эскадру в ее первоначальном составе (*Australia*, *Melburn* и *Sydney*) под флагом вице-адмирала Патея.

Последнее время адм. Патей держался на западном побережьи Америки с крейсером *Newcastle* и японскими судами в поисках эскадры Шпее и теперь получил приказание сдать станцию японскому адмиралу Марияма и идти с *Australia* через Панамский канал на Ямайку. Японскому адмиралу, ввиду уничтожения эскадры Шпее, было приказано спуститься на зюйд и искать *Принца Эйтеля Фридриха*, а также германские угольщики, о которых имелись сведения, что они находятся на побережьи. Однако, план этот оказался невыполнимым. Длина *Australia* не позволяла пройти через шлюзы канала и крейсер пришлось послать Магеллановым проливом. По пути он должен был совместно с *Newcastl*'ем пройти до Вальпарайзо, где *Kent* и *Orama* обыскивали побережье к северу от этого пункта. Адмиралу Марияма предписывалось оставаться на севере и следить за побережьем Эквадора и островами Галапагос, поддерживая радио-связь с Ямайкой. Из Вальпарайзо, никуда не заходя, адм. Патей проследовал на свою новую станцию, но до его прибытия район Северной Атлантики оставался попрежнему целиком в ведении контр-адмирала Хорнби.

Все эти распоряжения последовали 12 декабря, а на следующий день получились сведения о *Дрездене*. Германский крейсер 11 декабря, т. е. через три дня после боя, появился в Punta Arenas. Эскадра Стэрди все еще стояла на Фалкландских островах и *Bristol*, единственный из крейсеров, готовый к выходу в море, немедленно пошел в Punta Arenas, но опоздал. *Дрезден* ушел в южном направлении. *Bristol* направился к западному входу в пролив, а затем, с присоединившимся к нему 15 декабря *Glasgow*, пошел через канал Smith'а на север в залив Penos, где 17 декабря встретился с крейсером *Inflexible*, обогнувшим м. Горн. Командир *Inflexible*'я, кап. I р. Филлимор, вступив в командование отрядом, решил послать *Kent*'а и *Orama* вдоль побережья, а самому заглянуть на остров Фернандец, который немцы не раз использовали в качестве условленного рандеву. Но в этот же самый день Адмиралтейство срочно потребо-

[1]) Только 19 марта Адмиралтейство получило неоспоримые доказательства, что *Карлсруэ* погиб четыре месяца тому назад.

вало обратно оба линейных крейсера и адмирал Стэрди приказал Филлимору возвратиться в порт Stanley.

Станция осталась на попечении адмирала Стоддарта. Следуя инструкциям Стэрди, последний вместе с крейсером *Cornwall* обыскивал берега Патагонии, после чего решил отправить *Cornwall'я* осмотреть острова Staten, а сам пошел в Магелланов пролив.

Кроме крейсера *Carnarvon*, на котором Стоддарт держал флаг, на весь район Магелланова пролива имелись только *Glasgow* и *Bristol*, так как *Kent* и *Orama* были привязаны к побережью Чили, а *Newcastle*, после совместного с *Australia* крейсерства к Вальпарайзо, снова пошел на север в поисках *Принца Эйтеля Фридриха*. *Cornwall*, побывав на островах Staten, был отправлен с вспомогательным крейсером *Otranto* на охрану Фалкландских островов.

Адмиралу Стоддарту предстояла не легкая задача. В архипелаге Огненной земли, с его безчисленными мало исследованными входами и выходами, энергичному противнику представлялась масса возможностей укрыться и уйти от преследования, тем более, что ненадежные сведения разведки очень усложняли вопрос с распределением крейсеров. Пока *Glasgow* и *Bristol* заканчивали осмотр группы чилийских островов, Стоддарт начал с обхода Admiralty Sound, большого фиорда с наружной стороны Магелланова пролива, на зюйд-ост от Punta Arenas, пройдя затем в Magdalen Sound, где канал Cockburn выходит в Тихий Океан. В десяти милях от Magdalen Sound'а находилась маленькая бухточка Sholl Bay, известная в лоции как прекрасное якорное место. Сюда то и пришел в ночь на 10 декабря *Дрезден*, пройдя через канал Cockburn, после того как, оставив Punta Arenas, он обогнул м. Горн.

Прибыв в Punta Arenas, командир *Дрездена* кап. 2 р. Людеке, хотя и осведомленный, что его крейсер только один уцелел от разгрома, тем не менее отказался последовать совету консула интернироваться. Местные власти, без ведома центрального правительства Сант-Яго, разрешили *Дрездену* остаться в порту тридцать часов и принять полный запас угля и продовольствия. Воспользовавшись разрешением в полной мере, *Дрезден* 13 декабря с наступлением темноты вышел и скрылся в южном направлении. *Glasgow* и *Bristol*, как мы уже знаем, днем 14 декабря следовали за ним, но *Дрезден* не пошел в Тихий Океан, как думали наши командиры, а оставаясь на южном курсе прошел через малоизвестный канал Barbara и направился в бухту Hewett, где вечером того же дня стал на якорь и приступил к приведению в порядок крейсера и к переборке механизмов.

Пока *Дрезден* находился в бухте Hewett, адмирал Стоддарт на *Carnarvon*'е 22 декабря прибыл в Sholl Bay. Дальше

на юг он не пошел, а снова направился в Магелланов пролив, где, сделав галс к восточному выходу, повернул обратно ко входу в Тихий Океан, на встречу двум своим крейсерам. 26 декабря днем, идя на вест, он обнаружил в бухте Snug п/х *Сиэра Кордоба*, о котором было известно, что он обслуживает немецкие крейсера, т. к. месяц тому назад он доставил в Монтевидео команду п/х *Ла Коррентина*, захваченного *Кронпринцем Вильгельмом. Сиэрра Кордоба* стоял в нейтральных водах и был недосягаем, при чем в бухте находился чилийский миноносец, наблюдающий за соблюдением нейтралитета. Адмирал вошел в бухту Fortescue, расположенную против северного входа в канал Barbara и там стал на якорь на ночь. В это самое время *Дрезден*, находившийся на южном конце канала, вышел из бухты Hewett и пошел на вест в еще более пустынное место на южной оконечности островов Santa Ines, известное под названием Port Lobern. Туда же, повидимому, направился и *Сиэра Кордоба*, как только скрылся наш флагманский крейсер.

Утром Стоддарт подошел к западному концу пролива и, встретив здесь оба своих легких крейсера, повернул обратно. Оставив *Bristol*'я для осмотра залива Xoultegua, он вместе с *Glasgow* направился к северному побережью пролива, но, ничего там не обнаружив, возвратился в бухту Sholl. Весь следующий день был потрачен на тщательные поиски в канале Cockburn. „Дичь“ снова была неподалеку; Стоддарт не дошел лишь пятидесяти миль до последней стоянки *Дрездена*, но, увы, он снова повернул обратно в бухту Sholl, где к нему присоединился *Bristol*.

Наступал конец года; со времени начала поисков *Дрездена* прошло две недели, противник был неуловим.

Адмирал решил итти в залив Possession, чтобы стеречь восточный выход из пролива, отправив легкие крейсера на юг, с заданием обыскать канал Beagle и побережие Огненной Земли. По пути Стоддарт вступил в радио-связь с проходившим на *Australia* на свою новую станцию адм. Патей.

Погрузив уголь на Фалкландских островах, Патей продолжал поход, высматривая пароход *Элеонора Воерманн*, прославившийся в роли угольщика германских крейсеров. 1-го декабря он вышел из Буэнос-Айреса, переименованный в *Анну*. 6 января адмиралу Патею посчастливилось встретиться с *Анной* и, т. к. виновность парохода не требовала доказательств, он был потоплен. Затем *Australia* зашел в Abrethos для очередной погрузки угля и там получил приказание итти в Гибралтар в док.

Тем временем *Glasgow* и *Bristol*, не обнаружив никаких следов *Дрездена*, 5-го января присоединились в бухте Possession к своему флагману. Оставив *Glasgow* стеречь восточный

проход, а *Bristol*—западный, Стоддарт пошел на Фалкландские острова для приемки угля.

Как ни успешно скрывал *Дрезден* свое движение, но тем не менее нашелся человек, который сумел раскрыть тайну его местонахождения. Это был наш консул в Punta Arenas Мильвард. В течение семнадцати лет он занимался торговыми делами в компании с германским коммерсантом, прекрасно знал все немецкие приемы и ухватки и съумел выяснить, куда направляются грузы для *Дрездена.* 2 января французский промышленник сообщил, что месяц тому назад он видел германский крейсер в сопровождении угольщика в бухте около островов *Santa Ines*, а затем заметил второго угольщика в другой бухте в пятнадцати милях южнее. Ошибки быть не могло, т. к. немцы осматривали его шхуну. Эти сведения Мильвард телеграфировал в Адмиралтейство и Стоддарту, но последний, к несчастью, им не поверил [1]).

Указанный район совершенно не был обследован, и кроме того, как и вся гряда Патагонских островов, будучи открыт постоянным снежным штормам от веста, не рекомендовался мореплавателям, почему адмирал считал, что консул введен в заблуждение немецкими агентами с целью замести следы *Дрездена.* Поэтому он не рискнул последовать полученным указаниям и ушел на Фалкландские острова, не меняя отданных распоряжений.

Целый месяц уже прошел со времени уничтожения эскадры Шпее, но поиски скрывшихся *Дрездена* и *Принца Эйтеля Фридриха* оставались бесплодными. Последний, узнав о судьбе Шпее, счел для себя невозможным оставаться в прежнем районе и отправился на остров Пасху. По пути он потопил английский пароход и захватил французский парусник с 3.500 тоннами угля. Придя к месту назначения, он рассчитывал начать свои операции, не считаясь с нейтралитетом Чили и Перу, но ошибся. Правительства республик интернировали всех угольщиков эскадры Шпее, укрывшихся в чилийских и перуанских портах, установив за ними строгое наблюдение. Простояв на о. Пасхе около 2-х недель, *Принц Эйтель Фридрих* решил попытаться достигнуть Германии. 6-го января он вышел в море, намереваясь пройти в Атлантический океан, широко огибая м. Горн. В этот самый день Стоддарт оставил бухту Possession, направляясь на Фалкландские острова, и в устье пролива обогнал голландского угольщика. Судовые документы голландца вызывали подозрение и адмирал приказал пароходу следовать за ним. Почти одновременно *Australia* потопил *Элеонору Восрман.* Этим самым, всей сложной организации снаб-

---

[1]) Телеграмма в Адмиралтейство сильно запоздала.

жения германских крейсеров, как будет видно ниже, был нанесен последний удар.

Хотя *Принц Эйтель Фридрих* исчез так же, как и *Дрезден*, но раньше чем Стоддарт смог возобновить крейсерство, прибавилось еще одно осложнение:

Прибыв 6-го января на Фалкландские острова, он узнал о новом проявлении активности одного из немецких крейсеров.

3 января пароход Гамбург-Американской компании *Отава* пришел в Лас-Пальмас с экипажами двух пароходов, захваченных месяц тому назад *Кронпринцем Вильгельмом* в районе St. Paul Rocks. Со времени, когда *Bristol* и *Macedonia* были отозваны на присоединение к отряду Стэрди, воды Пернамбуко оставались без всякой охраны. Несмотря на важность этого района, было решено, как в свое время и предлагал адмирал Краддок, предоставить его собственной участи, дабы вполне обеспечить сосредоточение сил, направленных против эскадры Шпее. После боя, возвращавшиеся в Англию крейсера столь часто проходили район Пернамбуко, что охрана его считалась излишней. Теперь же, ввиду происшедшего, надо было принимать какие-то меры.

Адмирал де-Робек, командовавший в то время станцией Канарских островов, находясь в момент прихода *Отавы*, в море, сейчас же возвратился и, убедившись, что германский пароход интернирован надежно, отправил *Highflyer*'а с всп. крейсерами *Marmora* и *Empress of Britain* на поиски в угрожаемый район.

Darmouth, искавший *Карлсруэ* на побережьи Испании и готовый к уходу в Дарданеллы, получил приказание пересечь торговые пути из Пернамбуко, а затем итти на острова Зеленого мыса. Однако, новое проявление деятельности *Кронпринца Вильгельма* угрожало торговле не только у Пернамбуко. До появления *Отави* последний раз о нем было слышно 22 ноября, когда *Сиэрра Кордоба* прибыл в Монтевидео с экипажами судов, захваченных в течение октября в устье Ла-Платы. Ввиду того, что из Аргентины шли в громадных количествах шерсть и маис, а из Новой Зеландии — мороженое мясо, оставлять беззащитными пути, по которым поступали столь важные продукты, было невозможно.

Несмотря на малочисленность эскадры Стоддарта, ослабленной посылкой *Cornwall*'я на остров Св. Елены для содействия операции против германской Юго-Западной Африки, новая обязанность по защите этих путей была возложена на нее.

15 января, придя в Магелланов пролив, Стоддарт отправил *Glasgow* в Монтевидео с приказанием осмотреть по пути все якорные стоянки на побережьи Патагонии. Можно было предположить, что *Дрезден* укрывается именно там, с целью

нанести отсюда удар по торговым путям в районе Ла-Платы или присоединиться к крейсерам, оперирующим на севере. Однако, консул продолжал настаивать на своем и, когда Стоддарт вернулся в Punta Arenas, он сообщил адмиралу, что по его сведениям *Дрезден* переменил стоянку и находится на острове Kempe, расположенном при слиянии каналов Cockburn и Barbara. На этот раз адмирал согласился с консулом и, зафрахтовав буксирный пароход для промера опасных мест, 24 января вышел вместе с *Bristol*'ем в бухту Sholl. 27 января наши суда пришли на о. Kempe, но ничего не обнаружили. Хотя консул указывал еще на несколько других пунктов, где мог скрываться *Дрезден*, но адмирал опасался продолжать рискованное плавание в неизвестных водах и повернул обратно. Как выяснилось впоследствии он был всего лишь в двенадцати милях от противника. *Дрезден* стоял в неисследованном канале Conzales, соединяющем канал Barbara с бухтой Stokes, и если бы буксир продолжал свою работу еще сутки-другие — поиск не остался бы бесплодным.

К сожалению, адмирал послал буксир сделать еще раз промер канала Beagle, а сам с *Bristol*'ем посвятил последние дни января осмотру фиорда Admiralty Sound.

31 января *Carnawon* и *Bristol* снова ушли на Фалкландские острова.

Вторая неудача убедила адмирала в малоценности местных сведений; по его мнению *Дрезден* оставил опасный лабиринт и пошел в Атлантический океан. Поэтому он решил прекратить поиски в районе Магелланова пролива и после совместного крейсерства с *Bristol*'ем по побережью Патагонии до высоты Монтевидео, намеревался итти в Abrolhos Rocks, приказав *Otranto* отвести туда угольщиков. На юге он оставлял *Glasgow*, только что вернувшийся из Монтевидео.

Консул, зная, что продовольствие *Дрездену* продолжает отправляться, был убежден, что крейсер неподалеку, но командир *Glasgow*, капитан 1 ранга Люйс, не считал возможным вновь итти туда же. Положение создалось чрезвычайно трудное, тем более, что немцы всячески старались сбить с толку наши суда, распространяя ложные сведения. Около 10 февраля одна из таких „уток“ достигла Адмиралтейства и произвела свое действие. Получив сведения, что *Дрезден* находится в Last Hope, Адмиралтейство предлагало командиру *Glasgow* пройти туда, а *Kent*'у и *Orama* приобрести в Вальпарайзо нужные карты и выяснить навигационные возможности этого района. Через два дня пришла новая телеграмма Адмиралтейства о том, что *Дрезден* стоит в Port Consuelo, с приказанием *Bristol*'ю выйти из Монтевидео и присоединиться к остальным крейсерам. Старания консула

убедить в ложности сведений, полученных Адмиралтейством, не привели ни к чему. Немцам даже удалось возбудить против него самого подозрение и *Glasgow*, *Bristol* и *Kent* отправились на поиски в соответствии с полученными из Лондона приказаниями. Результат свелся к тому, что *Bristol* получил серьезное повреждение руля, налетев на необозначенную на карте банку, а командир *Glasgow* окончательно убедился в том, что Адмиралтейство введено в заблуждение и что консул несомненно прав.

В Punta Arenas за это время были получены новые вести. 14-го февраля *Дрезден* был замечен на южном конце канала Barbara. Доверяя этим сведениям, капитан 1 ранга Люйс с *Kent*'ом и маленьким пароходом *Galileo*, зафрахтованным консулом, 3-го марта опять пришел в бухту Sholl. Оба крейсера пошли по каналу Barbara, а *Galileo* было приказано обойти остров Santa Ines и присоединиться к ним у выхода из канала. Но, увы, суда опоздали: 4 февраля противник уже вышел в море. По немецким сведениям чилийский миноносец обнаружил *Дрездена* в канале Gonzales и потребовал его выхода через двадцать четыре часа. Придя на острова Grafton и продержавшись десять дней в проходе Wakefield, где был принят уголь с парохода *Сиэрра Кордоба*, *Дрезден* вышел в Тихий океан. Ложные слухи, распространенные немцами, не только не помогли, но, наоборот, послужили к его гибели. Первоначально крейсер намеревался итти на север Чили и там интернироваться, так как котлы окончательно отказывались служить, но, услышав радио наших судов, рыскавших у Last Hope, переменил свое намерение и повернул на о. Фернандец.

Хотя поиски у Last Hope не дали никаких результатов, Адмиралтейство продолжало верить полученным им сведениям и 4 марта, когда *Glasgow* подошел к выходу из канала Barbara, кап. 1 ранга Люйс получил приказание еще раз осмотреть Last Hope. То, что Адмиралтейство было дважды введено в заблуждение, показывает насколько опасно руководить подобными операциями из центра, лишая инициативы и необходимой свободы действий непосредственных ее руководителей, могущих лучше оценить то или иное сообщение разведки.

Командиру *Glasgow* не оставалось другого выхода, как подчиниться, и он пошел по назначению вместе с *Orama*, оставив поврежденный *Bristol*, который мог управляться только машинами.

Однако, раньше чем последнее приказание дошло до *Glasgow*, Адмиралтейство получило новые сведения, говорившие, что пароход с углем *Gotha* вышел в условленное рандеву в 300 милях к западу от Коронеля с тем, чтобы 5 марта встретиться там с *Дрезденом*. Поэтому, не меняя

распоряжений, посланных кап. 1 ранга Люйсу, Адмиралтейство предписало *Kent*'у следовать в указанный пункт и уничтожить угольщик. Не теряя времени *Kent* пошел к Коронелю, но, прибыв на место 7 марта, парохода не нашел.

Командир решил ждать. На следующее утро нашел густой туман. Днем погода улучшилась и, как только туман рассеяло, наш крейсер увидел в двенадцати милях на вест не угольщика для *Дрездена*, а его самого. Немедленно началась погоня, ход бы доведен до $21^1/_2$ узлов, но расстояние мало менялось и, когда с наступлением темноты до *Дрездена* оставалось еще $8^1/_2$ миль, он скрылся.

Ввиду того, что у *Kent*'а оставалось лишь 300 тонн угля, продолжать погоню было немыслимо и кап. 1 ранга Аллен возвратился к месту рандеву, дав радио о встрече с противником. *Glasgow*, в момент принятия этого радио, находился в лабиринте островков и раньше рассвета выбраться из него никак не мог. Утром 9 марта *Glasgow* полным ходом шел на присоединение к *Kent*'у, отправив *Orama* в бухту Possession с приказанием выслать угольщиков к Vallenar.

Bristol до ввода в док был бесполезен. *Kent* пошел грузиться углем в Коронель, а *Glasgow* до 13 марта остался в месте рандеву, назначенном пароходу *Gotha*, поджидать *Orama*. Кап. 1 р. Люйс предполагал организовать поиски в районе Mas a Tierra, крайнего острова группы Фернандец, которым немцы неоднократно пользовались раньше, и не ошибся.

В последнюю минуту были получены сведения, что пароход с углем вышел навстречу *Дрездену* на главный остров группы — Mas a Tierra. *Kent* с лихорадочной быстротой закончил погрузку угля в Коронеле и вышел, получив приказание спешить туда же.

С рассветом 14 марта *Glasgow* и *Orama* появились с западной стороны острова, а *Kent* — с восточной.

Сомнений больше не было. В бухте Cumberland, на фоне отвесных береговых скал, явно вырисовывался *Дрезден* с развевающимися флагами. Что он не был интернирован говорил дым, валивший из всех труб; крейсер готовился уходить в надежде ускользнуть. Порт был нейтральный, но чилийское правительство ни разу не смогло оградить свой нейтралитет от посягательств немцев, неоднократно пользовавшихся островом, на котором власть правительства олицетворялась лишь „морским губернатором“, занимавшим в то же время должность смотрителя маяка.

Командир *Glasgow* не считал возможным тратить время и как только строения поселка вышли из под угла обстрела, с 42 каб. сделал залп. Накрытие получилось сразу, второй залп лег у самого борта *Дрездена*. Вслед за тем открыл

огонь своими шести-дюймовками и *Kent*. *Дрезден* начал отвечать.

Неравный бой не мог продолжаться долго и противник через несколько минут спустил флаги и поднял, как казалось, белый флаг [1]).

Наши суда тот час прекратили огонь и приблизились. *Дрезден* горел, команда бросалась в воду, на стеньге был поднят сигнал о желании вступить в переговоры. С *Glasgow* была отправлена шлюпка со старшим офицером и врачем, но раньше, чем она успела подойти к горевшему крейсеру, показался паровой катер под парламентерским флагом. Прибывший на *Glasgow* офицер от имени командира заявил, что *Дрезден* интернирован. Заявление было ложно, так как немецкий крейсер отказался выйти через двадцать четыре часа или разоружиться, и ответ кап. 1 р. Люйса гласил, что он может согласиться только на одно условие—на сдачу „на милость победителя". Как только катер с немецкими офицерами отвалил, подошла шлюпка с смотрителем маяка. „Губернатор" находился в очень раздраженном состоянии, так как, выйдя навстречу нашим судам, забыл захватить с собой парламентерский флаг и едва не был потоплен огнем с *Glasgow* и *Kent*'а. Он энергично протестовал против нарушения нами нейтралитета, но признавал, что не имеет никаких средств заставить немецкий крейсер подчиняться его требованиям и что *Дрезден* стоит в порту со времени первой встречи с *Kent*'ом. Все, что было в его силах—это послать шлюпку в Вальпарайзо просить присылки военного судна, прибытие которого он ожидает ночью,—он сделал. Командир *Glasgow* предложил немедленное и полное удовлетворение всех претензий за нанесенные на берегу убытки и по инициативе губернатора решил принять меры по приведению судовых машин *Дрездена* в состояние, не позволяющее ими пользоваться.

Не успели закончиться переговоры нашего командира с представителем местной власти, как *Дрезден* взорвался.

Получив ответ Люйса, кап. 2 р. Людеке решил привести в исполнение задуманный план—взорвать носовые погреба. Когда дым рассеялся *Дрезден* медленно опускался на дно и через час скрылся под водой, провожаемый громким пением „Дейчланд юбер аллес" команды, выстроившейся во фронт на берегу во главе с командиром. Противник потерял двадцать человек убитыми и утонувшими, не считая многих раненых, находившихся на берегу. Для оказания им помощи были посланы врачи и санитары со всех судов, но так как работать на берегу не было возможным, ране-

---

[1]) Командир *Дрездена* говорил, что флаги не были спущены, а сбиты, и что их вновь подняли.

ные были доставлены на всп. кройсер *Orama*. Прождав до следующего утра чилийского военного судна и не дождавшись его, кап. 1 р. Люйс оставил остров, полностью удовлетворив претензии местных жителей.

У берегов Бразилии, которую Германия всегда считала находящейся в сфере своего влияния и где она перед войной всячески подготовляла себе благоприятную почву, оперировал *Кронпринц Вильгельм*, пользуясь угольщиками, укрывавшимися в ее портах. Из Пернамбуко вышел пароход *Отави*, интернировавшийся в Лас-Пальмасе. Через месяц ушел пароход *Хольгер*. Он был уличен в передаче германским крейсерам по радио сведений о движении коммерческих судов и, не очистив документов, 1-го января ночью проскользнул из порта в море. Правительству Бразилии надоели постоянные нарушения правил и оно объявило, что впредь не будет выдавать вовсе судовых документов пароходам тех компаний, которые хоть раз не подчинились закону.

Начальник коммерческого порта в Пернамбуко и командиры охранных судов были смещены с должности, действие радио-станции в Fernando Noronha было прекращено.

После гибели *Дрездена* и последовавших дипломатических переговоров с Чили нейтралитет Бразилии постепенно стал делаться благожелательным по отношению союзников.

Хольгер очень близко, но удачно, разошелся с *Inflexible*'ем и соединился со своим крейсером. *Кронпринц Вильгельм* к этому времени захватил английский пароход *Hemisphere* с 3.500 тонн угля в 300 милях от St. Paul Rocks, значительно восточнее обычного торгового пути, и приступил к погрузке.

Где именно соединился *Хольгер* с *Кронпринцем Вильгельмом*—осталось невыясненным, но во всяком случае не там, где мы этого ожидали. Весь этот район был обойден высланными Де-Робеком *Highflyer*'ом и двумя вспомогательными крейсерами, не обнаружившими никаких следов неприятеля. Единственно в чем не оставалось сомнений, это в том, что *Кронпринц* перешел к северу. 10 января он захватил английский пароход *Potaro* в 4.000 тонн водоизмещения, шедшего с балластом, а 14-го января *Higland Brae*—большой товаро-пассажирский пароход с разным грузом и пассажирами из Буэнос-Айреса. Пароходы точно следовали инструкциям Адмиралтейства и располагали свои курсы вне рекомендованных лоциями путей. В этот же самых день была потоплена и шхуна из Канады *Wilfred*. Пароходы имели радио и немецкий крейсер оставил их при себе. 16 января он соединился со своим угольщиком *Хольгером*, вероятно, милях в восьмидесяти от местонахожденя *Highflyer*'а. Две последующие недели *Кронпринц* занимался перегрузкой необходимых ему предметов с *Highland Brae* и оборудованием п/х

Potaro в качестве вспомогательного крейсера. За этот период немцы не раз были в очень опасном положении, т. к. английские суда ходили кругом. Последние два приза были захвачены в районе *Highflyer*'а. 17 января близко от них прошла *Australia*, направляясь в Гибралтар, а два дня спустя *Dartmouth*, но еще ближе прошел *Canopus*, шедший в Дарданеллы.

Последний принял радио „купца", телеграфировавшего, что *Кронпринц* у St. Paul Rocks. Он немедленно изменил курс и вскоре наткнулся на обломки канадской шхуны, но других следов неприятеля не обнаружил и потому продолжал свое плавание. Когда он подходил к островам Зеленого мыса, *Highflyer* с вспомогательными крейсерами вновь направился в свой прежний район. *Кронпринц* все еще держался там и 3 февраля опять удачно избежал встречи с английскими судами, проходившими близ того места, где он захватил *Highland Brae* и где теперь топил норвежский барк *Semantha* с пшеницей из Канады.

К этому времени *Принц Эйтель Фридрих*, выдержав у м. Горн жесточайший шторм, вышел в Атлантический океан. Не рассчитывая на дальнейшую помощь угольщиков и обладая ходом меньшим любого из английских крейсеров, он не рисковал подходить близко к берегам, а держался в море подальше от устья Ла-Платы. Здесь, в течение последних чисел января он захватил четырех парусников, один русский, два французских и один американский—четырехмачтовый барк с пшеницей, направлявшийся в Куинстоун. Первые три были потоплены. Американца, как нейтрального, сначала оставили, пытаясь перегрузить пшеницу, но работа оказалась слишком трудной и его, вопреки всем законам, постигла участь русского и французких парусников.

12-го февраля *Принц Эйтель* захватил еще один английский пароход *Invercoe*, также с пшеницей. Видя, что запасов угля ему хватит не надолго, он решил итти в Северную Америку и там интернироваться, стараясь по пути сделать, что можно. Успех ему сопутствовал: 18-го февраля, подходя к „большой дороге" из Пернамбуко, он потопил в течение этого и двух последующих дней еще три парохода.

Ни на одном из них не было груза угля и *Принц Эйтель* пересек дорогу, пройдя между Fernando Noronha и St. Paul Rocks. На этом курсе его ожидала большая опасность и он проскочил ее буквально чудом.

14-го февраля были получены сведения, что зафрахтованный германскими агентами пароход направляется к Lavandeira Reef, на остовой оконечности северного берега Бразилии, с припасами для *Кронпринц Вильгельма* и для *Карлсруэ*, о гибели которого в то время еще ничего не знали. Немедленно была организована погоня и *Sydney*, сторожив-

ший германские пароходы, стоявшие в Порто-Рико, и только что смененный французским крейсером *Condé*, получил приказание спешить к указанному пункту.

Вспомогательный крейсер *Edinburgh Castle*, следовавший с островов Зеленого мыса с двумя угольщиками, снабженными радио, был направлен к нему на соединение. Одновременно адмиралу Стоддарту было приказано выйти из Монтевидео и принять на себя руководство операцией. В результате, *Edinburgh Castle*, проложивший курс на Lavandeira Reef, и *Принц Эйтель Фридрих*, шедший на норд, разошлись чуть ли не вплотную, но все-таки друг друга не заметили. 26 февраля *Sydney* и *Edinburgh Castle* соединились в назначенном районе, но адмирал не пришел.

22 февраля он своевременно вышел из Abrolhos Rocks, но через полчаса после съемки с якоря его крейсер *Carnarvon* наскочил на необозначенную на карте банку и распорол себе днище, сделав пробоину в 95 фут длиною. Крейсер был принужден приткнуться к берегу, на долго выйдя из строя, и Стоддарт перенес флаг на *Vindictive*, который после ухода *Canopus*'а стоял на охране Abrolhos Rocks.

Пробоину удалось временно заделать собственными средствами и *Carnarvon* смог добраться до Рио-де-Жанейро, где бразильские власти разрешили ему войти в док, как пострадавшему не от военных действий, а от „неизбежной случайности на море“.

Тяжесть аварии усугублялась тем обстоятельством, что на следующий день в Адмиралтействе получились сообщения, что *Карлсруэ*, *Дрезден* и *Кронпринц Вильгельм* идут на соединение в неизвестном направлении, при чем не исключалась возможность попытки с их стороны нанести удар в Камеруне, где противник перешел в наступление, стараясь восстановить потерянное положение. Поэтому крейсера *Amphitrite* и *Laurentic* были немедленно отправлены самым полным ходом к островам Зеленого Мыса. В районе Пернамбуко также без замедления были приняты соответствующие меры и *Sydney* с *Edinburgh Castle* произвели поиск к островам Rocas и Fernando Norohna, но, ничего не обнаружив, пошли на соединение с адмиралом в Abrolhos.

На самом деле *Кронпринц Вильгельм* в это время оперировал в стороне от торговых путей, в 300 милях на зюйд-ост от Fernando Norohna.

Так же, как и *Принц Эйтель Фридрих*, он начал к этому времени ощущать результаты мер, принятых правительством Бразилии против подозрительных судов, и потому конец его был не за горами. Однако, 22 февраля ему удалось захватить еще два приза: один французский п/х *Guadeloupe* с 150 пассажирами и обмундированием для французской армии и другой английский *Chasehill* с грузом угля для Ла-Платы.

Счастливый случай продолжил существование немецкого крейсера. Начав перегрузку угля, которая шла очень медленно, он закончил ее к 9 марта, утопив *Guadeloupe*. Пассажиры и команда были отправлены в Пернамбуко на *Chasehill*, после чего *Принц Эйтель* направился на север, при чем снова только-только избежал встречи с нашим крейсером *Macedonia*, который, переменив свое вооружение на 6″ пушки, шел на присоединение к Стоддарту и 10 марта прошел точку, в которой был потоплен французский пароход.

К тому сроку обстановка стала проясняться. 9 марта *Принц Эйтель Фридрих* пришел в Нью-Порт, а через три дня прибыл *Chasehill* с сообщением о *Кронпринце Вильгельме*. Организация операций против последнего встретила некоторые затруднения. Наша Вест-Индская эскадра была целиком занята наблюдением за немецкими пароходами, стоявшими в Гаванне и Порто-Рико, а Северо-Американской— пришлось целый месяц стеречь *Принца Эйтеля Фридриха*, пока правительство С.Ш.А. не решило разоружить немецкий крейсер и окончательно его интернировать.

Кроме того этой же эскадре приходилось вести зоркое наблюдение за районами Нью-Иорка, почему не оставалось ничего иного как возложить поиски на ту же ослабленную эскадру Стоддарта.

Стоддарт, державший теперь флаг на *Sydney*, в сопровождении *Edinburgh Castle* с двумя угольщиками пошел в указанный район. При этом он предложил, чтобы крейсера *Liverpool* и *Gloucester*, высланные в конце февраля от Гранд-Флита к американскому побережью, на случай появления там *Кронпринца*, были направлены на соединение с ним на острова Rocas.

Крейсера под общим начальством командира *Liverpool*'я в этот момент грузили уголь в Sierra Leone.

19 марта, получив телеграмму Адмиралтейства, оба крейсера вышли в море с двумя угольщиками, имевшими теперь, как и все такие суда, радио-телеграф, дающий им возможность служить разведчиками.

Первоначальные инструкции предусматривали поиск в районе St. Paul Rocks и Fernando Norohna, но перед самым уходом были присланы более точные указания о местонахождении *Кронпринца Вильгельма*. Разведка сообщила, что он поджидает двух угольщиков. Один из них был п/х *Оденвальд*, запертый *Melbourne*'ом в Порто-Рико, другой—пароход Гамбург-Американской компании *Македония*. В первые дни войны он выскользнул из Нового Орлеана на соединение с всп. крейсером *Кайзер Вильгельм дер Гроссе*, но опоздал. *Кайзер* был утоплен *Highflyer*'ом на Марокканском побе-

режьи. После этого *Македония* несколько месяцев укрывалась в районе Канарских островов, но затем интернировалась в Лас-Пальмасе. Испанские власти частично разобрали машины, но немцы сумели тайно привести механизмы в порядок и 15 марта ночью пароход, снявшись бесшумно с якоря, вышел в условленное рандеву на встречу *Кронпринцу Вильгельму*. По сведениям разведки, рандеву было назначено приблизительно на экваторе к северу от Fernando Norohna и нашим крейсерам предписывалось следовать в этом направлении.

Кронпринц Вильгельм все еще находился в районе к югу от St. Paul Rocks и 24 марта захватил английский п/х *Tamar* с 4.000 тонн кофе. Три дня спустя, пройдя на 100 миль на норд-ост, т. е. навстречу *Македонии*, он наткнулся на п/х *Coleby* в 5.000 тонн с пшеницей.

Последний приз не только был для него бесполезен, но едва не послужил причиной его гибели. Пока *Кронпринц* топил *Coleby*, *Liverpool* прошел от него очень близко и только благодаря какой-то счастливой случайности его не заметил. Противники разошлись лишь в расстоянии шести миль, но все же конец деятельности *Кронпринца* наступил.

28 марта *Liverpool* и *Gloucester* погнались за пароходом и в скором времени выяснили, что это—*Македония*. Установив на нем радио-сеть и присоединив приз к своему отряду, крейсера продолжали поиски в назначенном им районе, каждую минуту ожидая увидеть немецкий крейсер.

Но никто и не появился. За неделю до встречи с *Македонией* Адмиралтейство смогло объявить, что *Карлсруэ* в первых числах ноября погиб в водах Вест-Индии и что спасенные с него прибыли в Германию. Сведения эти были подверждены командиру *Gloucester*'а капитаном *Македонии*. Что касается *Кронприца Вильгельма*, то он так и не пришел в условленное рандеву. При уничтожении канадской шхуны *Wilfred*, которую он потопил таранным ударом, крейсер сам получил серьезные повреждения и ему требовалось войти в док. К тому же угля и провизии оставалось минимальное количество, а надежд на соединение со своими пароходами было немного.

Принимая радио английских судов, командир *Кронпринца* считал, что за ним охотятся не менее восьми крейсеров и 27 марта решил прекратить борьбу и итти интернироваться в Северную Америку. На этот раз ему снова необычайно повезло: 28 марта он видел *Gloucester*'а, гнавшегося за *Македонией*, но быстро изменил курс и ушел незамеченным.

Через несколько дней он перехватил радио с сообщением об интернировании в Нью-Порте *Принца Эйтеля Фридриха* и,

окончательно потеряв надежду встретиться со своими угольщиками, пошел туда же.

Идя с потушенными огнями, он благополучно разошелся с нашим крейсером, державшим дозор в районе Нью-Порта, и 11 апреля прибыл на место.

Два дня спустя преследовавший его отряд был расформирован.

Так закончилась первая фаза нападения Германии на нашу океанскую торговлю. Никогда еще в истории войн Англии крейсерские силы врага не были столь быстро уничтожены. Сравнивая с тем, что ожидалось от крейсеров—результаты крейсерских операций противника надо считать исключительно неуспешными. В течение восьми месяцев войны потери британской торговли на всех морях и океанах исчислялись в 6.691.000 фунтов стерлингов. Стоимость же всех импортных и экспортных морских грузов одного только Соединенного Королевства, составляла 775.500.000 фунтов. Прибавив к этому стоимость тоннажа, занятого перевозками, размер капитала, подвергавшегося риску на море, доходил почти до тысячи миллионов фунтов. Таким образом, вся потеря выразилась лишь в $^2/_3$ одного процента.

Эти цифры не могли оказать никакого влияния на нашу торговлю в целом, но уже началась ощущаться новая форма нападения. Результатам ее было суждено превзойти все бывшие примеры и ожидания и достигнуть таких размеров, по сравнению с которыми потери первого периода войны, казавшиеся в свое время страшными и вызывавшие не малое напряжение флота, представлялись теперь булавочными уколами.

Ко времени освобождения торговли от опасности на океанах, в Отечественных водах появился новый враг. Подводная лодка в качестве оружия против торговли делалась все более грозным фактором войны на море и это оружие в случае обращения его против такой крупной соединенной операции армии и флота, как Дарданелльская, не могло не вызывать самых серьезных опасений.

ГЛАВА XV.

Отечественные воды в феврале и марте 1915 года. Британская „блокада“ и германская „военная зона“.

18 февраля, канун финальной атаки флотом Дарданелльских укреплений, был днем, когда, согласно объявленному за две недели перед тем германскому правительственному сообщению, война немцев против морской торговли должна была принять новую форму.

Решение это состоялось не без борьбы. Морской министр Тирпиц, хотя и лелеял план неограниченной подводной кампании в будущем против нашей океанской торговли, тем не менее находил, что объявление „военной зоной“ вод, омывающих Британские острова, не желательно. Считая, что расширение установленных норм морской войны не соответствует политическому моменту, он, главным образом, руководствовался соображением преждевременности подобной меры. Германия не располагала еще подводными лодками в таком количестве, чтобы блокировать все побережие Великобритании, а по условиям Парижской декларации блокада признавалась законной лишь в случае ее действительности. Таким образом, несоблюдение условий декларации давало нейтральным государствам законный повод протестовать. По мнению Тирпица подводную блокаду надлежало ограничить районом устья Темзы. Это давало немцам возможность во всеоружии защищать законность предпринятого шага в качестве меры, направленной против нашей английской блокады в той форме, как мы ее понимали. Начальник морского генерального штаба адм. фон Поль держался другого взгляда. Он являлся вдохновителем той морской политики, против которой все громче и громче раздавались голоса протеста по всей стране, и находился ближе всех к влиятельным военным кругам, прислушиваясь к их голосу. Результат боя при Доггер-банке еще более утвердил германского императора в его мнении, создавшемся после Гельголандского боя. Он твердо решил держать созданный им флот в состоянии „*fleet in being*“ и его нетерпение использовать подводные лодки возрастало по мере укрепления в нем решения прекратить наступательные операции линейного флота.

До настоящего времени, т. е. до последнего правительственного сообщения, немцы, если не считать постановку мин в открытом море, соблюдали законы и обычаи морской войны. Им не приходилось стыдиться поведения своих крейсеров, оперировавших на океанах, действовавших в

большинстве случаев законно и лишь слишком широко пользовавшихся правом топить нейтральные суда „в случае необходимости".

В водах Англии, как мы знаем, имели место несколько случаев неоправдываемого уничтожения коммерческих пароходов без предупреждения и без попыток спасти экипажи, а также возмутительный случай потопления госпитального судна. Но эти случаи носили спорадический характер и их можно было объяснять горячностью командиров подлодок, „потерявших голову". [1]) До тех пор пока океаны не были очищены от немецких крейсеров, систематического организованного нарушения законов морской войны не наблюдалось. Теперь же, когда Германия увидела свою торговлю парализованной, а нашу вполне свободной, она отбросила всякие стеснения. Вслед за полуофициальным предупреждением, уже сделанным представителям нейтральных государств, германское морское министерство 4-го февраля опубликовало декларацию, запрещающую всякое движение торговых судов в британских водах.

Текст декларации гласил:

„Настоящим все воды, омывающие Великобританию и Ирландию, включая Английский Канал, объявляются военной зоной. Начиная с 18 февраля каждое коммерческое судно неприятеля, обнаруженное в военной зоне, будет уничтожено, не всегда считаясь с опасностью для экипажа и пассажиров.

Нейтральные суда также подвергаются опасности в военной зоне, т. к. вследствие распоряжения британского правительства от 31 января, предписывающего прикрываться нейтральными флагами, неизбежные случайности, связанные с войной на море, всегда могут повлечь нападение на нейтральное судно, принятое за неприятельское.

Плавание к северу от Шетландских островов, в восточной части Северного моря, в полосе шириною в тридцать морских миль, проходящей вдоль побережия Голландии, не представляет опасности".

Декларации сопутствовало пространное объяснение, оправдывающее эту меру германского правительства, как

---

[1]) До 18 февраля потери от немецких мин и подлодок были следующие:

Потоплено подлодками	11 британских судов и 1 союзников.
Взорвались на минах и утонули	15 британских коммерческих судов,
	18 британских рыболовных судов,
	4 коммерческих судна союзников,
	33 коммерческих нейтральных судов.
Повреждено подлодками . . .	1 коммерческое судно союзников.
Повреждено минами	6 британских коммерческих судов,
	3 нейтральных коммерческих судна.

вызванную действиями Англии против германской торговли, нарушающими все основы международного права. В частности указывалось на то, что мы дополнили список контрабанды предметами, не имеющими отношения к военным потребностям, и ввели понятие о „конечном месте назначения груза“, чем уничтожили разницу между „безусловной“ и „условной“контрабандой. Далее указывалось, что мы не только не ограничились попранием Лондонской декларации, которую Германия соблюдает в точности, но и нарушили Парижскую декларацию, т. к. захватывали на нейтральных судах германские грузы, не составлявшие контрабанды. Далее указывалось, что „в нарушение собственных постановлений, связанных с Лондонской декларацией“—мы сняли с нейтрального судна, в качестве военно-пленного германского подданного—военно-обязанного. В заключение нам ставилось в вину объявление всего Северного моря театром военных действий, вследствие чего побережья нейтральных государств оказались блокированными. Отсюда делался вывод, что мы, изыскивая способы пресечь легальную нейтральную торговлю, этим самым преследуем цель парализовать не только военную мощь Германии, но и ее экономическую жизнь и обречь народ на голодную смерть.

Если бы не то, что весь мир уже достаточно привык к бесстыдству германских правительственных заявлений, не верилось, чтобы подобные доводы в свое оправдание могли быть выдвинуты немцами серьезно. Положение Лондонской декларации систематически нарушались ими при захвате призов. В целях собственного удобства у командиров германских крейсеров вошло в обычай топить нейтральные суда в тех случаях, когда решение призового суда могло быть сомнительным и когда оставление судна на свободе ни в какой степени не угрожало безопасности крейсера или успеху его операций.

Лондонская декларации предусматривала отступление от правил при захвате судов лишь в тех случаях, когда крейсер сталкивается с „исключительной надобностью“ и „опасностью“, но слово „опасность“ понималось как „реальная опасность в момент захвата“.

Семь параграфов Лондонской декларации тщательно разбирали все случаи, допускающие отступление от правил, германские же крейсера отступали от них систематически и постоянно.

Указание на внесение Англией в список контрабанды предметов, не относящихся к войне, было ложно и немцы ссылались на него, чтобы прикрыть собственные незаконные постановления.

17 ноября они объявили контрабандой обыкновенное дерево и лес в обработанном и полуобработанном виде, как

продукт, могущий быть использованным в качестве топлива и предусмотренный статьей 24-ой Лондонской декларации.

Лес для шахт и дерево для перемола в бумажную массу считались особо запрещенными грузами и в Балтийском море все нейтральные суда с грузами питпропса и схожими с ним—были задержаны.

Подобной натяжки в вопросе установления контрабанды Англия ни разу не допустила.

Что же касается „условной“ и „безусловной“ контрабанды, то немцы имели некоторое право претендовать, хотя при потоплении голландского парохода *Maria* немецкая точка зрения на этот вопрос не отличалась от английской. Но главное было не в этом. Благовидность предлога становится особенно очевидной при рассмотрения обвинений в захвате нами в качестве пленных не военно-служащих, а военно-обязанных. Такие случаи имели место и этим самым мы действительно нарушили пункт одной из статей Лондонской декларации, от чего и не отказывались. Однако, опубликованное нами мотивированное объяснение по этому поводу Германия сочла нужным замолчать. А молчала она потому, что нарушила не только один этот пункт декларации, но и все Гаагские конвенции. Она не желала считаться с Гаагскими конвенциями, ратифицированными всеми государствами и принятыми в качестве законов, в то же время усердно ссылаясь на Лондонскую декларацию, никем не ратифицированную и никого ни к чему не обязывающую.

Германия попрала Гаагские постановления с самого начала войны. Ставя мины в открытом море и не удовлетворяясь захватом британских судов в своих портах, она задержала пленными экипаж парохода, взорвавшегося на мине в устье Эльбы еще до объявления войны.

В этом направлении еще многочисленнее и характернее были ее действия на суше. В особенности это проявилось во Франции и Бельгии, где в оккупированных областях все мужское население призывного возраста было взято в плен. Именно в ответ на это нами и было объявлено о задержании на нейтральных судах не только лиц, находящихся на службе в германских армии и флоте, но и всех военнообязанных.

Обвинение Англии в нарушении Парижской декларации на том основании, что мы, якобы, конфискуем неприятельские грузы, идущие под нейтральным флагом, также было ложно.

Такие случаи фактически не имели места, но, если бы даже и были, Германия не имела никакого права на них ссылаться. Хотя декларация предусматривала неприкосновенность нейтральных невоенных грузов, следующих под неприятельским флагом, Германия настаивала на праве то-

пить неприятельские суда, не уплачивая убытков за находящийся на них нейтральный груз.

Истинная причина возмущения Германии, как совершенно правильно объясняло ее правительство, заключалось в наших стараниях парализовать экономическую жизнь страны. Конечно, мы стремились к этому и имели на то вполне естественное право, т. к. конечная цель всякой войны преследует именно такую цель и воюющий изыскивает все средства оказать на неприятеля такое давление, которое могло бы уничтожить его средства борьбы. В противном случае их *уничтожение* не ускорит дело *заключения* мира. Указание немцев на злоупотребление нейтральными флагами было столь же не обосновано, как и остальные пункты их обвинения. Никакого приказа о пользовании нейтральными флагами не имелось. Но 31 января, после опубликования интервью, данного адмиралом Тирпицом американскому журналисту, в котором намекалось о предстоящей деятельности подлодок против торговли, и после трех случаев потопления британских пароходов без предупреждения, Адмиралтейство выпустило конфиденциальную инструкцию, в которой рекомендовалось капитанам коммерческих судов зорко следить за подлодками и, подходя к английским водам, показывать нейтральный флаг или же не подымать никакого. Подобная военная хитрость, веками применявшаяся всеми нациями, не могла служить причиной для того, чтобы опрокинуть все понятия ведения цивилизованной войны, тем более, что инструкция Адмиралтейства была выпущена не до, а после того, как новый метод борьбы получил в Германии утверждение.

С другой стороны мы были твердо убеждены, что немцы сами злоупотребляют нейтральным флагом, и при том при условиях, не имеющих прецедентов в прошлом; последнее обстоятельство, главным образом, и послужило причиной, толкнувшей Англию объявить воды Северного моря военной зоной.

Читатель припомнит, что 2 ноября 1914 года, сейчас же после гибели л. к. *Audacious*'а и парохода *Manchester Commerce* на заграждениях, поставленных всп. крейсером *Берлином*, как тогда думали, под нейтральным флагом, мы выпустили предупреждение, что плавание по Северному морю не безопасно и что мореплаватели, следующие между Исландией и Гебридскими островами, будут делать это на свой собственный риск и страх. Мера эта об'яснялась необходимостью противодействовать тайным постановкам противником мин в открытом море с судов под нейтральным флагом. Одновременно мы объявляли, что торговым судам, следующим в Скандинавию, Балтику, Голландию и обратно, реко-

мендуется придерживаться курсов, указанных Адмиралтейством, гарантирующих безопасность плавания.

Не подлежит никакому сомнению, что эти распоряжения отнюдь не представляли собою блокады нейтральных портов, и хотя и трактовали вопрос несколько шире, чем было принято раньше, но имели прецедент в прошлом. Во время русско-японской войны право объявлять район активных операций запретной зоной практиковалось, не вызывая никаких сомнений. И нельзя было претендовать на то, чтобы ограниченное водное пространство Северного моря, разделяющее берега воюющих сторон, не являлось районом активных операций. Закрытые нами воды фактически разделяли Гранд-Флит и Флот Открытого моря. Однако, центр тяжести всего спора в целом был не в этом. Наше возмущение вызывалось, главным образом, намерением противника топить всякое судно, замеченное в запрещенной зоне, без какого бы то ни было предварительного осмотра или предупреждения, не считаясь с гибелью неповинных человеческих жизней.

Подобное отношение к невоюющим государствам было, конечно, бесстыдным, но вполне возможно, что германское правительство считало для себя политическую атмосферу благоприятной и поэтому не находило нужным прислушиваться к советам Тирпица.

Единственное нейтральное государство, с которым Германия не могла не считаться, была Америка, а как раз в этот момент отношения между правительствами С. Ш. А. и нашим оставляли желать лучшего.

В южном хлопчато-бумажном районе, где президент Соед. Штатов черпал главную поддержку своей политике, особенно сильно ощущался недостаток в тоннаже для вывоза урожая, почему он и проводил законопроект о праве правительства покупать интернированные в портах Америки германские суда. Допустимость подобной замены флага в военное время была более чем сомнительна, даже и при условии совершения сделки нейтральным государством. Положение особенно усложнилось в конце года, когда было объявлено, что германский пароход *Дасиа* продан Нью-Иоркской фирме и получил класс Американского Регистра, что давало ему возможность доставлять хлопок из Техаса в Германию.

Мы немедленно заявили, что принуждены сохранить за собою право признать или непризнать передачу флага.

В течение января последовали соответствующие переговоры. Они носили вполне дружественный характер, т. к. каждая из сторон вполне сознавала взаимные затруднения; в результате мы пришли к следующему соглашению: в случае захвата одного из проданных судов, дело о захвате подлежало рассмотрению в призовом суде, при чем мы обя-

зывались, во избежание причинения убытков судовладельцам, принимать груз по той цене, по которой была заключена сделка с Германией.

Однако, подобный способ разрешения спора не мог удовлетворить Францию. Она смотрела на дело иначе и 24 января, еще до конца переговоров, французский морской министр сообщил, что им отдано приказание начальнику Западного Патруля в случае появления п/х *Дасиа* задержать его. Для нас приказание французского министра являлось весьма удобным выходом из положения. Западный Патруль к этому времени состоял из шести французских и трех английских крейсеров и все шансы были за то, что пароход попадет в руки французов. Так в конце концов и случилось.

Правительство С. Ш. А. убедилось в искренности наших желаний охранить по мере сил и возможности интересы нейтральных государств и инцидент с п/х *Дасиа* сыграл, конечно, не ту роль, на которую рассчитывали немцы.

Протест из Вашингтона по поводу декларации о подводной войны не заставил себя ждать. В ноте от 12 февраля американское правительство предупреждало Берлин, что право воюющего, объявившего действительную, а не фиктивную блокаду, по отношению нейтральных судов ограничивается правом осмотра этих судов. Нападение же и уничтожение всякого судна, находящегося в открытом море, хотя бы и в запрещенной зоне, но без предварительного установления, что судно принадлежит воюющей стороне или что груз ее составляет контрабанду, является столь необычным актом, что правительство Штатов не склонно верить в возможность применения мер, объявленных германским правительством. В случае же осуществления объявленных мер американское правительство будет считать таковые за грубое нарушение нейтральных прав, при котором сохранение дружественных отношений между обоими государствами неизбежно встретит большие затруднения.

В своем уклончивом ответе от 17 февраля, т. е. накануне того дня, когда объявление о военной зоне вступало в силу, Германия ссылалась на злоупотребление нейтральным флагом и подымала вопрос о вооружении нами коммерческих судов. Последнее обстоятельство, по ее мнению, делало невозможным осмотр судов—невозможным для подводных лодок—и это являлось основой ее возражений.

В основном германский ответ базировался на двух доводах. Из них первым было то, что перевозка нейтральными судами грузов, составляющих контрабанду, является актом незаконной торговли, и вторым, что попытка уморить противника голодом есть незаконный способ ведения войны. Поэтому, пока нейтральные государства не

заявят протеста, против вмешательства Англии в дело снабжения Германии продовольствием, она будет бороться против контрабандной торговли всеми имеющимися в ее распоряжении легальными и нелегальными способами и средствами.

Главная ошибка в ответе немцев заключалась в том, что мы не считали продовольствие контрабандой. Правда, когда 20 августа были получены сведения о том, что германское правительство взяло в свои руки дело продовольствия, был отдан по флоту приказ задерживать продовольственные грузы. Этот приказ отменен не был, но с тех пор как выяснилось, что полученные сведения ошибочны, не было ни одного случая разбора призовым судом дела о задержании парохода с продовольствием, за исключением случаев, когда пароход шел в неприятельский военный порт. Такие суда направлялись в наши порты. Груз выгружался для нас и, если он не достигал до противника, то нейтральные государства от этого не страдали, т. к. получали полную стоимость своего товара. Подобный метод был не нов и имел прецеденты в прошлом. Мы применяли его по отношении Америки в период войн французской революции. В те времена спорный вопрос о том—является ли продовольствие контрабандой—получил компромиссное решение, не вызывавшее никаких трений между нами и Америкой.

Франция тогда, конечно, протестовала, но Америка весьма энергично отстаивала право продавать свои продукты не там, где ей указывают, а там, где она этого желает. Отношения между ними обострились до крайности и грозили закончиться войной, подобно тому как в наше время обострились отношения между той же Америкой и Германией. Поэтому со всех точек зрения принятая нами система обещала благоприятные результаты, в особенности благодаря тому, что в эту войну влияние Англии на страховом рынке гарантировало прочность вышесказанного компромиссного решения.

Наше влияние в страховом деле делало почти невозможным страховку нейтральных судов, направляющихся через Северное море.

Германия действительно настолько закупорила себя минными заграждениями, что плавание нейтральных судов—кроме как в Балтике—в германские порты замерло [1]).

Затруднения встречались почти исключительно с грузами, направлявшимися в порты Голландии; они возросли необычайно и их размер вызывал подозрение о месте конечного назначения.

---

[1]) По сведениям Ллойда, с начала войны в Америку не прибыло ни одного парохода из Германии.

Только 19 февраля 1915 г. прибыло первое судно в Бостон—шведский п/х *Кап* из Любека.

Тем не менее к 1 октября инструкции нашим крейсерам были изменены приказанием не задерживать никаких продовольственных грузов, не превышающих ста тонн. А в ноябре, в согласии с союзниками, мы обратились к нидерландскому правительству с предложением пропускать продовольствие без всяких ограничений, если оно гарантирует, что продовольственные грузы не будут проникать на неприятельскую территорию. Относительно меди и керосина такая гарантия была уже получена и нидерландское правительство, в начале декабря, из'явило согласие на предложенный нами компромисс.

Однако, эти стеснительные ограничения не могли не отзываться на американской торговле и к концу месяца представитель С. Ш. А. вручил английскому министру иностранных дел ноту с протестом против наших мер в отношении продовольственных грузов, имеющих назначение в нейтральные порты, но рассматриваемых нами в качестве контрабандных лишь ввиду подозрения, что они могут попасть к неприятелю. Однако, сэр Эдуард Грей имел возможность ответить, что мы фактически не задержали ни одного продовольственного груза, не удостоверившись предварительно, что груз действительно направляется к неприятелю. Вполне разделяя принцип, на котором настаивает Америка, мы тем не менее не можем не придерживаться взгляда, что груз, направляющийся к противнику, подлежит задержанию, и лишены возможности дать какие либо гарантии ввиду все увеличивающихся случаев нарушения Германией законов и обычаев ведения войны на море, признанных всеми цивилизованными нациями.

Так обстояло дело до 25 января, пока Германия не объявила о предстоящем введении с 1-го февраля полного правительственного контроля над всеми видами продовольствия. Подобная мера давала нам право, на основании решений германских призовых судов, считать продовольственные грузы контрабандой и американский пароход *Wilhelmina* с грузом пшеницы, адресованной американской фирме в Гамбурге, был задержан и приведен в Фальмут для судебного разбирательства в призовом суде. Вашингтонский кабинет возражал. Груз предназначался для гражданского населения и пароход вышел в море ранее, чем последовало последнее распоряжение германского правительства. На это мы ответили, что если немцы считают Скарборо укрепленным пунктом, то и Гамбург должен быть причислен к той же категории. В конце концов вопрос с п/х *Wilhelmina* разрешился без судебного разбирательства. К этому времени Германия выпустила правительственное сообщение о военной зоне и Грей, отвечая на протест С.Ш.А., смог в соответствии со своими прежними указаниями заявить, что для

Англии, повидимому, наступило то время, когда она вынуждена объявить всякое продовольствие контрабандой в ответ на систематическое нарушение Германией международного права.

До последней минуты мы, подобно Америке, „отказывались верить" в возможность приведения в действие германской угрозы. В течение февраля имели место только несколько случаев нападения подлодок.

15-го числа, без предупреждения, была выпущена у Гавра торпеда по английскому п/х *Dulwich*, а у мыса Barfleur потоплен французский п/х *Ville de Lille*. Наиболее интересный случай произошел с п/х *Laertes*, шедшим из Ливерпуля в Амстердам на пути на о. Яву. 10 февраля, около 4-х часов дня, находясь в двенадцати милях от плавучего маяка Schouwen в устье Шельды, капитан парохода заметил подлодку в трех милях впереди, на левом крамболе, и тотчас изменил курс в сторону. Лодка потребовала остановиться, но капитан дал самый полный ход и начал готовить к спуску шлюпки. Видя, что пароход хочет уйти, лодка *U-2* пошла прямо на пароход, который в свою очередь начал маневрировать, стараясь привести ее за корму. Лодка приближалась и с 9—10-ти каб. открыла огонь из пулемета и винтовок. *Laertes* не имел никакого вооружения, не давал больше 11-ти узлов и противник быстро нагонял. Мостик, шлюпки и палубные надстройки сильно страдали от огня, но никто ранен не был. К 5 ч. 15 м. *U-2* находилась не далее 3-х—4-х каб. и участь парохода казалась решенной, как вдруг лодка уменьшила ход и тотчас выпустила торпеду. Однако, капитан не растерялся, положил руля и торпеда прошла мимо. После этого противник прекратил погоню, повидимому, из-за каких-то повреждений в механизмах, и пароход благополучно прибыл в порт, не потеряв ни одного человека даже раненым.

Проявленная капитаном и командой выдержка давала надежду, что даже в случае применения немцами крайних мер наши торговые суда, оставаясь на ходу и следуя примеру *Laertes*'а, смогут успешно бороться с новой опасностью.

Когда 16 февраля первый лорд Адмиралтейства вносил на обсуждение Палаты морской бюджет наступающего года, он счел нужным обратить внимание на этот факт. Не отрицая неизбежности ожидающих нас тяжелых потерь, Адмиралтейство все же верило, что последствия подводной войны против торговли не будут столь велики, если торговые суда будут соблюдать все правила предосторожности и действовать в духе капитана *Laertes*'а.

Что же касается судовладельцев и всего личного состава английского торгового флота, то их ответ на немецкую угрозу не оставлял желать лучшего. Несмотря на преду-

преждение, что неприятель наверное сразу же начнет действовать весьма энергично с целью добиться ошеломляющего эфекта, торговое мореплавание не сократилось и число приходов и выходов пароходов осталось прежним. Не сомневаясь в доблести торгового флота, но будучи ответственным за меры противодействия новому натиску врага, Адмиралтейство не могло оставаться спокойным.

Объявление военной зоны застало Англию в тот момент, когда наша еще не законченная организация дозорной службы была нарушена появлением в конце января подлодок у Ливерпульского бара. В то же самое время из английского посольства в Копенгагене было получено сообщение, что через неделю немцы собираются начать организованное нападение на коммуникационные пути армии в Канале. Это сообщение внушало особое опасение потому, что между 7—15 февраля отправлялась во Францию канадская дивизия, а целая флотилия миноносцев для борьбы с подлодками была послана в Ирландское море.

Если подводные операции у Ливерпуля имели целью нарушить наше господство в Канале, то надо отдать справедливость противнику, что план им был задуман отлично. Однако, соответствующие энергичные меры с нашей стороны не заставили себя ждать. Первой из них было решение отозвать из состава Западного Патруля старые тихоходные английские крейсера и организовать угольную базу в Портланде для более быстроходных французских вспомогательных крейсеров, составлявших часть этого дозора. Работа, выполнявшаяся нашими крейсерами, теперь возлагалась на суда Девонпортского патруля, район которого покрывал водное пространство английского побережья, входившее в район Западного Патруля.

Вместе с тем были отданы распоряжения об усилении всех дозорных отрядов назначением в их состав свыше ста вновь вооруженных траулеров. Одновременно было приказано спешно разработать план постановки минного заграждения у входа в Дуврский пролив на зюйд-вест от поставленного ранее. В конце января план был готов и сообщен французам, которые его одобрили. Работа началась немедленно и к 16 февраля закончилась. Постановка нового заграждения, в связи с введением в действие недавно изобретенных сигнальных противолодочных сетей (indicator nets), давало надежду, что проход у Дувра представит для противника не малую опасность.

Опыты с новыми сетями оказались вполне успешными и уже к 13 февраля семнадцать миль сигнальных сетей стояло поперек Дуврского пролива. На следующий день последовало распоряжение об изготовлении и постепенной установке сигнальных сетей по всему побережью Англии.

Кроме того было решено не останавливаться на том, что уже сделано для самообороны торгового флота, и вооружить коммерческие суда, плавающие в Отечественных водах. На пятидесяти пароходах были тотчас же установлены орудия и назначено по два человека артиллерийской прислуги из рядовых корпуса морской пехоты. Половина вооруженных пароходов пошла в распоряжение Адмиралтейства для перевозки во Францию угля и предметов снабжения, а половина для надобностей торгового мореплавания на западном побережьи Англии и в Канале — не севернее р. Кляйда или Темзы.

Крупный масштаб принятых мер не нарушал стратегического развертывания флота, но все же их было недостаточно. Оставался неразрешенным вопрос об охране, во-первых, наиболее ценных боевых единиц флота, во-вторых,— океанских почтово-пассажирских пароходов при их входе и выходе из порта и, наконец, транспортов с боевыми запасами. Для этой цели потребовалась коренная ломка дислокации миноносных флотилий.

Восемь эскадренных миноносцев из отряда обороны рейдов Скапа были назначены в состав Дуврского патруля для конвоирования транспортов, выходящих из Плимута и Авонмута. Двенадцать миноносцев, находившихся на восточном побережьи в распоряжении адмирала Патрулей, тоже пошли для конвойной службы в Канале и, кроме того, в Канал были направлены восемь миноносцев типа „Beagle“. Незадолго до этого их предполагалось присоединить к 10-ой флотилии в Портсмуте, но теперь было решено оставить „Beagle“'ей попрежнему у адмирала Мьё. Состав 10-ой флотилии ограничился *Auror*'ой и миноносцами типа „M“.

В заключение, в день вступления в силу немецкого объявления о военной зоне, ввиду того большого значения, которое отныне получали все районы Западного Вспомогательного Патруля, во главе их были поставлены испытанные ответственные лица в адмиральских чинах.

Район North Channel'я был поручен адмиралу Барлоу, район Ирландского канала—контр-адмиралу Ле-Маршану, район Мильфорд, включавший канал Св. Георгия и Бристольский канал,—вице - адмиралу Дейр. Ливерпульский район, подобно району реки Кляйд, составлял самостоятельный участок и поручался контр-адмиралу Стилеману, начальнику базы 10-й крейсерской эскадры. Для экстренных посылок в тот или иной район в Бельфасте был сформирован отдельный летучий отряд в числе шести вооруженных яхт. До окончания реорганизации Западного Патруля перевозка канадской дивизии успела закончиться. Но на этот раз транспорты пошли не на Гавр.

Хотя квартирьеры и авангард были посланы в порт Канала, сама дивизия отправилась из Авонмута в Сен-Назэр, минуя Канал вовсе. Перевозка состоялась между 9 и 12 февраля, при чем транспорты с эшелонами канадцев выходили группами, конвоируемые двумя дивизионами миноносцев. Миноносцы прибыли из Гарвича, куда пришли вместе с *Undaunted*'ом, после пребывания в Ирландском море с момента появления там немецких подлодок.

Доставка Канадской дивизии закончилась благополучно. Противник не сделал никакой попытки ей помешать, но подводная блокада еще не началась. Через неделю после ее начала предстояло доставить во Францию Мидландскую территориальную дивизию, которая должна была следовать из Саутгэмптона в Гавр. Предстоящая задача вызывала немало опасений, т. к. уже выяснилось, что меры, предпринятые для заграждения Дуврского пролива, недостаточны.

18-го февраля, день объявления военной зоны, ознаменовался потоплением парохода у Диеппа, взорванного торпедой; 20 февраля немецкая подлодка, прошедшая под минным заграждением, попала в сеть, поставленную поблизости от Varne, и, хотя два сторожевых миноносца тотчас пошли за поплавками, все время бросая противолодочные бомбы, лодка, повидимому, прорвала сеть и ушла. Эта неудача вызвала немалое разочарование, но не остановила дальнейшую работу по усовершенствованию сетей. Затруднения представляли также многочисленные остовы судов, затопленные в Канале в незапамятные времена. Благодаря им и постоянной свежей погоде, девяносто сетей пропало. Но Адмиралтейство, не теряя времени, заказывало новые и новые, рассчитывая целиком покрыть двадцати пяти мильную ширину Дуврского пролива.

22 февраля, через два дня после первой неудачи с сетями, началось отправление Мидландской дивизии. Ночью вышел один транспорт с войсками и один с дивизионными грузами, под конвоем миноносца каждый. На следующую ночь вышли восемь транспортов с войсками под таким же конвоем, хотя в течение последних суток два парохода, несмотря на сети у Дувра, были утоплены подлодками у Beachy Head.

24 февраля жертвою лодок стали еще три парохода в тех же водах, но ни дозорные отряды, ни специально высланные миноносцы не могли обнаружить никаких следов неприятеля. В ту же ночь, которая в довершение затруднений была ясной и лунной, должны были выходить еще четыре транспорта с войсками—все тихоходные. Поэтому Адмиралтейство распорядилось отправлять каждый транспорт не иначе как под конвоем трех миноносцев и адмирал Мьё получил приказание выделить от себя восемь миноно-

цев. К этому времени в ожидании отправки скопилось одиннадцать транспортов, из которых три обладали 19-ти-узловым ходом, а остальные развивали 13 узлов и меньше. Так как миноносцев не хватало, адмирал запросил инструкций Адмиралтейства, на что получил приказание послать быстроходные транспорты без конвоя, а тихоходные отправлять по мере освобождения миноносцев. Быстроходные пароходы были колесные и шум колес, слышный на далеком расстоянии, легко мог привлечь внимание подлодок, но другого выхода из положении не было. Несмотря на все затруднения перевозка как людей, так и грузов, закончилась вполне благополучно в течение одной недели,

Служба конвойных миноносцев не может быть никогда забыта и займет славные страницы в истории флота. Достаточно сказать, что миноносцы типа «Beagle» в феврале не прекращали паров в течение двадцати шести суток. Тем не менее другого способа действий не было и 3-го марта адмирал Мьё получил указание отправлять тихоходные транспорты с повозками и лошадьми с двумя миноносцами, быстроходные же, с войсками, если они идут в лунную ночь, с одним миноносцем. При таком крупном деле неизбежность известного риска была очевидна и приходилось на него итти.

Люди и грузы для армии шли непрерывными потоком, не прекращавшимся ни на один день, и забота по их доставке ложилась тяжелым бременем на флот, и без того перегруженный сложнейшими задачами.

Но первоначальные успехи все же подавали надежды на будущее. Опыт первой недели особенно обнадеживал. Трудно сказать сколько неприятельских подлодок находилось в море; из числа 1.381 приходов и уходов британских пароходов только одиннадцать сопровождалось нападением подводного противника, при чем четырем пароходам удалось благополучно увернуться от атаки. Пять пароходов было утоплено в восточной части Канала и два—в Ирландском море. Одно французское судно, подорванное торпедой у Диеппа, не утонуло и добралось до порта. Наиболее знаменательный случай, могущий иметь особые последствия, произошел в конце недели с п/х *Belridge*, атакованным без предупреждения у входа в Дуврский пролив. Пароход удержался наплаву и дошел до Темзы, но он был норвежский и направлялся из Америки с грузом нефти для голландского правительства [1].

---

[1] Немцы утверждают, что в момент вступления в силу объявления о военной зоне, только одна *U 8* была готова к походу. *U 30* находилась на севере. Еще две лодки вышли 25 февраля: *U 28* в Ирландское море, к северу от о. Мэн, а *U 27*, через Канал, тоже в Ирландское море, но на юг от о. Мэн. (Гайер т. II, Стр. 14).

Пока что вред торговли от подводной блокады был значительно меньше, чем вред нанесенный немецкими крейсерами, а последующая неделя послужила к еще большему укреплению создавшегося впечатления недействительности неприятельской угрозы.

Только три парохода сделались объектом нападения, но все благополучно ушли. Из них госпитальное судно *Andrew* было атаковано у Булони, пароход же *Thoridis* спасся исключительно благодаря распорядительности своего капитана, в точности руководствовавшегося инструкциями Адмиралтейства. Секретным циркуляром Адмиралтейства от 14 февраля коммерческим пароходам при встрече с подводными лодками рекомендовалось принимать известные меры, но меры эти были оборонительные и отнюдь не носили агрессивного характера, который мог бы дать противнику повод обвинять капитанов в нарушении закона, недопускающего активные выступления со стороны лиц, не принадлежащих к составу армии или флота—так называемых—„некомбатантов“.

В случае обнаружения подлодки на известном расстоянии капитаны должны были повернуть к ней корму и полным ходом уходить, стараясь выбраться на мелководье. Если же лодка всплывала поблизости от парохода и поворот ставил ее в более удобное положение для атаки, то пароходу надлежало итти прямо на лодку с целью принудить ее к погружению. Такой маневр давал возможность пройти над лодкой и привести ее за корму. Нападение на *Thoridis* произошло при следующих обстоятельствах.

28 февраля, следуя Каналом, капитан заметил у Beachy Head перископ лодки, показавшийся на левом крамболе парохода. Лодка пошла на пересечку курса и придя на правый крамбал с $1/_{4}$ каб. выпустила торпеду, не сделав никакого предупреждения. Торпеда прошла под килем у *Thoridis* и капитан заметив струю торпеды с правой стороны, положил руля и пошел прямо на лодку. Через несколько минут послышался удар и треск. На поверхности воды появились большие масляные пятна, лодка исчезла. Погибла ли она или нет осталось не выясненным. Немцы писали, что лодка возвратилась в свою базу. При вводе *Thoridis* в док обнаружилось, что он потерял одну лопасть винта и сильно повредил обшивку дна.

Активность, проявленная немцами на коммуникационных путях в Канале, не послужила к облегчению нашего положения в Северном море. Нужда в миноносцах, требовавшихся повсюду, заставила сильно ослабить состав флотилий прибрежной обороны. Хотя донесения о замеченных подлодках поступали чуть ли не ежедневно и было много случаев нападения их на пароходы, из которых несколько

погибло, действия противника оставались безнаказанными. Считалось, что один раз, 23 февраля, рабочий траулер *Alex Hastie* удачно протаранил лодку у островов Faru, но впоследствии выяснилось, что лодке удалось достигнуть германских берегов. С началом марта произошло интересное событие в районе Девонпорта. Появились опасения, что немецкие лодки, оперирующие в Канале, укрываются в Start Bay и поперек этой бухты была протянута сигнальная сеть. 1-го марта было замечено, что сеть сильно дергается и местами уходит на глубину; выбрация сети не прекращалась. На следующий день были доставлены противолодочный трал, в результате чего на поверхности появилось масло в таком количестве, которое не оставляло никаких сомнений в судьбе лодки. 4-го марта имела место еще одна удача. В 1 ч. 15 м. Дуврский миноносец *Viking* сделал сигнал, что обнаружил подлодку у буя Varne и пошел за поплавками сигнальной сети, выпустив противолодочный трал. Приняв сигнал, остальные миноносцы дивизиона немедленно вышли к указанному месту. Вскоре после 2-х часов поплавок сигнальной сети, быстро двигавшийся на ост, указал место противника, а затем показался и перископ лодки. *Viking* бросился к нему и взорвал подрывной патрон своего трала. Перископ скрылся, но через несколько минут вновь показался и опять исчез. Час спустя миноносец *Maori* заметил его значительно западнее. Лодка, очевидно, шла вдоль Канала, почему миноносцу *Ghurka* было приказано пройти с противолодочным тралом поперек ее курса. В 5 ч. дня патроны были взорваны и лодка вылетела на поверхность почти в вертикальном положении кормой вперед. Несколько выстрелов в боевую рубку быстро ее прикончили. Офицеры и команда в числе двадцати девяти человек сдались в плен, а лодка через десять минут пошла на дно.

Это было *U-8*, первая из числа высланных из Гельголанда для подкрепления отряда лодок, оперировавших в военной зоне. После недельного крейсерства в Канале, она возвратилась в Зеебрюгге для переборки механизмов и теперь собиралась возобновить свою деятельность.

Для Дуврского патруля, измученного тяжелой, беспрерывной работой, этот успех, после пережитых неудач, являлся заслуженной наградой, но не остановил немцев. В надежде заставить их призадуматься, Адмиралтейство издало приказ заключить экипаж лодки в концентрационный лагерь и считать их не военнопленными, а пиратами, ожидающими решения суда. Однако, применение этой меры встретило затруднение. Германское правительство ответило репрессиями против наших сухопутных пленных офицеров и приказ был вскоре отменен. Все же два последние случая ука-

зывали, что средство борьбы найдено, и по предложению адмирала Худа было решено снабжать один из каждых четырех тральщиков противолодочным тралом. Разработка других способов борьбы с „чумой“ продолжалась. Главное место среди них занимали суда-ловушки с замаскированной артиллерией, аппараты для выслушивания — гидрофоны, указывающие место лодки под водой, и метательные бомбы, взрывающиеся на глубине. Последнее два средства, впрочем, находились еще в стадии опытов.

Слабым местом в организации нашей обороны являлся недостаток в миноносцах. Значительное число миноносцев спешно строилось, но готовность их ожидалась не ранее лета, в марте же предстояли сравнительно крупные перевозки войск и недостаток в конвойных судах вызывал большое беспокойство. В первых числах марта отправлялись в Дарданеллы передовые эшелоны королевской морской дивизии. Порт отправления был Авонмут и транспорты предстояло конвоировать до выхода из военной зоны. 1 марта из состава дивизии уходили три парохода с бригадой морской пехоты в количестве 3.400 человек, но погода не позволила выслать даже мореходные миноносцы типа „L“ и пароходы ушли без охраны. Три дня спустя три транспорта с маршевыми пополнениями для канадской дивизии под конвоем крейсера *Essex* прибыли в Куинстоун, откуда должны были следовать в Авонмут под охраной миноносцев. В течение следующей недели Лондонская территориальная дивизия отправлялась в Гавр, а 9-го марта, в день отправки первого ее эшелона, немецкая лодка потопила угольный транспорт у мыса Донженесса и французский тральщик в двадцати милях от Beachy Head. Кроме того, в Английском Канале были замечены и другие лодки. До окончания перевозки Лондонской дивизии подводная деятельность неприятеля дала себя знать также в Бристольском и Северном каналах.

9 марта, несмотря на наличие в распоряжении адмирала Барлоу возьми дрифтеров и двух дозорных судов, в Larne, жертвой лодки сделался пароход, подходивший к Ливерпульскому бару. Пароход потонул, взорванный торпедой. Такая же участь в Северном канале постигла всп. крейсер *Bayano* из состава 10-ой крейсерской эскадры, который шел в Ливерпуль грузиться углем. Днем того же числа еще один всп. крейсер 1-ой эскадры—*Ambrose*, тоже шедший для угольной погрузки, был трижды атакован, когда подходил к Северному каналу, но вследствие большого хода смог не только увернуться, но даже послать несколько, повидимому, удачных выстрелов врагу. Другая лодка атаковала два парохода у самого Ливерпуля, но вынуждена была погрузиться, преследуемая одним из местных дозорных миноносцев *Dee*.

Поздно вечером немцам удалось утопить пароход *Florazan* при входе в Бристольской канал [1].

Принимая во внимание все сделанное в этом районе для противодействия подводным лодкам, успехи противника причинили не малое разочарование. Но, как указывал адмирал Барлоу, они объяснялись сильным приливным течением, препятствующим сетям стоять вертикально, и отсутствием в составе его дозорных отрядов достаточно быстроходных судов для действий против обнаруженных лодок.

Не говоря уже о самих потерях, успехи противника нарушили работу крейсеров Северного Патруля, от которой главным образом зависел успех нашей блокады. Четыре крейсера 10-ой эскадры оказались запертыми в реке Кляйд, пока не пришла высланная по предложению Джеллико полуфлотилия миноносцев из состава Гранд-Флита для дозора на подходах к Северному каналу и охраны крейсеров 10-ой эскадры. В распоряжении адмирала Барлоу поступил лидер *Faulknor* с шестью эскадренными миноносцами. Но неприятельские операции развивались столь настойчиво и в таких размерах, что уже через четверо суток миноносцы понадобились в другом месте.

Утром 12-го марта последовали нападения у островов Сцилли; *U-29* потопила три парохода и дозорные суда этого района оказались слишком тихоходны, чтобы помешать ее операциям [2]). На следующий день погиб пароход у побережья Ирландии против острова Мэн. Последний случай был особенно неприятен потому, что в этот же самый день охранное судно *Partridge*, прикомандированное к дозорной эскадре западного побережья Ирландии, обнаружило и безуспешно атаковало лодку у Fastnet (юго - западная оконечность Ирландии). До сих пор в этом районе лодки еще ни разу не замечались и их появление указывало на грозное расширение подводной кампании, опасность которой особенно остро чувствовалась теперь, когда подходило время отправлять в Дарданеллы XXIX дивизию. В течение недели, предшествовавшей назначенному сроку, немецкие подлодки проявляли особенную активность по всему побережью британских островов. 16 марта, в день ухода первых четырех транспортов, одна из лодок оперировала в устье Бристольского канала, но подверглась неотступному преследованию тральщика и принуждена была уйти на глубину. Каждый транспорт выходил под конвоем двух миноносцев, при чем группы транспортов покидали порт в зависимости от наличия свободных миноносцев. Через восемь дней все они бла-

---

[1]) Оперировали лодки *U-20* и *U-27*. Гайер т. II стр. 14.

[2]) Лодкой командовал знаменитый кап.-лейт. Отто Веддинген, потопивший три „Cressy“ и *Hawke*.

гополучно вышли в открытое море. Активность подводного противника затихла всюду, за исключением Северного моря и восточного конца Канала, где, несмотря на усиление дозорных отрядов, было потоплено еще несколько пароходов у Beachy Head. Здесь, однако, неприятелю не удалось хозяйничать беспрепятственно.

6-го марта с заходом солнца тральщик *Duster* заметил лодку в двадцати пяти милях на зюйд-ост от Абердина. Это была *U-12*, та самая лодка, которой в ноябре удалось потопить кононерку *Niger* у Deal. *U-12* шла курсом вест-норд-вест, повидимому, от Гельголанда. Тральщик бросился за ней, но лодка быстро погрузилась. Утром 7 марта ее заметила вооруженная яхта *Portia* и по радио дала знать в Розайт. Находившийся в Peterhead'е начальник дозорного района побережья Шотландии, контр-адмирал Лоури, немедленно выслал в море все свои суда и „охота" началась. Лодка снова скрылась и была обнаружена лишь на следующее утро, и то не на долго. На этот раз ее заметил один из тральщиков у Gruden Bay. Вечером она показалась у Girdle Ness и снова быстро погрузилась. 9 марта тральщик *Martin* опять заметил *U-12* и гонял ее до Stonehaven, пока ей не удалось уйти. Поиски не прекращались весь день и в 3 ч. дня тральщик *Chester* обнаружил ее между Montrose и Red Head, но атаковать не мог. Противник быстро ушел на глубину. Тем временем у Абердина появилась другая лодка. Сведения о местонахождении неприятеля передавались быстро от одного сигнального пункта до другого и к полдню адмирал Лоури выслал в море *Fearless* (кап. 1 р. Блент) с тринадцатью миноносцами 4-ой флотилии (из Розайта) произвести поиск к норду. *U-12* грозила теперь немалая опасность. Идя в устье Ферт-оф-Форт, она в 5 ч. 30 м. должна была пройти близ Bell Rock, где в это время проходил крейсер *Leviathan*, следовавший в Розайт. Раньше чем с *Leviathan*'а успели заметить, она выпустила в него торпеду, но так как крейсер зигзагировал—торпеда прошла мимо. Лодка готовилась выстрелить вторично, но на нее бросился подошедший тральщик и заставил погрузиться. Появление *U-12* в этом районе указывало на то, что миноносцы с ней разошлись, и им было приказано повернуть на юг.

Утром 10 марта кап. 1 р. Блент, сопоставив все донесения многочисленных тральщиков и дозорных судов, выяснил вероятное местонахождение *U-12* и соответствующим образом распределил свои миноносцы. В один из возможных пунктов встречи с противником—в двадцати пяти милях к осту от Fife Ness—были отправлены миноносцы *Acheron*, *Attack* и *Ariel*.

В 10 ч. у. миноносцы, идя в строе фронта, заметили лодку в полутора мили впереди и немедленно дали самый

полный ход. *Attack*, находившийся ближе всех к противнику и первый его обнаруживший, открыл огонь. Лодка быстро погрузилась и *Attack* проскочил над ней, не задев перископа; минуту-две лодки не было видно, затем перископ ее показался в расстоянии полу-кабельтова на левом крамбале *Ariel*'я. Положив руль на борт и поставив ручки телеграфа на „полный вперед", командир миноносца ударил лодку форштевнем как раз в середину, против показавшейся из воды боевой рубки. *U-12* всплыла и миноносцы открыли огонь. После первых выстрелов орудие полетело за борт, и люди начали выскакивать на палубу, поднимая руки вверх. Миноносцы прекратили огонь, но раньше чем были спущены шлюпки, лодка затонула. Спасти удалось лишь десять человек.

Так закончилась „охота", продолжавшаяся почти четверо суток.

Успех, помимо самой организации дозорной службы, был в значительной степени обязан энергии, настойчивости и умению, проявленными всеми, начиная от личного состава дозорных судов и сигнальных станций и кончая экипажами рыбачьих траулеров [1].

Подводная деятельность немцев проявилась и в других районах. В день уничтожения *U-12* Дуврские миноносцы и тральщики обнаружили еще одну лодку и опять у буя Varne. После трех часового преследования миноносец *Ghurka* выпустил противолодочный трал и взорвал патроны, как тогда ошибочно считали, с благоприятным результатом.

Вечером следующего дня вторая лодка, замеченная во время преследования *U-12*, пыталась атаковать у Montrose *Indomitable*. Крейсер шел из Скапа в Розайт и с последними лучами заходящего солнца заметил лодку, выходившую на позицию. Быстро положив руль он пошел прямо на нее и заставил погрузиться, после чего лодку нигде не видали.

Этот случай, равно как и другие, не оставляли сомнений в очевидности организованного подводного нападения не только на нашу торговлю, но и на Гранд-Флит. Начиная с 15 марта гидрофоны не переставая показывали присутствие подлодок в районе Ферт-оф-Форт. Выход судов из Розайта был прекращен, и хотя сигнальные и дозорные миноносцы не смогли поймать ни одной лодки, все же средства противоподводной защиты оказались в состоянии воспрепятствовать нападению. За четверо первых тревожных суток ни одно из судов не подверглось атаке. Только к 18 марта, когда наступившие штормы не позволили лод-

---

[1]) Траулеры, тральщики и дозорные суда получили денежную награду в размере 500 фунтов стерлингов.

кам лежать на грунте, прекратились указания на их присутствие и порт был снова открыт.

В этот же день последовало и распоряжение об отозвании *Faulknor*'а и шести миноносцев, отправленных из Скапа в район Larne, вызванное попыткой нападения на Гранд-Флит. Адмирал Джеллико с эскадрами линейных кораблей вышел в море для тактических упражнений, оставив крейсера к осту от Скапа, но, получив многочисленные донесения о замеченных в районе плавания подлодках, решил сократить программу занятий. Утром 18 марта флот находился на WNW от Pentland Firth и шел зигзагами в строе фронта, по эскадренно, имея каждую дивизию в кильватерной колонне. На флангах—с нордовой стороны шли две дивизии 4-ой эскадры, с зюйдовой—дивизии 1-ой эскадры. Флагманский корабль и 2-ая эскадра шли в середине. К полдню, когда флот находился в пятидесяти милях от Ферт-оф-Форт, адмиралу Стэрди (4-я эскадра) был поднят сигнал повернуть на зюйд и следовать в Кромарти, пройдя под кормой флота. Поворот едва только начался, как в 12 ч. 15 м. *Marlborough*, флагманский корабль 1-ой эскадры („флангoвый“), поднял сигнал „вижу впереди подлодку“. Торпеда только что прошла под кормой *Neptun*'а—переднего мателота *Marlborough*—и неприятель несомненно готовился выпустить вторую. Головной корабль адмирала Стерди в этот момент начал катиться влево, ложась на новый курс, и адмирал, связанный эволюционными правилами, не мог выходить из строя.

Dreadnought был крайний с правой стороны, перископ лодки находился у него на правом крамболе и командир его кап. 1 р. Андерсон повернул на лодку; следующий за ним—*Temeraire* сделал то же самое. Тщетно лодка пыталась увернуться, участь ее была решена. Черев десять минут томительного ожидания, форштевень знаменитого *Dreadnought*'а врезался в лодку. На минуту-другую носовая часть лодки всплыла за кормой *Dreodnought*'а и затем исчезла. Этих минут, однако, хватило, чтобы прочесть ее номер «29». На поверхности остались лишь масляные пятна и мелкие обломки, ни один человек не поспел выскочить на верх. Все люди, включая командира Отто Веддинген, погибли. Гибель трех „Cressy“ и *Hawke* была отомщена.

Являлась ли встрэча с *U-29* последствием части плана нападения на Гранд-Флит, или нет, все равно надо считать, что Веддинген после своих операций у островов Спилли возвращался на север. Фамилия командира лодки была нами установлена из опросов жертв его деятельности в этом районе. Возможно, что оставшиеся торпеды он хранил для обратного пути. Во всяком случае гибель этого неустрашимого офицера завершила работу противника за истекший

месяц и можно было составить некоторое представление о том, какие результаты новой подводной кампании нас ожидают в будущем. В течение этого периода мы потеряли один всп. крейсер и двадцать коммерческих пароходов, но двадцать три парохода благополучно ушли от противника, а три немецкие лодки погибли. Несмотря на понесенные Англией жертвы, флот мог гордиться тем, что коммуникационные пути армии, равно как и главные торговые порты, все время оставались открытыми. Торговое движение не ослабло и количество приходов и уходов судов осталось на прежнем уровне.

Тем не менее мы, конечно, не могли ограничиваться одной только обороной. Беззаконность действий противника требовала соответственных мер, хотя бы и ценой расширения прав воюющего.

Устанавливая „военную зону“, Германия объявила блокаду британских островов, но недостаточное количество подводных лодок и ограниченный срок пребывания их в море, заставляли противника время от времени отзывать блокирующие силы.

Таким образом, немецкая блокада сразу же оказалась в противоречии с нормами международного права, предусматривающими „действительность“ и „беспрерывность“ блокады. Несоблюдение последних двух требований, согласно Парижской декларации, делало германскую блокаду незаконной и мы заявили о своем праве усилить меры противодействия.

Объявлять блокаду германских портов, не закрывая при этом доступ в соседние с Германией нейтральные порты, не имело никакого смысла. Лондонская же декларация подтвердила недопустимость блокады нейтральных портов. Поэтому было решено применить метод в минимальной степени нарушающий интересы законной нейтральной торговли и объявить, что все суда, следующие в германские порты, или вышедшие оттуда, будут задерживаться, а грузы выгружаться в британских портах. Грузы адресованные в германские порты, не составляющие предмета военной контрабанды и не подлежащие реквизиции германского правительства, будут возвращаться владельцам на условиях, признанных справедливыми призовыми судами. Все грузы, следующие из германских портов, будут задерживаться и вопрос об их принадлежности нейтральным владельцам считается спорным. С грузами из соседних с Германией нейтральных портов, или отправленными в эти порты и принадлежащими германским владельцам, а также адресованными в Германию, будет поступлено на тех же основаниях.

Соответствующий правительственный акт был распубликован 11 марта и распространялся на все суда, покинувшие порт после 1-го числа этого месяца.

Поскольку принятая мера косвенно могла рассматриваться как блокада нейтральных портов, она являлась незакономерной. Однако, она не влекла за собой конфискацию судна или груза, и, следовательно, была гораздо менее тягостной, чем блокада. Кроме того она не связывалась с потерей человеческих жизней и частного имущества.

Подводная кампания настойчиво продолжалась, насколько позволяли силы и средства немцев. Хотя результаты не оправдали ожиданий противника и не нарушили нашего снабжения, все же подводная угроза оставалась большим бременем для Адмиралтейства, которое не сомневалось в том, что этот вид борьбы будет все усиливаться и усиливаться.

Противолодочная охрана линии сообщений армии была явно недостаточна. Минные заграждения у Дувра не мешали проходу подлодок и две лодки несомненно сумели преодолеть препятствия. На заграждении часто происходили взрывы, но это объяснялось несовершенством принятого образца мин, постоянно срывавшихся с якорей.

Сигнальные сети также еще не давали желательных результатов, вследствие дефектов в поплавках и соединительном устройстве, не говоря уже о затруднениях, причиняемых течением и остовами затонувших судов.

Между тем приближалось время отправки во Францию все более и более крупных армейских формирований и необходимость применения каких-то радикальных противолодочных мер была совершенно очевидна. В конце февраля состоялось решение попробовать протянуть бон поперек всего Дуврского пролива. Бон должен был состоять из противолодочной стальной сети, прикрепленной к поплавкам, протянутой от Folkestone через мелководие Varne к мысу Gris Nez, и иметь проходы с обоих концов. Подобная сеть с успехом применялась во всех местах главных якорных стоянок флота, но в постановке ее в открытом море опыта не было.

Предстоящие трудности, само собой разумеется, были грандиозны, в особенности благодаря неправильным сильным Дуврским течениям.

Большое сомнение вызывал вопрос, выдержит ли бон напор течения. Но идея представлялась заслуживающей внимания и немедленно начались энергичные работы по проэктированию бона и сбору необходимого материала. Выполнить последнее, т. е. получить нужный материал, была задача не легкая, принимая во внимание поступающие на него отовсюду требования. Для Дуврского бона необходимо было изготовить не более и не менее как двадцать миль сетей, а изменение плана Дарданельской операции повлекло за собой отправку уже готового количества сетей

для охраны новой базы в Мудросе. Вследствие этого установка бона могла начаться не ранее апреля.

Тем не менее в течение второй половины марта потери торгового флота ограничились пятью английскими, одним французским и двумя нейтральными пароходами. За это время капитаны пароходов сумели приспособиться к новой опасности и с успехом пользовались инструкциями Адмиралтейства. Свыше десяти пароходов удачно увернулись от нападения. Подводные попытки противника на путях сообщений армий также не имели успеха, и южно-мидландская пехотная дивизия в последних числах марта вполне благополучно переправилась в Булонь и Гавр. Наиболее опасный район представлял Бристольский канал, где оперировала *U-28*. Заняв позицию на пересечении путей, ведущих в Бристольский канал и канал Св. Георгия, лодка потопила 27 марта три парохода. На следующий день она неудачно атаковала еще три парохода и потопила четвертый.

При уничтожении двух пароходов поведение командира *U-28* капитан-лейтенанта фон-Форстнера ознаменовалось бесстыдной жестокостью. Несмотря на то, что п/х *Falaba* шел переполненный пассажирами, Форстнер выпустил в него торпеду в тот момент, когда шлюпки только начали вываливать за борт, в результате чего погибло свыше ста человек. С п/х *Aquila* было поступлено аналогично, с тою лишь разницей, что *U-28* делала сигналы SOS, стараясь привлечь новые жертвы.

Если действия капитан-лейтенанта Форстнера имели основанием не его личную бесчеловечность, а преследовали цель терроризировать мореплавателей, то они не достигли цели. Моряки торгового флота не собирались уступать; дух борьбы не только не угас, но, наоборот, горел ярким пламенем. Торговое судоходство продолжалось по старому, пароходы приходили в порты и уходили, как будто ничего не случилось. Процент судов, подвергшихся нападению, был невелик. С февраля по 31 марта в море находилось 6.000 английских торговых судов, а погибло лишь двадцать одно с общим тоннажем в 65.000 тонн. За этот же период подверглось нападению двадцать девять судов других национальностей, из которых пострадало лишь пять.

Презрев законы и обычаи морской войны, немцы не останавливались ни перед чем и дошли до того, что стали нападать на торговые суда даже с воздуха. В устье Темзы восемь английских пароходов подверглись воздушной атаке, впрочем неудачной. С другой стороны, потери судоходства от мин в течение марта почти прекратились. Это происходило отчасти от увеличения числа наших дозорных отрядов, а также и потому, что немцы временно сократили минные

постановки в открытом море, дабы не мешать своим подлодкам.

Активные действия наших подлодок не прекращались и продолжались с прежней настойчивостью и смелостью, но волей-неволей сократились. Объекты нападения были малочисленны и находились за пределами досягаемости. Противник показывался только в Балтике и у Гельголанда и в этих опасных водах сосредоточились операции наших подводных сил.

В устьях германских рек и внутри Гельголандской бухты наш „подводный дозор“ все время беспокоил немцев, заставляя их держаться на чеку. В бухте враг был повсюду: над водой, в воздухе и под водой. Дозоры тральщиков и миноносцы, не переставая днем и ночью, как гончие, рыскали по всем направлениям; цеппелины и гидросамолеты беспрерывно держались в воздухе. Столкновения с противником были часты, хотя не сопровождались крупными материальными успехами. Но на материальный успех и не возлагалось много надежд. Подводные лодки являлись щупальцами наших главных сил и, несмотря на кажущуюся их инертность, мощь Гранд-Флита всегда, каждую минуту ощущалась в устьях неприятельских рек.

В Балтике попрежнему оставались наши подлодки *E1* и *E9* под командой капитан-лейтенантов Лоренса и Хортона. В конце октября 1914 года они окончательно поступили в распоряжение адмирала Эссена, который в течение всей зимы систематически посылал их ко входу в Зунд. Минирование Зунда было запрещено начальником германского морского генерального штаба и район его охранялся отрядом контр-адмирала Яспера, оперировавшего из Киля в составе четырех старых крейсеров и нескольких миноносцев. Один из этих крейсеров—*Виктория Луиза*—18 октября атаковала *E-1*. К востоку находился другой немецкий отряд, наблюдавший за русским флотом, в составе крейсера *Фридриха Карла* (флаг контр-адмирала Беринга) [1]), нескольких легких крейсеров и полу-флотилии миноносцев. Отряд базировался на Нейфарвассер, где командир *E-1* заметил крейсера во время своего похода в Данцигскую бухту. Как только немцам стало известно о проходе английских лодок, отряд адмирала Беринга был подкреплен крейсерами адмирала Яспера с приказанием бомбардировать Либаву, чтобы не допустить устройства там базы для *E-1* и *E-9* [2]). Повидимому, немцы не знали, что русские сами разрушили порт, и адмиралу Берингу было приказано уничтожить бомбардировкой все портовые

---

[1]) См. Фирле. Война на Балтийском море. т. I. Изд. РИО Морсил, 1925 г. *Ред.*

[2]) Там же.

сооружения и заблокировать вход в аванпорт. Штормовые погоды задержали производство операции и отряд только 16 ноября смог выйти из Данцига. 17 ноября в течение короткого зимнего дня *Фридрих Карл*, следуя на свою прикрывающую позицию и находясь в тридцати милях от Мемеля, подорвался последовательно на двух минах, а позже еще одно судно отряда взорвалось ближе к берегу. Мины, несомненно, были поставлены русскими, вероятно, с тех судов, которые были замечены в этом районе немецким легким крейсером несколько дней тому назад, но он почему то их не атаковал [1]). *Фридрих Карлу* удалось держаться некоторое время на плаву. Операция против Либавы не приостановилась. При сильном снеге порт был подвергнут бомбардировке и выход, уже частью заблокированный, был окончательно закрыт затоплением приведенного для этой цели судна. Легкий крейсер *Аугсбург*, ходивший с двумя подлодками в Финский залив, спешил на помощь флагманскому кораблю и в 6 ч. 30 м. у. *Фридрих Карл*, после снятия с него команды, затонул.

За совершенно ненужную операцию немцы заплатили потерей корабля, ничего не достигнув, т. к. наши лодки давно уже оставили мысль базироваться на Либаву. Опасаясь впредь пользоваться Данцигом, германское командование решило перенести базирование отряда Беринга в Свинемюнде. *Фридрих Карл* был заменен броненосным крейсером *Принц Адальберт*.

О впечатлении, произведенном появлением наших лодок в Балтийском море, можно судить по приказу принца Генриха Прусского, отданного им отряду германских подлодок Финского залива. В приказе говорилось: „уничтожение русской подводной лодки я считаю крупным успехом, но уничтожение английской лодки я приравниваю к уничтожению русского броненосного крейсера".

В течение зимы усилия германских морских сил Балтийского моря сосредоточились на попытках прекратить поток контрабанды, следовавшей из Швеции в Россию через Ботнический залив. Кроме того состоялся поход к Аландским островам, где подозревалось устройство маневренной базы для операций в южной части Балтики.

Результат этого похода мало отличался от результатов Либавской операции. Ничего найдено не было, но *Аугсбург* подорвался на мине к востоку от Борнгольма, а *Принц Адальберт* сел на мель у Стейнорта. *Е-9* была послана к месту аварии, но *Принц Адальберт* успел сойти с мели, раньше чем

---

[1]) Эти постановки в районе Мемеля были произведены в период с 18 октября по 13 ноября 1914 г. русскими миноносцами, «Новиком» и заградителем «Амур» (6 постановок). *Ред.*

она смогла подойти. Оба судна на три месяца вышли из строя. Кроме того, на мине подорвался один из старых легких крейсеров—*Газелле*.

За этот период наши лодки оперировали совместно с русским флотом между Борнгольмом и Готландом, неоднократно нападая на неприятельские дозорные отряды, пока не были принуждены стать в док и произвести переборку механизмов. К концу января они возобновили выходы в море и 29 числа капитан-лейтенант Хортон удачно атаковал немецкий миноносец недалеко от датских берегов. Плавание лодок было сопряжено с исключительными трудностями. В надводном состоянии брызги воды быстро замерзали и требовалась беспрерывная работа нескольких человек, чтобы помешать обростанию боевой рубки льдом, при чем сплошь и рядом эта работа оказывалась не по силам и лодки должны были возвращаться в порт. Выдвинутые перископы, а также крышки носовых и кормовых лодок покрывались льдом и лодке приходилось уходить на глубину, чтобы там их „оттаивать". Несмотря на эти, подчас нечеловеческие трудности, лодки по мере возможности продолжали выходы в море к полному удовлетворению командующего русским флотом. Адмирал Эссен, как и в русско-японскую войну, всегда был проникнут духом активности. Но его наступательные тенденции удерживались свыше. Со времени гибели *Паллады*, взорванной 11 октября немецкой подлодкой [1]) на меридиане Ганге, ему было даже запрещено держать дозор крейсеров между Готландом и Финским заливом.

Россия руководилась принципом единого командования. Армия и флот были подчинены вел. кн. Николаю Николаевичу—верховному главнокомандующему всеми сухопутными и морскими силами—и Балтийский флот рассматривался как часть этих сил, обороняющих столицу и составляющих продолжение правого фланга 6-ой армии. Адмирал Эссен был непосредственно подчинен командующему этой армией, ответственному за оборону Финляндии и территории, расположенной к югу от Финского залива, и не пользовался свободой действий, предоставленной командующему Черноморским флотом.

Учитывая подавляющее превосходство в силах немецкого флота по сравнению с русским, дредноуты которого только еще заканчивали приемные испытания, установленную организацию командования можно считать правильной, но вряд ли можно оправдать почти полную пассивность флота. С другой стороны нельзя забывать, что операциям второстепенного характера мешал недостаток в миноносцах. Имевшиеся в распоряжении Эссена были тихоходны, а вступление

1) U 26. *Ред.*

в строй вновь строящихся ожидалось не скоро. В таком же положении находились и подводные лодки. Таким образом, вся тяжесть активных операций подводной войны в Балтийском море ложилась на *E-1* и *E-9*.

Пока Англия использовала подводные лодки против флота противника, все старания Германии сосредоточивались на развитии подводной „блокады“ против торговли.

Сведения нашей разведки указывали, что в ближайшем будущем интенсивность подводной кампании усилится подобно тому, как уже усилилось варварство командиров немецких подлодок; в то же время у нас росло сомнение в действительности средств, применяемых для уничтожения неприятельских лодок в море и для недопущения их в наиболее важные водные районы.

В былые времена мы иными способами боролись с теми, кто пытался оспаривать наше господство в „тесных водах“. Если тогда мы не могли воспрепятствовать выходу в море неприятельских кораблей, блокируя его порты, то старались захватить и уничтожить базы неприятельского флота. Поэтому вполне понятно, что при трудности заградить минами и блокировать подводные базы противника, число сторонников подобной идеи возрастало. Мы уже знаем, что соответствующий план операций разрабатывался и мнение моряков сводилось к тому, что только эта операция является единственным верным средством борьбы с подводной опасностью. Однако, в это самое время, вследствие допущенных но начале ошибок, правительство оказалось втянутым в отдаленную экспедицию, которая грозила поглотить столь крупные силы флота, что разработанный план операций в Северном море мог оказаться неприемлемым. Кроме того, наступил момент, когда казалось, что общая военная обстановка начинает принимать новые формы, и появилось сомнение, годится ли намеченный план для будущего.

ГЛАВА XVI.

Дарданеллы. Организация соединенной атаки армии и флота. С 25 марта по 25 апреля.

Карты 2 и 3.

Во всех войнах наступление весеннего периода всегда ознаменовывалось оживлением операций, появлением новых перспектив и рождало новые планы. Весна 1915 года особенно ярко подтвердила эту истину. Следуя примеру прошлого, обе стороны сделали максимум возможного, но не

достигли ничего, могущего дать надежду на быстрый и решительный результат кампании. Давно подготовляемый мощный и стремительный удар центральных держав истощил их силы, но не обеспечил ни на одном фронте такого исходного наступательного положения, которое открывало бы им в дальнейшем возможность решительных операций. Морские державы достигли в общем более благоприятного положения. По прежним понятиям они получили полное господство на море, но это господство надо было использовать для нанесения удара на новом операционном направлении, иначе надежда на решительный результат оставалась столь же проблематичной, как и у противника. Обе стороны искали выхода из положения. Германия пыталась уравновесить в свою пользу силы на море, применяя совершенно новые методы морской войны. Одновременно с этим она накапливала силы для действий на Балканах, где находился конечный пункт ее стремлений. Мы же убедили французов присоединиться к попытке вырвать инициативу из рук континентальных держав, действуя нашим традиционным путем. Другими словами, мы стремились дать континентальным военным операциям новое направление, наиболее отвечающее положению и средствам морских держав. Посягательство Германии на господство Англии на море, независимо от будущих результатов, судьба которых была покрыта мраком неизвестности, не могло нам помешать, хотя бы на первое время, использовать преимущества, приобретенные после установления этого господства.

Эти преимущества сводились к возможности оперировать соединенными силами армии и флота на второстепенном театре, где противник был слабее, сохраняя в то же время надежное оборонительное положение на главном театре, где противник был сильнее.

На главном театре подобные операции всегда признавались невозможными, если не считать Валхеренскую бельгийскую экспедицию, которая по своему стратегическому замыслу имела большое сходство с задуманной нами теперь. Но эта экпедиция из за условий погоды окончилась неудачей и вопрос о возможности достижения решительных результатов в случае ее успеха остается и сейчас открытым. Однако, мы имеем по меньшей мере три примера того, как на войне, в которой море является существенным фактором борьбы, второстепенные театры операций могут оказаться решающими. Так было в войне с Наполеоном в Испании и в Крымскую кампанию. Успехами этих кампаний мы обязаны сосредоточению морских и сухопутных сил в наиболее уязвимом неприятельском пункте. Трудность совместных операций заключается в сложности разработки подготовительных мер, обеспечивающих полную согласованность в

действиях армии и флота; в наши дни эта трудность не уменьшилась, а увеличилась. В то время, как срок, потребный для операции, оставался прежним, противник, благодаря железнодорожным путям сообщений, получал возможность значительно ускорить соответствующие меры противодействия. Указанный недостаток совместных операций неизбежно возрастает, когда подготовка к ним происходит непосредственно на самом театре операций. Это именно и имело место в Дарданеллах. Сухопутные войска были посланы единственно для того, чтобы закрепить территорию, захваченную флотом, и затем уже двигаться дальше, а потому оказались совершенно неподготовленными для новой задачи. Как мы уже знаем, их пришлось отправить в Египет для реорганизации. Однако, реорганизация потребовалась не только для сухопутных частей, но и флоту. Особенностью предстоящих морских операций являлось траление, а команда тральщиков состояла из рыбаков, не военных людей; они оказались неспособными работать под огнем и тральный отряд пришлось создавать заново. Кроме того, для высадки крупных сил надо было соответствующим образом оборудовать берег, обезопасить места якорных стоянок транспортов, а также подготовить необходимое число плавучих средств. Все это требовало времени не меньше, чем для подготовки прибывшего десантного отряда.

Попытка высадиться немедленно, использовав принцип неожиданности, конечно, была возможна, но риск был слишком велик, в особенности в период неустойчивой погоды, сопровождавшейся частыми штормами.

Непосредственные руководители Дарданелльской экспедиции считали приостановку операций неизбежной, имея к тому примеры в прошлом. В аналогичном случае Кейт и Аберкромби—руководители экспедиции 1801 года против Александрии—предпочли ждать шесть недель в бухте Мармарис, совершенствуя свои силы, прежде чем произвести высадку в Абукире. Решение пожертвовать принципом неожиданности в пользу боевой подготовки оправдалось, но в операциях 1801 года неожиданность не играла столь крупной роли. Французская армия в Египте была лишена возможности получить какие либо подкрепления. В Дарданеллах дело обстояло иначе. Хотя дорога из Берлина в Константинополь еще не открылась, все же немцы имели возможность отправлять туркам различные предметы боевого снабжения, а, главное, дать им офицеров-инструкторов. Немецкие офицеры руководили устройством Галлилпольских укреплений и сосредоточением войск на полуострове. Сведения воздушной разведки подтверждали ничтожность повреждений

фортов узкости и наличие вновь строящихся укреплений. Новые укрепления возводились, главным образом, с целью прикрыть минное поле у м. Кефец.

Нельзя было терять ни минуты. Приходилось всемерно торопиться с реорганизацией десанта. Но реорганизация должна была быть самой тщательной. Не подлежало сомнению, что для успеха предстоящей операции потребуется сразу же использовать все силы и средства как флота, так и армии. Поэтому, к концу марта, адмирал Пирс, стоявший в Порт-Саиде, получил приказание перенести флаг на один из малых крейсеров и выслать в Дарданеллы *Goliath*'а и *Euryalus*'а, а также и другие суда, которые он найдет возможным выделить в зависимости от обстановки.

К этому времени (28 марта) поступили многочисленные сообщения о том, что, по настоянию немцев, турки готовят демонстрацию против Суэцкого канала с целью принудить нас не уводить войск из Египта.

Вполне возможно, что возвращение десантного отряда с Мудроса они объяснили последствием своих стараний. Во всяком случае первое появление турецких разъездов в районе канала совпало с решением перенести базу в Александрию. 22 марта передовая застава одной из индийских частей, высланная с поста Эль Кубр, столкнулась с отрядом противника в 400 человек. Противник преследовал заставу, но был рассеян орудийным огнем поста. Появление противника ясно говорило за необходимость восстановления расформированного отряда плавучей обороны. Но сделать это было не легко. Миноносцы и большинство воздушных аппаратов адмирала Пирса были отозваны, французский л. к. *Henri IV* ушел в Дарданеллы на место погибшего *Bouvet*. Оставались только мелкие буксирные пароходы и катера, а также легкий крейсер *Philomel* и вооруженное судно *Requin*. В Суэце стол крейсер *Bacchante*. 23 марта эти суда вошли в канал и в непродолжительном времени обнаружили турок. После первых же выстрелов, противник бежал, бросая снаряжение и аммуницию, и скрылся. Кавалерия из-за тяжелых песков преследовать его не могла. В течение нескольких дней неприятель не проявлял почти никакой активности, но к концу месяца обнаружились признаки нового серьезного наступления. По сведениям разведки, турецкие войска в трех направлениях продвигались к каналу; авангард их был замечен в Катиа. В Эль Ариш находилось, повидимому, не менее 14.000 человек, а 10.000 человек из Рамеле шли к ним на присоединение. В Эль Сир, расположенном в 20 милях к югу, находились 12.000 человек с 50 орудиями, а в Некле четыре тысячи с 20 орудиями. Кроме того в Маан прибыли подкрепления по Геджасской железной дороге. Выпавшие обильные дожди

способствовали успеху турецкого похода и к 30 марта разведочные партии и разъезды противника показались вблизи канала. Арабы-лазутчики говорили, что общее наступление назначено на 3 апреля. *Montcalm* и *Philomel* заняли позиции в Измаилии и в Соленом озере, а королевская морская дивизия, 27 марта прибывшая в Порт-Саид по пути в Дарданеллы, выслала 1 апреля четыре полу-баталиона занять укрепления в Кантара.

К этому времени средиземноморский экспедиционный корпус почти целиком собрался в Порт-Саиде; время для неприятельского наступления оказалось упущенным. 3 апреля прошло совершенно спокойно и на следующий день баталионы морской дивизии вернулись в Порт-Саид. Адм. Пирс донес, что, если в ближайшие дни обстановка не изменится, *Bacchante* и *Euryalus* выйдут на Тенедос 10 апреля. Никаких событий в районе канала не произошло и 12 апреля началась обратная посадка войск на транспорты. В этот же день было послано приказание *Goliath*'у, подходившему на пути из Восточной Африки к Суэцу, следовать непосредственно в Эгейское море. За это время подготовительные работы в Дарданеллах продвигались успешно. Общее положение оставалось без перемен, не считая неожиданно проявившейся активности германских воздушных сил. 28 марта один из немецких аппаратов атаковал плавучую авио-базу *Ark Royal*, но безуспешно. На следующие утро все английские аэропланы были выгружены на Тенедосе на вновь устроенном аэродроме. Аэродром защищался противовоздушной артиллерией и с этого момента наши летчики получили возможность соперничать с неприятельскими. За последнюю неделю, пока тральщики под прикрытием линейных кораблей работали внутри пролива, наша воздушная разведка, сопровождаемая успешной бомбежкой неприятельских позиций, не прекращалась.

К 9 апреля в распоряжении адмирала Де-Робека находилось одиннадцать британских и одиннадцать французских аэропланов. Этого количества вполне хватало, но часть пришлось срочно отправить адмиралу Пирсу для защиты Суэцкого канала и Де-Робек просил о присылке новых, хотя бы ко времени начала операций в Мраморном море. Для корректировки судового огня он имел привязной аэростат, прибывший из Англии. План операций, намечавшихся к осуществлению после форсирования пролива, находился в стадии разработки и основывался на совместных действиях с крупными русскими силами. Вопрос о Константинополе был улажен, а царское правительство изъявило готовность выделить в нужный момент армейский корпус и предоставить в распоряжение Де-Робека черноморскую

эскадру. 29 марта Адмиралтейство получило из Петрограда уведомление, что русский верховный главнокомандующий приказал адмиралу Эбергарду войти в связь с адмиралом Де-Робеком и руководствоваться указаниями последнего [1]).

Фактически связь между английским и русским адмиралами уже существовала через крейсер *Аскольд*, прикомандированный к союзной эскадре, и Де-Робек был осведомлен об операциях своего черноморского коллеги.

Утром 28 марта, за день до сообщения о новом распоряжении русской главной квартиры, адмирал Эбергард произвел бомбардировку Босфора и обстрелял форты Эльмас и Рива, расположеные к осту от входа. Обстрел сопровождался пожарами, при чем большой неприятельский пароход, повидимому, транспорт с боеприпасами выбросился на берег и сгорел. После полдня один из русских гидросамолетов атаковал в проливе турецкий миноносец, а эскадра бомбардировала группу фортов Румели, на европейском берегу, вызвав два больших взрыва [2]). Форты не отвечали за дальностью расстояния и ни одно из неприятельских судов не показывалось, хотя было известно, что *Гебен* вышел из дока. 29 марта Эбергард снова подошел к Босфору на расстояние семи миль и в полдень получил донесения воздушной разведки, что турецкий флот, включая *Гебена* и *Бреслау*, идет к выходу в Черное море. Эбергард оставался у Босфора весь день, но противник не рискнул выйти, и 30 марта эскадра ушла, подвергнув новой бомбардировке порты Анатолийского побережья—Зунгулдак, Эрегли и Козлу [2]).

По получении известий о последних операциях Эбергарда, адмирал Де-Робек предпринял первые шаги по координированию действий своей и русской эскадр. Он предлагал, чтобы следующая бомбардировка Босфора совпала с бомбардировкой Дарданелл, и уславливался не пользоваться радио-телеграфом, а все важнейшие сообщения телеграфировать через Лондон. 5 апреля Де-Робек был уведомлен о мерах, принятых русским командованием в отношении подготовки сухопутных сил.

Суда русской эскадры принимали очень малый запас угля и район ее плавания был фатально ограничен. Эбергард не мог нести беспрерывную блокаду Босфора и командующий турецким флотом адмирал Сушон решил исполь-

[1]) «Морской Сборник» май 1915 г. Турки утверждают, что результат бомбардировки свелся к нескольким убитым и к разрушению нескольких домов.

[2]) См. Н. В. Новиков. Операции на Черном море, стр. 99—111, гл. «Операции против Босфора». Издание В. М. Академии РККА, 1927 г.

зовать свое преимущество, чтобы нанести удар по транспортам, собранным в Одессе.

Рано утром 3 апреля, когда русская эскадра только что снялась с якоря, в зюйд-вестовом направлении показался дым и гидросамолет донес о появлении *Гебена* и *Бреслау*. Почти одновременно адмирал Эбергард получил сообщение о том, что неприятельский отряд замечен и у Одессы. Последний состоял из крейсеров *Меджидие* и *Гамидие* с несколькими миноносцами.

Повидимому, Сушон разделил свои силы на два отряда и, послав более слабый на вест, прикрывал его операции главными силами.

Развивая полный ход, командующий русской эскадрой делал все, чтобы принудить *Гебена* к бою, но немецкий крейсер уклонялся.

Погоня продолжалась пять часов и несмотря на старания избежать столкновения, эскадра все же успела обменяться с *Гебеном* несколькими залпами с предельной дистанции.

Затем немецкие суда прибавили ход и скрылись, считая, что достаточно далеко отвлекли эскадру от своего Одесского отряда. Русские миноносцы продолжали преследование и с наступлением темноты произвели атаку, но были обнаружены и обстреляны; ни одна торпеда не попала и ранее, чем миноносцы смогли выйти на позиции для вторичной атаки, взошла луна. Ничего более не оставалось делать. Эбергард пошел обратно и возвращаясь узнал, что крейсер *Меджидие* взорвался на минных заграждениях у Одессы и затонул.

Германские крейсера ускользнули, но неудача операции против Одесской транспортной флотилии усилила впечатление, произведенное русской угрозой в Константинополе. Невозможность игнорировать опасность, которую представляют войска, могущие быть доставлеными морем, и не считаться с фактом подготовки для них транспортов сознавалась всеми великими военно-начальниками, начиная с Наполеона. Подобный метод для смущения врага или отвлечения его внимания неоднократно применялся нашими выдающимися мастерами военного дела, но никогда, кажется, он не имел такого быстрого и серьезного успеха, как в эту кампанию. В марте противник начал предпринимать соответствующие шаги против наших Галлипольских приготовлений, теперь же ему приходилось считаться с фактом существования русской транспортной флотилии. Между началом апреля и концом июня на Босфор были доставлены три турецкие дивизии: одна на азиатский берег и две на европейский; кроме того, с Чаталжинских укреплений, прикрывающих подступы к столице, были сняты и установлены

при входе в Босфор двадцать восемь 6″ орудий. Поэтому не приходится говорить о том, как повлияли эти обстоятельства на количество сил, собранных турками для отражения соединенной атаки Дарданелл. Однако, последние Черноморские события сказались отрицательно на другой стороне проливов. *Гебен* не потерял своей активности и Де-Робек считал, что это обстоятельство значительно понижает возможности совместных с Россией операций; пока противник располагал линейным крейсером, могущим безнаказанно оперировать в Черном море, перевозка корпуса представляла громадный риск. На эту опасность указывал и адмирал Эбергард, уведомляя 11 апреля Де-Робека о своих последних операциях и сообщая, что *Гебен* развивает 25 узлов, и, следовательно, перевозка войск представит гораздо большие затруднения, чем предполагали сначала.

Отвечая русскому адмиралу, Де-Робек вполне соглашался с его опасениями. Рекомендуя не начинать посадки войск, он, однако, писал о желательности производства морской демонстрации у Босфора одновременно с предстоящей атакой Дарданелл, считая демонстрацию крупной для себя помощью.

Три недели, назначенные для реорганизации десантного отряда прошли, а она все еще не была закончена. Когда генерал Гамильтон, 10 апреля, возвратился из Александрии на Мудрос, главные силы Анзакской дивизии находились уже там, но из состава XXIX дивизии прибыли только первые эшелоны.

Вопрос о времени прибытия французской дивизии все еще оставался открытым. В лучшем случае она могла оказаться на месте не ранее как через десять дней и Гамильтон предполагал начать высадку, не ожидая французов, ввиду того, что их роль в предстоящей операции носила вспомогательный характер. Де-Робек вполне соглашался с планом Гамильтона, но настаивал на необходимости одновременно с высадками в двух намеченных пунктах, произвести демонстративную высадку у Булаира. Предложение адмирала было принято и морская дивизия получила приказание грузиться 12 апреля на транспорты и следовать в порт Требуки на о. Скирос, находящийся в семидесяти милях к зюйду от Лемноса. Сюда же должны были прийти и транспорты с французскими войсками, т. к. возникшие политические затруднения не позволили воспользоваться более удобной стоянкой на о. Митилена.

По предложению Де-Робека было дано два дня для производства десантных учений под руководством и наблюдением морского начальства.

Надежда на помощь русской армии отпадала на долго. 13 апреля было сообщено, что отправка транспортов с вой-

сками к Босфору невозможна, пока не войдет в строй вновь строящийся русский дредноут *Императрица Мария*, готовность которого ожидалась не ранее июня. К этому моменту возникла мысль о возможности выйти из затруднения другим более простым путем. Настроение в Болгарии как будто переменилось, многие общественные круги стояли за разрыв с Германией, а, следовательно, в случае ее выступления на стороне союзников для России открывались все болгарские порты. Нашим крейсерам, находившимся в дозоре у Дедеагача, для предупреждения проникновения в Турцию контрабанды, оказывался самый любезный прием и считалось желательным дать болгарам время подумать раньше, чем приступать к отправке русских войск. Но определенная позиция занятая в этом вопросе королем Фердинандом скоро рассеяла иллюзии. Тем не менее оставалась надежда, что Болгария все таки одумается и в последний момент откроет свои порты. Де-Робек, узнав о невозможности отправки русского корпуса, предложил произвести демонстративную посадку войск на транспорты с целью удержать турок от посылки в Дарданеллы подкреплений из Константинополя. Было ли выполнено предложение адмирала—не известно, но посадка и не требовалась; читатель уже знает, что один только факт наличия транспортов в Одессе делал свое дело [1]).

Одной из забот Де-Робека было не допустить усиления турецких войск на Галлиполи до готовности десанта. Производилась беспрерывная воздушная разведка верхней части Саросского залива; обстреливались Булаирские укрепления; в гавань Энос ходили шлюпки с *Swiftsure*'а и *Majestic*'а для обследования мест высадки. Пытавшиеся помешать им турецкие войска были рассеяны судовым огнем. Главная же идея адмирала заключалась в использовании подлодок для действий на путях сообщений неприятеля. За два-три дня до начала операций лодки должны были входить в пролив, следуя по одиночке, через сутки одна за другой, и стараться подойти к Галлиполи, чтобы прервать морское сообщение турецкой армии.

До наступления решительного момента командующий эскадрой все время тревожил противника. Ночью к минному заграждению у Кефеца посылались шлюпки с подрывными тралами, а днем суда беспрерывно обстреливали войска на полуострове. По наблюдениям воздушной разведки, корабли несколько раз удачно обстреляли скрытые на берегу батареи. Залпами л. к. *Nelson*'а был вызван взрыв одного из главных турецких погребов в деревне Таифар-

---

[1]) Демонстративные посадки и даже выходы в море делались именно с целью введения в заблуждение разведки противника. *Ред.*

Кеци, расположенной напротив Галлиполи на шоссе в Маидос. Однако, воспрепятствовать ночным работам турок почти не удалось. Каждое утро появлялись новые и новые укрепления. В числе их было обнаружено укрепление в Саросском заливе, обстрелянное 14 апреля *Majestic*'ом. На следующий день л. к. *Triumph* вошел в пролив с несколькими сухопутными офицерами для производства опытной стрельбы по окопам и проволочным заграждениям, многочисленные ряды которых ясно вырисовывалась на склонах Ачи-Баба. Результаты были весьма неутешительного характера и с очевидностью показали, что имеющиеся боевые запасы далеко не достаточны для разрушения грозных препятствий, выроставших на наших глазах.

Через несколько дней после финальной атаки узкости в командование укрепленным Дарданелльским районом вступил генерал Лиман фон Сандерс и работы по защите полуострова пошли с максимальной энергией и знанием дела. Каждое мало-мальски удобное для высадки место было окружено рядом окопов и целые батальоны армян и греков были привлечены к работам по устройству дорог, ведущих к главным пунктам сосредоточения войск. Трудность защиты заключалась в том, что местность театра операций давала все выгоды для соединенной атаки армии и флота. Совершенно нельзя было предвидеть, где высадятся союзники и какое они выберут главное операционное направление. Эти обстоятельства были вполне учтены союзниками и положены в основу предстоящего плана операций.

Генерал Сандерс вступил в командование 25 марта и сразу же приступил к реоганизации всей системы защиты. Новая система сводилась к сосредоточению войск в удобных центральных районах, откуда они могли, по заново проложенным вьючным дорогам, быстро перебрасываться в любой пункт побережья. Две дивизии под начальством Вебер-Паши были оставлены на азиатском берегу и сосредоточены у Чиплака в районе Трои, что лишний раз подчеркивало стратегическое значение этого района.

На полуострове находились четыре дивизии, которыми командовал герой Янины—Эссад-Паша. Его штаб был расквартирован в Галлиполи. Вследствие частых операций наших судов в Саросском заливе, Булаир вызывал особое беспокойство противника. Поэтому при впадении реки Кавак в залив были устроены новые укрепления и некоторые из Булаирских орудий повернуты так, чтобы прикрывать реку. Связь между северным и южным отрядами Галлипольских войск поддерживалась водным транспортом в проливах; такая же связь была установлена с азиатским берегом в районе Чанак-Нагара. Кроме того были оборудованы по-

грузочные средства для быстрой переброски войск на полуостров и обратно [1]).

Таким образом, противник, по мере сил и возможности, подготовился к активному сопротивлению. Вслед за прибытием Гамильтона на Мудрос началось оживленное движение транспортов из Египта, продолжавшееся целую неделю. Последние английские войска погрузились 16 апреля и в этот же день французские части вышли из Александрии. Английские транспорты шли группами, либо по одиночке. Восточная часть Средиземного моря считалась достаточно обеспеченной и единственная опасность могла грозить со стороны двух-трех миноносцев, обнаруженных воздушной разведкой в Смирнском заливе который после ухода адмирала Пирса тесно блокировался. Блокаду несли эскадренные миноносцы *Wear* и *Welland*, имея для поддержки крейсер *Minerva*. На пути в порте Требуки на о. Скирос стояла группа судов под начальством командира *Canopus*'а, в том числе *Dartmouth*, *Doris*, миноносцы *Jed* и *Kennet* и несколько транспортов.

Такова была обстановка, когда 16 апреля рано утром п/х *Manitou*—транспорт с последним эшелоном XXIV дивизии, только что миновавший о. Скирос, заметил направляющийся к югу маленький миноносец. Считая миноносец английским и полагая, что он хочет переговорить, *Manitou* застопорил машину.

На самом же деле миноносец был *Демир Хиссар*, атаковавший раньше авио-матку *Anne Rickmers* под командой то же немецкого офицера. После ухода Пирса из Смирны *Демир Хиссар*, стоя в бездействии в гавани, повидимому, ожидал присылки торпед. В середине апреля торпеды прибыли и в ночь с 15-го на 16-ое число миноносец вышел. Укрываясь под северным берегом залива, он проскользнул незамеченным нашими дозорами и пошел на пути следования транспортов. Заметив *Manitou*, *Демир Хиссар* быстро с ним сблизился и приказал, чтобы через три минуты паро-

---

[1]) Major E. K. Prigge. *Der Kampf um die Dardanellen*, стр. 28—30 и 34. Дислокация частей турецкой армии была следующая: генерал Сандерс непосредственно командовал 5-й армией, состоявшей из 3-го и 15-го армейских корпусов, 5-ой дивизии и отдельной кавалерийской бригады.

3-ий корпус (Эссад-Паша), 7-я, 9-я и 19-я пехотные дивизии на европейском берегу. Штаб—в Галлиполи. 5-я пехотная дивизия в резерве у Иени-Киоя, кавалерия и Кесхане на северном берегу Саросского залива. Приближенная численность—40.000 штыков, 100 орудий.

15-ый корпус (Вебер-Паша), 3-я и 11-я пехотные дивизии на азиатском берегу. Из состава 3-ей дивизии один полк находился в районе Иенишер, а два полка в Чиплака.

11-я дивизия в резерве между Калафати-Киой и Чиплак. Приближенная численность—20.000 штыков и 50 орудий, из которых две батареи, калибра в 4",7, могли быть в случае нужды переправлены на полуостров.

ход был оставлен. Хотя на транспорте находились войска с винтовками, сопротивление не могло быть оказано, ввиду отсутствия ружейных патронов. Кроме того не вступила в силу инструкция, разрешающая невооруженным или идущим без конвоя пароходам оказывать сопротивление военным судам. Капитан *Manitou* протестовал против краткости данного срока, ссылаясь на недостаточность шлюпок, и командир миноносца продлил срок до десяти минут [1]). Тем временем солдаты, не задолго до встречи с миноносцем, практиковавшиеся в посадке на шлюпки, начали без приказания их спускать. Произошла суматоха. У одной шлюпки сломалась шлюп-балка, она оборвалась и перевернулась. Люди стали бросаться в воду. В разгар паники миноносец выпустил торпеду, но промахнулся и бросился догонять показавшееся на горизонте посыльное судно *Osiris*, шедшее с почтой на Мудрос. Но *Osiris* прибавив ходу, быстро скрылся. *Демир Хиссар* возратился к своей жертве и выпустил вторую торпеду. Вторая торпеда также не попала и миноносец, дав полный ход, начал уходить.

Радио о помощи, посланные *Manitou*, были приняты судами, стоявшими в порте Трбуки. Командир *Canopus*'а находился в этот момент на транспорте *Franconia* на совещании с начальником морской дивизии генералом Парисом, и сразу же отдал соответствующие распоряжения. Первым вышел миноносец *Kennet*, вторым *Jed*, а вскоре и крейсера *Dartmouth* и *Doris*. Командир крейсера *Minerva*, грузившего уголь в порте Сигри, на Митилене, также принял *S.O.S.* и послал к *Manitou* миноносец *Wear*, а затем и сам направился туда же. Приняв радио о том, что погоня идет в направление мыса Мастико, южной оконечности о. Хиос, он повернул на юг и сделал радио судам, вышедшим из Трбуки, что он и *Wear* идут каналом между Хиосом и материком. Тем временем *Kennet* и *Jed* уже заметил дым уходившего *Демир Хиссара* и быстро его нагоняли. К 3-м часам они подошли к мысу Мастико. За несколько минут до того, что противник обогнул мыс, собираясь войти в Хиосский канал, *Kennet* открыл огонь. В этот момент из за следующего мыска показался идущий с севера *Wear*. Видя себя в ловушке *Демир Хиссар* резко положил лево на борт и выбросился на берег. Команда пыталась взорвать миноносец, но, неудачно, и была интернирована греческими властями.

Выход *Демир Хиссара* несомненно представлял собою исключительно дерзкую операцию и заслуживал, пожалуй, больших успехов. Наши потери выразились в пятидесяти

---

[1]) На Manitou находилось 20 офицеров, 626 солдат и 615 лошадей.

утонувших солдатах, гибель которых произошла вследствие паники, возникшей на *Manitou* при спуске шлюпок.

Случай с *Manitou* не отразился на доставке войск. При содействии командующего французской эскадрой была организована охрана транспортов и через три дня последние эшелоны десантного корпуса вышли из Египта.

Наши попытки действий на морских сообщениях турок сопровождались еще более плачевными результатами.

В середине апреля Адмиралтейство получило агентурные сведения о том, что в Будруме—маленьком городке у западного входа в залив Кос, в юго-восточной части Эгейского моря—сосредоточены большие запасы горючего для подводных лодок. Ввиду того, что Де-Робек был поглощен подготовкой высадки и беспокоить его ради мелкого дела не считалось возможным, Пирс получил приказание выйти из Александрии и обследовать подозрительный пункт. Дабы сохранить секрет и притти неожиданно, небольшой отряд, выделенный Дарданелльской эскадрой, должен был встретить Пирса в море. Однако, тревога оказалась напрасной. Вновь полученные точные сведения опровергли первоначальные слухи и поход Пирса был отменен.

Операции наших подлодок в проливе начались на следующий день после нападения на *Manitou*. Первой вышла *E 15* под командой кап.-лейт. Броди, при чем на ней отправился наш бывший вице-консул в Чанаке Пальмер, зачисленный во флот чином лейтенанта резерва.

В первые дни войны своими познаниями он оказал весьма ценные услуги командующему эскадрой и адмирал Карден исходатайствовал прикомандирование Пальмера к разведочному отделу своего штаба. План сводился к следующему: с рассветом лодка погружалась в Сангали Дере и далее следовала под водой, придерживаясь середины пролива. Аэропланы должны были следить за ней и бросать бомбы в укрепления, отвлекая внимание артиллерийской прислуги от водной поверхности.

В назначенное время *E 15* вышла, но в 6 часов послышалась канонада в районе минного заграждения и прилетевший вскоре после этого аэроплан сообщил, что лодка выскочила на мель к югу от маяка Кефец, в разстоянии менее кабельтова от форта Дарданос. Подхваченная сильным течением она оказалось на мелководьи и стояла, видимо, не поврежденная. Турецкий миноносец пытался ее стащить, но был отогнан аэропланами. Тем не менее не могло быть сомнения, что противник постарается ею завладеть и надо было так или иначе ему помешать. Поспела ли команда привести лодку в состояние негодности или нет—было не известно. Как оказалось впоследствии команда ничего не успела сделать. Прежде чем турки убедились, что *E 15* на

мели, они открыли по ней огонь; первым снарядом был убит в боевой рубке командир, одним из следующих—еще несколько человек, а остальные бросились в воду и были вытащены турками; убитых похоронили на берегу.

Обо всем этом Де-Робек узнал лишь много времени спустя. Опасаясь. что лодка попадет в руки врага, он решил ее уничтожить, что, конечно, представляло очень трудную задачу ввиду близости ее от форта. Не теряя времени, одной из малых подлодок *B 6* было приказано пройти к месту аварии и взорвать *E 15* торпедой. *B 6* выпустила торпеду, но не попала и под тяжелым обстрелом отошла.

С наступлением темноты пошли миноносцы *Scorpion* и *Grampus* и сразу оказались в лучах прожекторов, обсыпаемые снарядами с форта. Противник очень удачно манипулировал прожекторами и образовал такую световую преграду, что совершенно скрыл *E 15* от миноносцев. Хотя *Scorpion* подошел к цели меньше, чем на 5 каб., он так и не смог ее обнаружить. На следующее утро (18 апреля) пошла вторая подлодка — *B 11*, но ей помешал туман. Днем разъяснило и было решено испробовать другой способ, послав линейные корабли *Triumph* и *Majestic*. Однако, попытка окончилась также неудачно, как и предыдущие. Как только корабли вошли в пролив, форты и батареи открыли такой огонь, что корабли не смогли подойти ближе 60 каб. и возратились, испрашивая дальнейших инструкций. Неудачи не остановили Де-Робека и он решил попробовать уничтожить *E 15* с минных катеров, считая, что катера смогут пробраться незамеченными сторожевыми постами на берегу. План был исключительно рискованный, т. к. турки установили добавочные батареи со специальной целью прикрывать работу по стаскиванию лодки и подойти к ней, не попав под обстрел с короткой дистанции, не представляло никакой возможности. Честь выполнить лихое дело предоставлена охотникам с *Triumph*'а и *Majestic*'а. Катера были снабжены 14" торпедами и пошли под общим командованием капитан-лейтенанта Робинсона—офицера с *Vangeance*'а, столь отличившегося еще 20 февраля, при уничтожении орудий у гробницы Ахиллеса. Ночь выдалась на редкость темная и катера, соблюдая полнейшую тишину, медленно шли под Галлипольским берегом пробираясь к точке, откуда должны были броситься полным ходом. Не видя буквально ничего в окутывающем мраке, катера правили по слабо освещаемому компасу, но все шло благополучно, пока они не подошли к изгибу берега у входа в узкость. В этот момент луч прожектора осветил катера и через мгновение вода вокруг них кипела от снарядов. Свет слепил глаза, море вне лучей прожекторов казалось еще темней и найти *E 15'* было совершенно невозможно. Однако, Робинсон не отступил. Каким то чудом ни один

снаряд не попал и оба катера продолжали итти вперед. Вдруг луч неверно повернутого прожектора на мгновение остановился на *E 15*. Этого было достаточно; лейтенант Гудвин (катер *Majestic*) в ту же минуту выпустил торпеду. Раздался сильный взрыв, ослепительное пламя озарило берег, но судить о результатах не было возможности. Почти одновременно в катер *Majestic*'а попал снаряд и он стал быстро погружаться. Катер с *Triumph*'а тоже успел выпустить торпеду и, быстро подойдя на помощь, несмотря на ураган снарядов, снял всех людей. Счастье сопутствовало храбрецам и переполненный людьми катер возвратился, не получив попаданий и потеряв лишь одного человека. На следующее утро воздушная разведка сообщила, что *E 15* представляет собою груду обломков. Исключительное по выдержке и храбрости дело вызывало восхищение даже и у врага. Один из чинов американского посольства в Константинополе, отмечая в своем дневнике разговор с германским офицером по поводу случая с *E 15*, записал следующие слова этого офицера: „Я обнажаю свою голову перед подвигом британского флота“ [1]). Далее в дневнике указывается, что Джевад-паша, узнав, что погибшие с *E 15* похоронены на берегу, приказал перевести тела на английское кладбище в столице. С уничтожением *E 15* одной заботою стало меньше. Де-Робек решил в ближайшее время не посылать подлодки за минные заграждения. Вся энергия сосредоточилась на подготовке предстоящей соединенной операции армии и флота.

Прошли века с тех пор, что сонные воды Эгейского моря были свидетелями столь обширных военных приготовлений. Даже флот Священного Союза, собранный для противодействия Турции в ее завоевательных стремлениях в Лепанто, не мог равняться с нынешним ни по силе, ни по числу кораблей. Помимо боевых судов и массы вспомогательных, без которых современная эскадра обойтись не может, на Мудросе скопилось около пятидесяти транспортов Анзакской и XXIX дивизий.

Транспорты и плавучие средства морской дивизии стояли в Требуки. Там же находился и первый эшелон французской дивизии. Однако, и французы до начала операции должны были зайти на Мудрос. Эти маленькие порты и являлись двумя отправными пунктами предстоящей высадки. Чтобы правильно судить о работе, выпавшей на долю адм. Веймисса и его малочисленного штаба, следует помнить, что еще шесть недель тому назад Мудрос был только ничтожной каботажной гаванью.

Задуманная операция по сложности не уступала своему прототипу Валхеренской операции, но на этот раз план был

---

[1]) Einstein. Inside Constantinople, стр. 3.

разработан до мельчайших подробностей. Основная идея заключалась в том, чтобы овладеть при помощи сухопутных войск с тылу группой фортов узкости европейского берега и угрожать оттуда фортам азиатского берега. Поэтому, прежде всего, предстояло захватить позицию, господствующую над европейскими фортами. Таковой являлась возвышенность Килид-Бахр, тянувшаяся полукругом, длина которого равнялась двум третям ширины полуострова, между Майдосом и Сонгали-Дере. Возвышенность эта по природе была сильной естественной позицией и, окруженная рядом окопов, составляла грозное препятствие. Северные и южные ее склоны были сильно укреплены, так что фактически оборонительная линия начиналась значительно севернее узкости, там где склоны Какма-Даг упирались в берег пролива. Таким образом, позиция не только включала приморскую базу в Майдосе, но командовала равниной Килия, что делало ее весьма важным тактическим пунктом будущего театра операций.

От Майдоса главные оборонительные линии турок шли вдоль склонов Какма-Даг до западной их оконечности, захватывая почти пол ширины перешейка, а затем, пересекая Аэрмы-Тепе, доходили до северо-западной оконечности возвышенности Килид-Бахр и тянулись вдоль западной ее границы до деревни Магран. Отсюда оборонительная линия не сворачивала снова к морю, а была продолжена через Сонгали-Дере, охватывая ряд высот Ачи-Баба и заканчивалась на берегу пролива у холма Тепер-Чифт, расположенного к востоку от Чомак-Дере. В дополнение к главной оборонительной линии шла линия окопов, соединяющая Ачи-Баба с берегом моря и проходившая через деревню Крития.

О захвате Ачи-Баба стремительным, неожиданным ударом теперь уже не приходилось думать, но была надежда, что ничего серьезного не сможет произойти на пространстве между горой и Седд-ул-Бахром, т. к. судя по картам, которые имелись в то время, вся оконечность полуострова открыта перекрестному огню судовых орудий. В действительности, однако, это оказалось не так. Благодаря чашкообразной форме южного конца полуострова, большая часть местности не давала возможности стрелять с моря по прямым целям. Кроме того выяснилось, что за время пребывания десантного корпуса в Египте, весь район оказался изрыт окопами и окутан рядами проволочных заграждений весьма сложных и запутанных. Особенное внимание было обращено на защиту узких полос берега, удобных для высадки, до этого времени свободных от всяких оборонительных сооружений.

Создавшаяся обстановка представляла громадные трудности, но избежать их не было возможности. Генерал д'Амад

предлагал высадиться на азиатском берегу в Адрамити, в бухте Митилена, и наступать через Баликесиер и Бруссу на Скутари. Но такое движение, во-первых, вовлекало нас в слишком крупную сухопутную операцию, размеры которой не поддавались учету и, во-вторых,—исключало помощь флоту. Ввиду этих соображений Китченер запретил операции на азиатском берегу. По тем же причинам был забракован план наступления на Константинополь по европейскому берегу от вершины Саросского залива. Захват Булаирского перешейка, представлявшийся с первого взгляда наиболее правильным решением, отпадал по причинам уже известным читателю. Ближайшим объектом действий и наиболее заманчивым местом для высадки представлялась удобная, укрытая бухта—Сувла, расположенная вне главной оборонительной линии противника и весьма удобная для дебуширования, но и она имела крупные недостатки, принудившие отказаться от мысли ее использовать. Бухта находилась в самом широком месте полуострова, наиболее удаленном от главной цели, а также и от перешейка Габа-Тепе-Майдос, который надо было удерживать, чтобы закрепиться в южной части полуострова. Главным же возражением против высадки в Сувле была невозможность содействовать из этого пункта флоту в разрешении поставленной ему задачи форсировать пролив.

К описываемому времени определенно сознавалось всеми, что секрет успеха соединенных действий флота и армии заключается в захвате Ачи-Баба в качестве наблюдательного пункта, могущего обеспечить корректировку судового огня. Этому требованию бухта Сувла ни в какой мере не удовлетворяла.

Далее к югу на побережьи перешейка Габа-Тепе-Майдос находился другой удобный пункт. В последнюю Балканскую войну греческий генеральный штаб наметил этот пункт местом высадки и последнее обстоятельство, конечно, не могло оставаться тайной для турок. По всему побережью, начиная от местечка Рыбачий поселок, расположенного к северу от Ари-Бурну, и до холмов, тянущихся на норд-вест от Текке-Бурну, был устроен ряд окопов, окруженных проволокой. Кроме того над этим районом берега командовали орудия Килид-Бахра и установленные по близости новые батареи.

В результате первой рекогносцировки было признано необходимым произвести высадку как можно ближе к Ачи-Баба и в таком пункте, откуда представлялось возможным обойти сильные позиции, которые тянулись через оконечность полуострова от старинного замка, расположенного выше Седд-ул-Бахра, и составляли внешнее укрепление горы.

Удобным местом высадки в районе пролива была бухта Морто, но и она имела большие минусы, т. к. находилась под огнем тяжелых орудий Эрен-Киой и замаскированных гаубичных батарей, установленных в тылу Ачи-Баба. Войскам, высадившимся в Морто, требовалась всемерная поддержка. Затем высадку предполагалось произвести также на двух участках побережья на конце Галлипольского полуострова между Седд-ул-Бахром и Текке-Бурну. Третьим местом намечался пункт в двадцати милях к норду от Текке-Бурну у спускавшейся к морю лощины, известный под названием участка „Y2“, но участок оказался очень сильно укрепленным и от него отказались. В этом районе все более или менее удобные места ограничивались узкой полоской берега; тем не менее, не исключалась надежда, что мелкие отряды, высаженные к северу и югу от участка „Y2“ смогут там удержаться и, взобравшись по склонам скал, помогут обойти фланг передовой оборонительной линии турок.

Здесь должна была высаживаться XXIX дивизия и бригада морской пехоты под общим командованием генерала Гунтерн-Уестона. Впоследствии, однако, масштаб высадки пришлось несколько сократить. Морское командование заявило о невозможности пользоваться бухтой Морто, подходы к которой оказались усеянными рифами, а кроме того на единственном подходящем участке побережья нельзя было высадить больше батальона. Окончательный план вылился в решении ограничиться высадками на двух участках: на участке „X“, в миле севернее Текке-Бурну, и на участке „Y“ в миле с четвертью севернее вышеуказанного участка „Y2“. Изменение плана не повлияло на главную идею операции, которая заключалась в том, чтобы выбросить на берег силу, достаточную для прорыва позиции Крития—Ачи-Баба, а затем развить наступление против возвышенности Килид-Бахр. Роль остальных войск сводилась к демонстративным высадкам для отвлечения внимания противника и для действий на его коммуникациях. Наиболее серьезная из демонстраций, могущая вылиться, как надеялись, в серьезное наступление, была поручена Анзакскому корпусу генерала Бердвуда [1]). Для высадки его войск был избран участок севернее Габа-Тепе, граничащий северным концом прибрежной линии окопов, у подножия гор Сари-Баир. В случае удержания этого участка являлась возможность развить наступление через Койя-Дере, на высоты Мал-Тепе, командовавшие над дорогой из Галлиполи в Майдос, но это связывалось с необходимостью держать войска вдалеке от оконечности Галлипольского полуострова.

---

[1]) Австралийская дивизия—три пехотных бригады и Ново-Зеландская—две пехотных бригады.

Не менее важной была задача, возлагаемая на французов. Часть войск генерала д'Амада должна была высадиться у Кум-кале и продвинуться по мере возможности ближе к Иени-Шер с целью отвлечения огня подвижных батарей азиатского берега. В то же время французская эскадра с остальными войсками должна была произвести демонстрацию высадки в бухте Башика. Агентурные сведения сообщали о назначительности собранных турецких сил, но для обеспечения успеха английской высадки в бухте Морто высадка в Кум-Кале являлась существенно важной, дабы не допустить установки там полевых орудий для обстрела транспортов, стоящих в бухте.

В остальном высадка французов рассматривалась лишь как диверсия; их операции ограничивались действиями, необходимыми для района между морем и рекой Мендере. Далее Иени-Шер французам предписывалось не продвигаться. Уведомляя генерала д'Амада о том, что для выполнения поставленной ему задачи хватит одного батальона с 75 м/м батареей, штаб английского сухопутного командования сообщал, что больших сил посылать не следует, т. к. все французские войска будут вновь посажены на транспоты для высадки у мыса Хеллес, как только английские части закрепятся на европейском берегу и можно будет начать общее наступление. По предложению Де-Робека, морской дивизии было поручено произвести демонстративную высадку, подобную французской, в районе Булаира, чтобы лишить противника возможности снять войска с линии Булаир-Галлиполи.

Выработанный план завершался демонстрациями черноморского флота у Босфора и обещанным сосредоточением русского армейского корпуса в Одессе в качестве меры для удержания войск в Константинопольском и Адрианопольском округах.

Совместная с Де-Робеком разработка плана окончилась 13 апреля, т. е. через три дня после возвращения из Египта генерала Гамильтона. Несомненным недостатком плана было разделение десантных сил на отряды, но избежать этого не было возможности из за отсутствия подходящих мест высадки и необходимости в первые же моменты операции выбросить достаточные силы. Наиболее нежелательным явлением представляло разъединение австралийцев и новозеланцев с XXIX дивизией, но все же указанный недостаток плана фактически был менее серьезен, чем казался. Опыт Квебекской операции показал, что армия, опирающаяся на флот, может смело делить своих силы, при условии сохранения общей связи между отрядами. Благодаря господству на море, морские пути сообщения дают возможность полной взаимной поддержки отдельных отрядов, которые, в случае

необходимости отступить, могут это сделать совершенно так же, как если бы находились в соприкосновении друг с другом. С другой стороны, разделение десантных войск крайне усложняло работу штаба; каждый участок требовал отдельной организации, каждому из них надо было предоставить отдельный отряд судов, прикрывающих высадку, и отдельную флотилию плавучих средств. Тем не менее, не смотря на сложность положения, окончание всех подготовительных работ ожидалось через десять дней. 19 апреля, на совещании старших морских и сухопутных начальников, адмирал Веймисс имел возможность заявить, что все готово, и высадка, в случае благоприятной погоды, была назначена на 23 апреля[1]).

Подготовка операции закончилась неделей позже, чем думали, но это не имело значения, т. к. условия погоды все равно не позволили бы начать высадку раньше. Погода все еще не установилась, а между тем надо было не дать противнику времени подвозить подкрепления и совершенствовать оборонительные сооружения. По имеющимся у нас сведениям, турки располагали на Галлипольском полуострове тремя первоочередными дивизиями (низама) и одной дивизией второочередных войск (редифа) в количестве 34.000 человек, сосредоточенных в районе Булаира, Килид-Бахра, а также между Ачи-Баба и фронтом нашего наступления. Такое же приблизительно количество находилось на азиатском берегу. Численность наших войск включая французскую дивизию и 29 индийскую бригаду, находившуюся в резерве в Египте, равнялась 75.000 человек при 140 орудиях[2]). Главную артиллерию составляла, конечно, артиллерия флота. Потери в судовом составе были пополнены прибытием новых кораблей [3]) и, хотя *Inflexible*, *Suffren* и *Gaulois* все еще не вступили в строй, в Дарданеллах, не считая вспомогательных судов и тральщиков, собрался флот в составе пятидесяти девяти вымпелов. Из них 18 линейных кораблей, 12 крейсеров, 24 британских и 5 французских ми-

---

[1]) Сведения о плане операции заимствованы из писем генерала Гамильтона Китченеру, неопубликованных его донесений и показаний в Дарданелльской комиссии.

[2]) Исторический журнал Штаба Корпуса 14 апреля 1915 г. В строю находилось 2.840 офицеров и 72.646 солдат. До штатного числа не хватало 45 офицеров и 4.000 солдат. Французы имели одну пехотную дивизию в составе бригады «Метрополии»—175-ый линейный полк и Сводный африканский полк (два батальона зуавов и один — иностранного легиона) и Колониальной бригады в составе двух полков. В каждом из полков два батальона колониальной пехоты и два батальона сенегальцев. При дивизии находились шесть батарей 75м/м полевых орудий и три батареи горной артиллерии.

[3]) В конце марта пришел л. к. *Jauréguiberry,* заменивший флагманский корабль адмирала Гепратта—*Suffren,* а также броненосец береговой обороны *Henri IV* с броненосными крейсерами *Latouche Treville, Jeanne d'Arc.* Последние два прибыли из состава Западного Патруля одновременно с транспор-

носцев. Кроме того имелось 8 британских подводных лодок, включая австралийскую *AE-2*, и 4 французских. В соответствии с разнообразными функциями флота все суда были распределены по семи эскадрам:

Флагманский корабль флота *Queen Elisabeth.* Вице-адмирал Де-Робек. Начальник штаба коммодор Кийс.

Первая эскадра: контр-адмирал Веймисс; контр-адмирал Никольсон.

Линейные корабли: (флаг) *Swiftsure*, *Albion*, *Lord Nelson*, *Implacable*, *Vengeance*, *Prince George* [1]), *Goliath*, *Cornwallis*,

Крейсера: *Minerva*, *Euryalus* (флаг), *Talbot*, *Dublin.* Шесть эскадренных тральщиков.

Вторая эскадра: Контр-адмирал Терсби.

Линейные корабли: *Queen* (флаг), *London*, *Prince of Wales*, *Triumph*, *Majestic.*

Крейсер *Bacchante*, авиа-матка *Adamant*, авианосец *Ark Royal*, пароход с привязным аэростатом *Monica*, восемь эскадренных миноносцев и четыре тральщика.

Третья эскадра. Кап. I р. Грант. Л. к. *Canopus* (брейд-вымпел), крейсера *Darmouth*, *Doris*, два эскадренных миноносца и два тральщика.

Четвертая эскадра. Прикомандированные к 1-ой эскадре крейсера *Sapphire*, *Amethyst* и двенадцать тральщиков.

Пятая эскадра. Капитан I ранга Файлер. Л. к. *Agamemnon* (брейд-вымпел), десять эскадренных миноносцев, три французских тральщика, два тральщика с сетевыми заграждениями.

Шестая эскадра. Контр-адмирал Гепратт.

Линейные корабли. *Jaureguiberry* (флаг), *Henri IV*, *Charlemagne* [2]).

Крейсера. *Latouche Treville*, *Jeanne d'Arc*, *Аскольд*, *Savoie.* Семь эскадренных миноносцев и пять малых миноносцев.

Седьмая эскадра (блокирующая Смирну). Капитан 1 ранга Меткальф. Четыре эскадренных миноносцев и вооруженная яхта *Triad.*

По плану операции каждый район высадки должен был обслуживаться особой эскадрой, в свою очередь, разделенной на „суда поддержки“ и „суда прикрытия“. В обязанность первых входила артиллерийская подготовка берега, а также нащупывание и обстрел неприятельских батарей и окопов. Вторые должны были прикрывать движение авангардных частей десанта, назначением которых являлся захват берега и позиций, откуда они, в свою очередь, могли бы прикрывать высадку остальных частей. „Судам прикрытия“ не

---

[1]) Был прикомандирован к эскадре адмирала Гепратта на время высадки.
[2]) Не принимал участия в операции 25 апреля.

возбранялось принимать участие в артиллерийской подготовке берега, но эта задача для них являлась второстепенной.

Предпринимая высадку и атаку с моря позиции, оборона которой была разработана мировыми авторитетами военной науки и защищалась испытанными в борьбе солдатами, прежде всего надо считаться с необходимостью максимально сократить время нахождения под огнем шлюпок с десантом. Генерал Гамильтон был сторонником ночной высадки, даже несмотря на то, что десант лишался поддержки судовой артиллерии. Но морское командование запротестовало и доводы его не могли быть опровергнуты. Трудность посадки людей на шлюпки в темноте, с полной аммуницией, трудность управления на переполненных шлюпках и нахождения мест высадки, которые не могли быть заранее отмечены и, наконец, опасность от указанных на картах рифов—делали ночную операцию, по крайней мере на южном главном участке, слишком рискованной. Самое серьезное возражение против высадки после рассвета заключалось в опасности потопления транспортов с войсками тяжелой артиллерией противника при стоянке их у берега. Военные корабли были менее чувствительны в этом отношении и Де-Робек предложил среднее решение, а именно—подвести в темноте авангардные части как можно ближе к берегу, а высадку начать с рассветом. Предложение адмирала значительно сокращало самый опасный период операции и в то же время не мешало артиллерийской подготовке. Подобный же метод был намечен и на западном берегу, но на этом участке навигационные условия были значительно легче и высадка носила характер диверсии. Поэтому было решено начать ее до рассвета.

Однако, для одного из главных участков, расположенного между Седдул-Бахром и Хеллес, так называемого участка „*V*“, проектированные меры предосторожности считались недостаточными. Этот участок грозил наибольшими трудностями. Там проволочные заграждения окутывали всю береговую черту и заходили даже под воду; берег представлял амфитеатр сплошь изрезанный окопами. С одного фланга над ним господствовал полуразрушенный форт Седд-ул-Бахр, а с другого отвесные скалы. Лезть в подобную западню, не обладая особыми средствами борьбы, представлялось бессмысленным и для устранения затруднений был придуман способ, носивший едва ли не средневековый характер. Авангардные части должны были высаживаться также, как и на других участках, со шлюпок, основную же массу десанта предполагалось высадить с угольщика, который должен был приткнутся к берегу у Седд-ул-Бахра. Выбор остановился на пароходе *River Clyde*, вмещавшем 2.000 человек,

а оборудование его и непосредственное руководство высадкой было возложено на командира м-ца *Hussar* кап. 2 р. Унвина. План Унвина сводился к следующему: *River Clyde* должен был итти к берегу пока не уткнется носом в мель и вести с собой мелко сидящую паровую шаланду, буксир который проводился через выдвинутый с левого борта выстрел. Как только *River Clyde* остановится, шаланда под своими парами должна была пройти вперед, выброситься на берег и спустить специально оборудованные сходни. Для заполнения промежутка между шаландой и пароходом, последний должен вести на бортовых буксирах по четыре лихтера с каждой стороны. На эти лихтеры войска садятся через широкие полупортики, вырезанные в бортах парохода. Для прикрытия высадки, на полубаке *River Clyde*'а были установлены пулеметы со стальными щитами. Кроме того на него были погружены все материалы необходимые для постройки постоянной пристани. План командира *Hussar*'а был разработан талантливо. Предусматривая все, до мельчайших подробностей, он безусловно не оставлял желать лучшего.

Высадка на главном участке на оконечности полуострова была поручена начальнику 1-ой эскадры Веймиссу, временно поднявшему флаг на *Euryalus*'е. Ему же, как главному руководителю всех подготовительных работ, вверялось общее руководство операцией. Судами поддержки являлись линейные корабли *Swiftsure* (флаг Никольсона), *Lord Nelson*, *Albion*, *Vengeance*, *Prince George*, *Goliath*, три крейсера 1-ой эскадры—*Minerva*, *Talbot* и *Dublin*, а также назначенные в распоряжение Веймисса два крейсера 1-ой эскадры. 2-ая эскадра под флагом Терсби должна была прикрывать высадку австралийцев и новозеландцев у Габа-Тепе. Поддержка операции возлагалась на *Triumph*'а, *Majestic*'а и *Bacchante*. Этот участок находился вне района действий аэропланов и Терсби для корректировки стрельбы были даны авионосец *Ark Royal* и пароход с привязным аэростатом *Monica*. Малочисленная 3-я эскадра под брейд-вымпелом командира *Canopus*'а кап. 1 р. Гранта имела назначена поддерживать демонстрацию у Булаира. Командиру *Agamemnon*'а, кап. 1 р. Файлеру, командовавшему 5-ой эскадрой, в состав которой входила флотилия миноносцев и тральщиков под брейд-вымпелом кап. 1 р. Хенейга, поручались тральные работы и постановка сетей в проливе. Высадку и демонстрацию на азиатском берегу должна была производить 6-ая эскадра—Гепратта, а наблюдение за Смирной, с целью недопущения попыток торпедных атак с этого направления, возлагалось на яхту *Triad* с четырьмя миноносцами.

Несмотря на сложность плана и множество мелких деталей, вся подготовительная организация закончилась

к 19 апреля. Хотя к этому времени погода продолжала оставаться неблагоприятной, почти все головные части десанта, предназначенные для различных участков, прошли необходимое обучение и не менее раза проделали примерную высадку. Остальная подготовительная работа также была выполнена в той мере, насколько позволяли далеко недостаточные материальные средства. Вся работа в целом, проделанная за столь краткий срок, представляла громаднейшие трудности и была исключительно тяжелой и сложной. Штаб Веймисса, усиленный за последнее время, все же был слишком мал для разрешения стоявшей перед ним задачи. Даже в случае высадки одних только английских войск такой многочисленный штаб был недостаточен. Но когда вопрос усложнялся присутствием войск различных национальностей и необходимостью руководить гражданским управлением нейтрального острова, каковым являлся Лемнос, работа становилась буквально непосильной. Все подонки пестрого населения Леванта собрались на Лемносе и требовали самого бдительного наблюдения. При таких обстоятельствах поддержание порядка и санитарного благополучия острова было делом очень трудным, в особенности при необходимости соблюдать чрезвычайную осторожность в действиях, дабы не оскорблять национального достоинства греков. Исполняя обязанность не только старшего морского начальника, но и военного губернатора, Веймисс постоянно должен был разрешать щекотливые вопросы о расквартировании английских и французских офицеров. Но всегдашняя готовность французов как на суше, так и на море, пойти навстречу нашим предложениям и самоотверженная работа штаба помогали адмиралу с честью выходить из положения. Впоследствии он писал, что только дружеское единение армии и флота не на словах, а на деле, и готовность всех до последнего способствовать успеху общего дела дали возможность побороть бесчисленные препятствия и затруднения. Однако, никакие усилия и добрые намерения не могли повлиять на одно препятствие—погоду. Она все еще оставалась неустойчивой и вызывала сомнение в возможности начать высадку 23-го апреля. Успех операции требовал не менее четырех дней тихой погоды, т. к. для того, чтобы подвести в нужные места лихтеры и другие немореходные плавучие средства, надо было начинать подходить к местам высадки за два дня до ее начала. Отправка плавучих средств была назначена на 20 апреля, но не могла состояться. Днем 19-го апреля, через несколько часов после принятого решения, барометр начал угрожающе падать и Де-Робек поднял сигнал, что отправка отлагается на двадцать четыре часа. Таким образом, все старания поспешить с началом операции свелись к нулю и противник получил в свое рас-

поряжение лишних двое суток для окончания оборонительных работ. Они велись уже целый месяц и достигли достаточно грозных размеров.

„Если бы неприятель“, писал один из германских штабных офицеров, „высадился бы немного ранее, один господь бог знает, чем бы закончилось дело. Но ко времени высадки все передовые части успели занять прекрасно оборудованные окопы в наиболее важных в тактическом отношении пунктах побережья. Позади них стояли резервы, готовые отразить наступление до прибытия главных сил“. [1]).

ГЛАВА XVII.

Дарданеллы. Высадка экспедиционного корпуса 25 апреля.

Карта 2 и 3.

Только около полдня 23 апреля—т. е. через пять недель после последней атаки флотом узкости—ветер начал стихать и появилась надежда на устойчивую погоду, необходимую для успеха совместной операции. Поэтому Де-Робек отдал в соответствии с разработанным планом распоряжение приступить с заходом солнца к отправке плавучих средств. Днем было выслано пять аэропланов для производства налета на Майдос. Больших взрывов не наблюдалось, но несколько строений было разрушено; аппараты возвратились благополучно [2]). Гидросамолеты также ходили в разведку и доставили последние сведения о неприятельских укреплениях и батареях.

Прежде всего требовалось доставить к якорному месту к норду от Тенедоса двенадцать лихтеров для двух южных участков. С заходом солнца они вышли на буксире транспортов, на которых были посажены два головных батальона для участков „W“ и „V“ и один батальон для бухты Морто. За транспортами следовал адмирал Веймисс на *Euryalus*'е с лин. кор. *Implacable* и *Corwvallis*. Туда же вышли *River Clyde* и буксирные пароходы с плавучими пристанями. В продолжение следующего дня группами вышли остальные транспорты. Место рандеву для XXIX дивизии находилось у входа в пролив; для анзакского корпуса—около мыса Кефало, на острове Имброс, а для королевской мор-

---

[1]) "Gallipoli, der Kampf um den Orient". Journal of the Royal United Service Jnstitution. Vol LXII.

[2]) В Майдосе находился штаб IX турецкой дивизии, обороняющей часть полуострова от разнины Килия до мыса Хеллес. Сброшенными бомбами было убито 20 солдат и вызвано несколько пожаров.

ской дивизии—западнее острова Сарос. Подвести к назначенному месту в темноте в тесном водном районе каждый отдельный отряд со всеми многочисленными лихтерами, буксирами и плавучими средствами, не нарушая общего порядка и не мешая тому или иному отряду, представлялось делом не легким. Вряд ли в прошлые времена флоту приходилось решать подобную задачу. Одних только английских транспортов было более 60-ти, тральщиков свыше 30-ти, не говоря уже о буксирных и других вспомогательных судах. Число военных кораблей, включая миноносцы и подводные лодки, достигало 90 вымпелов, общее число всех судов принимавших участие в операции надо считать не менее двухсот.

24 апреля Гамильтон со штабом перешел с транспорта *Arcadion* на л. к. *Queen Elisabeth.* В этот день первой двинулась в путь морская дивизия и суда прикрытия, стоявшие на о. Скирос. Так как этим судам приходилось идти дальше всех, то, чтобы они не мешали группе судов, идущих с Мудроса, им было приказано следовать в обход. С первыми лучами рассвета суда оставили гавань Требуки и пошли к месту рандеву, проложив курс западнее Лемноса, Имброса и Самотраки. Первые эшелоны французской дивизии, предназначенные для Кум-Кале, вышли на Мудрос тремя днями раньше. На Мудросе движение началось в 10 ч. утра; первыми вышли к Текке-Бурну крейсера *Sapphire* и *Amethyst* с двумя транспортами с частями шотландцев и плимутской морской пехоты для участка „Y". Затем вышла группа транспортов с боевыми припасами к рандеву в двадцати милях к зюйду от Мудроса, откуда с наступлением темноты они должны были перейти ко входу в пролив. Около 2-х часов, когда вышедшие ранее суда достаточно отошли, адмирал Терсби повел свой отряд с австралийцами и новозеландцами, головные батальоны которых были посажены на трех кораблях прикрытия, а остальные—на четырех транспортах. Эта эскадра шла к месту рандеву в пяти милях к весту от Габа-Тепе; транспорты с остатками анзакского корпуса должны были собраться на Имбросе у мыса Кефало.

В 3 ч. 30 м. вышли шесть транспортов XXIX дивизии с батальонами второй очереди, высадка которых должна была состояться только тогда, когда головные батальоны будут уже на берегу. Остальные транспорты этой дивизии предполагалось отправить лишь на следующий день. Французская эскадра, чтобы не забивать гавани, стала на рейде. На ней ни разу не производили десантных учений и адмирал Гепратт в последнюю минуту решил воспользоваться случаем и сделать примерную высадку. Результаты показали, что за исключением *Аскольда* как судам, так и войскам

остается многому научиться. Для повторения времени, однако, не оставалось и в 9 ч. вечера французы вышли к Тенедосу, куда уже направлялись и их остальные суда. С наступлением темноты все английские группы транспортов или пришли в места рандеву или находились поблизости от них. Однако, все еще нельзя было быть уверенным в возможности осуществить операцию.

Барометр снова начал падать, днем развело значительное волнение, затруднявшее буксировку лихтеров, луна взошла в облаках, не суливших хорошей погоды. Но затем ветер неожиданно стал стихать и после полуночи наступил полнейший штиль. Опасения рассеялись. Транспорты с судами прикрытия и миноносцами подходили к назначенным местам. В полной тишине, не показывая ни одного огня, Веймисс начал пересадку трех головных батальонов с транспортов на *Euryalus*, *Implacable* и *Cornwallis*. Такой маневр проделывался ранее неоднократно и прошел совершенно гладко. Все три корабля без опоздания двинулись к назначенным местам высадки.

В 4 ч. 30 м. у. (25 апреля) кап. 1 р. Грант (*Canopus*) с морской дивизией находился у острова Сарос в готовности начать демонстрацию. Эскадра стала на якорь вне досягаемости огня с берега и Грант послал *Dartmouth*'а и *Doris*'а бомбардировать Булаирские укрепления. Тральщики под прикрытием их огня пошли тралить бухту Бакла, чтобы произвести впечатление, что высадка предполагается к северу от линии укреплений.

Турки молчали и *Canopus*, присоединившийся к бомбардировке, не заметил никаких следов неприятеля. Миноносец *Kennet* с несколькими сухопутными офицерами прошел вплотную к берегу и произвел рекогносцировку всей бухты, но и он не обнаружил неприятельских войск. Один только раз миноносец привлек внимание какого-то полевого орудия. Гидросамолет, поднимавшийся с *Doris*'а, донес, что неприятель оставил линии укреплений. В то время, казалось, что демонстрация не повлияла вовсе, или очень мало, на отвлечение неприятельских сил от места фактической высадки: однако, впоследствии выяснилось, что ею было достигнуто все то, чего желал Де-Робек. Эффект ее действия сразу же сказался на диспозиции Лиман-фон-Сандерса. Читатель помнит, что четыре дивизии 3-го корпуса Эссад-паши, которым была вверена оборона укреплений полуострова, были разделены на две группы: одна находилась севернее Булаирского района, другая—у Килии. Корпусный штаб стоял у Галлиполи. В этом районе были расположены VII и V пехотные дивизии; последняя целиком находилась в Галлиполи за исключением одного полка, выделенного для защиты побе-

режья от бухты Ейльмер до вершины залива. VII дивизия держалась в резерве в деревне Эни-Киой, в трех милях от северного берега и двенадцати милях западнее Булаирских укреплений. Южная группа позади Килийской равнины—состояла из частей IX пехотной дивизии, штаб которой стоял в Майдосе. Тут же ранее были расквартированы те два батальона этой дивизии, которые ушли после нашего воздушного налета 23 апреля. Четыре бааталиона занимали побережье от Сувлы до бухты Морто. Остальные войска дивизии были в резерве в районе Килид-Бахра. Между северной и южной группами находилась вновь сформированная XIX дивизия, не вполне еще укомплектованная артиллерией. Она составляла резерв и стояла в Богхали, в четырех милях севернее Майдоса. Один батальон был выдвинут для замыкания береговой оборонительной линии между бухтой Ейльмер и Сувлой. Эта диспозиция указывает, что генерал Сандерс считал район Булаира наиболее вероятным и самым опасным для себя местом высадки. Во всяком случае нам известно, что как только транспорты с морской дивизией появились у берега, Сандерс отправил VII дивизию из Галлиполи по направлению Булаира и приказал Эссаду-паше спешить в Майдос и вступить в командование южной группой. Сам же немецкий главнокомандующий принял непосредственное командование северной группой и в течение двадцати четырех часов оставался на одной из высот поблизости от центральных укреплений Булаира [1]).

В результате этих распоряжений, в районе Габа-Тепе—в тридцати милях к югу от Булаира—в момент высадки анзакских войск оказался лишь один батальон IX дивизии, той самой, на которую возлагалась оборона всего района фактического места высадки [2]). У Габа-Тепе дела шли успешно. На этом участке войска высаживались первыми, при чем только здесь высадка начиналась до рассвета.

Разработка деталей операции была поручена адмиралу Терсби и генералу Бердвуду и они предусмотрели все, чтобы избежать заминок, могущих произойти в темноте. *Triumph* был послан, чтобы стать, соблюдая тишину, на якорь в точном месте рандеву, в пяти милях западнее Габа-Тепе, с приказанием показать слабый огонь в случае, если от него это потребуют. В полночь подошел Терсби с головными частями 3-ей австралийской бригады в числе 1.500 человек, посаженными на три корабля прикрытия—*Queen*, *London* и *Prince of Wales*. Остальные части бригады, в числе 2.000 человек, два часа тому назад были размещены на Имбросе на шести миноносцах и присоединились к адмиралу в 1 ч.

---

[1]) Liman von Sanders „Fünf Jahre Türkei", стр. 83.
[2]) Prigge, стр. 43—4.

30 м. ночи. Транспорты с главными силами стояли на якоре мористее, ожидая конца высадки авангарда. Когда миноносцы с войсками начали подходить к флагману, войска с линейных кораблей в полной тишине были посажены на шлюпки. Соблюдение тишины являлось первейшей необходимостью. Чудная ночь и спокойное море содействовали успеху посадки, но надежды захватить врага врасплох не было. Луна ярко светила позади эскадры и турецкие часовые не могли не заметить силуэты судов. В 3 ч. ночи луна зашла и адмирал приказал начинать. Суда прикрытия 5-ти узловым ходом тихо двинулись к берегу, имея у каждого из них на траверзе шестнадцать шлюпок на буксире 4-х паровых катеров, по четыре шлюпки у каждого. Позади шли миноносцы со вторыми эшелонами.

Место высадки было намечено севернее Габа-Тепе. Бердвуд считал, что этот пункт, как наиболее скалистый и неприступный, меньше других привлечет внимание турок. При близком рассмотрении он оказался, однако, менее грозным. Вплотную к мысу виднелась полоска отлогого берега и тропинки ведущие к первому препятствию—горному кряжу Сари-Баир. Хотя эта полоска могла легко обстреливаться непосредственно с Габа-Тепе, все же было решено рискнуть и высаживаться именно здесь. Правый фланг десанта, у которого находился флагманский корабль (*Queen*), должен был высаживаться в 4 каб. севернее мыса; центр (*Prince of Wales*) на 4 каб. севернее правого фланга, а левый фланг (*London*) в таком же расстоянии от центра.

Каждая группа имела специальный корабль поддержки, который, оставив свои шлюпки с кораблями прикрытия, шел в указанное ему место по диспозиции. *Triumph* стал в 12 каб. к весту от Габа-Тепе; *Bacchante* в 10 каб. против центра, а *Majestic* севернее их, в одной миле от Рыбачьего поселка. Этот корабль должен был не допускать подхода турецких подкреплений.

Со своей позиции *Majestic* мог обстреливать перекресток дороги Биук-Анафарта с шоссе из Рыбачьего поселка в Сувлу, а также высоты, непосредственно примыкавшие к месту высадки левого фланга. Вскоре после 3 ч. 30 м. ночи, когда корабли прикрытия подошли на 2 — 3 мили к берегу, они застопорили машины и паровые катера со шлюпками на буксире двинулись вперед. Наступил критический момент операции и здесь то сказалась разумность требований морского командования не производить высадки ночью. В темноте шлюпки начали путаться, одни буксиры пересекали курс другим, рулевые паровых катеров теряли направление.

Никаких приметных знаков на берегу, конечно, нельзя было устроить; приходилось править на глаз и катера с бук-

сирами течением относило к норду. Делая все возможное, шлюпки с десантом продолжали свой путь. Всякие разговоры были запрещены и мертвая тишина нарушалась лишь равномерным шумом винтов катеров.

В виду того, что берег не обнаруживал никаких признаков жизни, с каждой минутой возрастала надежда, что неприятеля удастся захватить врасплох. В 4 ч. утра в первых лучах рассвета показались очертания прибрежных высот; до берега оставалось не более полу-кабельтова. В 4 ч. 10 м. последовало приказание отдать буксиры и шлюпки пошли под веслами.

Вдруг картина резко изменилась. В тусклом свете начинающегося утра турецкие часовые заметили приближающуюся опасность. Звук выстрела прорезал тишину и, прежде чем передние шлюпки коснулись берега, десант оказался под сильнейшим ружейным и пулеметным огнем. Но шлюпки не остановились. Одна за другой приткнулись они на мелководьи, при чем солдаты прыгали в воду, доходившую местами до пояса. Спотыкаясь и падая на гладких, скользких камнях, покрывавших дно, люди бежали к берегу. Увы, они встретили здесь совсем не то, что ожидали. Шлюпки оказались не в назначенном пункте, а на полторы мили севернее, у узкой печаной полосы в 500 сажен длиною между Ари-Бурну и Рыбачьим поселком, т. е. в самом неудобном месте побережья. Вместо отлогого берега и горных тропинок, десант встретил обрывистый берег и песчаные возвышенности в несколько сот футов высотою. К довершению затруднений, подходя в темноте, катера с буксирами перепутали свои места, благодаря чему батальоны были разрознены. Однако, австралийцы не дрогнули. Бросившись на землю, чтобы примкнуть штыки и скинуть ранцы, люди, по первой же команде, вскочили на ноги и с криками „ура“ кинулись вперед. Не взирая на сильный огонь, они смело взбирались по склонам и через несколько минут были на вершине горы. Неприятель бежал.

Для молодой, недавно сформированный части, до последней минуты уверенной, что она не встретит затруднений,—достигнутый результат не оставлял желать большего, в особенности, принимая во внимание происшедшую путаницу с батальонами и ротами.

За высадкой наблюдали с *Queen Elisabeth* Де-Робек и Гамильтон. Ночью флагманский корабль покинул якорную стоянку у о.Имброс и подошел к месту высадки анзакцев. Впечатление от высадки сложилось настолько благоприятное, что Де-Робек решил не задерживаться здесь и пошел к мысу Хеллес. На самом деле это впечатление было несколько преждевременным, но помощь спешила. Когда

адмирал Терсби услышал первые выстрелы и стало достаточно светло, чтобы убедиться, что шлюпки с авангардом достигли берега, он немедленно приказал миноносцам итти вперед и высаживать вторые эшелоны. Хотя при приближении к берегу миноносцы попали под оживленный шрапнельный, пулеметный и ружейный огонь, но уже в 4 ч. 30 м. они высадили свои войска и пошли к транспортам, чтобы взять главные силы десанта. Транспорты в это время приближались к берегу. По всему было видно, что неприятель держится наготове и собирается оказать серьезное сопротивление, не выжидая дальнейших событий. Как только транспорты вошли в район действия полевых турецких батарей—их встретил столь сильный огонь, что адмирал приказал транспортам остановиться и укрыться за линейными кораблями. Однако, один из транспортов—п/х *Galeka* с 7-ым австралийским батальоном—успел пройти слишком далеко и, не разобрав сигнала, уже высадил людей на своих шлюпках на берег. Произошло ли это по ошибке или по собственной инициативе—неизвестно, но во всяком случае это принесло большую пользу. 7-ой батальон высадился на левом фланге и после кратковременной борьбы захватил окоп, откуда противник обстреливал амфиладным огнем все побережие за Рыбачьим поселком. С захватом этого поселка прекратился наиболее сильный огонь, поддерживаемый турками по ранее высадившимся войскам. Остальные транспорты подошли как было указано и, несмотря на неизбежную задержку, к 7 часам вечера на берегу уже находилось 4.000 человек, а с прежде высадившимися 8.000 человек. О какой либо диспозиции пока что не могло быть и речи и части, попадая на берег, спешно направлялись в наиболее угрожаемые пункты. Ошибка, которая произошла при подходе первых шлюпок не только не принесла вреда, но скорее оказала пользу. Вынужденные высадиться севернее, чем предполагалось, войска, хотя и оказались на чрезвычайно неудобной полосе берега, но зато миновали грозные окопы, защищавшие намеченный пункт высадки. Однако, огонь из этих окопов наносил большие потери. Особенно убийственный шрапнельный огонь поддерживался со стороны Габа-Тепе и адмирал послал крейсер *Bacchante* с приказанием приблизиться к берегу и постараться сделать возможное. Командир крейсера, кап. 1 р. Бойль, на приказание флагмана ответил в духе традиций старого флота, понимая указание адмирала как требование сблизиться с противником вплотную. Назойливая батарея была, повидимому, установлена во впадине позади утеса и Бойль решил приблизиться к берегу настолько, чтобы ее открыть. Давая машинам самый малый ход, он двигался вперед пока форштевень крейсера не коснулся дна.

Открыв огонь всем бортом, он быстро заставил замолчать батарею.

При поддержке *Bacchante* и остальных судов, головные части десанта в 8 ч. 30 м. успели продвинуться на милю внутрь полуострова и окопаться в ожидании высадки главных сил. Необходимость скорейшей поддержки ощущалась весьма остро. По первой тревоге двум турецким батальонам, выгнанным из Майдоса нашим воздушным налетом, было приказано выступить к угрожаемому пункту. Благодаря близкому расстоянию от места их новой стоянки они уже успели перевалить центральную возвышенность и спускались для контр-атаки. На море также произошла заминка. В тот момент, когда главные силы начали садиться на шлюпки, между транспортами стали ложится не только тяжелые гаубичные снаряды, но и снаряды с *Тургут-Рейса* [1]), обнаруженного воздушной разведкой стоящим в проливе у Майдоса. Транспорты получили несколько попаданий и им пришлось снова отойти. Линейные корабли тоже перешли и стали несколько севернее и ближе к местам высадки. Затем транспорты снова приблизились, т. к. *Triumph*, стреляя через полуостров, принудил турецкий корабль сняться с якоря и подняться выше по течению. Остальные суда прикрытия заставили замолчать гаубичные батареи и к 9 ч. 30 м. высадка шла полным ходом. Она подвигалась настолько успешно, что все три бригады австралийской дивизии (12.000 человек) и две батареи индийской горной артиллерии были на берегу уже около 2-х часов дня. Все это время турки подвозили подкрепления и положение головных частей, старавшихся удержать блестяще захваченные позиции, становилось с каждым часом тяжелее и тяжелее. Не смотря на огонь судов противник засыпал австралийцев шрапнелью. Команды миноносцев, прислуга катеров и гребцы шлюпок, оставаясь на своих опасных местах, были беспомощными свидетелями боевых подвигов десантных войск, упорствующих в борьбе. Но никто, кроме этих войск, не знал чего стоит работа моряков. „Я не нахожу слов, достойных обрисовать поведение моряков от адмирала до последнего матроса", писал генерал Бердвуд. „Наш корпус был готов сделать все для моряков. . . Австралийцы и новозеландцы всей душой были преданы этим кораблям и их командам и всегда будут вспоминать британский флот с восхищением и любовью".

Пока происходили описываемые события высадка на участке „Y"—в десяти милях южнее—шла своим чередом. В 2 ч. 30 м. ночи вместе рандеву, в четырех милях запад-

---

[1]) *Тургут-Рейс*—бывший немецкий л. к. *Weissenberg*, проданный Турции задолго до войны. 9.000 тонн, VI —11" орудий.

нее участка „Y“, две роты шотландцев, составлявших авангард головных частей, были пересажены на четыре тральщика, находившиеся при эскадре. Остальные роты шотландцев и одна рота валлийцев остались на крейсерах *Sapphire* и *Amethyst*, а Плимутский батальон морской пехоты на транспортах. В 4 ч., когда еще было совершенно темно, тральщики в строе фронта пошли вперед. Каждый тральщик вел на буксире шесть шлюпок; на флангах держались *Sapphire* и *Amethyst*. В 10 каб. от берега оба крейсера заняли места по диспозиции для поддержки огнем своей артиллерии флангов высаживающихся частей. Л. к. *Goliath* стал в 20—25 каб. от берега. Ожидалось, что высадку удастся произвести неожиданно; рассвет уже почти наступил, на берегу не наблюдалось никаких признаков жизни и кругом царила абсолютная тишина. Неожиданно, в 5 ч. у. загремела сильная канонада с кораблей, стоявших у оконечности полуострова, давая знать, что началась главная высадка. Тральщики уже коснулись грунта и войска сидели в шлюпках. Раздалась команда „весла“ и шлюпки бросились к берегу, где по прежнему все было тихо. Шотландцы высадились в полном порядке, не встретив никакого сопротивления. Песчаный берег был покрыт скалистыми возвышенностями, фут в 200 высотою. Разведчики по тропинкам быстро вскарабкались наверх и донесли, что неприятеля не видно. Нападение врасплох удалось вполне. Турки ожидали десант в полутора милях южнее и укрепились там, на участке „Y“ никаких укреплений не было. Сейчас же после высадки авангарда транспорты с морской пехотой получили приказание приблизиться. Тральщики тем временем вернулись к крейсерам за остальными головными частями и в 6 ч. 20 м. последние присоединились к занимавшему высоты авангарду, не потеряв ни одного человека и не встретив никакого сопротивления. Тральщики снова вернулись, чтобы перевести морскую пехоту. В 7 ч. 15 м. Плимутский батальон уже находился на берегу. Как только все части пришли в порядок, командир батальона полковник Матьюз, командовавший десантом, сделал судам сигнал прекратить обстрел нижнего конца лощины Гулли (Gully), т. к. решил продвинуться по берегу вдоль подошвы холмов, чтобы соединиться с десантом, назначенным к высадке на участке „X“. Для облегчения задачи, часть войск была направлена на другую сторону лощины для занятия холма, расположенного несколько в стороне и господствовавшего над дорогой из Критии в Седд-ул-Бахр. Высланные отсюда разведчики пришли до самой Критии, не встретив ни турецких, ни наших войск.

Высадка на участке „X“ была столь же успешна. Операция на этом участке составляла часть главной высадки

и десант был здесь многочисленнее. В состав его входили два баталиона королевских стрелков, батальон пограничного полка и рабочая команда Ансонского батальона морской дивизии в числе 50 человек. Головная часть десанта (батальон стрелков) подошел на *Implacabl*'е, остальные войска шли на транспортах и должны были быть перевезены на тральщиках, состоящих при эскадре. В 4 ч. утра *Implacable* медленно направился к берегу, имея на буксире шлюпки с двумя головными ротами, две другие роты находились на тральщиках. На этом участке не приходилось думать о том, чтобы подойти незамеченными. Успех высадки, в первую очередь, зависил от действительности артиллерийского огня *Implacable*'я и командир его был готов пойти на любой разумный риск, могущий обеспечить достаточно сильный удар. Очень скоро стало очевидным, что от *Implacable*'я потребуется максимум усилий. С скалистых берегов начался сильнейший обстрел. Подойдя на пятисаженную глубину, *Implacable* отдал якорь и, вытравив только одну смычку каната, с 2$^1/_2$ каб. открыл огонь всем бортом через головы идущих на буксире шлюпок с десантом. 12″ орудия и шестидюймовки стреляли по прибрежным скалам и берегу, а 12-фунтовые по возвышенности, находившейся слева, откуда ружейные пули долетали на палубу. Крейсер *Dublin*, тоже обстреливавшийся ружейным огнем противника, присоединился к *Implacable*'ю. Стрельба судов продолжалось до последней возможности, т. е. пока шлюпки не сели на грунт. Без поддержки с моря, десант понес бы большие потери, т. к. место высадки представляло собою узкую полосу, длиною не более 100 сажен, окруженную отвесными скалами, но огонь *Implacable*'я оказался столь действительным, что весь батальон высадился без потерь. Турки отступили и лишь отдаленные ружейные выстрелы давали знать об их присутствии.

Когда операция закончилась, на *Implacable*'е дали орудиям большой угол возвышения и открыли заградительный огонь, продолжавшийся до тех пор, пока с *Euryalus*'а (флаг адм. Веймисса) не пришло сообщение, что перелеты ложатся очень близко от войск, высаживающихся на южном побережьи. После этого, в согласии с полученными ранее инструкциями, командир *Implacable*'я отошел на позицию в 15 каб. от берега, где стал на якорь, в то время как тральщики принимали с транспортов главные силы. Ни на одном из участков высадка не прошла столь блестяще. Проходивший от Габа-Тепе к южному побережью адмирал Де-Робек, узнав о результатах действий *Implacable*'я, передал сигналом командиру „свое удовольствие“, сообщая при этом, что считает высадку образцовой. Достигнутые успехи, по мнению адмирала, в значительной степени были обязаны не только

стрельбе *Implacable*'я, но и тщательному обучению десанта на Мудросе.

Поддержка *Implacable*'я получила должную оценку войск. Солдаты переименовали участок „X“ в „участок *Implacable*'я“ и название это так за ним и осталось. Впоследствии, из турецких источников, стало известным, что нигде обстрел берега не был столь действительным, как на этом участке.

Операции на южном берегу, вынудившие *Implacable* прекратить стрельбу, носили иной характер. Турки ожидали главную атаку именно здесь и тщательно подготовились к отражению высадки, при чем конфигурация берега вполне этому благоприятствовала. На южной оконечности полуострова возвышались три холма: высота 114 фут., высота 138 фут. и высота 141 фут., расположенные за тремя выступами побережья: мысами Текке-Бурну, Хеллес и Седд-ул-Бахр. Горы между Текке-Бурну и мысом Хеллес прорезала долина, переходившая около береговой черты в пляж, покрытй мелким песком. Пляж этот, известный под названием участка „W“, начинался у подножья мыса Текке-Бурну и тянулся до отвесных скал мыса Хеллес. Длина его была 175 сажен, ширина около 25 сажен. Таким образом, над участком командовали с флангов неприступные возвышенности, а берег между ними поднимался отлого кверху и представлял большие удобства для устройства анфиладных окопов. Гамильтон совершенно справедливо считал этот участок западней. И, действительно, все созданные здесь природой оборонительные возможности были использованы немцами целиком с присущим им знанием дела. По всему пляжу тянулся ряд проволочных заграждений, заходивших также и в воду. Кроме того на берегу были заложены фугасы, а при подходах к берегу были поставлены мины. Возвышенная часть берега в глубине была изрыта окопами, на флангах заграждений стояли пулеметы, укрытые в скалах. Над прибрежными скалами командовали возвышенности, не менее сильно укрепленные. Особенно неприступен был берег, расположенный восточнее мыса Хеллеса, получивший название участка „V“. Здесь береговая полоса была еще уже, чем на участке „W“. Побережье образовывало амфитеатр, ограниченный с востока скалами, на которых лепилась деревня Седд-ул-Бахр, а с запада—склонами высоты „138 фут.“, близ которого стояли полуразрушенные укрепления форта № 1. С холма высотой около 100 фут. спускались террасами поросшие травой скалы, образовывая как бы естественный гласис. У самой воды тянулись песчаные дюны высотою в 4 фута. Эта естественная преграда являлась единственным местом, где высадившиеся войска могли укрыться от пулеметного и ружейного огня противника. Но чтобы

добраться до него, приходилось преодолеть массу проволочных заграждений и фугасов.

Взять штурмом подобную позицию было, конечно, немыслимо без предварительной подготовки судовым огнем. Это обстоятельство, помимо чисто морских трудностей ночной операции, и заставило Гамильтона отказаться от намерения высаживать десант ночью. Произведенные некоторое время тому назад опыты стрельбы судовой артиллерии по проволочным заграждениям дали неутешительные результаты, а состояние погоды в день высадки не предвещало увеличения шансов на успешность стрельбы. С рассветом полуостров окутало утренней дымкой, которая покрыла пеленой все береговые предметы. Днем же, в момент сигнала об открытии огня, горы заслонили солнце и берег оказался в тени. Тем не менее около 5 ч. утра орудия гремели со всех судов.

В одной миле мористее участка „W“ стоял лин. корабль *Swiftsure* под флагом адм. Никольсона, эскадра которого прикрывала высадку, а в таком же расстоянии от участка „V“ стоял л. к. *Albion*. Почти целый час они обстреливали возвышенности побережья и лощину, над которой господствовали высоты Текке-Бурну и Хеллеса, но безуспешно; стрельба велась в темную. В 5 ч. 40 м., когда должна была начаться высадка, береговая полоса совершенно окуталась дымом и мглою и *Albion*'у пришлось прекратить стрельбу. Однако, буксиры с шлюпками еще не показывались и *Albion* снова открыл огонь. Десант запоздал.

В 4 ч. *Euryalus* посадил на шлюпки находившиеся на нем три роты ланкаширского батальона и один взвод из батальона Ансона. Четвертая рота этого батальона должна была прибыть на *Implacable*. Время посадки вполне совпадало с росписанием, но неожиданно сильное течение и слабость машин некоторых паровых катеров сильно замедлили движение десанта. Только в 5 ч. 50 м. *Euryalus*, конвоируя шлюпки, миновал *Swiftsure*'а, который в этот момент усилил огонь, продолжая стрельбу, пока десант не подошел вплотную к берегу.

Euryalus застопорил машины в 7 каб. от берега и, став севернее *Swiftsure*'а, присоединился к бомбардировке. Судовой огонь удерживал турок в окопах и укрытиях и они молчали, пока десанты подходили. Но как только буксиры были отданы и суда прекратили бомбардировку, противник открыл убийственный огонь из пулеметов, бомбометов и винтовок. Прежде чем шлюпки коснулись грунта, они оказались переполненными убитыми и ранеными; преграждающие путь проволочные заграждения стояли почти не тронутыми. Тем не менее десант не остановился. Под ногами выскочивших вперед людей начали взрываться фугасы, ру-

жейный огонь все усиливался, многие падали на проволочных заграждениях. За ними бежали следующие, но также падали, и казалось, что дело проиграно. Но это было не так. У западного конца берега, у подножия Текке-Бурну, были расположены скалы, к которым и направились шлюпки с левофланговой ротой (4-ой). Благодаря умелому и ловкому управлению, шлюпкам не только удалось пристать благополучно, но и избежать перекрестного ружейного огня. Понеся незначительные потери, рота выскочила на берег и захватила врасплох один из окопов, откуда противник продольным огнем обстреливал всю береговую полосу участка. В то же самое время приблизились корабли и картина изменилась. Помощь кораблей и фланговый огонь четвертой роты дали возможность трем первым ротам—вернее их остаткам—прорваться через проволоку и фугасы и собраться для штурма высот.

„С переднего мостика *Euryalus*'а“, писал адмирал Веймисс, „было видно, что невозможное все-таки свершилось; через несколько бесконечно долгих минут не оставалось сомнений, что берег наш. Вряд-ли кому-либо выпадала судьба быть свидетелем бо́льшего проявления героизма“. В эти славные минуты матросы, сидевшие на веслах, совершенно беззащитные, несли громадные потери, но стойко исполняли свои тяжелые обязанности, не помышляя об отступлении. Хотя на некоторых шлюпках оставалось не больше двух гребцов, все шлюпки переполненные ранеными и убитыми медленно, но верно шли за второй партией десанта. Тем временем остатки доблестных ланкаширцев, под прикрытием огня кораблей, продолжавших бомбардировку, начали продвигаться по склонам возвышенностей. К 9 ч. 30 м. были высажены еще войска, чтобы поскорей использовать удачу на участке *Implacable*; поэтому можно было ожидать скорого соединения обеих групп, высаженных по обе стороны Текке-Бурну. Однако, никаких признаков поддержки войск с участка „V“ не наблюдалось.

Высадка на участке „V“ являлась не менее рискованным предприятием, но успешность ее оказалась за пределами человеческих сил. Опасность предстоящей операции вполне учитывалась, поэтому численность войск была больше и методы иные. Так же, как и на участке „W“, первый эшелон войск—три роты Дублинских стрелков и взвод из состава одного из матросских батальонов морской дивизии—высаживался с шлюпок, которые шли на буксире шести паровых катеров. Но остальные войска должны были итти на угольщике *River Clyde* и высаживаться непосредственно под самым Седд-ул-Бахром. Десант на *River Clyde* состоял из частей Мюнстерского и Хемпширского стрелковых полков,

роты дублинцев, роты сапер и взвода матросов, всего около 2.500 человек. План действий, разработанный кап. 2 р. Унвином, руководившим оборудованием угольщика, давал надежду на благоприятные результаты задуманного способа высадки.

Начало всей операции было назначено в 6 ч. у., когда *River Clyde* должен был отделиться от *Albion*'а и итти прямо к берегу. Но и на этот раз шлюпки опять запоздали. Вступивший в командование *River-Clide* кап. 2 р. Унвин запросил сигналом, может-ли он итти, но получил приказание трогаться лишь тогда, когда шлюпки отвалят, а выбрасываться на берег лишь после того, как высадятся войска со шлюпок.

Шлюпки подошли только через полчаса. Командующий десантом *River Clyde*'а хотел итти вперед, но Унвин задерживался, поджидая пока шлюпки не подойдут к берегу. В 6 ч. 44 м. они настолько приблизились, что *Albion* перенес огонь на возвышенности. В этот момент десант отвалил, при чем правофланговые шлюпки с полуротой Дублинских стрелков направились к изгибу берега у Седд-ул-Бахра, средние—к промежутку берега между *River Clyde*'ом и Седд-ул-Бахром, а левофланговые—западнее последних. Противник не подавал признаков жизни и шлюпки медленно подвигались вперед. Но тишина продолжалась не более пяти минут. Как только катера отдали буксиры и гребцы взялись за весла, противник открыл еще более убийственный огонь, чем на участке „W“, т. к. конфигурация берега не позволяла действовать противнику во фланг. Через несколько минут почти все люди в шлюпках были перебиты и пзранены. Некоторые шлюпки беспомощно дрейфовали по течению, поставленные лагом, оставшиеся в живых люди прятались за борт, стараясь укрыться от пуль. Почти во всех шлюпках не было ни одного нераненого, в одной—остались в живых только два человека, одна же шлюпка вовсе исчезла с поверхности воды. Десант был фактически уничтожен целиком и только одиночным солдатам удалось доплыть до берега, проползти под проволочными заграждениями и залечь под дюнами.

Спасти положение мог лишь успех высадки с *River Clyde*'а. Пароход приближался в урагане снарядов азиатских батарей турок, буксируя шаланду и лихтеры. Огонь не смутил лихого командира. Смело и уверенно вел он свое судно и совершенно точно встал в назначенное место. К несчастию, глубины, показанные на карте, не соответствовали действительности и шаланда сразу же села на мель, не будучи в состоянии пройти вперед. Передний лихтер, который надо было подтянуть к берегу, чтобы образовать плавучую пристань между ним и шалан-

дой понесло ветром влево. В предполагаемой плавучей пристани образовалась „прореха“; люди на шаланде и лихтере были быстро перебиты и поправить дело казалось невозможным.

Прекрасно разработанный план не удался. Но ни моряки, ни их сухопутные товарищи не собирались бросать борьбы. Командир *River Clyde*'а и за ним несколько человек быстро опустились по трапу и, стоя по пояс в воде посреди падающих снарядов, начали распоряжаться, стараясь направить лихтеры на места и наладить пристань. Через пять минут „благодаря исключительно доблестной работе моряков“, как говорится в историческом журнале штаба бригады, „лихтеры удалось поставить в более или менее сносное положение“. Один из лихтеров остановился справа под носом у парохода и капитан Гендерсон храбро повел свою роту Мюнстерских стрелков. Под жарким огнем солдаты по трапам спускались на лихтеры, перепрыгивали с одного на другой и бежали на шаланду, соскакивая затем в воду. Немногим удалось добраться до шаланды, а еще меньшему числу до берега. Из высадившихся набралось не более взвода.

За ротой Гендерсона сейчас же пошла еще одна рота. Ей удалось добраться до шаланды, но налетевшим шквалом ее отнесло на глубокую воду. Не смущаясь этим, ротный командир капитан Геддс кинулся в воду и доплыл до берега, но те из солдат, которые последовали его примеру, утонули под тяжестью аммуниции. Оставшимся на *River Clyde*'е не было другого выхода, как ждать.

Положение казалось безвыходным, но кап. 2 р. Унвин не считал себя побежденным и целый час продолжал свою отчаянную работу. Ни он, ни его люди, конечно, не просуществовали бы и пяти минут, не будь на полу-баке парохода пулеметов, поставленных туда по его мысли. Пулеметы поддерживали такой меткий огонь, что турки не рисковали высовываться из окопов. Без них все люди, работавшие в воде и перескочившие на лихтеры, были бы перебиты до последнего.

К 8 часам плавучий мост был снова наведен. Пулеметы с полубака не умолкали и майор Жаррет повел еще одну роту. Увы—участь ее не отличалась от участи первых двух. Большинство солдат было убито или ранено. Добравшийся до берега командир роты, видя, что лихтеры и трапы полны трупами, и понимая бесцельность дальнейших попыток передал на *River Clyde*, чтобы остатки десанта оставались на пароходе. Немногие попавшие на берег укрылись под выступами скал или окопались в дюнах.

Продолжать высадку при создавшихся условиях было бы безумием. Приходилось выжидать, пока корабли тем или иным способом не подавят огня противника.

Вблизи находился только один *Albion*, но он мало что мог сделать. Полтора часа тому назад было получено радио со стоявшего в проливе *Lord Nelson*'а, что наши части вошли в деревню Седд-ул-Бахр и он был вынужден перенести огонь на возвышенность „138 фут.“, на которую наступали Ланкаширские стрелки, высадившиеся на участке „W“.

Одной полуроте Дублинских стрелков все-таки удалось высадиться с восточной стороны Седд-ул-Бахра—у Камбер. Полурота удачно попала в мертвое пространство, куда не долетали пули, и не встретила никакого сопротивления. Но как только она стала подыматься по крутому берегу к деревне, по ней был открыт жаркий пулеметный и ружейный огонь. Все же стрелки продолжали настойчивое наступление и продвинулись настолько, что был момент, когда с моря казалось, что они заняли деревню. Однако, в конце концов им пришлось отступить и сесть на шлюпки. Полурота вернулась с громадными потерями.

На помощь *River Clyde*'у был вызван *Cornwallis*, но он смог подойти не скоро. Ему была поручена высадка в бухте Морто, где вследствие неблагоприятных навигационных условий численность десанта была сокращена, но тем не менее высадка имела серьезное значение, т. к. обеспечивала правый фланг войск, высаживающихся на главных участках. Сюда были назначены три роты 2-го Южно-Валлийского батальона, одного из лучших в дивизии. но, к сожалению, не имевшего практики в десантных учениях. Таким образом, почти все зависило от успешности судового огня. Ночью командир *Cornwallis*'а получил от Веймисса приказание не отходить на позицию, с которой предполагалось бомбардировать берег, как только отвалят шлюпки, а держаться поблизости от них и оказывать высадившимся войсками всяческую поддержку. Командир счел полученное приказание за указание, что порученный ему район вызывает особые опасения ввиду того, что открыт обстрелу азиатских батарей. В качестве прикрывающих кораблей были посланы *Lord Nelson* в бухту Морто, а *Vengeance* к устью реки Керевец-Дере, в миле севернее. Находившийся при входе в пролив *Prince George* имел инструкции наблюдать за азиатскими батареями, а стоявший выше *Agamemnon*—прикрывать флотилии тральщиков. Кроме этих пяти судов, внутри пролива находилась французская эскадра, поддерживавшая высадку своих войск.

Прикрытие этого района, предусмотренное планом операции, было чрезвычайно сильным и это обстоятельство и послужило причиной того, что командир *Cornwallis*'а, получив ночью радио Веймисса, неправильно понял приказание адмирала. Ошибке способствовали также и затруднения с плавучими средствами. Для операции, порученной *Cornwallis*'у, не хватало миноносцев и паровых катеров; десант

должен был доставляться четырьмя тральщиками, буксирующими шесть шлюпок каждый. Солдаты в полной аммуниции не сумели бы выгрести против сильного течения и тральщики имели приказание не отдавать буксиров, пока они не коснутся грунта. Тем не менее дистанция, которую шлюпкам предстояло пройти под веслами с совершенно неопытными гребцами, оставалась значительной, дать же больше двух матросов на шлюпку было нельзя. Первая рота должна была высадиться за мысом Эски-Хиссар-Лик у восточного края бухты и занять старую брошенную батарею Де-Тотт. Две другие роты намечалось высадить в глубине бухты, но там тянулись ряд окопов и проволочных заграждений. Таким образом, правый фланг десанта прикрывался огнем судовой артиллерии, а левый—висел в воздухе. Командир *Cornwallis*'а уговорился с начальником дессанта, полковником Кассоном, что кроме старшины и двух гребцов на каждую шлюпку он пошлет взвод судовой морской пехоты на корабельных шлюпках для прикрытия левого фланга и кроме того даст двадцать пять матросов, чтобы помогать десантным шлюпкам приставать и ускорить выгрузку патронов.

Ночью в месте рандеву у входа в пролив войска перешли с *Cornwallis*'а на тральщики и с рассветом— на шлюпки. Тральщики, буксируя шлюпки, медленно выгребали против сильного течения, и когда им оставалось 2--3 мили до берега, *Cornwallis* открыл огонь по европейскому побережью и прилегающим возвышенностям.

Как только рассвело, азиатские батареи обнаружили шлюпки с десантом и открыли по ним шрапнельный огонь, не причинив, однако, потерь.

К этому времени, шедший впереди под прикрытием *Agamemnon*'а отряд кап. 1 р. Хенейга закончил траление бухты. Веймисс приказал начальнику отряда послать миноносцы *Basilisk* и *Grasshopper* на поддержку высадки. Суда прикрытия—*Lord Nelson* и *Vengeance*—в 5 часов дня заняли свои позиции и начали обстрел берега, обращая особое внимание на возвышенность позади батареи Де-Тотт.

Вследствие большого скопления судов, одновременно входивших в пролив, и сильного противного течения тральщики с буксирами только в 7 ч. 30 м. миновали *Lord Nelson*'а. Вслед за этим *Lord Nelson* с обоими миноносцами присоединился к стрельбе *Cornwallis*'а.

Несколькими минутами позже тральщики коснулись грунта, не дойдя 2—3 каб. до берега. Шлюпки приближались в полном порядке, на побережьи не наблюдалось никаких признаков жизни. Было впечатление, будто высадка происходит на необитаемый остров. Но как только солдаты правофланговой роты соскочили в воду, они сразу же попали под сильный ружейный огонь. Быстро добежав до бе-

рега, рота построилась и начала взбираться по крутизне. К 7 ч. 50 м. высадились остальные роты. Примкнув штыки, войска кинулись вперед и стремительной атакой захватили передовые окопы. Ко времени высадки на левом фланге морской пехоты *Cornwallis*'а первая рота находилась уже на полпути до батареи Де-Тотт; командир *Cornwallis*'а, поставив корабль на якорь, лично руководил действиями своих людей, вместе с ним высадился и полковник Кассон. Матросы *Cornwallis*'а бросились помогать выгружать шлюпки, морская пехота присоединилась к войскам, атакующим вторую линию окопов. События шли с такой быстротой, что к 8 ч. 30 м., батарея Де-Тотт и возвышенность, господствовашая над ней, находились в наших руках, при чем атакующие части понесли сравнительно ничтожные потери. Неожиданным и быстрым успехом несомненно были обязаны действию судовой артиллерии, которая не позволила установленным здесь полевым турецким батареям сделать ни одного выстрела. Гаубичная батарея, расположенная севернее бухты Морто, выстрелила не более двух-трех раз. Неприятельская пехота, защищавшая участок высадки, была совершенно деморализована огнем корабельных орудий.

Стрельба азиатских батарей оказалась мало действительной, благодаря сосредоточенному огню *Prince George*'а и французских судов. Хотя французские передовые части начали высадку не ранее 10-ти часов, корабли приступили к бомбардировке без четверти шесть, т. е. на час раньше нашей высадки в бухте Морто. Л. к. *Jauréguiberry*, под флагом Гепратта, держался внутри пролива в 15 каб. на норд-ост от Кум-Кале, а *Henri IV*—севернее своего флагмана.

Оба французских судна обстреливали форт, казармы и деревню. Снаружи пролива находился крейсер *Аскольд*, поддерживавший свою блестящую репутацию и, как всегда, вызывая всеобщее восхищение точностью своей стрельбы. Вместе с *Аскольдом* действовал крейсер *Jeanne d'Arc*, обстреливающий Кум-Кале, Иени-Шер и Оркание. Около 8 ч., когда все наши части высадились, *Jeanne d'Arc* получил приказание идти самым полным ходом в бухту Башики, где французский вспомогательный крейсер *Lorraine* с пятью транспортами и миноносцем производил демонстрацию высадки. Эффект демонстрации был не менее успешен, чем демонстрация нашей морской дивизии в Саросском заливе. Вебер-паша был вынужден отправить против французов одну из двух дивизий, сосредоточенных в районе Трои.

Французский штаб назначил для высадки полк в полном составе и решил использовать ту самую пристань, где раньше высаживался наш первый десант, попавший под жаркий обстрел турок. Однако, наш офицер, состоявший при штабе, убедил генерала д'Амада высадиться несколько

дальше под защитой развалин форта в более или менее мертвом пространстве. В 6 ч. 20 м. последовало приказание начать высадку, но, как и следовало ожидать, произошла значительная задержка. Слабость машин французских паровых катеров устарелого типа дала себя знать еще во время десантных учений на рейде о. Скирос, теперь же, когда понадобилось идти против сильного течения, катера совершенно не выгребали, и пришлось вызывать миноносцы.

Ввиду этого, а также вследствие разных причин, связанных с малой тренировкой войск в десантном деле, первые французские шлюпки, буксируемые катером *Аскольда*, только через три часа приблизились к берегу. В 10 ч. буксир был отдан, но, к сожалению, слишком далеко от пристани и шлюпки попали под огонь орудий Ин-Тепе и пулеметов, укрытых в ветренной мельнице в устье р. Мендере. Одна шлюпка была утоплена, остальные понесло по течению. Судовым огнем мельница была снесена до основания, а орудия Ин-Тепе приведены к молчанию. Следующая группа шлюпок, под прикрытием миноносцев, высадила свои части благополучно. В 10 ч. 30 м. передовая рота прошла деревню Кум-Кале, вслед за тем остальные роты заняли форт, деревню и побережье к югу от нее, ожидая прибытия других батальонов своего полка (6-го колониального) для того, чтобы начать наступление на кладбище и Иени-Шер, где развернулся батальон III дивизии Вебера-паши. Резервы этой дивизии спешили на помощь из расположенного в шести милях местечка Киплакей.

К этому времени головные части всего англо-французского десанта более или менее прочно заняли указанный им плацдарм повсюду, кроме участка Седд-ул-бахр (участок „V“). На этом участке было решено произвести еще одну попытку занять берег. В 8 ч. 15 м. Де-Робек с Гамильтоном подошли на *Queen Elisabeth* к *Albion*'у, имея сведения, что наших войск в Седд-ул-Бахре нет и Де-Робек приказал своему флагманскому кораблю обстрелять его из 15″ орудий. *Albion*, пользуясь присутствием адмирала, просил разрешение послать две судовые шлюпки попробовать исправить плавучий мост у *River Clyde*'а. Разрешение было получено и в 10 ч. от *Albion*'а отвалили катер и баркас с охотниками, но огонь с берега был настолько силен, что приступить к работе не удалось.

Однако, попытка произвести высадку на этом не остановилась. Начальник 88 бригады генерал Нэпир добрался до *River Clyde*'а и, видя, что лихтеры, составлявшие плавучую пристань, поднесло друг к другу, вызвал две роты. Люди не дрогнув бросились вперед, но едва первые достигли концевого лихтера, его снова развернуло и отнесло на глубокую воду. Швартовы, соединяющие лихтеры друг с другом,

оказались перебиты. Солдаты легли на палубу. Почти все они, равно как и генерал Нэпир, были убиты.

Не могло оставаться никаких сомнений, что дальнейшие попытки высадки бесцельны, пока судовая артиллерия не подавит огонь с берега. В 8 ч. утра *Lord Nelson* известил, что валлийцы уже заняли возвышенность Эски-Хиссарлик, господствующую над разрушенной батареей Де-Тотт, но *Cornwallis* все еще не появлялся.

Плавучая пристань парохода *River Clyde*.

В 8 ч. 45 м. о том же сообщили и с *Cornwallis*'а и Де-Робек сделал ему сигнал с приказанием занять новую позицию. Однако, командир *Cornwallis*'а кап. 1 р. Давидсон был настолько поглощен десантом и в частности приемкой раненых, что не мог сразу исполнить приказание адмирала. Несмотря на настойчивые повторные требования, он только в 10 ч. начал сажать на корабль судовую морскую пехоту, прикрывавшую левый фланг высадки, т. е. после того, как высадившиеся части укрепились, а батареи азиатского берега замолчали.

Ко времени прибытия *Cornwallis*'а было окончательно решено оставить всякие попытки высадки с *River Clyde*'а до наступления темноты, остальные же войска этого участка высадить на участке „W“. Там продвижение авангардных частей было приостановлено тотчас после захвата прибрежных возвышенностей. На правом фланге участка ланкаширские стрелки значительно продвинулись и, заняв развалины маяка Хеллес, установили сигнальный пост для переговоров с кораблями.

К 8-ми часам казалось, что судовой огонь заставил турок эвакуировать высоту „138 фут.“. К сожалению, это было не так. Когда стрелки приблизились, противник встретил их оживленным огнем из устроенных по склону окопов; проволочные заграждения стояли нетронутыми [1]). На левом фланге наступление на Текке-Бурну (высота 114 фут.) тоже задержалось.

Попытка 2-х рот, наступавших со стороны участка *Implacable*, ударить туркам в тыл по началу успеха не имела, но с прибытием подкрепления в составе еще одной роты они продвинулись и взяли высоту, захватив 40 пленных. Тем временем левый фланг войск, вышедших с участка *Implacable*, продвинулся слишком далеко и был отброшен с тяжелыми потерями, вызывая серьезные опасения за свою судьбу. Со стороны участка „Y“ помощь не приходила. Части, наступавшие с этого участка, хотя и продвинулись, но до 10 ч. не смогли войти в связь с войсками соседних участков и, чувствуя себя висящими в воздухе, отступили к месту высадки.

Неудачи были особенно чувствительны, во-первых, потому, что высадка сама по себе была чрезвычайно удачной и, во-вторых, потому, что после неуспеха у Седд-ул-Бахра, представлялось особенно важным развить наступление именно в этом направлении. Генерал Гамильтон придавал столь серьезное значение наступлению на участок „Y“, что, узнав о последних событиях с десантом *River Clyde*'а, намеревался усилить участок „Y“ войсками, назначенными для участка Седд-ул-Бахра. В распоряжении Де-Робека имелись свободные тральщики и в 9 ч. 30 м. генерал Хунтер-Вестон, командовавший войсками на участке „Y“, был запрошен—считает ли он такую меру желательной. Ответа сразу не последовало. В 10 ч., когда окончательно выяснилось положение с высадкой у Седд-ул-Бахра, генерал Вестон был запрошен вторично. Посоветовавшись с Веймиссом, генерал отклонил предложение, соглашаясь с мнением моряков, что подобная переброска войск спутает все планы выгрузки боевых припасов и других воинских грузов.

На участке „X“ (*Implacable*) обстановка сложилась благоприятнее. Последовавшие за головными частями два батальона через полчаса после высадки пошли в наступление и штыковой атакой отбросили турок на полмили от берега. Удачное дело позволило им укрепиться и к полдню войти в прочную связь с участком „W“, где к этому времени ланкаширцы укрепились по другую сторону высоты, господствовавшей над Текке-Бурну.

[1]) Турки утверждают, что район Текке-Бурну—Седд-ул Бахр занимали батальон пехоты и рота сапер.

Ввиду того, что шлюпки с головными частями участка „W“ при подходе к берегу перепутались, высадка главных сил сильно задержалась. Эссекский полк попал на берег только к 9 час. 30 м.; почти одновременно с ним высадились и части Ворчестерского полка, прибывшие от Седд-ул-Бахра. Оба они тотчас же были брошены в наступление на высоту „138 фут.“, но без поддержки со стороны Седд-ул-Бахра атака успеха иметь не могла, тем более, что противник развивал очень сильный и меткий огонь. Таким образом, к полудню мы лишь удерживали небольшие пространства территории, захваченные головными частями, но не более того.

Надежда перейти в наступление против Ачи-Баба тонула во мраке неизвестности. Но если наше положение не сулило розовых надежд, то и туркам не приходилось радоваться.

План обороны, разработанный ген. Лиман-фон-Сандерсом, был построен в твердой уверенности неприступности южного побережья и на защиту южных участков было отправлено не более одного полка IX дивизии. Два других полка этой дивизии стояли в резерве, вдалеке от места высадки. Один из них успел подойти к Критии, но его пришлось послать к участкам „X“ и „Y“, третий—еще не прибыл. После полдня Эссад-паша прибыл в Майдос, где узнал, что часть резервов его дивизии (XIX) уже послана к Габа-Тепе. Из Майдоса он поспешил на вершину Килид-Бахра, откуда мог наблюдать высадку австралийцев, которая настолько его обеспокоила, что он приказал и третьему полку идти туда же, т. к. считал, что австралийцы угрожают его сообщениям. Таким образом все резервы Эссада оказались израсходованными и он поспешил в Критию, откуда слышались звуки канонады.

Под прикрытием непрекращающейся бомбардировки с моря Эссекский и Ворчестерский батальоны успешно продвигались к центральной возвышенности (высота 138 фут.). Судовой огонь самым деморализующим образом действовал на турецкую пехоту. К 1 ч. 30 м. Ворчестерский батальон подошел к южному склону возвышенности, но остановился перед массою проволочных заграждений. Войска находились очень близко от заграждений и суда не могли их обстреливать, опасаясь попасть в своих. Тогда поползли вперед охотники и начали орудовать ножницами, разрезая проволоку, при чем снаряды с судов пролетали над самыми их головами. Жестокий бой продолжался в течение двух часов. К туркам подошли подкрепления. Прибывший к этому времени к ним полк IX дивизии был сразу брошен в дело. Однако, несмотря на превосходные силы неприятеля, наши части медленно, но верно подвигались вперед, поддерживаемые заградительным огнем кораблей. Потери противника были громадны, особенно пострадал присланный из резерва

полк, в котором из командного состава уцелело только два офицера. В конце концов, благодаря прекрасной стрельбе *Swiftsure*'а, в проволочных заграждениях удалось пробить брешь и к 4 ч. дня возвышенность и устроенный на ней редут находились в наших руках.

Достигнутые здесь успехи, выразившиеся в захвате возвышенностей, господствовавших над участком Седд-ул-Бахр, все же не подвинули дело высадки на этом участке. Засевши в окопах у маяка Хеллес, турки фактически заперли десант на *River Clyde*'е и не давали возможности высунуться из-за дюн людям, добравшимся до берега и томящимся под палящими лучами солнца.

Ворчестерский батальон двинулся к ним на выручку, намереваясь взять окопы у маяка с тыла, но и здесь наткнулся на проволоку. Заграждение, протянутое между обоими участками высадки, обстреливалось пулеметами, установленными в развалинах форта № 1. Снова вызвали охотников с ножницами. Увы, их геройские усилия оказались тщетными. Несмотря на энергичную стрельбу кораблей, огонь с берега, по мере ухудшения видимости, все усиливался и войска, в конец измученные бессонной ночью и дневным боем в жаркую весеннюю погоду, принуждены были отойти на отдых.

На эскадре работа кипела по прежнему. На берегу и на море стрельба то загоралась, то затихала, а шлюпки с кораблей целый день непрестанно сновали к берегу и обратно, принимая раненых и доставляя боевые запасы, провиант и различные предметы снаряжения.

С начала первой высадки суда эскадры беспрерывно обстреливали берег, бомбардируя также и Ачи-Баба в те моменты, когда более важные цели почему либо оказывались закрытыми. Однако, несмотря на все усилия флота и стойкость войск, положение оставляло желать лучшего. Наступление было остановлено проволочными заграждениями и неудачей у Седд-ул-Бахра; атака выдохлась.

Все же многое было сделано. К 4 часам дня десант занял сплошную линию от участка *Implacable* до мыса Хеллес.

На *Euryalus*'е Веймисс и сухопутное командование считали, что наш фронт тянется даже до участка „Y", но это было неверно. На последнем участке войска с 3-х до 5-ти часов окапывались, но затем подверглись яростной атаке турок, наступавших со стороны Критии.

Не рискуя посылать войска днем, Эссад-паша выслал из Критии половину прибывших подкреплений перед заходом солнца, но ошибся в расчете; с судов поспели рассмотреть наступающие части. *Goliath*, *Dublin*, *Sapphire*, и *Amethyst* немедленно открыли по ним огонь и противник бежал.

На азиатском берегу операции французов также не оправдали ожиданий. Около полдня началась высадка главных сил и к 2 ч. 30 м. вся пехота была на берегу, готовая к наступлению на кладбище. Хотя французы успели захватить пленных, но дальше не смогли продвинуться, будучи встречены чрезвычайно сильным огнем. К 5 ч. была свезена 75 м/м батарея, но как только она выехала на позицию, турецкие гаубицы ее нащупали. Ввиду того, что воздушная разведка донесла о подходе сильных подкреплений к Иени-Шер, было решено остановиться и не переходить в наступление. Высадка носила характер диверсии и не стоила жертв, неизбежно связанных с наступлением. Войска остались на побережьи, где контр-атака противника со стороны Иени-Шер могла быть легко отбита огнем кораблей, стоящих вдоль всего побережья. Суда же, находившиеся в проливе, всегда могли подавить попытку турецких подкреплений переправиться через реку Мендере. Высадка французов, хотя и не дала полностью ожидавшихся результатов, но настолько отвлекла огонь азиатских батарей от бухты Морто, что Гамильтон впоследствии жалел, что не высадил там также и десанта, посланного к Седд-ул-Бахру.

На крайнем левом фланге турки сильно теснили австралийцев и новозеландцев. Неприятель в превосходных силах вел яростные контр-атаки. По показаниям пленных, в Богхали сосредоточилась целая дивизия, не считая частей, расположенных на побережьи, при чем, как мы уже знаем, все силы турецкого резерва (XIX пехотная дивизия) были брошены именно в этот район.

Вряд ли когда-либо молодые части получали столь тяжелое боевое крещение, которое выпало на долю Анзакского корпуса, не имевшего артиллерии. Каждая высаженная рота сразу же посылалась в огонь, осыпаемая шрапнелью. Связь с берегом не могла быть быстро установленной и управлять огнем судовой артиллерии было трудно.

По началу австралийцы продвинулись и удержались на выдвинутой позиции, но затем отступили, стараясь закрепиться на кромке возвышенности, спускающейся к берегу, с нетерпением ожидая прибытия подкреплений.

Около 3-х часов дня начали подходить транспорты с следующими двумя бригадами и через полчаса первый эшелон направился к месту высадки. Как раз в это время нажим на левый фланг австралийцев был особенно сильным, но благодаря меткой стрельбе *Majestic*'а, огонь которого корректировался с гидросамолета, и быстрому прибытию подкреплений, положение удалось сохранить.

До полуночи измученные матросы сидели на веслах, доставляя на берег людей и грузы и принимая раненых. Был момент, когда на берегу их скопилось свыше 1.500 человек.

Движение шлюпок было настолько интенсивным, что турецкий начальник дивизии принял его за эвакуацию десанта.

Спускалась темная дождливая ночь; атаки неприятельской пехоты следовали одна за другой, артиллерийский обстрел не прекращался, настроение войск падало. Они сделали гораздо больше, чем можно было от них требовать; будущее представлялось весьма тревожным. Не исключалась возможность, что корпус, оставаясь на том месте, где он сейчас находился, с наступлением рассвета будет перебит целиком. Ночью возник вопрос об обратной посадке его на транспорты.

Положение в бухте Морто и на участке „Y“ также внушало опасение. Неудача наступления со стороны южных участков привела к тому, что войска, высадившиеся в бухте Морто и на участке „Y“, все еще оставались висеть в воздухе. Неприятель мог ночью стянуть подкрепления и опрокинуть десант в море. Взять подкреплений нам было неоткуда. Единственно, что было в наших силах, это—увеличить число судов поддержки.

Траление пролива уже закончилось и Де-Робек приказал линейным кораблям *Lord Nelson*'у и *Agamemnon*'у стать на ночь на якорь против участка „У“, а *Prince George*'у и *Vengeance* в бухте Морто. Демонстрация высадки, происходившая в Саросском заливе под руководством кап. I р. Гранта и генерала Париса, протекала в соответствии с разработанным планом. Операция началась после длительной бомбардировки, незадолго до наступления темноты. Около 1.200 человек морской дивизии были посажены с транспортов на шлюпки, которые на буксире тральщиков пошли к берегу. Демонстрация была произведена не у Булаира, а в трех милях севернее острова Сарос, около деревни Карахли. До 9 ч. 30 м. войска оставались у берега, но неприятель не появлялся и никаких передвижений турецких частей замечено не было. Десант отозвали и отправили на берег отряд матросов и морской пехоты с приказанием развести на берегу костры, надеясь хоть этим привлечь внимание противника. Морская пехота прошла несколько миль вглубь полуострова, но никаких следов турок не обнаружила. Казалось, что весь район совершенно оставлен неприятелем.

Предполагая, что на следующий день может последовать решение произвести высадку на самом деле, кап. I р. Грант послал тральщики протралить проход к пункту побережья, восточнее Булаира, удобному для приставания шлюпок. Но после полуночи было получено неожиданное приказание совершенно иного характера.

Отдав приказание на ночь для южных участков, Де-Робек в 11 часов вечера пошел на север ознакомиться с положе-

нием дел у Габа-Тепе. В полночь на флагманский корабль прибыли с докладом старший морской начальник Анзакского участка адм. Терсби и два начальника бригад. Они привезли письмо командира австралийского корпуса ген. Бердвуда на имя Гамильтона, в котором Бердвуд выражал крайние опасения—смогут ли его измученные войска оказать на следующий день решительное сопротивление новому натиску врага. Войска находились в таком состоянии, что энергичная атака или артиллерийский обстрел противника грозили катастрофой. В случае решения посадить их обратно на транспорты, Бердвуд считал необходимым делать это немедленно.

Выяснив у Тербси, что обратная посадка войск потребует не менее 3-х суток, а также, что турки стоят чуть ли не вплотную к австралийцам и, следовательно, обратная посадка неизбежно пройдет под огнем неприятеля, Гамильтон колебался недолго. Войска, которые могли сделать то, что они уже сделали, сделают и больше—и генерал послал на берег категорическое приказание держаться во что бы то ни стало.

Ночью были свезены на берег последние части австралийского корпуса.

Решение Гамильтона и вызвало то приказание, которое нарушило планы командира *Canopus*'а—кап. I р. Гранта. Де-Робек со своей стороны делал все возможное, чтобы по мере сил и возможности облегчить положение австралийцев и в то же время готовился к худшему, т. е. к эвакуации. Командиру *Canopus*'а было приказано собрать все наличные шлюпки и плавучие средства и отбуксировать их в Габа-Тепе, а самому итти к *Majestic*'у на поддержку левого фланга австралийцев, оставив транспорты на попечение командира *Dartmouth*'а. *Doris* был отправлен на присоединение к *Triumph*'у, а *Queen Elisabeth* стал против правого фланга, южнее Габа-Тепе. Каждому кораблю был указан участок берега, за который он являлся ответственным. Сигналом было объявлено, что адмирал всецело надеется на эскадру, которая утром сумеет оказать должную поддержку доблестным войскам. Все оставшиеся на Мудросе свободные лихтеры и находившиеся у Булаира тральщики Де-Робек потребовал к себе. Еще задолго до рассвета тридцать шесть лихтеров и шлюпок на буксире тральщиков были на пути к Габа-Тепе.

Так закончились первые сутки операции, сопровождавшиеся не малыми жертвами и потребовавшие громадных усилий. Много удалось достигнуть, но многое оставалось впереди и даже самые мужественные сердца не могли без тревоги взирать на будущее. Однако, и противник не оставался спокойным. Высадка на юге произвела на него

сильное впечатление. Турки считали, что английские войска сделали невозможное—возможным, и сильно опасались за свои сообщения, находившиеся под угрозой наступления австралийцев от Габа-Тепе. Кроме того план Гамильтона нарушал систему обороны, разработанную Лиманом-фон-Сандерсом.

Хотя турецкий генерал, командовавший войсками южного района, и заявлял, что с наступлением темноты он перейдет в наступление и сбросит десант в море, Сандерс считал положение настолько критическим, что счел себя вынужденным снять обе дивизии, стоявшие в районе Булаира. Военные суда и транспорты еще держались в Саросском заливе, но фактически высадка не началась и могла окончиться демонстрацией. При таких условиях Сандерс пошел на риск и решил отправить дивизии в Майдос морем, оставив у вершины залива одну лишь кавалерийскую бригаду [1]).

ГЛАВА XVIII.

Дарданеллы. Первое наступление с 26 по 28 апреля. Первый бой у Critии.

Карта 3.

После полночи дождь перестал; наступающий рассвет предвещал ясный и тихий день. Измученные войска провели сравнительно спокойную ночь, не подвергаясь атакам турок, и воспрянули духом. В течение нескольких часов темноты они смогли не только окопаться, но и успели установить орудия, втащенные на вершину прибрежной возвышенности. Внушительный вид линейных кораблей и крейсеров, стоявших в тылу позиции, вселял в них уверенность, что флот в нужную минуту окажет им мощную поддержку.

Эскадра адмирала Терсби была усилена линейным кораблем *Queen Elisabeth.* Суда, производившие демонстрацию в Саросском заливе, заняли указанные им места на флангах позиции, откуда их помощь могла быть наиболее действительной. Шлюпки оживленно сновали между эскадрой и берегом, доставляя многочисленные предметы снабжения и снаряжения. За ночь успели выгрузить громадное количество снарядов, патронов и питьевой воды. Последние части 4-ой австралийской бригады закончили высадку, образуя резерв.

Ничего не было забыто для отражения возможной атаки.

[1]) Liman von Sanders, стр. 89.

Едва рассвело, эскадра открыла огонь по назначенным целям, но нащупать стрелявшие батареи было чрезвычайно трудно, и противник засыпал шрапнелью берег и окопы австралийцев. В течение двух-трех часов положение оставалось критическим. Местами происходили жаркие схватки, кое-где наши части поддались назад, но на решительное наступление турки не отваживались. По показаниям пленных судовой огонь деморализующе действовал на солдат, которые боялись показаться из за укрытий. К 9 ч. утра *Queen Elisabeth* удалось привести к молчанию самые назойливые батареи противника и турецкие атаки замерли. Вести с берега начали получаться более утешительные и Гамильтон имел все основания не раскаиваться в принятом им минувшей ночью решении.

Флагманский корабль продолжал оставаться здесь пока не минует окончательно всякая опасность, хотя у другого пункта побережья присутствие его было не менее желательно.

С южных участков не поступало никаких донесений и Гамильтон в 7 часов вечера предложил ген. Хунтер-Вестону послать ему в помощь французскую бригаду, которая находилась в резерве на транспортах, стоявших на Тенедосе. На юге к этому времени удалось достигнуть кое-каких успехов, но Гамильтон не был о них еще осведомлен.

Когда стемнело, командующему *River Clyde*'ом посчастливилось соединить отдельные части плавучей пристани и восстановить сообщение с берегом. Войска быстро пробрались на берег, при чем уже после полуночи взобрались по склону возвышенности и атаковали турок. Хотя часа через два под натиском неприятеля им пришлось отступить, все же они вошли в связь с Ворчестерцами, занимавшими левый фланг участка „W“.

Ген. Вестон, сообщая главнокомандующему, что его дивизия (XXIX) не может собственными силами захватить высоту „141 фут.“, господствующую над побережьем Седд-ул-Бахра, просил о присылке французов при первой возможности. Один полк французской бригады предлагалось высадить на участке „W“, другой—у Седд-ул-Бахра, после того, как первый полк, совместно с нашими частями, овладеет этим пунктом. Гамильтон немедленно телеграфировал ген. д'Амаду, просьбу спешно выйти с Тенедоса и встретиться с ним у Седд-ул-Бахра. Одновременно радиостанция флагманского корабля перехватила сообщение чрезвычайно тревожного характера. Начальник десанта на участке „Y“, полковник Маттьюз, телеграфировал своим кораблям, что надеется удержать возвышенность, пока раненые не будут эвакуированы. Подобное сообщение представлялось совершенно невероятным, т. к. участок „Y“ все время считался наиболее благополучным. Эвакуация этого участка, столь

блестяще захваченного, грозила в корне нарушить планы главнокомандующего и надо было как можно скорее выяснить действительное положение дел. В 9 ч. *Queen Elisabeth* снялся с якоря и пошел к участку „Y“.

Оказалось, что еще на рассвете полковник Маттьюз сделал радио: „если не будут доставлены патроны и подкрепления, держаться больше не могу“. Но радио это почему то не дошло до Вестона и полковник ответа не получил. Положение высадившихся войск было критическое.

В течение ночи турки вели беспрерывные яростные атаки и подходили вплотную к нашим окопам. Атаки особенно усилились после прибытия к ним подкреплений, пришедших из Критии, которые еще перед заходом солнца пытались наступать против левого фланга участка „Y“, но были рассеяны огнем с судов. С наступлением темноты они пересекли равнину и повели наступление по всей линии нашего расположения. Хотя ночью суда ничем не могли помочь, но войска все-таки держались, несмотря на значительное численное превосходство турок. К рассвету начал ощущаться недостаток в патронах, люди падали от усталости. По счастью и турки за это время выдохлись не меньше. Присутствие *Goliath*'а и крейсеров *Dublin*'а, *Talbot*'а, *Sapphire*'а и *Amethyst*'а не способствовали поднятию духа турецких солдат, уже раз испытавших огонь этих судов. Наступившая передышка была использована, чтобы вызвать судовые шлюпки и начать перевозку раненых.

Недоразумение с радио Маттьюза повлекло за собою серьезные последствия. На правом фланге пришли к заключению, что приказано начать обратную посадку, и войска начали покидать окопы и спускаться по откосу к берегу; центр последовал за ними. Турки перешли в наступление. Однако, замешательство длилось недолго и решительной контр-атакой положение было восстановлено. В это время у берега, где собралось множество шлюпок, приступивших в приему раненых, произошло новое недоразумение. Эпизод этот и поныне остается туманным, но, повидимому, дело обстояло так: частям правого фланга было отдано приказание спуститься к берегу, чтобы еще раз попытаться войти в соприкосновение с стрелками, высаженными на соседнем участке (*Implacable*). Приказание было ошибочно понято за распоряжение начать отступление по всей линии и левый фланг также начал отходить. Турки вновь стали нажимать, но и на этот раз были отбиты.

Хотя в обоих случаях войска и устояли, все же было совершенно очевидным, что молодые, необстреленные части морской дивизии потеряли свою стойкость и утомленные ночной работой вряд ли удержат позицию в случае новой

атаки противника. Это обстоятельство и побудило Маттьюза в 8 ч. 35 м. послать вышеприведенную телеграмму, принятую на *Queen Elisabeth*. Вторичной телеграммой Маттьюз вновь извещал ген. Вестона, что, если подкрепления не прибудут, он не в состоянии удержать возвышенность и будет вынужден отступить на берег под прикрытие судовых орудий. По показаниям Маттьюза на вторичную телеграмму он получил согласие, но остается неясным, было ли ему дано разрешение очистить позиции и под прикрытием судового огня ждать на берегу подкреплений, или же сажать войска на шлюпки. Образовав арьегард из входивших в состав его отряда стойких частей Шотландского и Валлийских полков, Маттьюз начал отступление, сделав судам сигнал открыть огонь по возвышенности, как только войска ее очистят.

Такова была обстановка, когда в 9 ч. 30 м. сюда подошел флагманский корабль. На берегу все было тихо, только изредка раздавались одиночные ружейные выстрелы. Раненые перевозились на *Goliath* и крейсера; с моря было видно, как группы солдат спускались по скалам к побережью. На „кораблях поддержки“ не сомневались, что началась эвакуация, и считали своей обязанностью выполнить ее как можно скорее, оказав максимальную помощь.

В это время *Queen Elisabeth* получил с *Sapphire*'а радио, первоисточник которого никто не знал, с просьбой обстрелять возвышенность для прикрытия обратной посадки десанта. *Queen Elisabeth* немедленно открыл огонь, тщетно вызывая ген. Вестона. Не получив ответа и считая, что распоряжение об эвакуации исходит от штаба дивизии, флагманский корабль по просьбе Гамильтона пошел к мысу Хеллес, чтобы непосредственными переговорами с Вестоном выяснить настоящее положение дел.

На участке *Implacable* („X“) никаких признаков перемен не наблюдалось. Хотя высаженные там три батальона сохраняли свои прежние позиции, но было необходимо уведомить начальника участка об изменившейся обстановке и об опасности, грозившей его левому флангу в связи с событиями на участке „Y“. При передаче этих сведений начальник участка „X“ был поставлен в известность о предполагавшемся наступлении на юге, которое должно было начаться тотчас после прибытия французской бригады.

В 10 ч. 30 м. *Queen Elisabeth* вошел в связь с *Euryalus*'ом, стоявшим у участка „W“, и Гамильтон, к крайнему своему удивлению, узнал, что штаб дивизии пребывает в полной неизвестности об эвакуации. На сделанное *Goliath*'у радио с запросом, кто приказал начать обратную посадку, получился ответ, что шлюпки были потребованы с берега. Флагманский корабль в течение получаса оставался у м. Хеллес;

повидимому, ничего нельзя было предпринять, чтобы остановить эвакуацию. Свободных войск не оставалось. Резервы—французская бригада—требовались на южных участках, где положение встало на мертвую точку, тогда как надо было наступать. Незадолго до этого Вестон послал полковнику Уайли, старшему сухопутному начальнику у Седд-ул-Бахра, приказание укрепиться в ожидании подхода французов.

Таким образом, в данную минуту Гамильтон не располагал никакими средствами помочь участку „Y“ и пошел к Седд-ул-Бахру на встречу д'Амаду. В полдень последний прибыл на флагманский корабль. На очереди стоял вопрос, что делать в Кум-Кале. Д'Амад считал необходимым эвакуировать высаженные там части. Хотя они сильно укрепились и после нескольких жарких схваток захватили 400—500 пленных, тем не менее удерживать позицию долго было невозможно, не захватив Иени-Шер. Чтобы выбить окопавшихся там турок требовалась дополнительная высадка войск, т. е. новая крупная операция, что совершенно не входило в разработанный план и кроме того противоречило инструкциям Китченера. К тому же Гамильтон не считал свое положение на полуострове настолько прочным, чтобы втягиваться в операции на азиатском берегу раньше, чем не будет захвачена Ачи-Баба. Поэтому ему не оставалось другого выхода как согласиться с доводами своего коллеги. Получив приказание скорее начинать эвакуацию, д'Амад отбыл с *Queen Elisabeth*. Вслед за этим флагманский корабль самым полным ходом пошел к Габа-Тепе, где Гамильтон хотел выяснить, как идут дела у австралийцев, и в случае, если началось турецкое наступление, оказать им поддержку. Около половины первого *Queen Elisabeth* вновь проходил участок „У“. Эвакуация шла полным ходом и главнокомандующий к величайшему огорчению видел, как нарушается задуманный им план. Это было тем более досадно, что никаких видимых причин для эвакуации не наблюдалось.

Утомленные ночными атаками, турки не решались наступать при свете дня, опасаясь действия судовой артиллерии. Как теперь известно, материальные результаты стрельбы кораблей были незначительны, но моральные—громадны, и этот фактор в свое время не был учтен в должной мере. Если судовые артиллерийские офицеры не считали удовлетворительной свою работу, то турки смотрели на дело иначе. Они не решались передвигать войска или менять позиции батарей, пока идет обстрел с моря, и делали это только ночью. Не может быть сомнения, что лишь стрельба кораблей спасла наши войска от стремительных атак на рассвете. Даже и во время операции было ясно, что турки не смогут сильно нажать на участок „Y“. В полдень *Implacable* обратил в бегство противника, сосредоточившего крупные силы у Критии,

единственно откуда могло грозить серьезное наступление [1]. На южных участках стрельба кораблей стала значительно точнее и, будь это обстоятельство в свое время известно, несчастная эвакуация на участке „Y“ могла бы быть приостановлена.

Незадолго до получения приказания Вестона ожидать прибытия французских войск, Уайли, по собственной инициативе, начал наступление. К рассвету войска его левого фланга, находившиеся в соприкосновении с участком „W“, хорошо окопались под фортом № 1. На правом фланге войска втечение ночи, по одиночке, прокрацывались с *River Clyde*'а на берег и, присоединяясь к тем, которым удалось высадиться вначале, сосредоточивались у развалин форта Седд-ул-Бахр, повидимому, окончательно покинутых неприятелем. Однако, когда с рассветом была сделана попытка обойти форт и занять деревню, пулемет, укрытый в одной из развалин, заставил людей отойти под прикрытие, но это продолжалось не долго. По сигналу с *River Clyde*'а л. к. *Albion* открыл огонь и быстро обратил развалину в мелкие куски.

Войска под командой Уайли двинулись вперед и, пробираясь под стенами Седд-ул-Бахра под прикрытием судового огня, с боем дошли до северного конца деревни. К 11 ч. 30 м. деревня была занята и Уайли передал на эскадру, что он собирается штурмовать расположенный за деревней старинный замок и возвышенность „141 фут“ и просит произвести артиллерийскую подготовку. Пока войска проходили деревню, стрельба с кораблей приостановилась; теперь все суда вновь открыли огонь, при чем, благодаря тому, что с берегом была установлена телефонная связь, просьба быстро дошла по назначению, и корректировка стрельбы улучшилась. Стоявший в бухте Морто л. к. *Lord Nelson* присоединился к бомбардировке. С него были обнаружены расположенные выше деревни окопы, полные войск, которые немедленно бежали. В 1 ч. дня *Nelson* заметил крупные отряды турок, отступающих через лес, и обстрелял их беглым огнем. В результате через час — до подхода французских транспортов—замок находился в наших руках и Уайли ожидал бомбардировки высоты „141 фут“, чтобы, взяв ее штурмом, завладеть последней высотой,

---

[1] См. Prigge стр. 56, а также воспоминания Лимана-фон-Сандерса, который пишет: „Дарданелльская кампания представляет собою единственную во всей мировой войне операцию, где сухопутная армия боролась с противником, находившимся на суше и на море. Следует отметить, что судовая артиллерия дает своим сухопутным войскам совершенно исключительную поддержку. Никакая тяжелая артиллерия на берегу не может так легко менять свои позиции, как корабли, и действовать столь успешно по флангам и тылу противника, как судовая артиллерия“. *Fünf Jahre Turkei*, стр. 94.

господствовавшей над его участком. Надобность в помощи французов отпадала.

Итак, благодаря поддержке с моря был достигнут крупный успех войсками, мало отличавшимися по своей подготовке от войск участка „Y“ и находившихся в не менее опасном положении, чем последние.

В районе Габа-Тепе повторилась та же картина. Утром началось то наступление, которого так опасались. *Queen Elisabeth* подоспел как раз во-время, чтобы принять участие в бомбардировке и своими 15″ орудиями усилить ее эффект. Здесь тоже начал действовать полевой телефон и точность стрельбы сразу повысилась, но кроме того, на этом участке противнику приходилось итти в атаку по местности открытой для судового огня. Турки не смогли выдержать действия фугасных снарядов и атака была легко отбита. Однако, австралийцы сильно страдали от ураганного огня турецких батарей, установленных на отдаленных возвышенностях Койа-Чемен-Тере и Чунук-Баир, и до прибытия их артиллерии о наступлении не приходилось и думать. Выгрузка артиллерии задержалась тем обстоятельством, что время от времени турецкие суда появлялись выше пролива и открывали перекидной огонь, заставляя транспорты отходить в море. Несколько залпов с наших кораблей, корректируемых с привязного аэростата, быстро заставляли турецкие суда уходить, но все же они создавали не малую помеху.

Наконец, полевая артиллерия австралийцев стала на позицию и открыла огонь. При поддержке *Queen Elisabeth* и остальных судов огонь с холмов был быстро подавлен, и опасность вторичной атаки миновала. К 4 часам наступательный порыв турок выдохся и австралийцы перешли в общее наступление, имевшее целью укрепиться на первоначально намеченной позиции. Через полчаса общее положение на участке настолько улучшилось, что Гамильтон со спокойной душой смог вернуться на юг.

К его приходу обстановка там коренным образом изменилась к лучшему. Не ожидая прибытия французских войск, транспорты которых только что подошли, но не начинали высадки, Уайли, при поддержке судового огня, стремительной атакой захватил высоту „141 фут“ и ее укрепления. Турки отступили на половину расстояния между берегом и деревней Крития, наши войска укрепились на линии Текке-Бурну—Седд-ул-Бахр. Убийственный участок побережья стал, наконец, возможным для высадки. Успех блестящего дела омрачился лишь гибелью Уайли, убитого в последние минуты наступления.

Так закончился второй день одной из крупнейших в истории соединенных операций флота и армии. Многое было

сделано; даже больше того, что некоторые высокие авторитеты считали возможным, но все-таки достигнутые результаты были далеко недостаточны.

Первоначальный план предусматривал захват войсками, высаженными на юге, позиции Ачи-Баба—కритиа; австралийцы в первый же день должны были захватить возвышенность, которая господствовала над главными дорогами, ведущими на равнину Килид-Бахр.

Фактически же десант закрепился повсюду только на пространстве, занятом головными частями. Надежда окружить выдвинутые вперед турецкие части рухнула. Войска в бухте Морто оставались изолированными и, когда утром туда прибыл авангард VII турецкой дивизии в составе батальона, Валлийцы отступили к батарее Де-Тотт.

На другой стороне полуострова, на участке „Y“, десант окончательно оставил свои позиции и находился уже на транспортах. О немедленном наступлении не могло быть и речи, т. к. даже и те небольшие результаты, которые удалось достигнуть, стоили громадных потерь. Некоторые батальоны потеряли половину состава, люди были в конец измучены. Резервные пополнения отсутствовали. Вопреки правилам войска прибыли без обычной 10% надбавки на убыль. Войскам требовалось дать не менее одного дня отдыха.

Задержка наступления естественно вызывала новую заботу относительно батарей азиатского берега, в особенности из-за того, что войска, высаженные в бухте Морто, волей неволей остались предоставленными самим себе. Вопрос этот чрезвычайно беспокоил Де-Робека. После того, как д'Амад покинул *Queen Elisabeth* с приказанием сажать войска на транспорты, Де-Робек со штабом пришел к Гамильтону и настаивал на необходимости удержания французами Кум-Кале в течение еще одних суток. Гамильтон не соглашался, считая, что поздно менять отданное приказание, но в 7 часов прибыл Гепратт и сообщил, что положение в Кум-Кале не оставляет желать лучшего. Судовая артиллерия и полевые 75 м/м французские батареи, повидимому, нанесли туркам большой урон и они не проявляли никакого намерения повторить новое наступление. Французский адмирал вполне соглашался с Де-Робеком, что риск, связанный с оставлением войск в Кум-Кале, вполне оправдывается стремлением не позволить туркам перебросить войска на европейский берег, пока не будет захвачена Ачи-Баба, и не дать действовать гаубичным батареям азиатского берега. Гепратт уехал с приказанием остановить отданные распоряжения, но, к сожалению, опоздал. В 2 ч. дня он передал на *Queen Elisabeth*, что приказание генерала д'Амада уже исполняется и остановить эвакуацию невозможно.

Впечатление этой обидной неудачи было сглажено полученным сообщением с австралийской подводной лодки, которой удалось пройти к порту Галлиполи. Зеркальная поверхность воды не позволила ей атаковать турецкий броненосец, беспокоивший своим огнем позиции австралийцев, но она доносила, что ни один крупный войсковой транспорт противника не отваживается приблизиться к этому порту. Одновременно было принято радио, что транспорты с индийской бригадой ген. Кокса подходят к Лемносу.

Бригада Кокса, представлявшая собой единственный резерв экспедиционного корпуса, была задержана на берегах Суэцкого канала до прибытия в Александрию дивизии ездящей пехоты ген. Пейтона. Появись индийская бригада одновременно с остальными десантными войсками, не пришлось бы эвакуировать участка „Y“. Значение этой эвакуации, сказавшейся на ходе всей Дарданелльской операции, очень скоро дало себя знать.

Подошедшие с Тенедоса транспорты с французской бригадой без сопротивления высаживали свои войска на участке „V“. К этому времени команда *River Clyde*'а совершенно наладила плавучий мост, обратив его в чрезвычайно удобную пристань и уже утром почти вся бригада была на берегу. Неприятель не показывался и Вестон решил двинуться вперед, рассчитывая соединиться с войсками, высаженными в б. Морто. Движение предполагалось начать тотчас по готовности французов, т. е. около полудня 27 апреля, к каковому сроку „судам поддержки“ было приказано занять места по диспозиции. Снятый с Кум-Кале десант являлся теперь весьма ценным резервом. Обратная его посадка началась около 10 ч. вечера прошлой ночью. Турки, заметив отступление, немедленно начали обстрел из Ин-Тепе, но суда, как обычно, быстро его подавили и к 2 часам ночи на берегу оставались лишь арриергардные части. В 5 ч. все войска были посажены на транспорты и направились к Тенедосу.

В районе Габа-Тепе, куда *Queen Elisabeth* прибыл рано утром, неприятель не обнаруживал признаков активности. Ночь прошла спокойно и в 8 ч. утра ген. Бердвуд начал продвигать свой левый фланг. Турки перешли в контратаку, которая была отбита, но тем не менее было очевидным, что наше дальнейшее серьезное наступление невозможно, пока войска и позиция не будут более организованы. Работам сильно мешал беспрерывный обстрел побережья и шлюпок в те моменты, когда последние подходили или отходили от берега. Утром обстрел усилился, при чем наиболее действителен был перекидной огонь турецких судов, стоящих выше узкости. Угроза турецким сообщениям со стороны австралийского расположения сильно обеспо-

коила противника и заставила его вызвать из Босфора *Гебен.*

На рассвете с поднятого на п/х *Manica* привязного аэростата передали, что *Гебен* находится в проливе, а в 9 часов гидросамолеты дали знать, что *Гебен* и *Тургут-Рейс* открыли огонь. *Queen Elisabeth* немедленно приготовился к стрельбе по немецкому крейсеру и, как только аэростат снова поднялся, сделал первый залп. Снаряды легли очень близко и *Гебен,* не ожидая второго залпа, снялся с якоря и перешел под защиту прибрежных скал. Через час с *Manica* сообщили о приближении к тому же месту, где стоял *Гебен,* отряда транспортов. Повидимому, они шли из Константинополя для переправки войск с азиатского берега и направлялись в Килию и Майдос. *Queen Elisabeth* тотчас открыл огонь по транспортам и с третьего залпа попал в самый большой из них. Через несколько минут от транспорта оставался только торчавший из воды полубак. Стрельба велась с 70 каб. и достигнутый результат не мог не вызвать чувства полнейшего удовлетворения. План Сандерса потерпел крушение. Турецкие транспорты вынуждены были изменить свой маршрут и направиться не в Майдос, а на пять миль выше — в Ак-Баши, где их прикрывали окружающие горы, но где не имелось никаких удобных мест для высадки.

Стрельба *Queen Elisabeth* показала противнику всю трудность переброски подкреплений морем, что и без того было осложнено присутствием наших подводных лодок. Нам же особенно приходилось опасаться переброски подкреплений в случае, если австралийцам удастся выполнить предназначенную им задачу. Ген. Сандерса особенно беспокоил выход австралийцев на линию турецких коммуникационных путей, тем более, что он прибыл в Майдос как раз в момент потопления транспорта. Войска, медленно высаживающиеся в Ак-Баши, были направлены им к Габа-Тепе. Гамильтон со своей стороны уже принял меры по усилению австралийцев. На Мудрос были посланы указания встретить индийскую бригаду в море и направить ее прямо к Габа-Тепе. В то же время *Dartmouth* получил приказание произвести на следующее утро совместно с *Amethyst*'ом и транспортами с морской дивизией демонстрацию в глубине Саросского залива.

Сделав все необходимые распоряжения, Де-Робек и Гамильтон вскоре после полдня пошли на *Queen Elisabeth* к южному берегу, с целью поддержать начавшееся там наступление. Оказалось, что турки решили нас предупредить и сами пошли в атаку со стороны Критии. Однако, суда, как с одной стороны, так и с другой стороны полуострова, вовремя обнаружили передвижение турецких частей и не дали атаке развернуться. При поддержке судового огня наши войска отбили наступление. Развивая огонь, корабли очи-

стили от неприятеля и Критию. Попытки турок дебушировать из ее окрестностей и местности позади Ачи-Баба были подавлены стрельбой фугасными снарядами и обстрелом крупно-калиберной шрапнелью. К этому времени два французских батальона, высадившиеся утром, заняли позиции на правом фланге XXIX дивизии.

Третий французский батальон из-за поломки машины транспорта еще не подошел, но все остальные французские части быстро высаживались на пристани *River Clyde*'а. Неприятель не обнаруживал признаков жизни, почему было решено дать войскам отдохнуть. В 4 часа началось наступление по всей линии под прикрытием судовой артиллерии и установленных на позиции полевых орудий. Артиллерийская подготовка оказалась настолько основательной, что войска не встретили сопротивления. Только с азиатского берега продолжался безрезультатный огонь турецких батарей, совершенно подавить который ни французским, ни нашим судам не удавалось. По мере наступления, турецкие части отходили назад, при чем некоторые из них попадали под обстрел *Lord Nelson*'а, стоявшего в б. Морто, где к 3 часам дня наши стрелки вошли в соприкосновение с французскими аванпостами из Седд-ул-Бахра.

Еще до наступления темноты войска заняли намеченную линию фронта. Она тянулась от Капудан-Тепе (выше батареи Де-Тотт) по обеим сторонам дороги в Критию, до побережья Гулли, вблизи которого уже окопались левофланговые части. Таким образом, фронт проходил в двух милях от оконечности полуострова и на пол-пути расстояния до д. Крития.

Открытая местность, по которой велось наступлени, позволила судам действовать настолько успешно, что надежды противника опрокинуть десант в море рухнули безвозвратно. Эссад-паша, опасаясь полного уничтожения своих войск артиллерийским огнем с моря, приказал всему южному отряду отступить на заранее подготовленные позиции впереди Критии. Лишь на новых позициях в долинах реки Цигхия, Кирте и Керевец турки могли найти защиту от судового огня и сосредоточить подкрепления и боевые запасы, не подвергая их излишней опасности.

Решительная атака была назначена на следующий день. Союзным войскам предоставлялось время отдохнуть, привести себя в порядок и вообще подготовиться к наступлению. С флангов корабли прожекторами освещали окружающий район, предупреждая возможность неожиданного нападения. Ночь с 27-го на 28-ое апреля прошла спокойно как на южном фронте, так и у австралийцев. С рассветом *Dartmouth* и *Amethyst* произвели назначенную демонстрацию. На этот раз высадка имела место несколько западнее, у маленького

порта Ибриджи, но также как и при первой демонстрации турки не появились. Потопив несколько портовых барж и разрушив пристань, десант возвратился на транспорты. Начальник морской дивизии ген. Парис отправился с докладом к Гамильтону.

К моменту его прибытия наступление на Критию уже развивалось, но флагманский корабль еще не перешел на свою позицию на левом фланге, вследствие приезда д'Амада, которому требовалось переговорить с главнокомандующим.

Пять французских батальонов находились на правом фланге, заменив валлийцев, составлявших фланг войск, оперировавших из бухты Морто. Валлийцы же ночью были передвинуты на участок „*Implacable*“ в качестве резерва для остальных частей своей бригады (87-ой), занимавшей крайний левый фланг всего расположения. Сюда также прибыл резерв в составе батальона „*Drake*“ (морской дивизии) [1]), направленный в лощину Гулли, т. к. четвертый батальон бригады – шотландские стрелки—только что был переправлен с участка „Y“ на участок „W“. Ниже их, между двумя лощинами, спускавшимися от Критии, стояли полки 88-ой бригады с остатками 86-ой стрелковой бригады, составляющими их резерв. От их правого фланга до батареи Де-Тотт фронт занимали французы. Последние имели приказания наступать на Критию левым флангом через восточную лощину, а правым флангом пройти до долины реки Керевец, спускавшейся с Ачи-Баба. Движение французов прикрывалось с моря *Lord Nelson*'ом, *Vengeance*'ом, *Cornwallis*'ом и *Albion*'ом. *Prince George* оставался с французской эскадрой, поддерживая бомбардировку азиатского берега. С противоположного фланга находились *Implacable*, а севернее его *Goliath*, *Dublin* и *Sapphire*. Туда же вскоре после 10-ти часов пришел и *Queen Elisabeth*. С раннего утра корабли делали все, что было в их силах, подготовляя атаку сухопутных товарищей, но мгла, окутавшая берег, мешала находить цель. Тем не менее по началу войска продвинулись успешно по всему фронту; до Критии оставалось не более мили и обстановка сулила успех. На левом фланге в момент, когда флагманский корабль у побережья „Y“ отдал якорь, одна из быстро наступающих частей сильно продвинулась и тут обнаружилась вся трудность поддержки такого движения вперед. С корабля ясно наблюдалась значительная группа войск, двигающаяся внизу лощины в направлении от неприятеля. Одним казалось, что это турки, другим, что это отступают наши. Замеченная группа представляла собою великолепную цель для 15″ орудий *Queen*

---

[1]) В морской дивизии матросские батальоны носили название знаменитых адмиралов.

Elisabeth, заряженных шрапнелью. Каждый снаряд вмещал 13.000 пуль и в случае попадания вся движущаяся масса людей была бы уничтожена. Но как отличить своих от врагов? Соблазн был велик, но ответственность за возможную ошибку еще больше. Решить вопрос могло только сухопутное начальство, но раз было хоть малейшее сомнение, стрелять не представлялось возможным, хотя больше данных было за то, что замеченные люди—турки. Вскоре выяснилось, что правы были те, кто говорил, что войска—неприятельские, но момент оказался упущенным. К этому времени две наших роты заняли покинутые окопы из участка „Y“ и турки бросились выбивать их оттуда; одна из рот дралась в рукопашную, с корабля было ясно видно как штыки сверкали на солнце.

Неожиданно наступающие перебежками турецкие цепи вышли на такое место, на котором *Queen Elisabeth* мог обстрелять их продольным огнем, и 15″ орудия заговорили. Снаряд разорвался в нескольких саженях от правого фланга и когда дым рассеялся по близости не оставалось ни одного человека. Контр-атака была остановлена, противник быстро отступал через возвышенность, открытую для действия судовой артиллерии; наши части возобновили наступление, но очень быстро попали под огонь из ряда замаскированных окопов, обнаружить которые с моря было очень трудно. Все же корабли не прекращали бомбардировки. *Goliath* получил приказание подойти к берегу как можно ближе и ввести в действие свои 12-ти фунтовые пушки. Тем не менее, не взирая на помощь судов, лево-фланговые части втечение двух часов не могли сдвинуться с места. Последствия роковой эвакуации участка „Y“ сыграли свою фатальную роль. Около полудня центр после упорных боев дошел до растояния одной мили от Critии, но не мог продолжать фронтальной атаки без поддержки наступления левого фланга. Почти одновременно на главном участке фронта, занимаемом 88-ой бригадой, начал сказываться недостаток в патронах и на поддержку ей была послана 86-ая бригада. На правом фланге у французов также ощущался недостаток боевых запасов. Успех боя в значительной степени зависел от того — удастся ли нашему левому флангу обойти фланг противника. И если бы наши левофланговые войска получили бы поддержку и патроны с участка „Y“, это могло бы осуществиться, тем более, что правый фланг противника оставался открытым обстрелу *Queen Elisabeth* и других кораблей. Эвакуация участка „Y“ в корне нарушила план Гамильтона. Батальоны этого злополучного участка все еще находились на транспортах у побережья „W“.

Попытка продолжить наступление, усилив передовую линию двумя батальонами морской дивизии („Drake“ и

„Anson“), не удалась, т. к. возникло новое затруднение, неизбежное, впрочем, при операциях, базирующихся на открытое побережье.

По мере удаления войск вглубь полуострова, своевременная доставка боевого снаряжения и боевых запасов все усложнялась; не хватало рук для разгрузки шлюпок и разбора скопляющихся на берегу предметов снабжения. В одну из таких трудных минут люди батальона „Anson“ были посланы на участок „Implacable“ за патронами. Когда они перебегали возвышенность, некоторые близ стоящие части, лишившиеся всех офицеров, приняли это за отступление и бросились бежать за ними. Хотя положение было быстро восстановлено, но об организации нового общего наступления не приходилось и думать.

Гамильтон сделал Вестону радио, предлагая ему послать вдоль берега резервы на левый фланг, дабы они под прикрытием огня *Queen Elisabeth* взобрались по скалам участка „Y“ и укрепили бы этот фланг. Радио, повидимому, не дошло до Вестона и главнокомандующий ответа не получил. К этому времени войска по всей линии совершенно измучились и были неспособны на новую атаку против крупных сил противника, которые стояли перед ними. Недостаток патронов и снарядов делал невозможным отбитие контр-атаки турок. На правом фланге левое крыло французов продвинулось значительно и ему оставалось до Critии не больше мили, однако, и эта часть французских войск не удержалась и уже находилась в отступлении. За левым крылом отступило из долины реки Керевец к батарее Де-Тотт и правое. Положение вскоре опять было восстановлено, но все же центр фронта союзников оставался висеть в воздухе. При таких условиях новый натиск противника мог привести к катастрофе и в 5 ч. в. был дан приказ об отступлении. По счастию, турки не возобновили своих контр-атак. Войска их, повидимому, тоже были утомлены и кроме того боялись попасть под огонь судовых орудий.

К заходу солнца наши и французские части окапывались на новой позиции. Противник молчал, не проявляя активности. Линия фронта проходила, однако, очень далеко от той, которую предполагалось занять в этот день. Правый фланг все еще находился у горы, возвышавшейся севернее батареи Де-Тотт, а левый—на участке „Y“. В центре фронт образовывал неправильный угол, вершина которого почти касалась линии исходного утреннего положения. Наиболее выдвинутые части находились в расстоянии свыше мили от Критии и в двух милях от Ачи-Баба. Предстояло решить трудный вопрос, что делать дальше. С полной очевидностью выяснилось, что возобновлять наступление с надеждой на успех нельзя, пока не наладится служба тыла и пока не будет

выгружена вся полевая артиллерия. Кроме того, войскам после четырехдневных боев требовалась передышка. С другой стороны, было нежелательно давать туркам время укрепиться и подвести подкрепления.

Ждать подкреплений было неоткуда. Индийская бригада ещё не появлялась и весь резерв состоял из необученных молодых войск морской дивизии, часть которых была уже использована для тыловой службы. Еще на рассвете одна бригада этой дивизии поступила впредь до прибытия из Египта индийских войск в распоряжение ген. Бердвуда. Остатки дивизии были посланы в Саросский залив с приказанием повторить демонстрацию. Демонстрация состоялась, но с прежними результатами. Противник отсутствовал.

Неудачный день закончился и будущее не сулило успехов. Но утром были получены новые сообщения из Англии и стоявшая перед главнокомандующим задача получила совершенно другое направление.

ГЛАВА XIX.

Дарданеллы. Первые подкрепления и второй бой у Критии.

Карта 2 и 3.

Когда в Лондоне были получены подробные сведения о высадке, сопровождавшейся столь тяжелыми потерями, и, в частности, о неудаче плана захватить Ачи-Баба, там пришли к заключению, что для продолжения операции необходимо усилить состав экспедиционного корпуса. Читатель знает, что Китченер еще раньше обещал подкрепления, если таковые понадобятся. Но по мнению тех лиц, от которых зависило решение этого вопроса, обстановка на западном фронте не позволяла взять войска ни из Англии, ни из Франции. Единственным источником подкреплений являлся Египет, откуда 29-ая индийская дивизия уже вышла на Лемнос (26 апреля). В Египте оставались Ланкаширская территориальная дивизия и дивизия ездящей пехоты генерала Пейтона. Часть этих войск могла бы быть взята без особенного ущерба для дела, хотя турки вновь начали проявлять здесь некоторую активность. Французские аэропланы, находившиеся при Сирийской эскадре, обнаружили крупные лагери турецких войск в районе новой северной железной дороги, у Людд и у Ромле. Разведка сообщала о нахождении 8.000 человек у Некль, 16.000 в Газа и бригады с двадцатью орудиями в Эль-Ариш. В день начала Галлипольской операции были получены сведения, что из Некль вышел отряд противника с целью произвести нападение на один из портов

Суэцкого залива, ввиду чего французский крейсер *Desaix* с десантом в 500 человек оставался в Суэце в готовности по первому приказанию выйти к угрожаемому пункту. На западных границах Египта наблюдалось брожение среди местного населения, возбуждаемого турками против Англии.

Однако, считалось, что лучшая защита Египта—энергичные действия против Константинополя и что активность, проявляемая турками, есть или диверсия, или подготовка к попытке минировать Суэцкий канал и подходы к нему. Пока происходили операции в Дарданеллах, опасаться серьезного наступления на Египет не приходилось.

27 апреля Китченер телеграфировал Гамильтону, предоставляя ему право непосредственно сноситься с главнокомандующим в Египте ген. Максвелем по вопросу высылки оттуда подкреплений, и указал при этом, что в распоряжении Максвеля стоят свободные транспорты, только что доставившие дивизию Пейтона. До получения этой телеграммы Гамильтон телеграфировал Китченеру, испрашивая согласие на присылку в Дарданеллы Ланкаширской дивизии. Пока шел обмен телеграммами, Китченер получил сведения из французского морского министерства о том, что подкрепления настоятельно необходимы, и сейчас же сообщил Максвелю, чтобы последний спешно готовил войска к отправке, предлагая в первую очередь послать Ланкаширскую дивизию, если Гамильтон выразит желание ее получить. Вслед за последним распоряжением пришла телеграмма Гамильтона. Китченер сейчас же ответил, что Максвелю даны соответствующие указания и что Адмиралтейство уже приказало адм. Робинсону (командиру портов в Египте) готовить транспорты.

Кроме того, появились и другие перспективы в отношении подкреплений. Д'Амад, имея сведения о том, что французское правительство держит в резерве дивизию для Дарданелл, рано утром 28 апреля прибыл на *Queen Elisabeth* и просил главнокомандующего телеграфировать в Париж с просьбой о высылке этой дивизии.

С отправкой подкреплений произошли некоторые затруднения. Транспорты, доставившие дивизию Пейтона, были оборудованы для перевозки лошадей и требовали переустройства. Затруднение легко обошли, приказав грузиться как есть, и 1 мая Ланкаширская дивизия и маршевые роты австралийцев (3.000 человек) начали садиться на транспорты. Однако, другое затруднение было серьезнее. Вечером 28 апреля Буканирская бригада (на верблюдах) имела схватку с турками в восемнадцати милях от Ходель Бада и случай этот вновь возбудил опасения за канал. С отправкой войск в Дарданеллы, для защиты укреплений Суэцкого канала оставались лишь три надежных индийских

бригады; Каир и Александрия лишались вовсе пехотных частей, а для района канала не хватало артиллерии. Дивизия Пейтона могла заменить пехоту, но полевую артиллерию, которую взять было неоткуда, могли заменить только судовые пушки. Однако, и судов было не много. Эскадра Пирса почти целиком ушла в Дарданеллы и единственную боевую единицу представлял собою французский л. к. *St. Louis*. Легкий крейсер *Philomel* несколько дней тому назад ушел в Аден с двумя небольшими канонерскими лодками для Персидского залива. Лодки во время шторма погибли и *Philomel* был послан оказать помощь отряду, оперировавшему в Сомалилэнде, где отклики войны также нашли свое отражение. Таким образом, в канале оставалось только одно британское судно—легкий крейсер *Proserpine*, не считая вооруженного п/х *Himalaya*, подходившего к Суэцу после ремонта в Бомбее. Французских судов кроме *St. Louis* было три: *Desaix*, имевший специальное назначение, *Montcalm*, стоявший с окончательно изношенными машинами в Измаилии, и старое судно береговой обороны *Requin*. Все эти суда не имели крупнокалиберной артиллерии, столь необходимой для поддержки сухопутных войск, и оборона канала при таких условиях не могла считаться надежной.

Турецкие передовые части появлялись вплотную к каналу в различных пунктах и имелись указания, что нападение неминуемо. 29 апреля была выслана имперская кавалерийская бригада, рассеявшая противника. Турки бежали, но преследовать их не удалось, т. к. лошади были слишком измучены. Адм. Пирс телеграфировал в Адмиралтейство, считая обстановку тревожной, и просил о немедленной присылке *Euryalus'а* и *Bacchante*. Де-Робеку было приказано выслать оба крейсера или какие-либо два других равноценных судна. Само собой разумеется, что это приказание не могло не вызвать затруднений в Дарданеллах и, конечно, вполне соответствовало планам противника. Поэтому была отправлена телеграмма в Париж, что британское правительство будет крайне признательно, если французская Сирийская эскадра прибудет в Порт-Саид, т. к. все свободные суда поглощены Дарданелльской операцией.

Положение в Дарданеллах в этот самый момент осложнилось выходом из строя *Albion*'а, о чем Адмиралтейство еще не знало.

Утром 28 апреля *Albion*, поддерживавший правый фланг французского расположения, получил попадание ниже ватерлинии и принужден был уйти на Мудрос чиниться, при чем ремонт не мог быть закончен ранее трех суток. При таких обстоятельствах о посылке в Суэцкий канал *Euryalus*'а и

Bacchante не могло быть и речи. Все, что мог сделать Де-Робек, это—послать *Goliath*'а.

Отдавая корабль, адмирал лишался не только его артиллерии, но и личного состава, что было не менее важно. При соединенных операциях армии и флота требовалось бесчисленное количество людей для связи, для обслуживания шлюпок, катеров и пунктов выгрузки. Все эти обязанности, связанные с большим количеством других нужд десанта, ложились почти непосильным бременем на Дарданелльскую эскадру и каждый человек был на счету.

Вопрос, однако, уладился, благодаря готовности французов придти на помощь. На охрану Суэцкого канала прибыли в Порт-Саид крейсера *Jeanne d'Arc*, *D'Estrées* и *D'Entrecasteaux* и Де-Робеку было приказано не посылать *Goliath'а*. 30 апреля, когда пришел первый из французских крейсеров, в районе канала все было тихо. Неприятель ушел и не показывался более. Остались лишь следы его попыток поставить заграждения в Соленых озерах.

В Дарданеллах также наступило затишье. Последующие за неудачной атакой позиции Ачи-Баба—Кригия два дня прошли в работах реорганизационного характера. Южный участок фронта, линия которого, как мы знаем, тянулась от горы, стоящей выше батареи Де-Тотт, до участка „Y", был укреплен, главная масса артиллерии была выгружена и установлена на позицию.

У Габа-Тепе—бригада морской дивизии сменила наиболее потрепанные части австралийцев. Заняв окопы, они сразу же выдержали две стремительные атаки турок, но больше неприятель не проявлял себя ничем. Даже артиллерийский обстрел настолько ослабел, что, казалось, будто турки передвинули батареи на другой участок фронта и Бердвуд предполагал назначить наступление на 1 мая. Команды судов по прежнему была. заняты перевозкой различных запасов и боевого снабжения. Работа кипела, не останавливаясь ни на минуту. С берегом была установлена надежная связь, что давало возможность лучше корректировать огонь с моря. Стрельба с кораблей сильно беспокоила неприятеля и окопы, расположенные южнее Критии, были оставлены. Не удавалось лишь справиться с батареями азиатского берега, которые продолжали обстреливать южные участки. Имевшие место, в последних числах апреля, попытки привести к молчанию азиатские батареи и продолжать в проливе тральные работы потерпели неудачу, при чем сопротивление противника явно возростало. Миноносец *Wolwerine* получил попадания в мостик, при чем командир его. был убит. В *Agamemnon* попало два снаряда, в *Henri IV*—восемь, остальные суда тоже пострадали.

Помимо судов, находившихся в проливе, в Мраморное море ушли две наших подлодки, чтобы действовать на турецких морских сообщениях; французская подлодка также пошла туда же.

30 апреля л. к. *Lord Nelson* был послан к Габа-Тепе с п/х *Manica*, чтобы постараться обстрелять главную квартиру противника в Чанак-Кале. Поднявшийся аэростат обнаружил *Гебена* и *Lord Nelson* немедля открыл по нему огонь. *Гебен* не принял вызова и после нескольких залпов нашего корабля ушел под защиту берега. *Nelson* перенес огонь на Чанак-Кале и город быстро запылал. В дальнейшем *Lord Nelson* должен был бомбардировать форт № 13 (группа Килид-Бахр), но аэростат понадобился в проливе и бомбардировка не состоялась.

Пожар в Чанаке разгорался, огненные столбы высоко поднимались к небу. Ввиду приостановки наступления было особенно важно помешать туркам подвозить подкрепления и пожар в Чанаке значительно этому способствовал. Посланные в Мраморное море подводные лодки не давали о себе знать, хотя для связи с ними был специально отправлен в Саросский залив крейсер *Minerva*. Последнее радио было принято, когда они проходили Галлиполи. Французская лодка возвратилась, но ее поход не сопровождался никакими результатами.

Главнокомандующему предстояло решить не легкий вопрос: предупредить ли неприятеля и начать новое наступление теперь же, или ждать подкреплений. Французский десантный отряд, сравнительно свежий, был высажен целиком и мог наступать, но XXIX дивизия, измученная предшествовавшими боями и ослабленная тяжелыми потерями, не годилась для наступления. Остатки Дублинского и Мюнстерского стрелковых батальонов приходилось переформировывать и слить в один батальон; 1-ая ланкаширская бригада потеряла половину своего состава; 86-ая бригада уменьшилась до 2.000 человек. Для замещения всей убыли в дивизии потребовалось около 5.000 человек. Громадное количество людей вместо отдыха принуждено было перетаскивать разные грузы, патроны и снаряды, а также перестраивать пристани. 1-го мая с прибытием индийской бригады положение несколько улучшилось. Первоначальное намерение использовать ее у Габа-Тепе пришлось оставить, т. к. надобность в подкреплениях особенно остро ощущалась на юге, куда и была направлена бригада. Прибытие этой бригады неделею раньше могло бы сыграть громадную роль, теперь приходилось утешаться пословицей „лучше поздно, чем никогда“. Однако, индийские войска не опоз-

дали к новому критическому моменту. Пассивность противника была только кажущаяся и турки в тишине готовились к сокрушительному удару. В течение последних ночей, они успели перевезти с азиатского берега всю XI-ую дивизию, притянутую демонстрацией французов в бухту Башика, а также часть III дивизии, оперировавшей в районе Кум-Кале. Войска шли форсированным маршем, пользуясь горными тропами и преследуя лишь одну цель—как можно скорее усилить слабые пункты фронта. Испытав действие судового огня, турки опасались наступать днем и атака была назначена после наступления темноты. В командование южным районом вступил немецкий полковник Соденштерн, который до того командовал V дивизией, стоявшей в районе Булаира.

К вечеру 1 мая на фронте противника не было заметно никакого движения. Ночь была темная и безветренная, ни один выстрел не нарушал тишины и на эскадре все больше приходили к убеждению, что турки решили ограничиться обороной. Вдруг около 10 часов внезапно заговорила вся турецкая артиллерия. Ураган снарядов с азиатского берега и с позиции Ачи-Баба осыпал передовые окопы. Через несколько секунд открыли огонь наши батареи. Артиллерийская дуэль длилась в течение полчаса, а затем на судах услышали треск пулеметов и ружейных выстрелов. С берега ничего не передавали и по началу нельзя было понять, что именно происходит, пока воздух не огласился криками „алла-дин“, заглушаемыми ответными „ура“. Не оставалось сомнений, что турки пошли в атаку, принятую нашими войсками. Вскоре, однако, падение неприятельских снарядов показало, что линия нашего фронта поддается назад. В темноте эскадра не могла оказать серьезной помощи. На левом фланге *Agamemnon* стрелял, пользуясь указаниями берегового сигнального поста, по участку „Y“, так же, как и *Implacable*, пользовавшийся светящимися снарядами. Но охранявший правый фланг *Vengeance* ничем не мог помочь французам, а им-то особенно требовалась самая серьезная поддержка. Сенегальцы не выдержали натиска, бежали и надо было остановить панику. Положение на правом фланге было настолько тяжелым, что в 2 часа ночи Гамильтон послал д'Амаду батальон Морской дивизии из состава резерва главнокомандующего (индийская бригада и два батальона Морской дивизии). Через час пришли отрывочные сведения о том, что прорван английский фронт. По счастью, это оказалось не совсем верным. В 4 часа Вестон дал знать, что хотя противнику и удалось было прорваться в двух, трех пунктах, но атака отбита и линия фронта остается прежней.

Гамильтон, находившийся в это время на транспорте *Arcadian*[1]), счел момент подходящим для перехода в контратаку. Несмотря на крайнее утомление, войска по всему фронту бросились вперед и противник стал отступать. К рассвету вся местность была полна отступающими и брошенными ранеными турками. Суда присоединились к стрельбе полевой артиллерии и наши части быстро подвигались вперед, пока не попали под жаркий огонь пулеметов, искусно скрытых в складках местности. Дальнейшее продвижение остановилось; наступательный порыв измученных войск выдохся и не оставалось ничего другого, как отступить на свои старые позиции.

Поле сражения было усыпано трупами турок, которые, кроме того, потеряли несколько сот человек пленными, но и мы пострадали не мало. Результат же боя свелся к тому, что союзные войска снова стояли на прежнем месте на полпути между берегом и Ачи-Баба.

Ободренный успехом, Соденштерн повторил атаку в ночь на 2-ое мая. На этот раз главный удар обрушился на французов, но французы успешно отбили турок и нанесли им тяжелые потери. Повторная атака на следующую ночь закончилась также неудачно и генерал Сандерс запретил дальнейшие наступательные операции, приказав сосредоточить войска для обороны позиции Крития—Ачи-Баба.

Эта тактика противника не замедлила обнаружиться, но несмотря на ограниченность боевых запасов и испытанные трудности, Гамильтон считал, что оставить дела в таком положении нельзя. Противник рыл окопы, устраивал проволочные заграждения и не могло быть сомнений, что если ждать, пока прибудут подкрепления, то турки за это время успеют создать неприступную позицию между нашим фронтом и Ачи-Баба. Факт переброски турецких войск с азиатского берега, после оставления французами Кум-Кале, также не вызывал сомнений. Кроме того поступали тревожные донесения разведки о переброске войск из Адрианополя в район Константинополя, на демонстрацию же русских войск у Босфора надежды было мало.

28 апреля Адмиралтейство получило сообщение из Петрограда, что Кавказский армейский корпус, о котором нам раньше сообщалось, как уже о посаженном в Севастополе на транспорты, высажен на берег[2]). При этом указывалось

---

[1]) 30 апреля Гамильтон с *Queen Elisabeth* перешел на транспорт *Arcadian*, куда перебрался и весь его штаб.

[2]) С началом морской операции у Дарданелл Адмиралтейство обратилось к русскому командованию с просьбой оказать возможное содействие со стороны Черного моря, с целью оттянуть на себя силы турок. 19 февраля 1915 г. Ставка дала адм. Эбергарду соответствующие директивы (см. примечание на стр. 193), где Черноморскому флоту предписывалось произвести

на возможность, в случае надобности, в десятичасовой срок произвести обратную посадку. Однако, в то же время, мы предупреждались, что немцы готовят новый серьезный натиск в Галиции, почему рассчитывать на Кавказский корпус не приходится. Помочь мог только Черноморский флот и Де-Робек немедленно телеграфировал Эбергарду просьбу оказать наивозможно сильное давление у Босфора, дабы

ряд демонстраций у проливов и одновременно вести подготовку транспортных средств на случай, если результаты операции у Дарданелл позволят развить успех «до занятия Босфора совместно Черноморским флотом и флотом союзников».

В соответствии с этим в Одессе, где была сосредоточена вся транспортная флотилия Черного моря, делались демонстративные приготовления к десантной операции, были выделены с той же демонстративной целью войска, производились пробные посадки и т. п. действия, которые имели целью ввести разведку неприятеля в заблуждение. Однако, серьезных шагов для совместных действий не предпринималось, тем более, что операция на Босфор требовала на первое время не менее двух корпусов, выделить которые с фронта Ставка не имела возможности. Поэтому указания Корбетта на целый армейский корпус, сосредоточенный в Севастополе (?) не верно, так как демонстративные и пробные посадки делались в Одессе без какого бы то ни было намерения осуществлять операцию на Босфор. Впрочем, не исключалась возможность в случае решительного успеха союзников срочная посылка десанта к Константинополю, дабы принять участие в финальном акте дележа Турции.

Когда перед началом операции прорыва в Дарданеллы Черчилль обратился в Ставку (5 марта 1915 г.) с просьбой начать одновременно «систематическую бомбардировку» внешних фортов Босфора (см. примечание на стр. 212), эта просьба понималась как содействие лишь средствами флота, которому надлежало «с дальнего расстояния» обстреливать укрепления пролива в целях создать впечатление подготовки к десантной операции.

Таким образом, видно, что союзники не слишком настаивали на десантной операции русских на Босфор, предпочитая получить содействие Черноморского флота в виде бомбардировок босфорских укреплений и демонстративных действий у берегов, с главной целью связать адрианопольские и константинопольские корпуса. Ряд бомбардировок Босфора в этом отношении достиг своей цели, так как германо-турецкое командование не рискнуло оголить при-босфорский район от войск, что подчеркивает и Корбетт.

Здесь будет уместно указать, что неоднократно высказываемые Корбеттом мысли о важности для хода всей войны скорейшего «выбытия» Турции из войны, создания полной изоляции центральных держав и установления обеспеченной связи между Россией и союзниками через проливы для использования выгодных возможностей действий по внешним операционным направлениям—относятся скорее к области позднейших выводов автора, чем к реальным стремлениям союзников того времени. По крайней мере каких-либо реальных планов или практических шагов ни у союзников, ни у русского командования в этом направлении предпринято не было. Очевидная боязнь, что разрешение подобным образом «Восточного вопроса» приведет Россию не только к утверждению на берегах Босфора, но и к выходу в Средиземное море, тушило всякую мысль о подобном способе разрешения борьбы. Англия не могла не понимать, что хотя такое решение обещает большие возможности для союзной стратегии, но слишком опасно для будущего, почему тогдашние руководители английской политики и стратегии, предпочитали держать под спудом столь опасные методы достижения «общего» успеха.

Ред.

приостановить поток подкреплений, идущих в Галлиполи.

Командующий Черноморским флотом, бомбардировавший одновременно с нашей высадкой Босфор, в ответ на просьбу Де-Робека снова появился у пролива. 2-го мая русская эскадра, в числе семнадцати вымпелов, в течение двух часов обстреливала входные форты, а на следующий день обстреляла правый фланг укреплений Чаталджи и соседние с ним форты. 4-го мая было произведено демонстративное траление и разведка в бухте Инада, весьма удобном месте для высадки, расположенном вблизи турецкой границы [1]). 5-го мая предполагалось повторить бомбардировку Босфора, но погода прекратила дальнейшие операции. Сделать большего русские были не в состоянии и мы не могли рассчитывать, чтобы подобные операции повлияли на положение в Дарданеллах. Современная военная наука учит, что демонстрация одним только флотом не может создать нужной угрозы, взять же необходимые для этого сухопутные силы было неоткуда. Стремительное австро-германское наступление началось и намеченный Кавказский корпус был брошен в Галицию. Тем не менее демонстрация Черноморского флота, как это бывало и раньше, не осталась без последствий и заставила турок в течение двух месяцев держать на Босфоре три дивизии и оставить на местах всю тяжелую артиллерию, которую до этого предполагалось перевести на Галипольский полуостров.

Наши попытки прервать турецкие сообщения пока что не сулили успешных результатов. Господство эскадры над Булаирском перешейком мешало туркам пользоваться дорогами этого района. Морские же пути в Мраморном море все еще оставались открытыми, несмотря на всю энергию и лихость командиров подлодок. На лодки возлагались большие надежды, но, увы, они встретили слишком большие трудности.

Французские лодки не обладали достаточным районом плавания, чтобы войти в Мраморное море. Подлодка *Bernouilli*, подхваченная течением, была снесена обратно в пролив, *Joule* наскочила на мину и погибла со всей командой. Это произошло 1 мая, но стало известно двумя днями позже;

---

[1]) Первая бомбардировка Босфора Черноморским флотом была произведена 28 марта. Бомбардировка 2—3 мая явилась третьей по счету. В первый день линкорами «Три Святителя» и «Пантелеймон» был произведен обстрел внешних фортов Босфора, на следующий день линкоры «Три Святителя» и «Ростислав» обстреляли район Кара-Бурну и Чаталджи. Операция выполнялась под прикрытием остального флота в составе 3 линкоров, 3 крейсеров, 9 миноносцев, 1 гидро-крейсера и 4 заградителей, исполнявших обязанности тральщиков. Обстрел Инады 4 мая был произведен лин. кор. «Ростислав» и кр. «Память Меркурия». *Ред.*

тогда же поступили сведения, что австралийская лодка *AE-2* уничтожена турецким миноносцем и команда ее взята в плен. 30 мая у одного из островов Мраморного моря она была обнаружена м-цем *Султан-Хиссар*; произошел бой, продолжавшийся два часа, после которого лодка утонула, а люди были спасены противником. Таким образом, оставалась лишь одна *E-14*. Командиру ее, кап.-лейт. Бойлю, вначале очень повезло. На рассвете 27 апреля он прошел под минными заграждениями и всплыл в районе Чанака. Попав сразу под сильный обстрел фортов, он благополучно избежал попаданий и, заметив несколько дозорных судов, среди которых находилась канонерка, решил ее атаковать. Столб воды, поднявшийся на поверхности, говорил за то, что торпеда попала, но ждать, чтобы более точно судить о результатах, было нельзя. В этот момент лодка подвергалась совершенно необычайному способу нападения. С подошедшей шлюпки люди хватались за перископ и Бойль быстро погрузился. Удачно справившись с сильным течением у м. Нагара, *E-14* продолжала крейсерство у восточной стороны входа в пролив, но подверглась преследованию и обстрелу миноносцев, вынужденная большую часть времени оставаться под водой, всплывая только для зарядки аккумуляторов. Один из ее перископов был снесен огнем преследовавших дозорных судов. Днем 29 апреля с востока показались три миноносца, конвоировавшие два транспорта. Поверхность воды была как зеркало и миноносцы не могли не видать перископа, но Бойль, все-таки, пошел в атаку. Выпустив торпеду, лодка сразу погрузилась, не зная результатов, но ощутив взрыв. Через полчаса она поднялась и увидела, что с миноносцами оставался один транспорт, другой же, закрытый облаками желтого дыма, шел прямо в берег у Сара-Киоя.

1 мая *E-14* удалось потопить еще одну небольшую канонерку и на этом ее успехи закончились. Несколькими часами позже она атаковала третью канонерку, но неудачно. Торпеда не попала и канонерка пыталась таранить. Лодка благополучно увернулась от таранного удара и выпустила вторую торпеду, но снова неудачно.

Появление подводных лодок несколько затруднило турецкие сообщения в Мраморном море, но прервать их окончательно не могло. В проливе же подвоз подкреплений продолжался совершенно беспрепятственно, что было особенно нежелательным ввиду необходимости не допустить усиления неприятеля перед нашей решительной атакой.

Каждый день промедления давал противнику время усилить оборонительные сооружения позиции Ачи-Баба и главнокомандующий считал, что, не взирая на все утомление войск, их все же придется вновь бросить в дело.

После беспрерывных тяжелых боев днем и ночью в течение целой недели нельзя было ожидать, чтобы войска могли достигнуть успехов без поддержки, но такая поддержка явилась.

Около Габа-Тепе, на рассвете 2 мая, миноносцы *Colne* и *Usk* с небольшим десантом ново-зеландцев произвели набег на бухту Сувла и, захватив турок врасплох, уничтожили наблюдательный пост у м. Нибрунези, взяв в плен почти всю команду поста. Вечером под прикрытием сильного огня с кораблей была произведена атака турецких окопов и, хотя результаты атаки не вполне соответствовали ожиданиям, все же положение на участке австралийцев упрочилось. Главнокомандующий считал положение настолько благоприятным, что полагал возможным без особого риска использовать преимущества, которые давало ему море, и оказать помощь южным участкам. Бердвуду было приказано дать две бригады с тем, чтобы под покровом ночи незаметно подвести их на миноносцах и тральщиках к участку „W" и высадить там перед началом наступления.

Первоначально операция была назначена в ночь на 4-ое мая, но затем была отложена, так как требовалось предварительно перевести пять батарей полевой артиллерии. Кроме того в ночь на 4 мая адмирал Терсби решил уничтожить второй наблюдательный пост у Габа Тепе. Ему было дано сто человек пехоты, посланных на миноносцах *Colne*, *Usk*, *Chelter* и *Ribble* с паровыми катерами с *Triumph*'а и *Dartmouth*'а и под прикрытием крейсеров *Bacchante* и *Dartmouth*. В темноте десант на буксире катеров пошел к северной оконечности мыса и с первыми лучами рассвета шлюпки под веслами направились к берегу. Однако, на этот раз нападение врасплох не удалось. С берега немедленно открыли сильнейший обстрел и десант едва успел укрыться за высоким берегом. Оказалось, что вся местность кругом так прочно занята и надежно покрыта проволочными заграждениями, что слабым силам десанта не приходилось и думать о какой либо борьбе. В 6 ч. 30 м. под прикрытием огня с миноносцев шлюпки вернулись, понеся ничтожные потери.

Перевозка двух бригад ново-зеландцев к мысу Хеллес была назначена в ночь на 5 мая. Распоряжением Де-Робека миноносцы и тральщики должны были прибыть днем для того, чтобы успеть ознакомиться с точным планом операций и получить последние приказания: однако погода с утра испортилась и после полудня ветер достиг такой силы и развел такую волну, что они не смогли войти до наступления темноты. Затруднение обошли, выслав командиров миноносцев и тральщиков вперед на кр. *Amethyst*, и адмирал имел возможность лично дать им нужные инструкции.

Ночь выдалась исключительно темная и посадка началась только в 11 часов 30 м. вечера, когда взошла луна. Благодаря неутомимой работе береговых матросских партий и дружной помощи сухопутных войск, к моменту перевозки на берегу стояло семь прекрасных пристаней и за каждый рейс всех плавучих средств на миноносцы доставлялось 3.000 человек. К 2 ч. утра миноносцы с ново-зеландской бригадой уже ушли. Штормовая погода несколько задержала прибытие тральщиков, назначенных для посадки 2-ой австралийской бригады, и она смогла выйти только в 4 ч. 30 м. у. По прибытии к месту назначения обе бригады вместе со сводной морской бригадой (Плимутская морская пехота и батальон „*Drake*“) составили новую дивизию, которую Гамильтон оставил в своем личном распоряжении в качестве резерва главнокомандующего.

Накануне прибыла из Египта и начала высадку I-я бригада Ланкаширской территориальной дивизии, а транспорты со второй бригадой подходили к Дарданеллам.

Ко времени начала генерального наступления (6 мая) число кораблей поддержки значительно сократилось.

2-го мая *Albion*, только что вернувшийся после исправления повреждений, полученных 28 апреля во время поддержки правого фланга французов, получил снаряд с азиатского берега и корабль был вынужден вновь итти чиниться на Мудрос. На следующий день такая же участь постигла *Prince George*'а. Азиатские батареи, против которых он все время действовал, удачным попаданием 6″ снаряда в его кормовую часть, ниже броневого пояса, принудили его уйти в ремонт на Мудрос.

По осмотре повреждений оказалось, что *Prince George*'у требуется ввод в док, и он ушел на Мальту. Для поддержки обстрела французами азиатского берега пошел *Agamemnon*, т. к. *Goliath*'у надо было грузиться углем, а *Latouche Treville* расстрелял весь свой боевой запас. Для действий против правого фланга в пролив вошел *Jaureguiberry* под флагом адмирала Гепратта, присоединившись к *Lord Nelson*'у и *Vengeance*'у. *Swiftsure* и *Euryalus* стояли, как и прежде, у Текке-Бурну и Хеллес, а *Queen Elisabeth* перешел на левый фланг к *Implacable*'ю и *Sapphir*'у.

Начало атаки было назначено в 11 ч. утра, т. к. вопреки мнению флота ген. Вестон считал нежелательным наступать до рассвета. Все части лишились большинства офицеров и генерал находил опасным двигаться в темноте по пересеченной местности. К тому же успех атаки в значительной степени зависил от предварительной артиллерийской подготовки с моря и суши. Кроме того солдаты противника не менее наших утомились ночными операциями и днем утомление сказывалось на них сильнее.

План операции намечал одновременное наступление на Критию с запада и юго-запада. После получасового обстрела,— на более длительный не хватало снарядов,—атака началась в точно назначенное время и бой закипел по всей линии. Турки оказывали сильное сопротивление, которому способствовали искусно скрытые в складках местности пулеметы; продвижение шло медленно. Наступление левого фланга задерживалось сильным турецким укреплением, расположенным вплотную к побережью участка „Y“, фатальная эвакуация которого вновь давала себя чувствовать очень остро. Было очевидным, что замаскированные батареи находятся где-то за вершиной неприступных скал, севернее побережья, ставшего потом известным под названием Gurkha Bluff, но точное их местонахождение не удавалось установить. Воздушные аппараты не могли подняться из-за продолжавшейся непогоды, а без их помощи полевая артиллерия и орудия *Sapphire*'а были не в силах нащупать тщательно укрытые орудия противника. В результате на левом фланге войска не смогли продвинуться далее 150—200 саженей и к 4 часам получили приказание окопаться в ожидании возобновления атаки на следующий день. Реального успеха удалось достигнуть лишь на правом фланге, где после жарких боев французы при поддержке судового огня заняли весьма важные тактические позиции на возвышенности реки Керевец.

Не подлежало сомнению, что, пока не будет сломлено сопротивление турок у участка „Y“, достижение поставленной задачи невозможно. Поэтому сухопутное командование обратилось за помощью к морякам.

Возобновление атаки было назначено на 10 ч. утра 7 мая, и Де-Робек приказал п/х *Manica* с аэростатом прибыть за час до ее начала к флагманскому кораблю к участку „Y“. Туда же пришли *Talbot* и *Swiftsure*, под флагом Никольсона. Однако, ни с аэростата, ни с берега нельзя было получить никаких указаний о местонахождении турецкого укрепления и судам пришлось сосредоточить огонь по возвышенности, расположенной в одной мили от Критии, откуда долина спускалась к морю около Gurkha Bluff. Эта возвышенность являлась ближайшим объектом действий левого фланга. *Swiftsure* подошел вплотную к берегу, обстреливая своими 14-ти фунтовыми орудиями всю местность позади Gurkha Bluff, стараясь нащупать замаскированные батареи, но все его старания остались тщетны и войска левого фланга остались на месте. На остальных участках всюду удалось несколько продвинуться вперед. На правом фланге французы за ночь потеряли свои позиции, но к 3 часам дня когда, по словам турок, судовой огонь смел передовые турецкие окопы, они вновь восстановили положение.

После непродолжительной новой артиллерийской подготовки, длившейся четверть часа, Гамильтон приказал повторить атаку. На правом фланге и в центре, где судовой огонь сделал свое дело, войска брали окоп за окопом, работая штыками, и подошли к самой Критии. Но использовать этот успех не представлялось возможным, т. к. крайний левый фланг не двигался вперед, несмотря на то, что в сектор между рекой Цигхия-Дере и морем были введены свежие войска.

Вновь посланные подкрепления не помогли делу. К наступлению темноты левый фланг стоял на прежнем месте; на остальных участках войска окапывались на новых позициях. Турецкое укрепление у участка „Y" оставалось не тронутым. Успехи дня, конечно, были недостаточны, и обстановка требовала возобновить атаку, не откладывая. Ланкаширцев, занимавших позиции на оконечности левого фланга, сменили ново-зеландцы, куда отправился и главнокомандующий, чтобы лично руководить наступлением. *Queen Elisabeth* должен был еще раз попытаться уничтожить грозное укрепление, но и на этот раз аэростат не смог его обнаружить. В 10 ч. 30 м. ново-зеландцы пошли в атаку. Турки опять оказали сильнейшее сопротивление и наступавшие части почти не продвинулись. Главнокомандующий вызвал из своего резерва австралийскую бригаду и приказал начать наступление по всей линии. В 5 ч. 15 м. судами и полевой артиллерией был начат ураганный огонь и, когда через пятнадцать минут артиллерия смолкла, войска с удвоенной энергией бросились вперед. В рукопашной схватке линия дерущихся то подвигалась, то отступала. Так продожалось до наступления темноты, когда силы войск совершенно иссякли. К этому времени окончательно выяснилось, что соединенная атака Ачи-Баба не удалась.

Все же нельзя сказать, чтобы она закончилась без всяких успехов. Кое что удалось достигнуть. На правом фланге фронт союзников продвинулся на 250 сажень, на левом и в центре на 200 сажень, что на столь трудной местности являлось уже не малым успехом. Ожесточенные контр-атаки турок, имевшие место в течение последующих ночей, достаточно убедительно говорили за то, какое значение они придавали потерянному пространству. Попытки вернуть его стоили противнику дорого и окончились неудачей. Повсюду новые позиции остались за нами и тщательно укреплялись. Особенным упорством отличалось наступление на новые позиции французов. Однако, при поддержке морской дивизии и судов, обстреливающих продольным огнем долину реки Керевец, наши союзники устояли. Новая линия фронта тянулась на одну милю вдоль западного берега реки Керевец и затем шла поперек полуострова к Цигхия-Дере, против

участка „Y“, где под берегом огибало то самое турецкое укрепление, которое сыграло столь крупную роль в неудаче нашего наступления на левом фланге. Впервые за две недели, истекшие с момента начала высадки, главнокомандующий получил возможность считать свое положение на полуострове упроченным, но все же он не мог быть спокойным, пока оставалось не захваченным грозное турецкое укрепление на его левом фланге.

К этому времени прибрежный участок фронта занимала индийская бригада, при чем на приморском фланге его находился 6-ой полк гурков, привычных к горным крутизнам, почему Гамильтон решил использовать природную ловкость этих горцев при выполнении намеченного им нового плана.

Пока шла его разработка генерал Бердвуд получил приказание оказать сколь возможно сильный нажим на турок, чтобы заставить их оттянуть силы с позиции у Ачи-Баба. 9 мая стремительной атакой Бердвуд продвинулся вперед, но на следующий день, уступая превосходным силам, отошел в исходное положение.

Тем временем командный состав гурков произвел на *Sapphire* рекогносцировку побережья на участке „Y“. Скалы считались турками настолько неприступными, что нападение врасплох сулило полный успех и помощь с моря была признана не нужной.

6-ой полк занимал позиции на скалах южнее участка „Y“, севернее же их у самого берега поднимались почти отвесные утесы и на них то и должны были взобраться гурки, чтобы занять высоты участка. Попытка удалась, но оказавшись наверху гурки сразу попали под сильный огонь и вынуждены были отступить. Нападение врасплох не удалось, но принесло новые весьма ценные и совершенно неожиданные данные. Оказалось, что за возвышенностью расположена неглубокая котловина, где засели турецкие стрелки и пулеметчики, имевшие возможность обстреливать побережие „Y“ по всей его длине.

11 мая состоялась новая рекогносцировка на миноносце, позволившая рассмотреть берег в деталях, и в ночь на 12 мая гурки снова начали подкрадываться к скалам. В то же время бригада Манчестерских стрелков, стоявшая дальше от берега, начала при поддержке тяжелой артиллерии демонстративную атаку. Через полчаса внизу под скалами сосредоточились две головные роты гурков и когда наступил момент для перебежки, *Dublin* и *Talbot* с 7 каб. начали обсыпать котловину снарядами. Эффект стрельбы превзошел все ожидания. Через сорок пять минут гурки достигли другого конца прибрежной полосы, не потеряв ни одного человека даже раненым. Затем огонь прекратился и солдаты поползли по скалам. Повидимому, демонстрация Манчестерцев

совершенно поглотила внимание турок и они прозевали гурков, передовые роты которых в течение ночи благополучно выбрались на вершину возвышенности и там окопались. Остальные роты с таким же успехом присоединились к своим товарищам. Утром 13 мая гурки заняли столь надежное положение, что все побережие участка „Y“ оказалось вновь в наших руках. Грозная возвышенность не представляла больше опасности и левый фланг свободно продвинулся вперед.

Таким образом, линия нашего фронта упрочилась и экспедиционный корпус мог сравнительно спокойно ждать разрешения стоящих перед ним новых проблем.

ГЛАВА XX.

Развитие подводной войны и гибель п/х. Lusitania. Конвенция с Италией. Отставка адмирала Фишера и первого лорда Адмиралтейства Черчилля.

Карта 1.

Вторичная неудача попытки овладеть Галлипольскими укреплениями явилась крупным событием, завершающим собой очередной этап войны. Надежда быстро изолировать центральные державы и открыть непосредственное сообщение с Россией рухнула. Без присылки крупных сухопутных подкреплений о дальнейших успешных соединенных операциях армии и флота не могло быть и речи. Мы оказались перед фактом, что продолжение Дарданелльской кампании предъявляет к нашим морским и сухопутным силам требование такого масштаба, который совершенно не входил в первоначальный план.

Возникшее затруднение, само по себе достаточно тяжелое, усугублялось тем обстоятельством, что оно совпало с моментом начала интенсивной подводной войны немцев против торговли.

Наличие этой опасности заслоняло фактически явление более важное—неудачу в Галлиполи и влияние этого нового фактора сильно осложняло Дарданелльскую проблему. Операции германских подводных лодок показали, насколько не обеспечено приобретенное нами господство на море и какие потребуются усилия для того, чтобы сделать его полным.

Не было уверенности, что морские ресурсы страны окажутся в силах выдержать тяжесть продолжения Дарданелльской операции. А продолжать ее было необходимо. Приостановка нашего наступления давала туркам возможность усилить свои укрепления, и будущие военные действия на

Галлиполи могли вылиться в форму длительной осады, подобно тому как это было с Порт-Артуром. Подобное положение неизбежно усиливало требования на транспортные средства и усложняло вопрос с тоннажем, тесно связанный с последствиями подводной угрозы. До сих пор ни в Англии, ни в Дарданеллах подводные лодки не считались оружием, при помощи которого можно было бы оспаривать господство на море. Неоднократные слухи о появлении лодок в Егейском море вызвали некоторое беспокойство, но не более.

Из предыдущего читателю известны меры, принятые против устройства немцами маневренных баз для подлодок в Будруме. Однако, до середины апреля сведения разведки о подводных лодках не оправдывались. Затем сведения эти начали усиливаться; становилось очевидным, что немцы приводят в исполнение план систематической посылки лодок в восточную часть Средиземного моря. На побережьи Испании, в Виго, было обнаружено, что немцы устраивают там необходимые для лодок склады; такие же донесения о появлении лодок поступали с берегов Португалии и из различных пунктов Средиземного моря. 9 мая пришло известие о лодке, замеченной при выходе из Мессинского пролива. Тревога оказалась ложной, но 6 мая миноносец № 52, посланный из состава Гибралтарского дозора к острову Альборан, встретил немецкую лодку по остовую сторону острова. Лодка выпустила торпеду, но промахнулась. Миноносец бросился таранить и дважды прошел над лодкой, однако, не мог нанести ей повреждения вследствие малой осадки. На следующий день неудачному нападению лодки, повидимому, той же самой, подвергся английский пароход, проходивший по близости от Картагены.

Усилению впечатления способствовала и деятельность австрийских подлодок в Адриатике. Она настолько усилилась, что даже заставила французов ослабить блокаду. Со времени атаки *Jean Bart* блокада поддерживалась отрядом из семи крейсеров с флотилией миноносцев и все обстояло благополучно, пока не произошел трагический случай с крейсером *Gambetta*.

В лунную ночь с 26 на 27 апреля *Gambetta* под флагом адмирала Сенэ, с двумя другими крейсерами, находился в дозоре у берега Италии и, заметив парусника, уменьшил ход и послал шлюпку его осмотреть. Не успела шлюпка возвратиться, как в крейсер попала торпеда, выпущенная с неизвестного направления, и он почти мгновенно затонул. Из команды удалось спасти лишь 136 человек. Адмирал, командир и все офицеры погибли. Ввиду того, что незадолго до этого крейсер *Waldeck Rousseau* едва не подвергся такой же участи, было решено держать крейсера мористее, а у берегов оставить только миноносцы. Ослабление блокады сразу же

сказалось. Ободренные успехом австрийские подлодки стали показываться у Корфу, а 6 мая, в открытом море между Кефалонией и побережьем Калабрии, появился даже один из новейших австрийских легких крейсеров. За ним погнались крейсер *Jules Ferry* и миноносец *Bisson*, но противник, благодаря преимуществу в ходе, легко ушел от преследования и скрылся на норд. В этот период времени Средиземное море было наполнено нашими транспортами и проявление активности австрийского флота не только давало повод для нового беспокойства, но и послужило причиной к перемене дислокации морских сил Средиземного моря.

Узнав о безнаказанном выходе австрийского крейсера, Адмиралтейство тотчас же сделало соответствующие представление в Париж, указав на всю важность недопущения повторения подобного случая, и одновременно послало как адм. Пирсу, так и адм. Лимпусу (старшему морскому начальнику на Мальте), приказание принять решительные меры по охране транспортов от подводных атак противника.

После периода затишья, деятельность германских подводных лодок у английских берегов, как и ожидалось, стала развиваться усиленным темпом. В начале апреля немцы потопили пять английских и три парохода союзников, при чем вновь проявили крайнюю жестокость. Кроме того ими было уничтожено пять рыбачьих судов, которых ни мы, ни французы даже в самые трудные дни войн никогда не трогали. Затем опять наступил короткий перерыв и между 7 и 15 апреля погибло лишь три английских судна и два союзников. В эти же дни был взорван без предупреждения голландский п/х *Katwiyk*, хотя он и находился в водах, не входивших в „военную зону“.

К концу месяца случаи нападения подлодок уменьшились. Однако, если потери за апрель и не соответствовали надеждам немцев, то все же они не могли не вызывать весьма тревожных опасений. В апреле мы лишились одиннадцати судов общим водоизмещением в 22.000 тонн. Из числа их без предупреждения было потоплено четыре парохода и два рыбачьих траулера. Союзники потеряли за это время шесть судов; столько же потеряли нейтральные государства.

В Канале за вторую половину апреля не было ни одного случая потопления и, казалось, что меры, принятые нами в Дуврском проливе против прохода лодок, себя оправдывают, несмотря на все их дефекты. Как выяснилось впоследствии, предположения оказались правильными. В самом начале апреля германская лодка *U-32*, следуя в Канал, запуталась в сетях и, хотя в конце концов выбралась благополучно, не рискнула возвращаться в Германию тем же путем. В результате германское морское командование запретило лодкам проходить Дуврским проливом. Всем им предписы-

валось держаться севернее, а для операций в южном районе были назначены лодки типа „UB“, из которых в Остенде и Зеебрюге формировалась, так называемая, „Фландрская флотилия“. Три лодки типа „UB“ оперировали не без некоторого успеха в первой половине апреля, но затем быстро испортились и были отозваны для капитального переустройства, так как оказались во всех отношениях неудачными [1]).

Руководитель работ по устройству Дуврского сетевого заграждения, адмирал Худ, конечно, не смог знать об успешности своих стараний и считал их результаты далеко неудовлетворительными. Дело с сигнальными сетями все еще не налаживалось. 7 апреля он доносил, что хотя почти каждый день часть сетей срывается подлодками, но буйки не оправдывают своего назначения. Вскоре, однако, для поплавков начали поступать специально изготовленные стеклянные шары и дело поправилось. Кроме того, несмотря на всевозможные трудности, удалось установить самый большой бон от Фолькстона до Gris Nez, а 8 апреля была разрешена еще более трудная задача. Два пассажирских парохода *Prince Edward* и *Queen Victoria*, поддерживавшие в мирное время срочные рейсы в Канале и оборудованные теперь для постановки сетевого заграждения на большом ходу, под конвоем двух миноносцев подобрались к Остенде. До рассвета им удалось поставить около трех четвертей мили сетей в течение двадцати минут. Прежде чем батареи противника успели открыть огонь, работа была закончена, и заградители ушли нетронутыми. Этой операцией деятельность Худа в Дувре закончилась. Он получил в командование эскадру Ирландской станции и был сменен адмиралом Бейконом.

В течении мая в Канале ожидалось усиленное движение транспортов, так как, помимо обычной доставки во Францию людей, лошадей и воинских грузов, предстояла отправка на фронт трех дивизий «новой» армии. Их отправлению предшествовало осуществление нового вида защиты путей следования транспортов—постановка минных заграждений в тех районах, где скорее всего могли держаться неприятельские подводные лодки. Одно заграждение было поставлено 24 апреля у Beachy Head, другое—2 мая у Дартмута. Но предосторожности были излишни. Немецким лодкам, как читатель уже знает, было запрещено входить в Канал, и все три дивизии, свыше ста тысяч человек, без всякой помехи со стороны противника переправились на континент.

В другом не менее важном районе, т.-е. XVII, обнимавшем Северный Канал (North Channel) и подходы к Глазго,

[1]) Gayer, том II, стр. 20—22.

Ливерпулю и Бельфасту, были достигнуты не меньшие успехи.

Сменивший здесь 2 апреля адмирала Барлоу адмирал Бойль получил в свое распоряжение 80 тральщиков и дрифтеров, число которых к концу месяца возросло до 130. Ширина Северного Канала была в два раза меньше ширины Дуврского пролива, но сетей требовалось сюда в два раза больше. Происходило это вследствие большей глубины (до 17 сажень) и отсутствия на дне моря остовов погибших судов, которые у Дувра затрудняли проход лодок под сетями. Поэтому задача сводилась не столько к тому, чтобы запутать лодку в сеть, сколько заставить ее как можно дольше оставаться под водой, не давая возможности всплыть для зарядки аккумуляторов. Заграждение представляло собою параллелограмм двадцать миль длиною и двенадцать миль шириною. Норд-вестовый его угол соприкасался с островами Kathlin, а каждая из сторон тянулась в расстоянии десяти миль от смежного берега наиболее узкой части Северного Канала. Наличие значительного количества дрифтеров позволяло, при благоприятной погоде, держать протянутыми поперек фарватера четыре-пять рядов сетей. При условии охраны заграждения дозорными судами, лодка лишалась возможности всплыть на пространстве минимум в двадцать миль. Кроме того, с каждой стороны загражденного пространства были установлены пятимильные дозорные районы. В общем идея сводилась к тому, чтобы заставить лодку погрузиться, не доходя пяти миль до сетей, и держать ее под водой, пока она, миновав сети, не пройдет еще пяти миль. Таким образом, всплыв после 30-мильного плавания под водой и израсходовав всю энергию аккумуляторов, противник имел мало шансов уйти от дозорных судов. Для торговых судов оставался проход между островами Kathlin и материком, шириною в три мили, охранять который не представляло особых затруднений.

Проверить на опыте организацию всего дела, однако, не пришлось. Немцы сосредоточили свое внимание на другом районе. Начали поступать донесения о появлении лодок в Канале Св. Георгия и с западной стороны Английского Канала, т.-е. из того района, откуда начинались наши сообщения с Дарданеллами. 8 апреля, в день отправления из Авонмута в Египет транспортов с головными эшелонами дивизии ген. Пейтона, большая немецкая лодка была замечена в Бристольском канале, другие лодки были обнаружены у берегов Ирландии. Миноносцев для конвоя не хватало и хотя транспорты выходили группами по два, а иногда и по три, не было возможности конвоировать их дальше как до островов Lundy. В результате один из транспортов при проходе острова Сцилли был подорван торпедой, но ему

удалось дойти до Куинстоуна и пересадить войска на другой пароход. Еще до этого случая предполагалось прекратить посылку войск из Авонмута, теперь же окончательно было решено дальнейшие отправки войск производить из Плимута. Это не только давало возможность охранять транспорты дозорными отрядами XIV района, но и сокращало плавание конвойных миноносцев.

До сих пор в XIV районе дела обстояли неблагополучно, хотя район располагал шестью отрядами дозорных судов и 36 тральщиками и дрифтерами. Случаи нападения лодок повторялись неоднократно, особенно у Сцилли, где было утоплено несколько пароходов. 15 апреля адм. Фишер произвел полную реорганизацию охранной службы. Район был выделен из ведения главного командира в Девонпорте, разделен на четыре участка и подчинен отдельному начальнику кап. 1 р. Филлимору с пребыванием последнего в Фальмуте. Участок Сцилли получил вооруженную яхту и три отряда дозорных судов; участки Фальмутский, Плимутский и участок Пензанс—по два отряда и по яхте. Кроме того, было приступлено к установке радиостанции в Сэн-Мери на Сцилли.

К концу апреля организация Вспомогательного Патруля значительна окрепла; число судов увеличилось и служба заметно наладилась, но успех дела сильно тормозился нехватками орудий и радио-телеграфистов. Помимо штатных дозорных флотилий в отечественных водах находилось шестьдесят вооруженных яхт и свыше ста дозорных траулеров и дрифтеров. Двадцать яхт и сто траулеров спешно переделывались и готовились вступить в строй. В это количество не входили тральщики, занятые только тралением, а также специальные суда при бонах, моторные катера, равно как и пятьдесят тральщиков для Дарданелл. Общее число вспомогательных судов к описываемому моменту достигало 1.500.

Две трети дозорных судов и тральщиков было сосредоточено на севере Шотландии и в Северном море. Сетевые дрифтеры почти целиком находились у Дувра, в западной части Канала (Western Channel) и в Ирландском море, охраняя коммуникационные пути армии и океанскую торговлю. Казалось, что старания противника направлены, главным образом, именно в этом направлении, но вскоре стало ясным, что планы его шире. Для новых немецких больших лодок Дуврские заграждения не составляли препятствий. К концу месяца не оставалось сомнений, что лодки могут проникать в Атлантический океан. Создавалась серьезная угроза 10-й крейсерской эскадре, на которой фактически держалась вся дальняя блокада Германии. Суда этой эскадры, базируясь

на Ливерпуль и Клайд, подвергались большой опасности, выходя в крейсерство или же возвращаясь с моря в порт для погрузки угля и переборки механизмов. Один из крейсеров — *Oropesa* — уже подвергся нападению подлодки у Skerryvore и надо было искать новой базы севернее.

Появление же лодок здесь не могло не тревожить и Джеллико, так как путь транспортов со снабжением для Гранд-Флита проходил вдоль западного побережья Ирландии. 28 апреля в этих водах был потоплен угольщик *Momible*, а на следующий день п/х *Cherbury*.

Район Гебридских островов (район I) еще не получил полного количества дозорных судов, и Джеллико просил спешно выслать туда двенадцать траулеров. В непродолжительном времени выяснилось, что подводные операции немцев быстро развиваются. 30 апреля у юго-западных берегов Ирландии погибли взорванные подлодкой русский пароход и наш угольщик. 1 мая у островов Спилли пострадало еще три парохода, при чем один американский нефтеналивной пароход *Gulflight*. Пароходу удалось благополучно добраться до берега, но капитан был убит. Первый случай нападения немецкой лодки на американское судно не мог не взволновать общественное мнение Америки и хотя никаких немедленных результатов он не вызвал, но зерно будущих осложнений было брошено.

Активность подводного противника заставляла реорганизовать систему охраны. Транспортам Гранд-Флита было приказано следовать Ирландским каналом и проходом Minch, но и это не избавляло их от опасности при выходе из Английского Канала. Слабым местом охраны западных вод являлся район XXI, включавший южное побережье Ирландии, расположенное при входе в Канал Св. Георгия.

Океанским пассажирским пароходам, постоянно здесь проходившим, приходилось полагаться, главным образом, на свою скорость и следовать инструкциям Адмиралтейства, которыми рекомендовалось по возможности не приближаться к порту назначения ранее рассвета и в опасных местах не следовать постоянным курсом, а итти зигзагами.

Пока еще не было ни одного случая нападания на океанские пассажирские пароходы, но когда в начале мая выяснилось, что район становится особенно опасным, возникло серьезное беспокойство за их судьбу и в частности за самый большой и быстроходный п/х *Lusitania*, приход которого в Куинстоун ожидался 7 мая. С началом войны *Lusitania* был взят в качестве вспомогательного крейсера, но затем, вследствие большого расхода угля, его возвратили владельцам—Компании Кюнард—и пароход успешно совершил пять рейсов в Америку и обратно.

На этот раз немцы открыто грозили утопить *Lusitania* и накануне его выхода из Нью-Иорка в американских газетах появилось сообщение, исходившее от германского правительства, в котором пассажиры предупреждались о грозящей опасности и им рекомендовалось отказаться от поездки. Количество лиц, взявших билеты, доходило до 1.250 человек, в том числе 159 американцев. Не верилось, чтобы немцы осмелились привести в исполнение угрозу, и никаких особых мер предосторожности принято не было.

Тем временем деятельность подводных лодок все усиливалась. 5 мая стало известно, что накануне подвергся неудачной атаке пароход у Fastnet, о чем сейчас же было дано знать на *Lusitania* и одновременно приказано было выслать дозор из Бирхавена для осмотра угрожаемого района. Вечером там же был взорван парусник, а в полдень 6 мая пароход. Несколько часов спустя подвергся той же участи в южной части Куинстоунского района еще один пароход. В течение дня поступило несколько донесений о лодках, замеченных по близости от Куинстоуна, и тревожные радио были переданы на все находящиеся в море пароходы, в том числе еще раз на *Lusitania* с предупреждением держаться по возможности дальше от берега. В дозоре находилось в это время лишь десять судов, базировавшихся на Куинстоун.

Утром 7 мая были получены новые сообщения о подлодках, замеченных наблюдательными постами на побережьи от Waterford до мыса Clear. В 11 ч. 25 м. *Lusitania* было послано новое радио как раз в тот момент, когда пароход входил в угрожаемую зону. Получив предыдущие сообщения, капитан проложил курс значительно мористее Fastnet и с 8 ч. утра шел уменьшенными ходами (18 узлов) с расчетом подойти к Ливерпулю с рассветом. Через несколько минут нашел густой туман; ход уменьшили еще на три узла и пустили в действие сирену. Около полдня горизонт очистился, и ход снова довели до 18 узлов. Одновременно слева по носу открылся берег, и капитан, не будучи вполне уверен в своем месте, уклонился несколько влево, чтобы определиться точнее. В момент поворота пароходная радиостанция приняла радио о лодках, замеченных утром у мыса Clear, который находился в тридцати милях позади. Опасность с этой стороны миновала и *Lusitania* продолжала итти новым курсом, пока в 1 ч. 40 м. с правой стороны не открылся мыс Old Head of Kinsale. Тогда капитан лег на старый курс, приблизительно в десяти милях от берега. Погода оставалась мглистой, море было совершенно спокойно. В 2 ч. 15 м. у борта раздался взрыв. С *Lusitania* никто не заметил торпеды, но след ее видел моторный катер, находившийся в дозоре у Kinsale. Вслед за первой

торпедой в кормовую часть немедленно попала вторая. Произошел второй взрыв, и гигантский пароход начал быстро крениться. В надежде подойти к берегу капитан сразу же положил руль, но спасения не было. Машины остановились, и через двадцать минут *Lusitania* с высоко поднятой кормой скрылся под водой.

Быстрота катастрофы и невозможность из-за сильного крена вываливать шлюпки повлекла за собой гибель большинства людей. С первым сигналом *S. O. S.* все находившиеся поблизости суда бросились к месту несчастья. Из 2.000 человек пассажиров и команды погибло 1.198 человек, в том числе множество женщин и детей. Свой небывалый по гнусности поступок немцы оправдывали тем, что на *Lusitania* находилось 5.000 ящиков ружейных патронов. В этом они были правы, но все же нахождение на пароходе патронов не давало никакого права уничтожить судно, переполненное мирными пассажирами. В дальнейшем немцы старались уверить, будто *Lusitania* была вооружена, что являлось безусловной неправдой.

Весь мир содрогнулся, узнав о новом преступлении германского правительства, и если Америка сразу же не объявила Германии войны, то лишь потому, что время к тому еще не подошло. О том, как отнеслось к нему английское общественное мнение, лучшей иллюстрацией служит тот факт, что приток добровольцев в армию и во флот немедленно усилился.

Гибель *Lusitania*, совпавшая с неудачей в Галлиполи, естественно, не могла не усилить чувства ответственности у тех лиц, на тяжелой обязанности которых лежало общее руководство военными действиями. К этому моменту положение в Дарданеллах оказалось на мертвой точке. Штаб морского командования в Дарданеллах полагал, что если эскадра бессильна преодолеть галлипольские полевые укрепления, то есть другой способ помочь сухопутным войскам. Произведенная реорганизация трального дела, как считал штаб, позволяла без предварительного подавления турецких батарей форсировать пролив. Де-Робек не разделял взглядов своего штаба, считая, что риск не оправдывается обстановкой. Наблюдая высокую стойкость турецких войск, дух которых после первых же успехов, несомненно, очень поднялся, он находил, что присутствие эскадры в Мраморном море все-равно не поможет преодолеть сопротивление противника на полуострове. Вслед за прорывом, пролив окажется закрытым, и невозможность посылки к эскадре транспортов с необходимым снабжением и боевыми запасами приведет к катастрофе.

10 мая адмирал Де-Робек в этом смысле телеграфировал в Лондон. Адмиралтейство, со своей стороны, также не могло

согласиться на новую попытку форсировать Дарданеллы, так как, помимо опасений адмирала, было связано другими соображениями, препятствующими осуществлению смелого проекта штаба. Одним из них являлись отношения союзников с Италией. Эти отнонения не только не способствовали облегчению бремени Дарданелльской операции, а, наоборот, усложняли дело. После длительных переговоров, вращавшихся, главным образом, вокруг передачи Италии Далматийского побережья с окружающими его островами, Британскому Кабинету было поручено разработать компромиссное решение вопроса. 14 апреля наше предложение было принято и 26 апреля состоялось соглашение, по которому Италия обязывалась через месяц объявить войну Австрии. На усиление помощи для Дарданелл не приходилось рассчитывать. Россия противилась операциям Италии против турецкой территории, сама же Италия естественно склонялась к тому, чтобы сосредоточить свои усилия в Трентино и Адриатике. Соглашение предусматривало морскую конвенцию между Францией, Италией и Великобританией, условия которой должны были быть выработаны на морской конференции в Париже.

Инструкции, полученные нашим делегатом адм. Джаксоном, в своей основе базировались на меморандум, составленный первым морским лордом Фишером в тот день, когда Италией было принято наше предложение относительно Далмации, т.-е. за две недели до начала высадки в Дарданеллах. Меморандум предусматривал создание итальянской Адриатической эскадры под флагом герцога Абруццкого, в состав которой входили четыре французских линейных корабля с флотилией миноносцев.

После открытия Дарданелл и Босфора, к эскадре должны были присоединиться четыре английских линейных корабля, также с флотилией миноносцев. Однако, с первых же шагов выяснились крупные затруднения. План, представленный Италией, был целиком основан на непосредственной поддержке союзной эскадрой наступления итальянской армии на северном побережьи Адриатики. Поэтому итальянские делегаты настаивали на том, чтобы эскадра была разделена на два отряда, из которых один должен был итти на север поддерживать правый фланг их армии, а другой прикрывать базу в Бриндизи. При разрешении вопроса о командовании конференция сразу попала в тупик. По причинам политическим и моральным как Италия, так и Франция не считали возможным уступить; общественное мнение в обеих странах никогда не согласилось бы с фактом подчинения своих морских сил иностранному адмиралу. Найти выход из положения было предоставлено представителям Англии. Наличие серьезных возражений стратегического ха-

рактера против итальянского плана давало возможность найти компромисс. Операции крупных судов на севере Адриатического моря в самой узкой его части, в тесном соседстве с главной базой противника, являлись равносильными самоубийству. Наши делегаты считали совершенно достаточным ограничиться посылкой туда подлодок и миноносцев и предлагали для поддержки этих флотилий образовать эскадру крейсеров, поручив командование ею герцогу Абруццкому. Эта эскадра должна была оставаться в Адриатическом море. Французской же эскадре, состоящей из линейных кораблей, вменялось в обязанность нести блокаду Отрантского пролива и служить поддержкой эскадре герцога Абруццкого.

Такое предложение отдавало в руки итальянского флота наиболее активные функции, но итальянские делегаты на него не согласились. Они настаивали на сохранении двух отдельных эскадр с неподчиненными друг другу флагманами, причем желали, чтобы итальянская эскадра оперировала к северу от Отрантского пролива, а французская—к югу. В случае соединенных действий, общее командование переходило к тому адмиралу, в районе которого происходит операция. Предложение подобного „переменного" командования явно не выдерживало критики. Кроме того, приходилось считаться с фактом, что без помощи союзников итальянский флот сам по себе не в силах оказывать содействия своей армии и в то же время охранять побережье и торговое мореплавание. Французы не отказывались дать флотилию миноносцев, но не соглашались отдать под командование иностранного адмирала свои большие корабли. Ни та, ни другая сторона не обнаруживали признаков готовности пойти на уступки, и выход из положения оставался только один. Он, несомненно, сильно менял наши планы, но интересы Англии в Средиземном море были слишком велики, чтобы не пойти на жертву. Наше предложение сводилось к тому, чтобы предоставить в распоряжение герцога Абруццкого четыре линейных корабля и четыре легких крейсера из состава Дарданелльской эскадры при условии, что Франция пошлет им на замену равное количество крейсеров. Французы выразили на это согласие, обещая при первой возможности довести число своих линейных кораблей в Дарданеллах до шести. Помимо этого, французы обещали усилить итальянскую эскадру двенадцатью миноносцами, а также подлодками и тральщиками в количестве, которое их главнокомандующий флотом найдет возможным уделить.

Таким образом, разработанный проект соглашения предусматривал образование двух самостоятельных эскадр, но при условии координирования их действий. 10 мая, в день получения Адмиралтейством телеграммы Де-Робека, в кото-

рой он указывал на нежелательность повторения попытки форсировать Дарданеллы, конвенция была подписана.

Необходимость примирить противоречивые интересы наших союзников привела к распылению сил в Средиземном море.

Боевой флот Австрии составляли три, быть может, четыре дредноута, шесть линейных кораблей, два броненосных и шесть легких крейсеров, из которых только четыре были современного типа. Против него итальянцы могли выставить четыре или пять дредноутов, пять линейных кораблей, семь крейсеров (5 из них имели 10″ орудия) и пять легких крейсеров, при чем в ближайшем будущем ожидалось вступление в строй еще двух легких крейсеров. Французы, если не считать недохватка в легких крейсерах, были еще сильнее.

С чисто стратегической и тактической точек зрения, назначение наших судов в распоряжение итальянского командования, надо думать, являлось нецелесообразным. Однако, не одна только обстановка в Адриатике повлияла на решение Адмиралтейства относительно Дарданелл, были и другие причины, не считаться с которыми правительство не могло.

Бои на Ипре, последовавшие после первой германской газовой атаки, замирали. Мы понесли тяжелые потери и уступили значительную часть территории, захват которой в свое время потребовал столь крупных жертв. Кроме того, мы втянулись на фронте в новую длительную операцию.

С целью ослабить нажим немцев на Россию, французы начали наступление у Артуа, мы же, поддерживая их, пытались наступать на Лилль. Немцы оказали сильнейшее сопротивление, которое не оставляло сомнений, что надежды на то, что противник выдохся после своих последних колоссальных усилий, надо окончательно бросить.

Атака высоты Aubers Ridge, послужившая началом наступления 9 мая, показала, насколько немцы успели усовершенствовать систему своих оборонительных сооружений, против которых мы почти ничего не могли сделать. Все это в связи с неудачей в Галлиполи и с полным неуспехом нашего наступления во Фландрии убедило в безнадежности прорыва германского фронта и операции волей неволей сводились к тому, чтобы сколько нибудь поддержать наступление французов. Поэтому высшее сухопутное командование в Англии пришло к бесповоротному решению о необходимости перейти на главном театре исключительно к обороне.

Весь опыт прошлого учил, что настал момент использовать на второстепенном театре излишек сухопутных войск, но сухопутное командование считало, что такого излишка не существует. Потери, понесенные в последних боях, были

очень велики и командование тревожилось не только за целость нашего фронта во Франции, но и за безопасность побережья Англии.

Как всегда бывало в таких случаях, когда британское оружие терпело неудачи на континенте, воскрес призрак вторжения.

Первоочередные территориальные части почти все находились во Франции, за исключением нескольких дивизий, из которых одна уже получила приказание готовиться к отправке в Дарданеллы. Второочередные—выделяли маршевые роты и не могли считаться боеспособными. Правда, в Англии оставались части, составлявшие так называемую новую армию, но их держали в качестве стратегического резерва на случай, если немцы, удовлетворясь успехами на восточном фронте, перебросят свои силы на западный.

Призрак вторжения настолько волновал военно-сухопутные круги, что среди них стало расти недовольство системой развертывания флота в Северном море и раздаваться голоса, настаивающие на том, чтобы Адмиралтейством были приняты новые меры безопасности. Для руководителей флота подобная позиция их сухопутных коллег являлась совершенно непонятной. Механизм войны со времен парусного флота изменился, но именно эти то перемены и говорили за то, что Адмиралтейство стоит на верном пути. Опыт текущей войны только подтверждал правильность принятых мер. Два набега неприятельских крейсеров на побережье Англии с очевидностью показали, что развертывание нашего флота в Северном море гарантирует невозможность даже самым быстроходным силам неприятеля избежать боя раз только они хотя бы на час-другой задержатся у побережья.

Теперь это положение еще более упрочилось. На Ферт-оф-Форт базировались десять линейных кораблей 3-ей эскадры, восемь линейных крейсеров адмирала Битти (девятый в ближайшем будущем вступал в строй), 3-я крейсерская эскадра и три эскадры легких крейсеров с 1-ой флотилией миноносцев. В Скапа стояли остальные три эскадры линейных кораблей, 1-я, 2-я и 7-я крейсерские эскадры, а также 2-я и 4-я флотилии миноносцев. Кроме того линейный корабль типа Queen Elisabeth — *Warspite* заканчивал опытные стрельбы и должен был в самом непродолжительном времени присоединиться к Гранд-Флиту.

Однако, и среди моряков существовал взгляд, что при существующем положении вещей нельзя полагаться исключительно на флот. Разведочные операции крейсеров были до известной степени ограничены подводной опасностью, а, следовательно, своевременное установление связи с неприятелем представляло более трудную задачу, чем в былые

времена. Повидимому, эти обстоятельства и сыграли решающую роль в вопросе использования сухопутных резервов. Отправление их на второстепенный театр было признано невозможным, и они были сосредоточены в районе Кембриджа, составляя оборонительную армию Англии. В то же время не все сухопутные авторитеты соглашались с правильностью этого решения, считая подобную предосторожность излишней и противоречащей тому благоразумному риску, который неизбежно связан с ведением войны. Если германские подводные лодки ограничивали поле действий английских крейсеров, то английские лодки для германского высшего командования, не знакомого с делом перевозки войск морем, являлись фактором гораздо более опасным. Наш собственный опыт после первого появления неприятельских лодок в Дарданеллах, когда пришлось спешно уводить транспорты, только подтверждал эту истину. Сухопутные начальники, свидетели этих событий, утверждали, что надо раз навсегда позабыть о возможности высадки на побережье Англии мало-мальски серьезных десантных сил неприятеля.

Тем не менее, в Англии беспокойство продолжало существовать попрежнему. Начиная с зимы опасения не прекращались, оказывая свое влияние на развертывание флота. После боя у Доггер-банки, за которым последовала смена Ингеноля и замена его фон-Полем, опасения, под влиянием сведений о новых признаках активности Флота Открытого моря, увеличились.

Адмирал Поль, занимавший до того должность начальника морского генерального штаба, являлся творцом того плана кампании, о котором он впоследствии поведал в своих мемуарах и который сводился к тому, чтобы не рисковать флотом в широких наступательных операциях. Даже попытка помешать перевозке английских войск во Францию и та была запрещена. Флот должен был оставаться в состоянии *fleet in being*, при чем ему ставились две задачи: первая—оборонительная, вторая—в некотором роде наступательная. Первая заключалась в том, чтобы предупредить возможность десантной операции на германскую территорию; вторая же—сводилась к тому, чтобы, уклоняясь от эскадренного боя с Гранд-Флитом в открытом море, держать последний в напряженном состоянии, пока общественное мнение Англии, возмущенное кажущейся бездеятельностью своего флота, не заставит Гранд-Флит в поисках врага войти в опасные германские воды, где потери его несомненно будут большие, а германскому флоту обеспечен более верный успех. [1]) Впоследствии план был несколько изменен и линейные немецкие крейсера получили право на более ши-

[1]) Minutes and Letters, by Admiral von Pohl, August 8. 1914.

рокие операции; после боя у Доггер-банки вопрос вновь подвергся пересмотру.

Вступив в командование флотом фон Поль решил в точности придерживаться своего первоначального плана и деятельность Флота Открытого моря свелась к случайным выходам в Гельголандскую бухту, в надежде, что противник полезет в ту западню, которая его малоопытному взору представляется столь ловко задуманной.

В феврале и марте немцы, повидимому, только два раза выходили к Гельголанду, считая апрель и май более подходящими месяцами. Адмиралтейство придерживалось того же мнения и Джеллико получил приказание произвести тактические упражнения в Северном море и одновременно выставить минное заграждение на норд-вест от Гельголанда.

Операция постановки началась в ночь с 8 на 9 мая с вновь оборудованных под заградители пассажирских пароходов *Princess Margaret* и *Princess Irene*, под прикрытием крейсера *Aurora* и двух дивизионов миноносцев из Гарвича, и закончилась две ночи спустя постановкой добавочных мин с заградителя *Orvieto* под прикрытием лидера *Broke* с шестью миноносцами из Скапа. В течение апреля и мая Гранд-Флит совершил четыре похода. Каждый поход проходил по самостоятельному заранее разработанному плану, но в общем все они сводились к следующему: 3-я линейная эскадра и линейные крейсера выходили на линию, соединяющую их базу—Ферт-оф-Форт со Скагерраком, и оставались там в дозоре, до присоединения к ним остальных частей Гранд-Флита. Одновременно отряд Тирвита высылался на позицию между Tershhelling и Broad Fourteens в готовности принять участие в бою или же воспрепятствовать десантной операции на побережье, что все-таки продолжали считать возможным с одновременной демонстрацией германского линейного флота на севере, якобы с целью принять эскадренный бой.

После сосредоточения Гранд-Флит следовал к Гельголандской бухте, подходя к ней на такое расстояние, которое не могло сыграть в пользу врага и затем возвращался. Обычно поход занимал от трех до четырех суток, но неприятель ни разу не показывался, так как, видимо, не отходил от укреплений Гельголанда далее 120 миль.

В качестве компенсации бездеятельности главных сил своего флота противник естественно развивал усиленное применение методов „малой войны“, в надежде вызвать выступление с нашей стороны. Во всяком случае бой на Доггер-банке и набег на Скарборо, когда немцы были на волосок от гибели, научили их тому, что будет благоразумнее ограничить свои наступательные действия операциями минных флотилий и других второстепенных сил.

К концу апреля с их стороны состоялись новые выступления в этом направлении в виде операций, разработанных специально для небольших миноносцев, выстроенных в Гамбурге и отправленных в разобранном виде в Антверпен. [1]) Миноносцы эти входили в состав „Фландрской“ подводной флотилии, базировавшейся на Зеебрюгге и должны были действовать против наших вооруженных траулеров сторожившихся неприятельские подлодки на подходах к Английскому Каналу. Первый выход новых миноносцев состоялся в мае, когда два из них *A-2* и *A-6* были высланы в море на разведку—нет ли по близости английских миноносцев. В это же время четыре наших траулера были отправлены к маяку North Hinder на поиски немецкой лодки, замеченной накануне в этом районе. Два старых миноносца из Nore находились в дозоре у маяка Galloper, в тридцати милях на зюйд-вест от North Hinder. В 11 ч. 20 м. утра в один из них, *Recruit*, с неизвестного направления попала торпеда и миноносец, разрезанный пополам, мгновенно затонул. Четыре офицера и двадцать два матроса были подняты с воды проходившим голландским пароходом. Лодка же, выпустившая торпеду,—из числа новых „UB“—ушла, избежав преследования м-ца *Brazen*'а и одного траулера. В тот же час, повидимому, также одной из лодок типа „UB“ была выпущена торпеда в траулер *Columbia*, но не попала, и траулеры продолжали свою работу, пока в 3 ч. дня не показались *A-2* и *A-6*. Миноносцы немедленно пошли в атаку, выпустив сразу четыре торпеды. Попала, однако, только одна, потопившая *Columbia*. Миноносцы открыли огонь, поддерживая его без всякого успеха в течение двадцати минут, после чего неожиданно полным ходом бросились уходить. Оказалось, что появился дивизион Гарвичской флотилии, высланный Тирвитом как только стало известно о гибели *Recruit*'а. Попытки противника уйти в голландские территориальные воды или укрыться за собственными минными заграждениями не удались и через час *A-2* и *A-6* закончили свое существование.

Несколько дней спустя, когда потребовалась помощь на бельгийском побережьи, немцам посчастливилось вознаградить себя за эту потерю. Л. к. *Venerable* получил приказание готовиться итти обстрелять беспокойные батареи, а Дуврские миноносцы *Maori* и *Crusader* были посланы произвести разведку и поставить для *Venerable* буйки.

7 мая *Maori* взорвался на мине, при чем *Crusader* не смог из-за сильнейшего обстрела с берега принять севших на шлюпку людей.

---

[1]) Тип «А». Восемь миноносцев в 100 тонн. Ход 20 узлов, одно 4-фунтовое орудие и два 18″ торпедных аппарата. Окончены постройкой в 1915 г.

10 мая *Venerable* пытался нащупать батареи, обстреливавшие Дюнкерк, но не достиг никаких результатов, так как огонь батарей на дал ему возможности стать на якорь. 15 мая последовало распоряжение об уходе его в Дарданеллы.

Борьба с активностью противника, проявленной им в южной части Северного моря, сопровождалась исключительными затруднениями. Увеличение района деятельности германских подлодок привело к значительному ослаблению Гарвичских сил, так как часть миноносцев потребовалась для конвойной службы на западных подходах к Каналу. Со времени гибели *Lusitania* этот район кишел подводными лодками, постоянно появляющимися даже в Бристольском Канале.

Не говоря уже о необходимости охраны торгового мореплавания, на западе брали свое начало наши Средиземноморские коммуникационные пути, что представлялось исключительно важным в связи с Дарданелльскими операциями. Миноносцы, поглощенные почти беспрерывной охотой за подлодками и конвоированием транспортов с войсками и боевыми припасами, буквально выбивались из сил. Помимо конвоирования транспортов миноносцам приходилось нести охрану судов Гранд-Флита, следовавших для ввода в док и ремонта или возвращающихся обратно в свои базы.

Но не одни только измученные миноносцы ощущали тяжесть возрастающих военно-сухопутных потребностей. Суда „Вспомогательного" патруля тоже были привлечены к конвойной службе и это обстоятельство лишь облегчило противнику применение в Северном море методов „малой войны". В районе Хумбера появились новые минные банки, при чем заградительные операции сопровождались нападением на отряды рыбаков. В воздухе неприятель проявлял не меньшую, чем под водой, активность, вынуждая Гарвичские крейсера с остатками миноносцев выходить в море для наблюдения за цеппелинами, пока в Хумбере не была сформирована специальная эскадра.

Напряженность обстановки в отечественных водах никогда не прекращалась и проблема борьбы с явлениями „малой войны" оставалась все в том же положении. В середине мая между Ферт-оф-Форт и Нор, не считая судов „Вспомогательного" патруля, находилось тридцать подводных лодок, две флотилии охранных миноносцев (прибрежных) и две флотилии дозорных миноносцев, общее количество которых достигало пятидесяти. Кроме того, подводные лодки и миноносцы имелись в Гарвиче, а на Розайт и Кромарти базировались три флотилии миноносцев Гранд-Флита. Тем не менее всего этого было мало. Заказанные 6 сентября 1914 года двадцать миноносцев типа „M" еще не были го-

товы. Вслед за типом „М“ вступали в строй тридцать миноносцев, заказанные Фишером в ноябре, но пока вся система обороны была еще недостаточна для успешной борьбы с немецкими подводными лодками и заградителями. Вопрос об установлении своевременной связи с силами противника, вышедшего в набег на побережье, остался, как и раньше, открытым.

Фактически положение было менее серьезным, чем представлялось тогда. Северное море было настолько насыщено минами, что оставалось лишь несколько свободных проходов [1]). Поэтому если бы десанту противника, сопровождаемому отрядом судов, и удалось благополучно обойти все препятствия, он смог бы высадить лишь самые незначительные силы. Не могло быть и речи о выгрузке орудий и боевого снабжения, необходимого для длительных военных действий, не говоря уже о том, что прорвавшийся противник сразу же и навсегда оказывался отрезанным от тыла. При таких обстоятельствах Адмиралтейство не могло серьезно считаться с опасениями десанта и Кабинет министров разделял его взгляды.

Но военно-сухопутные круги не соглашались с такой точкой зрения и высшие сухопутные руководители продолжали настаивать на усилении мер предосторожности в Северном море. Поэтому делалось все возможное, чтобы ускорить вступление в строй новых миноносцев и подлодок и увеличить число боевых единиц Гранд-Флита.

Ввиду того, что около этого времени появились сведения о возможности выхода Флота Открытого моря, состав которого должен был увеличиться новыми весьма сильными единицами, Адмиралтейство решило отозвать из Дарданелл *Queen Elisabeth*. Поэтому 12 мая Де-Робек получил приказание немедленно выслать в Англию *Queen Elisabeth*, на замену которого отправлялись *Venerable* и *Exmouth*. В конце месяца в Дарданеллы должны были уйти также и два новых монитора—*Abercrombie* и *Roberts*, снабженные противоминными утолщениями и вооруженные двумя 14″ орудиями каждый. Одновременно Де-Робек извещался о состоявшейся конвенции с Италией и ему предписывалось по прибытии французских кораблей отправить по новому назначению эскадру под флагом Терсби в составе линейных кораблей *Queen*, *Implacable*, *London* и *Prince of Wales* и четырех легких крей-

---

[1]) Гайер во II томе своего труда указывает, что выходы Флота Открытого моря в течение этого периода имели целью постановку мин в открытом море, дабы заманить на них Гранд-Флит. Но местонахождение минных банок очень быстро устанавливалось нашими рыбаками и попытки в этом направлении были скоро оставлены тем более, что мины сильно мешали операциям подводных лодок. Кроме того, он утверждает, что многие районы, объявленные нами опасными, были не заминированы.

серов. Крейсерам *Cornwall* и *Chatham*, оперировавшим в реке Rufidji против *Кенигсберга*, было послано приказание итти немедленно в Дарданеллы.

Средство, избранное для упрочения нашего положения в Северном море, не встретило сочувствия со стороны высшего сухопутного командования. Хотя факт предстоящего прихода в английские воды *Queen Elisabeth* должен был умерить беспокойство сухопутных начальников, однако, они горячо протестовали против отозвания этого корабля из Дарданелл. Только что состоялось решение об отправке Гамильтону 52-й территориальной дивизии, а также тысячи человек маршевых пополнений для XXIX дивизии, и распоряжение Адмиралтейства рассматривалось в качестве акта едва ли не равносильного предательству. Возражая Адмиралтейству, сухопутное командование указывало, что отозвание из Дарданелл самого сильного корабля не только угнетающе отзовется на духе войск, но произведет весьма нежелательное впечатление во всем мусульманском мире. Кроме того указывалось, что согласие на участие сухопутных войск в Дарданелльской операции последовало в значительной степени именно потому, что было обещано участие в операции *Queen Elisabeth*, на мощную поддержку которого Адмиралтейство возлагало такие надежды. Адмиралтейство, конечно, не могло согласиться с подобной постановкой вопроса. *Queen Elisabeth* был послан в то время, когда операция была чисто морской, теперь же, когда действия в Дарданеллах принимали характер, главным образом, сухопутный, *Queen Elisabeth* смело мог быть заменен менее сильными линейными кораблями и мониторами, тем более, что его присутствие в Северном море было гораздо важнее, чем у берегов Галлиполи.

Не отрицая очевидной нежелательности подобных разногласий, приходится все же признать, что обстановка всей войны на море давала право Адмиралтейству не соглашаться на новую попытку прорыва в Дарданеллах. Среди непосредственных участников Дарданелльской операции также не было единства взглядов по этому вопросу; многие считали, что даже успешный прорыв флота не поможет сухопутным войскам разрешить стоящую перед ними задачу и что риск операции не оправдывается могущими последовать результатами. Подводная опасность с каждым днем усиливалась. К этому времени не оставалось никаких сомнений, что не менее трех немецких лодок направляется в восточную часть Средиземного моря. Одна уже миновала Мальту и 11 мая была безуспешно атакована французским миноносцем у юго-западной оконечности Сицилии.

Сообщение еще об одной лодке поступило из Бизерты и Де-Робеку было немедленно послано приказание принять

соответствующие меры предосторожности. Но они фактически уже были приняты. На Мудросе была организована противолодочная оборона, все транспорты были сосредоточены там, а войска доставлялись на Галлиполи миноносцами и тральщиками. Кроме того, была реорганизована и дозорная служба. Крейсер *Doris* с двумя миноносцами был послан тщательно осмотреть все места возможных стоянок немецких подлодок по побережью к югу от Смирнского залива, одна наша лодка сторожила Смирну, а англо-французский отряд из четырех тральщиков и четырех подлодок охранял проходы к востоку и западу от Микони, при входе во внутреннюю часть Егейского моря. У мыса Матапана находился дозор французских миноносцев, получивших приказание обыскать те пункты побережья, на которые разведка указывала ранее, как на места секретных складов горючего. Однако, новая опасность дала себя знать гораздо раньше.

Это произошло в ночь после удачного для нас дела гурков на левом фланге. Сильный нажим турок на правом фланге, где французы продолжали занимать позиции на р. Керевец, побудил генерал Д'Амад просить поддержки с моря, в виду чего к правому флангу каждый вечер высылались два линейных корабля. В ночь с 12-го на 13 мая для этой цели были посланы линейные корабли *Goliath* и *Cornwallis*, занявшие позиции в бухте Морто. У побережья севернее батареи Де-Тотт несли дозор миноносцы *Beagle* и *Bulldog*, а два других м-ца этого дивизиона *Wolverine* и *Scorpion* держались на противоположной стороне в бухте Эрен-Киой. Ночь была безлунная, тихая и очень темная, около полночи с азиатского берега нашел туман, совершенно затянувший пролив. Состояние погоды давало идеальные условия для торпедной атаки, в виду чего последовало приказание всячески усилить бдительность тем более, что было замечено, что турецкие прожекторы, за исключением расположенных в самой глубине пролива, прекратили освещение.

В эту самую ночь германский кап.-лейт. Фирле испросил разрешения попытаться подавить фланговый огонь британских судов, столь беспокоивший турецкие войска у р. Керевец. Разрешение было получено и с заходом солнца турецкий миноносец *Муаванет-и-Милиет*, под командой Фирле, снялся с якоря и пошел вниз по проливу [1]). Идя самым малым ходом и придерживаясь обрывистого европейского

---

[1]) ***Муаванет-и-Милиет*** построен 1909 г. Водоизмещение 600 тонн. Скорость 33 узла. Два торпедных аппарата. Этот миноносец под командой того же Фирле совместно с миноносцем ***Гайрет*** произвел 29 октября 1914 г. нападение на Одессу, где во внутренней гавани ими была утоплена торпедой кан. лодка ***Донец***. Ред.

берега, насколько только позволяла глубина, миноносец в 1 ч. ночи благополучно миновал *Beagle* и *Bulldog*'а и, не замеченный ими в тумане, в скором времени обнаружил стоящие на якоре оба линейных корабля. В 1 ч. 15 м., когда *Муаванет* пробирался под мысом Эски-Хисарлик, с мостика *Goliath*'а его заметили. На сделанный опознательный, миноносец ответил каким-то сигналом и полным ходом бросился вперед. *Goliath* немедленно открыл огонь, но прежде чем успел сделать три залпа в него попала торпеда, взорвавшаяся под передней башней. Почти мгновенно вторая торпеда ударила у носовой дымовой трубы. Корабль начал сразу валиться на левый борт, и в тот момент, когда он почти совсем лежал на боку, третья торпеда, попавшая под кормовой башней, его прикончила. Попадания торпед следовали одно за другим с такой быстротой, что раньше, чем находившиеся внизу люди успели выскочить на палубу, *Goliath* перевернулся и, продержавшись несколько минут на поверхности вверх дном, скрылся под водой. Неприятель исчез в темноте бесследно; почти сейчас же спешившие на помощь суда приняли посылаемые из пролива торжествующие радио: „Попали три торпеды“. „Утоплен, утоплен“... „Британский линейный корабль затонул“. Радио было сделано около 3 часов ночи и миноносцы *Wolwerine* и *Scorpion*, полным ходом бросились к мысу Кефец в надежде отрезать противника. Несмотря на тяжелый обстрел с берега миноносцы долго оставались у Кефеца, но безрезультатно. Спасение команды *Goliath*'а сильно затруднялось полной темнотой и сильным течением: из 750 человек экипажа погибло 570. Таковы были последние известия из Дарданелл в тот самый день, когда в Лондоне собрался Военный Совет для решения вопроса о том, какую форму должна принять операция, которая в случае ее продолжения до решительных результатов возлагает на Совет обязательство гораздо большее, чем предполагалось первоначально.

С 19 марта после неудачной атаки узкости флотом, когда состоялось решение приступить в Дарданеллах к совместной операции флота и армии, Совет не собирался.

Такому длительному перерыву имелись прецеденты в прошлом. В течение всех войн XVIII столетия практиковалась система, по которой Кабинет, дав санкцию на начало кампании, предоставлял ее ведение своим главным членам — руководителям Адмиралтейства и военного министерства и не вмешивался в дела, пока не подымался какой-либо крупный политический вопрос, связанный с отношениями с союзниками [1]).

---

[1]) Отчет Дарданелльской Комиссии, стр. 23.

Как раз подобное положение создалось теперь. На состоявшемся 14 мая заседании Совета выяснилось, что разность взглядов сухопутных и морских представителей не только не уменьшилась, но осталась столь же острой, как и раньше. Адмиралтейство уже уведомило Де-Робека, что мысль о прорыве флота должна быть оставлена. Оно всегда рассматривало прорыв лишь как вынужденную операцию и никогда не согласилось бы на самостоятельное форсирование пролива флотом, если бы знало, что через три месяца найдутся свободные сто тысяч штыков. В данное же время при наличии новых обстоятельств—итальянской конвенции и необходимости усилить состав Гранд-Флита — не могло быть и речи о возобновлении этой попытки. Операции в Дарданеллах сводились, главным образом, к действиям сухопутных войск и поэтому приходилось считаться с фактом необходимости помощи не армией флоту, а, наоборот. Поэтому морские силы, собранные в водах Галлиполи, не только не могли считаться слабее тех, которые находились там раньше, но напротив—были сильнее и более удовлетворяли новой обстановке. Военно-сухопутные авторитеты сильно в этом сомневались, указывая на то, что в свое время надежда на удачный прорыв флота возлагалась на мощность артиллерии *Queen Elisabeth*. На успешность чисто сухопутной операции они не надеялись. Не отказывая в дальнейшей посылке на Галлиполи маршевых пополнений, а также подкреплений, обещанных ранее, руководители армии считали, что с наличными силами Гамильтон не сможет овладеть укрепленной позицией Килид-Бахр. Обстановка же на главном театре, а также нужды обороны Англии, не позволяли усилить экспедиционный корпус.

Оценка положения, высказанная в Совете представителями флота и армии, указывала на три решения вопроса: прекратить операцию немедленно, вновь пробовать прорваться или же начать осаду. Проведение в жизнь первого решения вряд ли было возможным, второго—тем более, что же касается третьего, то и на нем нельзя было окончательно остановиться, пока не было известно, какие силы необходимы для доведения осады до успешного конца. Выслушав мнение руководителей Адмиралтейства и военного министерства о степени вероятности немецкого вторжения на британские острова, Кабинет был склонен дать войска из состава частей, выделенных для обороны Англии. Но положение фронта союзников на главном театре не могло не вызывать его сомнений и в результате прений, состоялось постановление запросить Гамильтона—какое количество войск ему необходимо для осадных операций.

К сожалению, разногласия не ограничились спором между Адмиралтейством и военным министерством. Прения в Воен-

ном Совете привели к еще большему обострению разногласий, давно существовавших в самом Адмиралтействе. Когда лорд Фишер впервые поддержал идею укрепления положения союзников посредством открытия Дарданелл и Босфора, он предлагал сделать это при помощи соединенной операции, но обязательно крупными силами армии и флота, и сделать это быстро и решительно. Экспедицию представлялось возможным закончить еще до окончания подготовительных работ, связанных с наступательными планами в Северном море и Балтике. На Дарданелльскую операцию в той форме, в которую она вылилась, Фишер согласился против своего желания и как только политическое положение на Балканах и невозможность уделить достаточно большие сухопутные силы показали, что нанести сразу сокрушительный удар не удастся, он категорически восстал против операции. Он считал, что операция, предпринятая с негодными средствами, затянется, будет сопровождаться тяжелыми потерями и приведет к тому, что в нужный момент мы окажемся поглощенными такими обязательствами, которые лишат нас возможности наступательных действий в Северном море, единственно где, по его мнению, могла быстро решиться судьба кампании. С первого дня своего вступления в должность первого морского лорда он все свои знания и необычайную энергию почти целиком вложил в дело подготовки этого наступления, увлекая всех подчиненных от первого до последнего. Разработанная им программа постройки специально спроектированных судов выполнялась с небывалой быстротой. Тем временем в Дарданеллах обстановка складывалась далеко неблагоприятно, и Фишер, убеждаясь в правоте своих опасений, все более резко и настойчиво высказывал свое отрицательное к ней отношение. Теперь же, когда Военный Совет не признал возможным прекратить операцию, которая отныне принимала длительную форму сухопутной операции, он ясно видел обреченность судьбы разработанного им плана, подтверждение чему было получено им в тот же вечер. Идя навстречу сухопутному командованию и с целью избежать нежелательного впечатления, которое может произвести в Дарданеллах отозвание *Queen Elisabeth*, первый лорд Адмиралтейства Черчилль отдал распоряжение об отправке туда всех новых мониторов. Без этих судов намечавшееся планом Фишера наступление в германские воды, не могло состояться; протестовать же против подобной меры, при состоявшемся решении правительства продолжать Дарданелльскую операцию, было невозможно. Таким образом, единственный по мнению Фишера план, могущий привести к быстрому окончанию кампании, откладывался на неопрделенное время. Не чувствуя себя в силах нести

дальнейшую ответственность за ведение войны, Фишер на следующее утро подал в отставку.

Потеря в критическую минуту такого человека, как Фишер, облеченного доверием большей части населения Англии, не могло не отразиться на состоянии общественного мнения, и без того угнетенного последними неудачами. Для большинства страны он олицетворял старый морской боевой дух и был тем лицом, имя которого неразрывно связывалось с организацией и стратегическим развертыванием британского флота, в результате которых главные силы германского флота оказались парализованными. Он же являлся творцом плана, положившего конец эскадре Шпее. Уход Фишера послужил поводом к дальнейшим переменам. Через несколько дней покинул свой пост и Черчилль, чья не менее настойчивая энергия столь помогла Фишеру в дни, предшествовавшие началу войны, осуществить все, что считалось им необходимым.

Итак, события, вытекшие из допущенного в свое время пропуска *Гебена* из Средиземного моря в Турцию, привели теперь к потере двух лиц, деятельность которых, главным образом, и обеспечила флоту его боевую готовность к моменту начала военных действий.

Перемены не ограничились выходом в отставку только руководителей флота. Как всегда бывает, отсутствие жадно ожидавшихся по первоначалу военных успехов вызвало общее недовольство результатами войны. С ростом этого недовольства падала и вера в правительство. Пять дней спустя после ухода Фишера, лидеры партий, собравшись на заседание, уже обсуждали вопрос об образовании коалиционного министерства.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Схемы и карты.

③
ДАРДАНЕЛЛЫ
и
АТАКА УЗКОСТИ
18го Марта 1915 г.
Масштаб в милях
Чанак Кале
IRRESISTIBLE
OCEAN
GAULOIS
VENGEANCE
CHARLEMAGNE
IRRESISTIBLE
BOUVET
ALBION
SUFFREN
OCEAN
TRIUMPH
SWIFTSURE
ВНЕШНИЕ УКРЕПЛЕНИЯ
ВНУТРЕННИЕ УКРЕПЛЕНИЯ
ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ УКРЕПЛЕНИЯ
Прожектор
2630

ВОСТОЧНАЯ ЧАСТЬ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ

